

Анатолий Корольченко Атаман Платов

Историческое повествование

О ГЕРОЕ ЭТОЙ КНИГИ

В историю русской боевой славы М. И. Платов вошел как выдающийся военачальник и герой Отечественной войны 1812 года. Особенно ярко раскрылся военный талант этого замечательного сына донских степей в суровую годину борьбы с наполеоновским нашествием на нашу страну. Имя М. И. Платова, возглавившего отважные казачьи полки, стало широко известным не только в России, но и во всей Европе. К тому времени за плечами М. И. Платова было более сорока лет ратной службы. Этот большой путь отмечен многими славными боевыми делами, изумительным личным героизмом и непоколебимой верностью воинскому долгу.

Книга А. Ф. Корольченко охватывает всю жизнь М. И. Платова, которая началась в г. Черкасске, тогдашнем центре Донской казачьей области, и закончилась на родной донской земле спустя 67 лет.

Мальчишкой он заслушивался рассказами о военных подвигах казаков, участвовал в военных играх казаков-малолеток. Семнадцатилетний урядник казачьего полка Матвей Платов отличился в боевой схватке с турками, после которой вскоре получил в командование казачью сотню и первое свое офицерское звание — есаула. В двадцать лет войсковой старшина Платов командовал казачьим полком и вновь проявил себя в боях с турками на Кубанской земле. Важной вехой в жизни отважного казачьего командира явилась его боевая служба под командованием великого русского полководца А. В. Суворова во время русско-турецкой войны 1788–1790 гг. Еще раньше М. И. Платов стал верным последователем суворовской «Науки побеждать», основным принципам которой он следовал, командуя полками. Поэтому не случайно одну из глав своей книги о Платове А. Корольченко назвал «По правилам Суворова», отметив их определяющее влияние на весь образ мыслей талантливого военачальника.

9(20) декабря 1790 г. на военном совете Платов первым высказался за немедленный штурм Измаила русскими войсками, которыми командовал А. В. Суворов. Это была не только вера в великого полководца, не знавшего поражений, но и вера в высокие моральные и боевые качества русских войск и столь близких его сердцу земляков. Несколько тысяч спешенных казаков составили пятую штурмовую колонну, которой командовал бригадир Платов во время штурма крепости. Автор книги обстоятельно описал подготовку и осуществление штурма Измаила, беспримерную отвагу казаков, искусные действия их боевого командира М. И. Платова, получившие высокую оценку великого Суворова, по словам которого Платов был «повсюду примером храбрости».

После смерти Екатерины II новый российский император Павел I, ненавидевший Суворова и Потемкина, обрушился на многих талантливых суворовских генералов и офицеров, которые противились прусским военным порядкам, насаждавшимся царем в русской армии. Попал в ссылку и Платов. Правда, через некоторое время он был освобожден в связи с готовившейся военной экспедицией в Индию.

М. И. Платов был не только талантливым и отважным военачальником, но проявил себя незаурядным администратором, став в 1801 г. атаманом Войска Донского. Одним из самых крупных актов его деятельности на этом посту был перенос

военно-административного центра Войска Донского из Черкаска (ныне ст. Старочеркасская) в г. Новочеркасск, который был основан в 1805 г. Глава книги «Новый Черкасск» посвящена раскрытию роли М. И. Платова в основании новой «столицы» донского казачества, где через несколько лет будут сооружены триумфальные ворота, через которые пройдут во главе с М. И. Платовым славные донские казачьи полки, внесшие огромный вклад в освобождение России от французских захватчиков и уничтожение наполеоновского ига в Европе. Но триумфальное шествие будет позже, а до этого казачьим полкам под командованием М. И. Платова придется еще сражаться с войсками Наполеона в Восточной Пруссии и армией турецкого султана на Дунае.

Незабываемой страницей многовековой истории нашей страны стала Отечественная война 1812 г., когда ее народу пришлось вступить в борьбу с самой могучей в мире наполеоновской армией, несшей на своих штыках разграбление и порабощение России. Уже на первом этапе Отечественной войны казачья конница под командованием М. И. Платова нанесла сокрушительные удары по хваленной наполеоновской кавалерии в боях при местечках Мир и Романово, сыгравшие существенную роль в срыве планов Наполеона окружения 2-й западной армии Багратиона. В этих арьергардных боях казаки искусно применили традиционные казачьи способы ведения боя, увлекательно описанные в главах книги «Казачий вентерь» и «На пути к Смоленску».

Большую пользу в Бородинском сражении имел знаменитый рейд казаков Платова по тылам наполеоновской армии. Платов и его казачьи полки блестяще осуществили замысел М. И. Кутузова нанести сокрушительный удар по наполеоновским войскам в самый критический момент сражения и помешать им выполнить планы Наполеона.

Во время пребывания русской армии в Тарутино и подготовки к контрнаступлению против наполеоновских захватчиков казачьи полки Платова, и в том числе 26 ополченских полков, прибывших с Дона, сыграли важную роль в ведении военно-партизанской войны и блокаде французской армии, занявшей Москву. В книге имеется ряд страниц об этих действиях казаков, получавших высокую оценку М. И. Кутузова, а их командующий, как отметил в приказе великий полководец, заслужил «полную мою благодарность, каковую сим и изъявляю».

В период контрнаступления русской армии М. И. Платов был одним из военачальников, сыгравших большую роль в осуществлении кутузовского плана разгрома и уничтожения наполеоновской армии. Именно этим прежде всего и определяется значение боевой деятельности М. И. Платова в решающий период всей кампании 1812 года.

Казаки только в плен захватили более 50 тысяч французских солдат и офицеров. Высокой оценкой боевых подвигов казачьих частей и их командующего М. И. Платова были слова благодарности Кутузова, обращенные к казакам: «Почтение мое к Войску Донскому и благодарность к подвигам их в течение кампании 1812 года. Сие чувство завещаю я и потомству моему».

Книга А. Ф. Корольченко, написанная в жанре документальной повести, знакомит с жизнью и боевой деятельностью одного из самых выдающихся сынов Дона — М. И. Платова. И можно с уверенностью надеяться на то, что она вызовет большой интерес у советских читателей.

В. А. Золотов

НАЧАЛЬНЫЕ ВЕРСТЫ

Городок Черкасск

Весна на Дону выдалась поздней и капризной. В конце марта вместо оттепели вдруг заснежило, и за одну ночь сугробы выросли вровень с плетнями, потом ударили, будто в январе, морозы. А в начале Вербной недели запоздавшее апрельское солнышко спохватилось

и заиграло с чистых небес так рьяно, что сугробы таяли на глазах. Засверкала радужным блеском льдистая капель, светлым дождем заструилось с крыш. Ручьи зажурчали, побежали наперегонки. Дон вскрылся, и пошел, громокая, лед к морю Азовскому.

А когда ледоход прошел, вдруг задуло с низовья. Три дня ветер свирепствовал с такой силой, что, казалось, остановил течение реки. И Черкасск по окна домов погрузился в мутную воду. Даже паперть стоявшего на возвышении девятиглавого Воскресенского собора оказалась в воде.

Паводки на Дону не редкость. Каждую весну он взбухает, разливается, затопляя низменное левобережье и дома городка. Казаки плавают в челнах меж домов, отправляются на них к собору, где и в непогоду бывает служба.

Черкасск — городок не столь уж малый, одних казаков проживает тысяч десять, не считая пришлого люда: приплывших с верховья торговцев, поспевающих всюду армян, греков из дальнего моря, кубанских татар, украинцев из западных земель, шумливых евреев.

В базарные дни торг в Черкасске превеликий. Ковры и вина заморские, пряности, добротнo сработанная умельцами домашняя утварь, ткани, изделия из дерева и металла. А какие на прилавках украшения! Серьги и браслеты, бусы и кольца, все из золота да серебра, жемчуга да изумруда. Бойкие черноглазые казачки от них не могут оторвать взгляда.

А сколько рыбы! И будто налитый жиром чебак, и с просвечивающей спинкой рыбец, и саблевидная чехонь, донская сельдь и сытый сазан.

Из недалеких гирл, там, где Дон впадает в море, доставляют огромных осетров да севрюг. Привозят бочонки выпотрошенной из них зернистой икры.

Неподалеку от базара и Воскресенского собора, заложенного Петром Великим, широкая площадь — майдан. Когда приходится решать важные дела, на нем собирают Круг. Сходятся все казаки, выходит атаман со своими помощниками, громогласно объявляет, что надлежит делать, а уж как поступить — решают сообща. Когда казаки отправляются в поход, на том же майдане им проводят смотр. Атаман со старейшинами проверяет казачью справу, оружие, коней. И каждый походный старается не ударить лицом в грязь.

Иван Федорович Платов возвратился из войсковой канцелярии раньше обычного. Подтянув к самым ступеням лодку, привязал ее понадежней, поднялся по лестнице. Дом у него, как у всех справных казаков, в два этажа, под железной крышей, с долгим балконом поверху и с наружной лестницей.

Худой, черноволосый, будто турок, суровый и не улыбочивый, на этот раз Иван Федорович был в добром расположении. По случаю рождения сына у соседа-казака он пропустил кружку хмельного.

Войдя в горницу, сел на лавку, не спеша стащил промокшие сапоги. Шлепая босыми ногами, к нему подбежал двухлеток Степик. Потянул руки:

— Ба-а, на меня.

— Ишо чего захотел! На кой ты мне нужон, — с шутливой серьезностью отец отвел руки сынишки.

Старший, двенадцатилетний Матвей, сидел у окна с книжкой.

— Все читаешь, грамотей! О чем там написано?

— О царе, батяня. Как шел на Казань. Тут и картинки есть. Погляди-ка.

На рисунке изображен царь: в меховой шапке, с посохом в руке.

— Ишь ты, никак сам Грозный, — отец внимательно рассматривал портрет. — Он энтой клюкой сына свово убил.

— Скажешь такое, — возразила мать, гремя у печи ухватом. — Как же можно, чтоб сына родного...

— Можно. Тот вроде бы возразил, а он его клюкой — и насмерть.

— Ты дальше, батяня, смотри. Там нарисовано сраженье, — подсказал Матюшка.

— Сраженье, — недовольно пробурчала мать. — Ему бы только сраженье, все воевать.

— На то он и казак. А казак без войны не казак.

— Это ты казак, а он — мальчишка.

— Хорош мальчишка! Ишь, жердина какой вымахал! Того и гляди отца догонит.

Сын и в самом деле в последний год вытянулся: худой, длинный, темный — в отца, — волосы взлохмачены, нос крючковат. Среди сверстников он самый рослый. Кое-кто пытался назвать его тычиной. Но обидная кличка к заводиле уличных мальчишек не пристала...

Опустив Степика на пол и отложив книгу, отец крутнул ус:

— Намедни гутарил с атаманом. О Матвее нашем. Атаман согласие дал.

— Какое согласие? — насторожилась мать.

— Принять на службу. В Войсковой канцелярии покуда будет служить.

— Кто будет служить? Когда?

— Да Матвей-то наш. С осени нынешней.

Ты что там буробишь? Мальчишку — и на службу? Не пуцу!

— Цыц! — прихлопнул отец по столу. — Ты, Анна, мне не перечь! Не твоего ума решать мужчинское дело. Осенью заступит на службу! И все тут!

— На посылках, что ли, в канцелярии? — уже не так решительно продолжала мать.

— Может, попервах и на посылках, а потом, возможно, писцом, коли сумеет.

От этих слов лицо Матвея полыхнуло огнем. Он мысленно представил, как оденет казачьи штаны и овчинную высокую шапку, сядет на коня, на отцова Воронка — горячего жеребца, быстрого, словно ветер.

— Матвеем быть большим казаком, есаулом, а то и атаманом, — продолжал меж тем отец. — Ему с рождения это написано.

— А кто, батяня, написал?

— Судьба, Матюшка. Приметы. Помню, в тот час, как тебе родиться, был я на Дону. Иду это утром по берегу, кругом тихо, благодать. И вдруг — бац! Из Дона к ногам выпрыгивает во-от такой сазан. — Отец рубит руку ладонью у самого плеча, показывая, какой величины сазан. — Я его хват за жабры. Только хотел поднять, а тут рядом с сазаном сверху падает кус хлеба. Оказывается, чайка с лёта выронила. Ну, думаю, не иначе, как что-то должно случиться. И точно! Пришел домой, а там новость: казак родился, стало быть, ты. Вот и рассуди: всякому ли такое выпадает, чтобы сазан к ногам, и хлеб с неба? Тут судьба.

Отец, хотя и говорил о чудных приметах судьбы, однако знал, что в жизни нужно пробивать путь локтями и не зевать. По примеру дворян, приписывающих своих детей к полкам сызмала, чтоб отрок начал службу в офицерском чине, задумал и он, Иван Федоров, протолкнуть таким маневром в жизнь своего старшего. Так делали не только в Петербурге и Москве, но и на Дону тоже. А он, Платов, чем хуже! У него и хутор есть, и мельница, и более полусотни мужиков пришлых содержит...

— А когда на службу, батяня?

— Я ж сказал — осенью. Атаман обещал. Только ты, Матюшка, на празднике, на скачках, себя покажи. Верхом на Воронке проскачешь. Приз бы еще отхватил. Тогда атаман наверняка смилостивится. Постарайся, а Воронок не подведет.

Род Платовых в Черкаске давний. Дед сказывал, что его родитель приплыл сюда с верховья на плоту. Оттого и прозвали его Платовым, а потом переименовали на Платова.

Здесь, в Черкаске, родился Иван Федоров Платов в том самом году, когда опочил Петр Великий. С той поры прошло сорок лет. В пятнадцать лет Иван знал все казачьи премудрости и даже участвовал в дальнем походе на Крымскую линию. Позже ходил в Грузию и Персию. Особенно отличился в Семилетней войне под крепостью Кюстрин в 1758 году. Тогда его пожаловали серебряной медалью, а до того вручили почетное оружие: одну, а потом и вторую саблю.

Жена Ивана Платова, казачка Анна Ларионовна, на десять лет моложе мужа...

Наступили жаркие дни южного лета. В один из вечеров Матюшка с такими же, как и

он, подростками погнал коней в ночное. Луг находился внизу по Дону, вблизи рощи, где были захоронены вернувшиеся с Азова казаки. Об этом месте и покоившихся здесь людях ходило много рассказов.

Вырвавшиеся на волю кони рассыпались по лугу, разминаясь в беге, ржали, помахивая хвостами. Это были в большинстве низкорослые, лохматые животные, бравшие свое начало от дикой скифской породы. И среди них выделялся Воронок: широкогрудый, с крепкими сильными ногами и мощным крупом. Ветер трепал гриву, полощил слегка приподнятый хвост. Кожа после купания поблескивала, и под ней рельефно проступали узловатые мышцы. Мальчишки собрали в роще хворост, нарубили веток, даже свалили ствол высохшего дерева, чтобы хватило топлива на всю ночь.

— Дедунь, а почему место прозывается урочищем? — тянулись казачата к древнему старику, охранявшему бахчу.

— Урочище? Стало быть место глухое... Вот и урочище... Казаков здесь порезали.

— У-у! — гудят в подчеркнутом изумлении мальчишки. — Расскажи, дедунь!..

Сухо потрескивает костер. Огонь жадно лижет дерево, летят искры. Свет играет на лицах, пламя сверкает в глазах казачат, слушающих старика. Его рассказ уносит их в даль прошлого...

После удачного похода к Азову, где засели турки, казаки возвращались, нагруженные богатыми трофеями. Ехали левобережьем. Напротив урочища повстречался лодочник. За небольшую мзду переправил их добро и одежду, а сами казаки, раздевшись до нога, переплыли через Дон вместе с конями.

— А не выпить ли по чарке перед расставанием? — предложил один.

— Как в душу глянул, — ответили ему.

И уже готовили уху да закуску под крепкое вино.

После нелегкого похода помянули казаки погибших товарищей и делились радостью ратных побед. И никто не заметил наблюдавших за ними из зарослей камыша людей. Не ускользнула от всадников из разбойного отряда богатая казачья справа, добрые кони, туго набитые переметные сумы.

Захмелевшие казаки заснули крепким сном. А потом у погасших костров обнаружили хладные тела добрых удальцов, так и не доехавших до родных куреней...

Сидели мальчишки и, раскрыв рты, слушали рассказ. Неподалеку таинственно шумела роща, храпели кони да слышались глухие удары копыт. Ночь походила на ту самую, о которой вел рассказ старец...

Утром же с платовским Воронком произошло непоправимое. С путами на ногах он упал в глубокую яму. Что-то хрустнуло. Конь попытался подняться, но задние ноги не слушались, были как чужие... Воронка не стало.

— Ты что же не уследил? — грозно нахмурился отец, узнав печальную весть. — Такого коня потерять...

Конь был семейной гордостью. На скачках не раз выходил победителем. Многие казаки откровенно завидовали отцу, торговались.

Матвея грызла тревога. Не придет на скачках первым, не жди от атамана милости, не примет на службу в Войсковую канцелярию.

— Как же теперь, батяня? Неужто все пропало?

Отец только дернул ус.

Через месяц он привел в конюшню нового жеребца: серого, норовистого, с диким блеском в круглом глаз.

— Ну вот, Матюшка, привыкай к Серому. На нем придется скакать.

Сын едва удержался, чтоб не заплакать от счастья. Проглотив подступивший к горлу комок, сказал:

— Подожди, батяня. Вырасту, так не такого я коня взращу...

Думал ли двенадцатилетний мальчишка, что его слова станут вещими! Пройдут годы, и Матвей Платов — атаман Войска Донского — немало приложит сил, чтобы создать на Дону

конезавод, где будет выращена особая порода коней, в которой соединятся точеная грация арабского скакуна и выносливость дикой скифской лошади. Эти кони станут верными товарищами лихих казаков в их нелегких ратных походах.

Как-то атаман вызвал старшину Платова.

— Пойди-ка, Иван Федоров, погутаим насчет чада твоего.

Они вошли в просторный кабинет атамана. Тот сел за стол, подвинул толстую книгу в кожаном переплете. Платов навтыяжку стоял, предчувствуя недоброе.

— Так сколько лет твоему отроку?

— Да вроде бы пятнадцать, — ответил старшина.

— Пятнадцать, говоришь? А вот тут записано другое. — Атаман коснулся ладонью лежащего на столе фолианта. — По метрической книге нашей церкви святого апостола Петра и Павла сказано... — Он полистал, нашел нужную страницу и, водя по ней пальцем, прочитал: — Нумер двадцать второй означает, что у старшины Ивана Федорова Платова, стало быть у тебя, родился восьмого августа¹ одна тысяча семьсот пятьдесят третьего года сын Матвей... Понятно?

— Понятно, господин атаман.

— Стало быть, твоему отроку ноне исполнится только тринадцать лет, а не пятнадцать, как ты сказывал.

Старшина стоял со взмокшим от пота лицом. Он знал, что атаман терпеть не мог, когда кто из казаков пускался в ложь.

— Виноват, запамятовал... Да и дюже вымахал он. Пятнадцать дашь. И грамоте обучен: читать может и пером владеет.

— Что вымахал, то да, — согласился атаман. — Но после того, что ты сбрежал мне на целых два года, нет тебе моего обещания. Было, а теперь нет.

— Да я уж и справу казачью ему приготовил, — сказал, будто в оправдание, старшина.

— Справу? Справу-то сделать не трудно. Вот вырастить настоящего казака нелегко.

Атаман Ефремов был строгим и самолюбивым. На Дону считал себя безграничным хозяином. Принял он власть от отца, Данилы Ефремова. Тот испросил сию должность для сына у самой императрицы Елизаветы. В Указе императрица отметила, что, вступив в атаманство, сын должен действовать по ордерам и наставлениям отца, которому присваивала чин генерал-майора. По тому времени это была величайшая для казака милость.

За Ефремовым числились многие тысячи десятин земли, хутора, мельницы, хлебные амбары, десять тысяч голов лошадей, сады. Все это перешло в наследство сыну, Степану Ефремову.

О нем, несмотря на высокое положение, ходила дурная слава. Избалованный властью, атаман был непреклонным в своих желаниях. Женатому ему вдруг приглянулась дородная и разбитная казачка Меланья, лотошница с черкасского базара. Чувства атамана взыграли столь рьяно, что он пожелал на ней жениться. Но мешала законная жена. И она исчезла. Ходили разные слухи: одни утверждали, что убежала от жестокого мужа тайком с заезжим купцом, другие говорили, что сам атаман отправил ее в отдаленный монастырь, а третьи недвусмысленно кивали на Дон: у Черкаска он глубокий. Все это говорилось промеж себя, потому что боялись навлечь гнев Ефремова.

О проделках атамана дошло до столицы, прислали комиссию, чтобы выяснить что и как. Чиновники много и долго разъезжали по казачьим станицам, расспрашивали, писали. Собрали пухлый том бумаг. Только убереечь его не смогли: перед самым выездом в Москву в доме, где хранились документы, случился пожар. И все сгорело...

А свадьба с Меланьей Карповной состоялась. Праздновали не один день, и гостей было

¹ Здесь и далее старый стиль.

множество. От угощений ломились столы. Такой свадьбы на Дону еще не видывали. С той поры и пошла в народе поговорка: наготовлено, как на Меланьину свадьбу.

Обстоятельства в дальнейшем сложились так, что в момент дворцового переворота в июне 1762 года донской атаман находился в Петербурге. С ним были его ближайшие помощники, в том числе и Иван Платов — отец Матвея. Узнав о свержении непопулярного Петра III, казаки помчались в Петергоф.

Представ пред очи новой государыни, Степан Ефремов пал ниц.

— Дон, матушка, тебе верен до конца. — Знал атаман чем завоевать доверие.

В дальнейшем он был наказан судьбой. Уличенного в крупных взятках и злоупотреблениях, а также в стремлении к чрезмерной самостоятельности донских казаков, его арестовали. Государственная военная коллегия приговорила его к смертной казни. Екатерина II смилостивилась, заменив казнь вечным поселением в городе Пернов, у Рижского залива...

Таким был атаман Степан Ефремов.

Недели через три после этого разговора отец попытался замолвить за сына, но атаман глянул недобрый взглядом:

— Ты с этим, Иван Федоров, боле не обращайся. Не девка я красная, чтоб меня уговаривать.

Вся надежда осталась на осень: возможно, атаман сделает уступку, если сын покажет себя на скачках.

А Матвей и сам готовился к осени. Он будто бы догадывался, что его судьба зависит от того, как удачно пробежит Серый. Матюшка очень старался приручить коня: кормил его, поил, чистил. В жаркие летние дни выезжал к Дону и купал любимца в прохладной воде.

После удачной пробежки, похлопывал животное по шее, говорил: «Хорошая ты лошадь, умная! Ты всегда так скачи, как ветер...» И конь, удивительное дело, в ответ помахивал головой и крутил хвостом: не иначе как понимал, о чем его просят.

И вот наступил долгожданный день. С утра в городке чувствовался праздник. Накануне был бойкий базар, теперь же, одетые в лучшее, казаки да казачки неторопливо шли к широкому, лежащему за городком полю, где обычно происходили воинские построения и смотры.

Поле на виду у крепости, построенной еще во времена Анны Иоанновны. Не так давно у крепости маршировали солдаты в зеленых мундирах с красными отворотами на рукавах, в треуголках и белых чулках. Они вышагивали под грохот барабанов, напоминая казакам о силе Московского государства. Но три года назад гарнизон перевели в крепость Дмитрия Ростовского, выстроенную в полутора десятках верст вниз по реке. А крепость Святой Анны опустела.

На площади уже толпятся казаки.

— Строиться повзводно! На правом фланге — первая сотня! За ней — вторая! — слышится зычный голос командира полка, обращенный к казакам, которым предстоит смотр.

Сам атаман будет смотреть справки казака, его оружие, коня, снаряжение. А уж после того начнутся соревнования в умении владеть саблей да пикой, в ловкой езде верхом, в скачках. В последней, самой длинной и трудной, поскачут казачата, и взрослые будут судить о достоинстве коней, о том, какая смена казакам подрастает.

Матюшке не до праздника. Если бы не скачка, он, конечно же, не пропустил бы ничего, но сейчас он занят Серым.

Среди прочих коней выделяется Буланый — жеребец с черным хвостом и гривой. Конь принадлежал зажиточному казаку Востробоуеву, Матвей знал и самого хозяина и сына его — рыжего Гераську, задиристого одногодка.

Конь, на котором поскачет Гераська, такой же широкогрудый, как и Серый, с мощными ногами и крупом. С первого взгляда казалось, что против других он несколько массивен и тяжеловат. Но это только казалось.

— Ты Серого сразу вперед не пускай, — напутствовал Матвея старый казак с серьгой в ухе. — Присматривайся и держись Буланого. Пусть он бежит, а ты за ним. Скачи и не отставай. А как покажется поворот, тогда пускай своего. Да подхлестни маленько, чтоб в раж ввести. А еще смотри, чтоб другие тебя не оттеснили. Конь Серый — животная умная, поймет, что требуется.

И вот у столба выстроилось десятка полтора всадников. Матвей пристроился рядом с рыжеволосым Гераськой. Тот восседает на своем Буланом, искоса поглядывает на Матвея. А к Матвею присматривается казачок на гнедой кобыле.

— Приготовьсь-сь! Приготовьсь-сь! — кричат с пролетки казак-выпускающий. В руке у него флажок.

Ребята волнуются и вместе с ними беспокойно бьют копытами, взбрыкивают кони. Каждый старается пробиться вперед.

— Поше-ел! — кричит казак и машет флажком. Все разом срываются.

Матвей вцепился в коня и, казалось, слился с ним. Он чувствовал его, словно самого себя.

— Быстрее, Серый! Не отставай! — подгонял он, не спуская глаз с рыжего Гераськи, на спине которого красным пузырем вздулась рубаха.

Гераська хлестал жеребца, часто оглядывался, стараясь оторваться от скачущих чуть позади Серого и гнедой кобылы. Но Матвей помнил наказ старого казака и все делал так, как тот велел: скакал чуть позади и сбоку, чтоб на повороте вырваться вперед.

За тройкой коней растянулись остальные.

«Поворот, поворот», — гвоздем засело в голове. Матвею показалось, что Буланый уходит вперед, и он хлестнул Серого. Прибавив бег, конь стал догонять. А когда догнал и почти поравнялся, был уже поворот. И тут Матвей совсем рядом, даже не за спиной, а где-то справа, почувствовал храп чужой лошади.

— Сурка! Сурка! — слышался голос казачка на гнедой кобыле.

А слева, чуть впереди, пузырилась рубаха Гераськи. Миновав поворот, кони вырвались на прямую, угадывая впереди толпу людей и белый столб с колоколом, служивший отметиной конца скачек.

— Давай, Серый! Давай! — закричал Матвей, нахлестывая любимца.

Серый чаще забил копытами, из ноздрей со свистом вырывался воздух. Еще мгновение и — слева уже рядом оказался Гераська, а потом стал отставать. И Матвей понял, что наконец-то ему удалось вырваться.

— Вперед, Серый! Вперед!

До столба с колоколом оставалось рукой подать. А справа и впереди редела толпа...

Первым подбежал казак с серьгой, что его напутствовал:

— Молодец, Матюшка! Молодчага! Обошел! Всех обошел! Ай-да, лихой казак!

Сидевший под навесом атаман оглянулся, поманил старшину Платова:

— А ведь твой-то, как его?..

— Матвей...

— Ну да, Матвей. Истый казак. Удалой хлопец! Ты, пожалуй, завтра поутру приведи ко мне. Я сам с ним погугарю.

Так Матвей Платов начал служить у атамана Степана Ефремова.

Первое дело

В один из дней глубокой осени Матвей Платов дежурил в Войсковой канцелярии. Службу свою за два года он усвоил столь успешно, что атаман при всей строгости и скупости в поощрениях отличил его званием урядника. Чин небольшой, но далеко не каждый казак даже в зрелые годы его удостаивался. Сказать по правде, помог отец, но и сам Матвей не жалел в деле живота своего.

Достав из ящика книгу, юноша с интересом читал о походе в Сибирь донского казака

Ермака Тимофеевича. В воображении рисовалось, как по широкой полноводной реке плывут большие баркасы с вооруженными казаками. Бесстрашные люди идут в неведомые, полные опасности края, многие — навстречу гибели, но лица их мужественны и полны решимости. А на носу передней посуды стоит лихой атаман в накинутом на плечи поверх чешуйчатой кольчуги кафтане, на поясе — булатный меч. Заслонясь рукой от солнца, он зорко вглядывается вдаль, и ветер треплет волосы густой чернявой бороды. Это Ермак Тимофеевич.

За последние годы Матвей приобщился к чтению и перебрал почти все книги, какие были у атамана. Тот ему благоволил и всякий раз, когда Матвей приходил в его кирпичный двухэтажный дом, назидательно говорил: «Познавай, Платов, зерно жизни. Грамотный человек видит намного дальше и глубже неуча».

— Матвей! Мигом на коня! — На пороге вырос встревоженный отец. — Лоскут на пику и подавай сполох!

Матвей бросил книгу в ящик, выбежал на крыльцо, где у коновязи стоял Серый, не забыл захватить и красный лоскут. Прежде чем вскочить на коня, вздел лоскут на пику.

— Сполох! — закричал он во всю силу и прищпорил Серого. — Сполох!

Команда «сполох» служила сигналом, по которому казаки бросали все дела и спешили на Круг, где объявлялось важное и принималось сообща решение. Круг ныне не имел той решающей силы, какая была прежде. Донское казачество безропотно выполняло волю царя. Не случайно же Анна Иоанновна построила рядом с Черкасском крепость, разместив в ней гарнизон по главе с генералом и подавив там самым самоуправление казаков.

Ныне сзываемый Круг имел чисто символическое, условное значение. Атаман знал, что придется поступать так, как предписывалось царской грамотой, а Круг — дань вековой традиции.

— Сполох! Сполох! — носился по городку Матвей.

Из домов выскакивали казаки:

— Что случилось?

— Всем на майдан! Важная новость!

Через час широкая площадь — майдан — пред девятиглавым Воскресенским собором гудела. Образовав широкий круг, бородатые казаки ожидали атамана. В отсутствие его командовал войсковой старшина Платов.

— Эй, Платов! Иван Федоров! Что случилось? Скажи, коль знаешь! — обращались к нему.

— Бумага важная получена.

— Грамота, штоль?

— Не-е. Деша. Атаман сейчас доведет ее.

— Может, война? Гутарят тут всякое...

— Может, и война, — неопределенно отвечал войсковой старшина.

Вдали показалась тройка вороных коней, запряженных в «покоеву карету», дар царицы-матушки.

— Гей-гей, донцы-молодцы! Все в круг! — скомандовал Иван Платов. — Атаман едет!

Гул толпы стал стихать.

— Пай-пай, па-а! Молчи, донцы-молодцы-ы!

Стало совсем тихо. Было слышно, как храпели вороные, шлепая по грязи копытами.

Из кареты не спеша, соблюдая достоинство, сошел атаман. И тут же к нему пристроились его помощники. На атамане богатая одежда, в руке пернач — знак атаманской власти. Впереди шел казак с высоко поднятым бунчуком, мерно колыхался длинный конский хвост.

Войдя в круг, атаман поклонился на четыре стороны, поднял пернач.

— Помолчи-и, донцы-молодцы-ы! — снова подал команду войсковой старшина.

Атаман достал из рукава свернутый лист бумаги, развернул его, обвел взглядом стоящих поодаль от него людей.

— Славные донцы-молодцы! — произнес он. — Сегодня в наш город Черкасск поступила государева депеша. Скажу сразу: без милостей она на сей раз, а с великой к нам просьбой. Обращается государыня-матушка за помощью. Поганый враг опять затеял противу нас войну. Несметные турецкие полчища покушаются на земли наши благодатные да норовят людей наших забрать в туретчину. Вот и призывает нас государыня-матушка Екатерина Великая сплотиться в сотни и полки, чтобы стать на защиту родной нашей земли!

Голос у атамана зычный, и владеет он им искусно: каждое слово молвит так, что доходит не только до слуха, но и до сердца. Когда кончил, поднял над головой бумагу:

— Вот она, эта депеша. Читай громогласно и явственно! — протянул он дьяку.

Тот откашлялся и стал читать в напряженной тишине царский документ. Закончив, отступил, поклонился.

— Как ответствовать будем, казаки-удальцы? — спросил атаман.

Тишина взорвалась голосами:

— Сзывай полки, атаман!

— За родимую землю всем сердцем!

— Приказывай в поход!

Не впервые приходили на Дон такие вот вести, какие пришли они осенью 1768 года. Привычные к войнам казаки принимали их как должное, сознавая свою роль стражей беспокойной южной границы.

Здесь, на юге, долгие годы сталкивались интересы турецких правителей и России. В силу своего развития Россия нуждалась в выходе к Черному морю, через которое она могла бы торговать с дальними странами. Оттоманская же Порта рассчитывала расширить свои владения в Причерноморье. Вот и опять на Дон пришла весть о новой войне, и казаки собирались в поход.

Одним из первых отправлялся из Черкаска полк во главе с войсковым старшиной Иваном Платовым. Шли казаки к Азовскому морю, на Бердянскую линию. Прощаясь с Матвеем, отец сказал:

— Доглядывай за матерью да братишкой своим. Все хозяйство на тебе. Вернусь, за все спрошу без скиду.

— А как же я, батяня? Не дело это — сидеть дома, когда казаки на войне.

— Погодь. Придет и твой черед.

Два года Матвей хозяйствовал вместо отца. За это время немало было призвано казаков. В первый год с походным атаманом Тимофеем Грековым ушло к Крыму три тысячи, а на следующий год Никифор Сулин увел за Дунай вдвое больше.

На просьбы Матвея зачислить в полк неизменно следовал отказ: один на хозяйстве, сам малолеток. Да и как решиться без согласия отца? Но он решился. Узнав, что небольшая группа казаков отправляется к Крыму, во Вторую армию, он примкнул к ним. Матери сказал:

— Вернется отец, повинюсь, приму наказание. Только далее не могу здесь оставаться.

Группу возглавил хорунжий Фрол Авдотьев, опытный, не раз участвовавший в походах казак. Урядника Платова он неожиданно определил своим помощником.

Продвигались они быстро и к концу второй недели почти достигли цели, когда произошла стычка с неприятельским отрядом. Дело было под вечер, и казаки уже собирались расположиться на ночлег, как увидели вдали оседланного, но без всадника коня.

— Э-э, хлопцы-молодцы, тут что-то не того, — высказался Авдотьев. — Ну-ка, Платов, лети вперед. И возьми с собой силу.

Трое казаков пришпорили коней вслед за Матвеем. Проскакав лощину, они выбрались на гребень и увидели вдали карету, а вокруг нее всадников.

— Никак турки! Карету грабят! Что делать, Платов?

Матвей не стал раздумывать.

— За мной! — стегнул он плетью коня.

Завидя казаков, турки бросились наутек.

У кареты недвижимо лежали трое русских солдат. Запутавшись в построениях, ржала раненая лошадь. В карете, забившись в угол, сидел офицер.

— Не стреляй! Свои! — крикнул Матвей, увидя наведенное оружие.

Это был офицер фельдслужбы, ехавший в главную квартиру. При нем находилась важная почта. К счастью, сумка осталась нетронутой...

На следующий день Матвея вызвал сам главнокомандующий, генерал-аншеф князь Долгоруков.

— Вот он самый и есть, — указал на вошедшего спасенный офицер; рука у него на перевязи.

— Подойди поближе, казак, — требовательно произнес генерал.

Робея, Матвей приблизился, худой, высокий, с выбившимся из-под фуражки черным чубом. Глаза, как требовалось, ели высокое начальство. Но тут он вспомнил, что нужно доложить о себе, и во весь голос отрапортовал:

— Донской казак городка Черкаска урядник Платов Матвей!

Прищурившись, генерал оценивающе разглядывал его.

— Тебе сколько же лет, Платов?

Матвей вспомнил, с каким трудом пришлось отцу устраивать его на службу из-за малолетства, и, прибавив к своим летам два года, ответил:

— Девятнадцать!

— А я полагал — менее. — Главнокомандующий пожевал губами, еще раз смерил его взглядом. — При мне будешь служить, в главной квартире.

И, слегка махнув рукой, повернулся, давая понять, что казак ему больше пока не нужен.

Службу Матвей нес под начальством хорунжего Фрола Авдотьева. У него он учился не только уставным мудростям, но и умению держать себя с казаками. У Фрола получалось это удивительно просто, и подчиненные с полуслова понимали его.

Через полгода, когда командовавший их сотней есаул заболел, командир полка вызвал Матвея.

— Принимай сотню, Платов. И живо собирайся сопровождать главнокомандующего.

Матвей опешил: ему заступать на место есаула? Да ведь были более достойные казаки и годами намного старше его! Был и Фрол Авдотьев, хорунжий...

— Что стоишь, Платов? Сей минут действуй! Не мой это приказ! Самого князя! Впрочем, поскачем вместе: представлю тебя казакам.

Сотню выстраивал хорунжий Авдотьев. Подъехав к полковому командиру, он старательно доложил. И по тому, как ревностно командовал и излишне выпячивал при рапорте грудь, было видно — казак явно рассчитывал остаться за командира.

— Встань в строй, Фрол Авдотьев, — сказал войсковой старшина и подозвал Матвея. — Отныне командиром сотни назначается урядник Платов. Сие повеление самого светлейшего... Р-разойдись!

Уязвленный хорунжий подъехал к Матвею.

— Ну и ловок же ты, Платов. Чем успел услужить князю?

Матвея даже в жар бросило, едва сдержался в обиде.

— Все мы, Фрол, одно дело делаем: службу несем. А уж как у кого получается — не нам судить. На то есть начальство.

Хорунжий крутнул головой и отъехал.

В войсках главнокомандующий пробыл более недели. И все это время сотня Платова находилась поблизости, неся охрану, доставляя в корпуса и дивизии пакеты, и даже дважды казаки ходили в разведку. Старался Матвей изо всех сил, не спал по-настоящему, сутками не слезал с коня.

Старание его не прошло незамеченным. По возвращении князь подозвал его:

— Спасибо, Платов. Доволен тобой. Только негоже уряднику командовать сотней. С сего часа ты — есаул. Своим правом присваиваю чин за усердие и отвагу...

В 1771 году перед армией Долгорукова стояла задача ворваться через Перекоп в Крым и овладеть им. Шла напряженная к этому подготовка.

Улучив момент, Платов обратился к князю:

— Дозвольте и моей сотне быть в деле. Направьте к Перекопской крепости, истинный бог, казаки не подведут!

— Ладно, подумаю.

В июне начался штурм крепости. Долгоруков вызвал Матвея к себе.

— Просился в дело, вот и иди. Задача нелегкая, мог бы послать иного, но на тебя большая надежда.

Сотню бросили в сражение в тот самый момент, когда турки дрогнули и побежали. Можно было ворваться в охваченную паникой гущу людей и начисто изрубить их. Но Платов поступил иначе. Используя образовавшийся в боевом порядке турок разрыв, он повел сотню через него, в глубь вражеского расположения. Когда янычары выскочили на дорогу, что шла из глубины полуострова к крепости, казаки и начали действовать. Перекрыв путь к отступлению, они яростно рубились. Платов был в самой гуще схватки.

Опознав в нем начальника, турки старались сбить его с коня. Но Матвей сражался лихо. С одним он расправился сам, одолеть второго помог подоспевший казак.

Фрол Авдотьев бился сразу с тремя. Янычары угрожающе кричали, тесня хорунжего, и тот едва успевал отбивать их удары.

— Держись, Фрол! — крикнул Матвей и бросился на помощь.

Турок развернулся, и есаул едва отвел удар. В следующий миг он ударил врага по шее. Кровь вырвалась фонтаном, окропила и сползающее с седла тело, и коня, и Матвея.

— Держись, Фрол! — снова прокричал он, подбадривая хорунжего.

Узкой змеей сверкнула сталь кривого ятагана. Матвей подставил под удар саблю. Вырвался сноп искр.

— Ал-ла-ла! — закричал турок, роняя оружие. Его рука повисла.

— Вот тебе, гад! — вкладывая в удар всю силу, Матвей полоснул с плеча.

После баталии Фрол подъехал к Платову.

— Спасибо, Матвей Иванов. Век помнить буду. Отвел от меня смерть.

— Ну что ты, Фрол... Одно ж ведь дело творим.

— Ладно... Не останусь впредь и я в долгу...

Долгоруков рейдом казачьей сотни остался доволен. Потребовал, чтобы казаки готовились к новому делу.

Вскоре Платова с сотней направили под Кинбурн. Это была сильно укрепленная крепость, построенная турками в давние времена. Расположенная на глубоко вдающейся в Черное море косе, она надежно прикрывала подступы к находившемуся на берегу Днепровско-Бугского лимана Очакову.

Борьба за владение крепостью велась между Россией и Оттоманской Портой издавна. В 1736 году русскими войскам удалось ею овладеть, однако удержать не смогли.

И вот теперь опять у Кинбурна разыгралось сражение. Казаки Платова показали в нем мужество и храбрость, а их командир — отвагу и зрелость. Долгоруков послал Екатерине грамоту, в которой за отличие в боях просил присвоить Платову чин войскового старшины: «Сей есаул, — писал он, — достоин того, чтоб получать под команду казачий полк».

Прибыло высочайшее повеление, Платов удостаивался искомого чина. К этому времени ему исполнилось восемнадцать лет.

У Егорлыка

В 1772 году русские войска Второй армии овладели важнейшими пунктами Крыма: Арабатом, Керчью, Ени-кале, Балаклавой, Корфу, а также Таманью. Девяностотысячная армия турецкого ставленника Селим-Гирея была разбита и рассеяна. Сам Селим позорно бежал в Константинополь.

Война в Крыму закончилась, и в ноябре был заключен с новым крымским ханом Саиб-Гиреем договор, по которому Крым получил независимость и переходил под покровительство России.

За столь блистательный успех императрица наградила князя Долгорукова орденом святого Георгия и титулом «Крымский». Однако этого князю показалось мало, и, обиженный, что не удостоился чина фельдмаршала, он вышел в отставку.

К этому времени Платов командовал казачьим полком и слыл отважным начальником. С небольшой группой казаков, в числе которых был и Фрол Авдотьев, он отбыл на родной Дон принимать новый полк. Вскоре шесть казачьих полков были отправлены в Кубанский корпус.

К досаде Матвея, его полк направили не на боевую линию, а в Ейское укрепление. Оно было не только крепостью на Азовском море, но и базой снабжения Кубанского корпуса.

Дважды заявлял он коменданту, полковнику Стремоухову, чтоб его послали в дело, но тот оставался непреклонным:

— Будет распоряжение — пошлю. А ныне терпи да следи, чтоб казаки службу гарнизонную справно несли.

В начале весны к крепости подошли фелюги с провиантом, амуницией, порохом и прочим необходимым для войска. Все это предстояло переправить обозом в боевую линию.

— Вот и подошел твой черед, Платов, — объявил Стремоухов. — Твой полк да еще Степана Ларионова будут охранять обоз.

— Два полка на охрану? — удивился командир.

— Кош-то² большой: почти тысяча подвод. Да и много важного везут. А на дорогах неспокойно. Потому и даю еще пушку. А главным назначаю Ларионова. Он постарше тебя и поболее служит.

Матвея это не задело. Ларионова он знал и уважал, как смелого и рассудительного начальника. К тому же тот успел уже здесь, на Кубани, отличиться в бою, разгромив большой турецкий отряд.

Путь до Кубани немалый и небезопасный. На дорогах рыскали многочисленные отряды крымского хана Давлет-Гирея. Минувшей осенью, собрав воедино кубанские и горские отряды, хан намеревался вторгнуться на донские земли. Однако, считая, что для этого своих сил недостаточно, он призвал в поддержку своего брата Шаббас-Гирея. Тот, возглавив турецкие отряды, поспешил на помощь.

Но замыслу турок тогда не суждено было сбыться. Гусарский полк Бухвостова и донской Степана Ларионова, того самого, с которым предстояло теперь Матвеем сопровождать обоз, в верховьях реки Ей столкнулись с неприятелем и, смело вступив в схватку, разбили его наголову. Остатки позорно бежали, рассеявшись по степи.

И вот ранним свежим утром обоз тронулся в путь. Полк Ларионова впереди: он знает дорогу и по долгу, как старший, в голове. Платовский полк охраняет вторую половину длинющего обоза. Казаки едут верхом по обе его стороны небольшими группами. Вдали справа и слева маячат дозорные.

К вечеру третьего дня достигли речки Калалах, впадающей в Егорлык. Река сама по себе тихая, спокойная, как большинство степных рек. Летом, пересыхая, напоминает ручей. Однако сейчас, после паводка, она разлилась, мутные воды бурлили.

Повозки обоза уже сосредоточились на широком лугу, и ездовые выпрягали лошадей, поспешая дотемна их напоить и задать корма. Ларионов и Платов согласовали места, где расположить повозки, а где казаков, куда выслать на ночь охрану и когда на завтра выступить в путь.

Ночь накатила неожиданно быстро, и стало так темно, как бывает на юге. Пылали костры, слышались людские голоса, конский хруст да похрапывание. Потом стало стихать,

² Казаки называли кошами обоз.

костры никли — лагерь погрузился в покой.

Матвею не спалось. Что-то тревожило, не давало сомкнуть глаз. Чертыхнувшись, он натянул сапоги, вышел из шатра.

— Матвей Иваныч, слышь-ка, — узнал он голос Авдотьева.

Фрол произнес это таким тоном, будто перед ним стоял не полковник, а его ровня.

— Не серчай, что называю так, — это из уважения. Что не спишь?

— Не знаю. Не идет сон.

— И мне тоже.

— Непокойно вот здесь, — Матвей ткнул себя в грудь. — И ночь будто бы мягкая да теплая, а на душе скребет.

— У меня тоже недобро в мыслях. И думаю не зря. Прислушайся-ка!..

Платов затаился: почувствовал, как на лицо пахнуло легкое, едва уловимое дыхание сыроватого ветерка.

— Да нет, не так! — коснулся плеча казак. — Ты приляг да прислонись к землице. Вот так-то.

Фрол проворно лет и припал к земле ухом. Матвей последовал примеру. Щеку кольнула былинка, защекотало в ухе.

— Ну? Слышишь? — с тревогой в голосе спросил Фрол.

— Ничего не слышу.

— А ты затаись... Затаись...

Матвей плотней прижал ухо к земле, затих и вдруг различил едва слышимый далекий гул да редкие всплески птичьих криков. Почудилось, что ли...

— Ну, что слышишь?

— Гул какой-то, да еще вроде птицы горланят...

— Вот-вот! А разве птица ночью кричит?

— Да вроде бы нет...

— Правильно! Ночью она спит. Сидит себе смирно.

А выходит вот что: недалеко остановился неприятель. Разложил огни и побеспокоил птицу. А коль крик большой, стало быть, много и огней. Значит, множество и басурманов. Скумекал?

— Ну уж, — усомнился Платов.

— Верь мне, Иваныч! Уж коли я говорю, то без ошибки. Прикажи разведать: непременно будет так, как я тебе сказывал.

Фрол говорил с такой убежденностью, что командир не посмел возразить.

— Сейчас пошлю... Вызови-ка есаула с первой сотни.

— Не надо тревожить людей. Поручи дело мне. Я со своими казаками разузнаю.

— Ладно. Давай, действуй!

Вскоре трое казаков верхом поехали от реки в сторону, откуда неслись тревожные крики птиц.

В ожидании их возвращения Матвей не сомкнул глаз. Хотел сообщить о своем подозрении полковнику Ларионову, да воздержался: а вдруг все напрасно...

Вернулся Авдотьев за полночь, встревоженный и разгоряченный.

— Так и есть, господин полковник. За увалами — костры по всей степи.

— Может, наши?

— Какой там! Одного схватили, приволокли.

— Есть пленный? — оживился Платов. — Давай его сюда! И драгомана³ немедленно! Скачите к Ларионову: доложите, что схватили нехристя.

Полковник Ларионов явился сам.

— Что случилось? Где пленный?

³ Переводчика.

Турок — молодой, с запавшими и злыми глазами — заговорил лишь под угрозой плети. На вопрос — большое ли собрано турецкое войско, коротко ответил:

— Двадцать тысяч.

— Сколько? — Ларионов даже привстал.

— Двадцать тысяч, — хмуро повторил тот.

— Кто же возглавляет их? Кто главный?

— Сам хан. Давлет-Гирей.

Из дальнейших пояснений стало ясно, что турки, кубанские татары и горские племена объединились и сейчас расположились неподалеку от дороги, ожидают, когда появятся русские, чтобы напасть.

— Уберите турка! — распорядился Ларионов. — Что, Платов, предлагаешь?

— Нужно драться. Соорудим у реки вагенбург, и пусть попробуют нас взять!

Вагенбургом называлось сооружение из повозок, за которыми укрывались обороняющиеся. Внутри образованного из повозок и грузов кольца загоняли лошадей.

— Может, выждать? Авось, обойдется! — раздумывал Ларионов.

— А если не обойдется? Уж если мы их увидели, то обнаружат и они нас.

Обстановка складывалась явно не в пользу казаков. Разве могли долго противостоять полторы тысячи людей полчищу ожесточенного неприятеля?

— Согласен, — не стал возражать Ларионов. — Поднимай, Платов, всех и сооружай вагенбург. Да чтоб не очень шумели. А я займусь охранением: пикеты вышлю вперед да в цепь казаков расположу.

До ближайшей станицы, где имелся русский гарнизон, сорок верст. Туда собирались добраться к вечеру. Следовательно, весь день там не всполошатся, будут спокойно их ждать.

— Хорошо б, если Бухвостов выслал навстречу нам партию, — высказался Ларионов. Бухвостов командовал гусарским полком.

— Самим надо посылать верховых.

— Так-то так, но тут столько неприятеля, что и Бухвостов не поможет.

— Может, еще кто с ним подойдет, — не сдавался Матвей.

В противоположность Ларионову он оставался спокойным. Мозг работал четко, ясно, быстро, словно и опасности никакой не было.

Пока они обсуждали план действия, ночь пошла на убыль, на востоке забрезжила заря.

Сооружение вагенбурга на лугу, неподалеку от речки, шло полным ходом. Казалось бы, ничего сложного в том деле не было, но неопытные ездвые, напуганные близкой опасностью, суетились, шумели, внося бестолковость. Матвей тоже кричал, матерился, огрел кого-то плетью.

— Ты что ж, не видишь, как ставишь телегу? Задом наперед! Жить хочешь, так думай головой, а не задницей!

— Так ить, где турок-то?

— Разворачивай немедля, дурья башка!

После немалых усилий вагенбург, наконец, соорудили. Ларионов выслал вперед пикеты, а за ними, поближе к вагенбургу, расположил казаков с мушкетами. И конные сотни укрыл для атаки в лощинах. Сам выехал на возвышенность с тремя казаками.

— Скачите по этой дороге, а собьетесь — держитесь на полуденное солнышко, — напутствовал он их. — В той стороне станица. Доскачете, передайте главному, что так, мол, и так: с турками сам Давлет-Гирей и силы их большие. Немедля нужна помощь, иначе не сдюжим...

Трое верховых миновали ближний увал, скрылись за ним, а когда стали подниматься к гребню дальней возвышенности, перед ними выросли неприятельские всадники. Они разом бросились на казаков. А потом из-за гребня показалось столько верховых, что Ларионов понял, что пленный турок нисколько не преувеличивал. С досады до крови куснул губу. Теперь на скорую помощь рассчитывать не приходилось.

Выставленные пикеты турки сняли. Залегшие с мушкетами казаки открыли по

неприятелю огонь. Поближе подкатили и единственную пушку.

Поняв, что на их стороне численное превосходство, турки бросились вперед. И если б не казачьи сотни, ударившие в дротики, — так называли конную атаку с применением длинных пик, — мушкетчикам бы не сдобровать. Из-за гряды, справа и слева, выкатились новые не сотни, а тысячи всадников, которые обходили их, намереваясь взять в кольцо.

Платов не выдержал, прискакал в арьбергартную сотню.

— Отходи помаленьку! Отходи! — командовал он. Осыпаемые стрелами, казаки медленно отходили, прикрывая сосредоточение всех остальных в вагенбурге. Оттуда уже захлопали мушкеты, и неприятельские всадники отпрянули. Матчей в числе последних проскочил через проход. Стоявшие наготове казаки закатили в проход две повозки. Турки обложили казаков с трех сторон. Лишь с четвертой, где в тылу обороняющихся протекала речка Калалах, всадников не было видно. Казаки занимали высокий, круто обрывающийся к реке берег, и неприятелю невыгодно было вести атаку со стороны реки. Платов понял, что скоро неприятельские отряды появятся и за речкой. Тогда уж лагерь окажется в полном окружении. «Нужно попытаться еще раз пробиться к своим», — не выходила из головы мысль.

Он лежал, укрывшись за сброшенными с телег мешками с провиантом, какими-то кулями и тюками. Над головой со зловещим свистом то и дело пролетали стрелы. Одна вонзилась в ящик рядом с ним. Тонкая, с перьями на конце, она трепетно задрожала: ее наконечник почти весь вошел в доску.

«Попадет такая в грудь — и пробьет насквозь», — подумал Платов. И еще пришла мысль обучить обращению с луком казаков полка. Кто знает, что придется испытать в бою: может, возникнет надобность воспользоваться этим оружием.

Несколько раз неприятельским всадникам удавалось приблизиться почти вплотную к повозкам, но огонь из мушкетов и пушки заставлял их отходить.

«А посылать за подмогой надо... — назойливо сверлила мысль. — И сделать это следует быстрее, пока не обложили и со стороны речки».

Прибежал Ларионов. Он казался растерянным.

— Ты глянь, Матвей, их сколько! Ведь не сдюжим.

— Ты что это, Степан? Уж не сдаваться ли собрался?

— Да разве справишься? Они же как саранча.

— И саранчу бьют... Послать надобно за помощью. Нужны охотники. Дело рискованное.

— Дозвольте мне, Матвей Иванович, — подал голос хорунжий Авдотьев. Он все время находился рядом с Платовым.

— Фрол? — удивленно взглянул на него Ларионов. — Пробьешься ли?

— Попытаюсь. Двум смертям не бывать, одной не миновать.

— Одному нельзя. Возьми напарника, Фрол Авдеич.

— Это можно. — Хорунжий обернулся. — Антон! Хроменков! Ко мне!

— Ну, коль решился, Фрол, тогда слушай. — Платов неторопливо объяснил, как вырваться из кольца и избавиться от преследователей. — В сшибку с турком не вступай! Главное — добраться до своих. Действуй по обстоятельствам.

Они крепко, по-мужски, обнялись.

— Не поминай лихом, Матвей Иванович. Если что было не так...

— Будя тебе, будя, — не дал тот досказать. — Скачи, Фрол, да быстрее возвращайся, с подмогой приходи!

Хорунжий и казак незаметно отогнали своих коней к речке. Там, скрываясь за высоким берегом, проехали с полверсты. Казалось, уже миновала опасность, но их заметили. Десятка два всадников бросились на перехват. Началась бешеная скачка.

Вначале хорунжий и казак скакали рядом, но постепенно рыжий конь Фрола стал отставать. Всадник бил его, подгонял, однако угнаться за коньком казака тот не мог.

— Гони, Фрол! Гони! — кричал казак, оглядываясь из-под локтя на начальника.

Турки постепенно приближались. Это понял и сам Фрол. Придержав коня, он крикнул казаку:

— Скачи, Антон! Проща-ай! Я прикрою!

Поворотив коня, он вырвал из ножен саблю и бросился на ближайшего турка.

Между тем атаки на вагенбург все продолжались. Появились раненые, убитые. Хорошо, что вблизи находилась речка и можно было утолить жажду и поить лошадей.

Матвей переходил от одного укрытия к другому, подбадривал казаков не только словом, но и делом. Стрелял из пистолета, а потом ему доставили лук со стрелами, и он пустил его в ход.

— Мы неделю продержимся, не то что день! — слышался его уверенный голос. — Харч есть, вода поблизости, и корма коням тоже в избытке. А уж о зарядах мушкетных и говорить нечего...

От пушкарей Платов потребовал, чтобы палили не «в белый свет, как в копейку», а по самым опасным местам. Те навели пушку в стоящего поодаль хана и вторым выстрелом едва не угодили в его белого коня. Хана не уложили, а свиту янычар разметали.

К вечеру, после седьмой атаки, в боевом строю неприятеля казаки заметили замешательство. Часть сил повернула назад, а те, что стреляли по вагенбургу, отхлынули. Ускакал и хан. Потом послышалась отдаленная стрельба.

— Наши! — крикнул кто-то. — Наши! Подмога подоспела!

— По коням! — дал команду Платов. — За мной! Вырвавшись из вагенбурга, казачья лава накатилась на неприятельское войско. Вслед за платовским полком устремился полк Ларионова. Теснимые с двух сторон казаками и подоспевшей помощью, турки в панике бросились бежать...

Один из посланных за подмогой казаков сумел доскакать до станицы, где находился гусарский полк Бухвостова и казачий полк Уварова. Была сыграна тревога, и гусары бросились на помощь товарищам.

В тот памятный день 3 апреля 1774 года казаки не только выстояли, но и нанесли большие потери турецкому отряду. Это сражение у речки Калалах, что впадает в степной Егорлык, было для молодого командира памятным: здесь он уверовал в свои силы, стойкость и мужество казаков.

Через два дня полковник Бухвостов доносил: «Войска Донского начальник Платов, будучи в осаде от неприятеля, оказался неустрашимым, ободрял своих подчиненных, почти в отчаяние приходивших, и удерживал их в слабом своем укреплении до моего к ним прибытия; полковник Ларионов следовал примеру храбрости».

Когда доставили порубанное ятаганами тело хорунжего, Платов склонился над ним.

— Ты сохранил, Фрол Авдеич, честь и славу Войска Донского. Хотя и постигла тебя смерть, но ты победил ее своим бесстрашием.

Казака похоронили с почестью на голом, обдуваемом ветром взлобке.

После той битвы о Платове говорили как о бесстрашном и везучем начальнике, да к тому же еще и молодом годами...

Что же помогло тогда устоять против многократно превосходящего врага? — размышлял Платов. — Конечно же, и прежде всего выучка казаков. Не зря учил и требовал от каждого умения владеть оружием: ловко действовать пикой да клинком, без промаха стрелять. И все? Нет, еще помогло крепкое товарищество. Каждый знал того, кто дрался рядом; большинство из одних станиц, вместе росли, дружили. Служба еще более сплотила. Что ни говори, а войсковое товарищество — великая сила.

И еще был уверен, что если б он, командир Платов, не проявил твердости духа, не миновать бы всем турецкого плена. Уверенность в победе терять нельзя, в каком бы трудном положении ни оказался.

ПОД НАЧАЛОМ СУВОРОВА

У Очакова

После сражения на реке Калалах случилось дело и на Кубани. В полустах верстах от Азовского моря полк Платова столкнулся с неприятельским скопищем. Не раздумывая, командир повел его в атаку. Казаки бесстрашно врубались в боевой порядок и обратили врага в бегство. Преследуя, они ворвались в селение и захватили там орудия и большие запасы продовольствия.

В посланном в Петербург донесении вновь отмечалась удача молодого войскового старшины. В ответ пришел ордер с повелением немедля направить Матвея Платова в столицу.

Его охватила оторопь: «Неужто в чем провинился? Иль плохо нес службу?» Однако повеление нужно было исполнять, и он отправился в далекий путь.

В сопровождении блестящего генерала его провели к самому Потемкину, вершившему при императрице военные (да и не только военные) дела.

Выслушав генерала, а потом и рапорт молодого войскового старшины, сидевший за столом человек с черной повязкой на глазу долго сверлил Матвея одним глазом.

— Так ты и есть тот самый Платов? — Потемкин поднялся, и Матвей поразился его могучей фигуре. И голос у него был под стать виду: сильный, словно труба. — Сколько ж лет тебе?

— Двадцать три, — ответил войсковой старшина.

Взгляд Потемкина потеплел. Возможно, глядя на стоявшего пред ним стройного казака, ему вспомнилась собственная молодость. В шестнадцать лет он стал рейтаром, а вскоре вахмистром. Кто знает, как сложилась бы дальнейшая служба, если б не встреча с императрицей. Она и поныне к нему благоволит.

— Звания армейского не имеешь?

— Никак нет.

— Будешь иметь.

Об армейских званиях среди казаков ходили анекдоты. Считалось, что командир казачьего полка есть полковник. Но в табели о рангах он приравнивался армейскому майору. И когда приходил указ о возведении иных казачьих начальников в армейские чины, казаки подшучивали: «Нашему-то начальнику немало подфартило, из полковников сразу возвели в майоры».

На следующий день Потемкин представил Матвея самой императрице.

— Вот он, матушка, и есть тот самый Платов, о котором проявить интерес изволила. Казак из станицы Черкасской.

Матвей стоял ни жив ни мертв.

Затянутая в корсет, пышущая здоровьем и красотой, Екатерина смотрела на него с тем любопытством, с каким бы рассматривала вещь. Матвея поразило не столь ее величественный вид, как властный взгляд.

— Как речку-то именовали? Ты что, оглох? — переспросил Потемкин.

— Калалах, — выдал из себя Матвей.

И последовал новый вопрос, тот же, что задавал и Потемкин.

— Сколько было-то басурманов? — поинтересовалась Екатерина с легким акцентом иностранки.

— Много, ваше величество, считать не можно было. Только нас-то было два полка: ларионовский да мой.

— Он, Ларионов, тож казак?

— А как же!

Екатерина села в кресло, указав Матвею место напротив.

— Сказывай все, как было.

Подавляя волнение, Матвей стал рассказывать, как среди ночи, испытывая тревогу, прикивал ухом к земле, чтоб услышать неприятеля, как Фрол Авдотьев объяснял, почему ночью птица не спит.

Екатерина слушала со снисходительной улыбкой, которая и ободряла и настораживала. И он вдруг, не выдержав, спросил:

— Ваше величество, может, я гутарю не то?

— Нет-нет, все так, — успокоила она.

Когда аудиенция кончалась, Екатерина спросила, где он остановился.

— В казачьих казармах, матушка, — ответил за него Потемкин.

— В следующий раз покой для такого молодца и здесь, во дворце, найдутся.

По выходе из кабинета Потемкин покровительственно похлопал его по плечу: угодил, мол, императрице. И приказал:

— Отправляйся к месту службы. О тебе буду помнить. Нужен будешь — вызову.

Ждать пришлось недолго.

Осенью на Урале занялось зарево мужицкой смуты, поднятой беглым с Дона Емелькой Пугачевым. Слово лесной пожар, она разрослась, переметнулась на Поволжье, к ней потянулись тысячи обездоленных. Петербург встревожился, перепуганная Екатерина приказала высвободившиеся после заключенного летом мира с Турцией войска направить против бунтовщиков.

Двадцать пехотных и кавалерийских полков, возглавляемых боевыми генералами, поспешили к Поволжью. Был призван сюда и Александр Васильевич Суворов.

Для защиты Москвы от бунтаря к столице стянули лучшие российские полки — Новгородский, Владимирский, Воронежский. Туда же направили и казачий полк Платова.

В сентябре Пугачева схватили, а в январе 1775 года казнили. Восстание пошло на убыль. Платов с полком возвратился на Дон. Однако волнение не угасло совсем. То там, то тут объявлялись пугачевцы, вспыхивали бунты.

В начале осени войсковой атаман Алексей Иловайский вызвал Платова.

— Садись и слушай, — указал он на табурет и достал из ящика стола бумагу. — Воронежский губернатор генерал-майор Потапов просит, чтобы Донская войсковая канцелярия помогла в розыске злодейских партий, кои у него объявились. Собирайся, Платов.

— Когда ехать-то?

— Нужно дать время казакам на сборы. Мы сочинили бумагу, куда она еще дойдет до станиц... Эй, урядник! — атаман хлопнул по столу. В дверях вырос дежуривший казак. — Кликни-ка хорунжего-писаря!

В ожидании писаря атаман с самодовольным видом вышагивал по кабинету. Войсковым атаманом он недавно: Екатерина своим назначением отметила его усердие в поимке Пугачева.

— Под твоим началом, Платов, будет две сотни. Смутьянов там не великое число. Возьмешь сто казаков хоперских, да еще с медведицких и бузулукских станиц. А сборное место в станице Михайловской на Хопре. Каждый прибудет о дву конь с оружием и месячным провиантом. Это уж ты сам проверь, через старшину Осипа Лощина мне донесешь. А как все прибудут и обозначится отряд, так в Хоперской крепости на всю команду получишь порох и свинец...

Вошел с большой книгой под мышкой писарь, немолодой, с вислыми усами.

— Читай, что сочинил, — приказал ему Иловайский.

Писарь откашлялся и скрипучим голосом начал:

— Рапорт войскового атамана Войска Донского Алексея Ивановича Иловайского Григорию Александровичу Потемкину о наряде двухсот казаков во главе с походным полковником Матвеем Ивановичем Платовым для поимки восставших в селах: Боцманов

поселок, Троицком, Кипец, Вяжли и Чернавке, 3 сентября 1775 года...

В распоряжении указывалось, что надлежало делать казачьей команде по прибытии ее на место. Все расписывалось в деталях, и Платов понял, что оное переписано из столичной бумаги. Слушал со вниманием, чтобы не пропустить чего и не запомнить...

Возвращался Матвей с досадной мыслью, что опять уезжает из Черкаска, а ведь надеялся сыграть свадьбу. И все уже сговорено. Невесту подобрали без него: отец высмотрел. Статная да пригожая Надежда — дочь бывшего войскового атамана Степана Ефремова. Сам Ефремов попал в опалу, зато приданое за дочью превеликое. Да и лестно было породниться со знатнейшей семьей первейших на Дону богатеев.

Выехал Матвей из Черкаска через три дня, а пока добирался да собирал на месте команду, прошел целый месяц. В Боцманов поселок, где поначалу обнаружили бунтовщиков, казачья команда попала лишь 10 октября.

В конце октября Платов послал Иловайскому донесение. В нем он писал о задержании шести подозрительных, которые отправлены в воеводскую канцелярию.

Пугачевцев в Воронежской губернии было значительно больше, чем упомянул в рапорте Платов. По этой причине в октябре туда послали донской казачий полк полковника Ребрикова и два эскадрона драгун из Тулы. А его с командой направили в Казанскую губернию.

Лишь по возвращении летом следующего года состоялась долгожданная свадьба. Через год родился первенец. Но в это время Платов уже опять был на Кубани. Потом его направили в Крым, где снова служил под началом Суворова. А когда на Кавказе объявились непокорные отряды чеченца Ушурмы, его полк в составе русского войска направили за Терек, в Дагестан. Тогда же ему присвоили армейское звание майора.

Словом, жил как сказывалось в горькой поговорке: «На то казак и родился, чтоб в любом деле пригодился».

В начале 1787 года казачий полк Платова перевели из Кубанской линии на юг Украины к небольшому местечку Чугуеву. Там создавалась Екатеринославская армия, главнокомандующим которой являлся светлейший князь и фаворит императрицы генерал-фельдмаршал Григорий Александрович Потемкин. Вскоре сюда с Кубани перевели и Суворова.

За последнее время отношения с Турцией ухудшились. Подстрекаемая Англией и Пруссией, Турция требовала вернуть Крым, признать за ней Грузию, стала чинить препятствия проходу через проливы русских судов. Ей удалось собрать в Крыму сторонников и выступить против находившихся там русских войск.

Утром Платов получил распоряжение немедленно прибыть к генерал-аншефу Суворову. «Что случилось? Зачем понадобился?» Пред каждой встречей с Суворовым он испытывал волнение: Александр Васильевич был полон неожиданностей и загадок.

Он нашел генерала в поле. Тот стоял на кургане, а перед ним маршировал выстроенный в каре батальон. Небольшого роста, в серой солдатской куртке, Суворов подавал команды стоящему у каре офицеру, энергично размахивал при этом руками. Подле него застыли два офицера.

— Ты подожди, с тобой потом, — бросил он Платову и продолжал, оборотясь к батальону: — Каре поверни влево вдруг!

Голос у него пронзительный, без всякой хрипотцы, совсем как у юноши: — Влево-о! Вперед!

Батальонное каре представляло собой замкнутое построение пехоты в центре которого располагался резерв. Строй по команде повернулся и тут же двинулся вперед. Над ним выросло серое облако. И как ни старались солдаты, а шеренги перекошились, ряды перепутались.

— Эх, козлы! — плюнул в сердцах Суворов. — Стой-й! Стой-й! — И, прихрамывая, бросился по склону вниз.

Подбежав к строю, Александр Васильевич остановился перед первой шеренгой и

топнул обувью в ботфорт ногой.

— Не так, братцы! Не так! Неужто это поворот? А где равнение?

Он не говорил, а кричал, и от желания, чтобы слова его услышали стоящие в глубине каре, приподнимался на носки.

— А от вас, господин майор, потребую объяснить оное солдатам, поелику каждый должен знать свой маневр. Разуметь, прежде чем выполнять, что и к чему. — Майор виновато щелкнул каблуками и козырнул. — Коль ранее сим делом не занимались, то сразу все не получится, Разучите вначале с каждой шеренгой по отдельности и без торопливости, а потом уже всем строем.

Утирая на ходу платком взмокшее от пота лицо, Суворов едва не побежал назад, к кургану:

— Тебе, Платов, предстоит важное дело. Вчера был у светлейшего князя Потемкина, он именем императрицы повелел создать Екатеринославское войско казачье. И назвать его не иначе, как Новодонским. Для сего призвать мужиков-одноворцов, кои состоят в Екатеринославской губернии.

— Сколько ж полков комплектовать?

— Пока, сударь, два-с. Один казачий боевой, с именем Малороссийский, а второй, Чугуевский — для конвойных дел. Но это только так, а на самом деле казаков готовь для сражения...

— А долог ли срок?

— Три месяца, батенька. И ни дня боле. Так уж повелел светлейший.

Суворов оглянулся: солдаты под команду унтеров уже учились повороту шеренгой.

— Не спешно! Не спешно! — крикнул он майору. И снова Платову: — А наказное атаманство над Новодонским казачеством вменяется тебе, полковник. Стало быть, станет у тебя под началом три полка: свой да два новых. Признаюсь, светлейший к тебе, Платов, немало благоволит...

Генерал вдруг остановился, энергично вскинул голову и посмотрел пронизательным и испытующим взглядом. Матвею Ивановичу даже показалось, будто тонкие губы Суворова вытянулись в усмешке.

— Но главное не в том. Людей пригонят, оденут и обуят. Главное, сделать их солдатами, сиречь казаками. И такими, чтоб отличие имели и в лихости и в умении. А времени для экзерциции в обрез. — Суворов нервно дернул плечом. — Что скажешь на сие?

— Скажу наперво, что благодарю за доверие. Живота своего для дела не пожалею, проявлю великое усердие. А учить казаков буду так, как учил ранее. По вашей методе, ваше высокопревосходительство...

— По моей? Откуда ж она тебе известна? — Лицо Суворова слегка дрогнуло от улыбки.

— Как же не знать? Ведь не первый год у вас под началом.

Ответ пришелся генералу явно по душе.

— Бывало ли у тебя в руках мое сочинение, Матвей Платов? «Полковое учреждение» называемое? Нет? Когда был в Суздале полковым начальником, изложил я правила экзерциции. Хотя писал и давно, однако польза сохранилась. Где-то у меня книжица осталась, на днях пришлю. Прочитай не спешно. Что полезное, присовокупи к обучению казаков.

Через неделю нарочный из квартиры генерал-аншефа Суворова вручил Матвею Ивановичу тоненькую, в несколько исписанных листов тетрадь. «Полковое учреждение» — выведено сверху.

Текст написан чернилами, и за давностью лет они несколько выцвели, листы с оборванными уголками изрядно помяты — признак частого употребления. Тетрадь Матвей Иванович прочитал от первой страницы до последней, порой задумываясь над изложением, осмысливая, что за сим крылось и как нужно поступать, обучая казаков. Много было известно, потому что корпусной начальник об этом не раз говаривал и требовал от

подчиненных генералов и полковников неперменного выполнения, однако же интерес при этом к изложению не пропал. Он понимал, что создавать казачьи полки из вчерашних мужиков, не имевших ловкости в обращении с конями и оружием, дело отнюдь не простое. Оно еще осложнялось отсутствием офицеров, которые бы смогли преподать новобранцам необходимые знания и умения.

В один из полков назначался в командиры 25-летний войсковой старшина Андриан Денисов.

— Это ничего, что еще не приходилось командовать полком, — выслушав, успокоил Платов Денисова. — Все когда-то через это прошли. Главное, чтоб было желание и старание. И не очень велика беда, что нет офицеров. В моем полку тоже их не хватает. Нужно назначать из простых казаков, но не тех, кто умеет угождать, а кто знает и любит службу, умеет показать да потребовать в обучении, а в схватке проявить отвагу да лихость. Людей поначалу в полку будет много: тысяча четыреста душ. Помогу справиться обмундирование, подошло для выучки и нижних чинов, казаков с Дону, они будут закваской в полку. Всему, что нужно для сражения, научат.

Через несколько дней в полк прибыли унтеры и способные казаки, поступило для обмундирования сукно, кожа для седел, ремни на сбрую. Вскоре пригнали и лошадей, не ходивших под седлом, норовистых и злых.

Полк Платова тоже находился вблизи Чугуева, в соседнем с Альбевским селом, полковник почти каждый день бывал у новобранцев, помогал во всем Денисову. К весне новодонцы лихо скакали, владели оружием как заправские казаки, умели дружно ходить в атаку и нападать, действовать в рассыпном строю. Платов строго следил, чтоб в обучении соблюдались суворовские правила, и повторял их:

— В нападении конница врубается прежде и ведет за собой пехоту. И везде строй! Неприятеля и его укрепления никак не бояться! Казак в битве неустрашим! Сам бог сделал его изворотливым, а потому он везде пролезет, как бы ни тщился неприятель его сдержать.

Как-то он устроил полку смотр. Проверил каждую сотню. Потом приказал пройти с песней. Все было бы хорошо, да подвел запеваала одной сотни. Затянул разухабистое:

По реке топор плывет
Из города Чугуева.

Сотня в единый голос подхватила:

Ну и пусть себе плывет
Железяка дурева.

— Что это за песня? — нахмурился полковник. — Всякая песня должна смысл иметь да пробуждать человечью душу. А эта так себе: ни богу, ни черту! Запрещаю ее!

В общем полком остался доволен, поблагодарил казаков за службу, Денисову пообещал очередной чин. А через день он вызвал командира полка и, не глядя в глаза, сказал:

— Сдай, Денисов, полк Иловайскому.

— Как, сдать? Почему, ваше превосходительство?

— Я тут ни при чем, Андриан. Так повелел светлейший, князь Потемкин.

Денисова чуть удар не хватил. Платов понял его состояние, посочувствовал:

— Буду у Александра Васильевича, пожалуйось да попрошу тебе помочь. Моей власти мало.

Матвей Иванович сдержал слово, рассказал Суворову. Тот выслушал, покачал головой:

— Светлейшего сразу не убедишь. Наверняка он решил насолить его дяде — генералу. Уж зело не любит он Денисовых... Ну, да попытаюсь помочь.

Недели через две, возвратясь от Суворова, Платов приказал Денисову:

— Принимай, Андриан, полк. Правда, не свой, другой, но полк есть полк. И готовь его

к ратному делу. Желая удачи!..

Спустя десять лет судьба сведет генерала Денисова с генералиссимусом Суворовым в Итальянском и Швейцарском походах. Отблагодарит Андриан Карпович великого полководца спасением жизни: на руках вынесет из-под обстрела, с того самого места, куда минуту спустя угодит неприятельское ядро.

По весне возглавляемые Платовым полки направились к Очакову. В авангарде колонны шел полк Денисова. Поход был долгим, продолжался почти две недели, и ни один день не обходился без учений: то вдруг откуда-то появлялся невидимый неприятель и его отражали, то казаки сами обрушивались лавой на незримого врага, а однажды Платов поднял среди ночи уставших людей и повел их в атаку в пешем строю с дротиками. Потом объяснил:

— Казак должен действовать не только верхом, но и пеши и уметь владеть укороченной пикой не хуже, чем саблей.

А за два перехода до турецкой крепости Очаков удалось проверить полки в настоящем деле. Под утро, когда войска еще располагались лагерем и готовились к выходу, прискакал казак:

— Турки! Тьма их тьмущая! Никак нам не одолеть!

Нападения ожидали еще с вечера, и дородный Пален, начальник всей колонны, предупредил тогда Платова:

— В пекло без моей команды не лезь, сомнут! Без главных сил тут не обойтись.

Турок действительно было намного более казачьего авангарда. Однако у Матвея Ивановича возник свой план. Он словно забыл предупреждение начальника. Приказал полкам отступать. И увлек за собой часть неприятельской кавалерии. А когда турки оторвались от главных сил, Платов повернул полки и ударил по неприятелю в дротики. Не ожидавшие такого, турки не смогли оказать сопротивления и были жестоко биты.

Преследуя неприятеля, платовский отряд достиг крепости Очаков, у которой уже находились русские войска.

Очаковская крепость являлась опорным пунктом турецких владений на Черноморском побережье. Она была построена в незапамятные времена, Кара-Керман называли ее турки, что означало Черная крепость. Возвышаясь на высоком берегу Днепровского лимана, она надежно охраняла вход в него. С юго-востока тонкой стрелой тянулась к крепости Кинбурнская коса. На ней располагались русские войска, крепость и орудия преграждали турецким кораблям путь в Днепр.

1 октября 1787 года под прикрытием артиллерийского огня на Кинбурнскую косу высадился турецкий десант. Примчавшийся в крепость гонец застал Суворова в походной церкви.

— Ваше превосходительство, там турки! Наши едва их сдерживают!

— Все ли они высадились?

— Никак нет! Половина еще в море!

— Пусть все вылезут, — продолжал молиться Суворов.

Вслед за казаком явился генерал-майор Рек, начальник Кинбурнского гарнизона.

— Я домолюсь, а ты тем часом посылай за подкреплением, — приказал Суворов, продолжая отбивать поклоны. — Да сам к месту сражения несись. Я подспею позже.

Полководец в единое мгновение оценил обстановку и принял решение. Смысл его состоял в том, чтобы десант не только столкнуть с косы в море, но уничтожить его, используя выгодность положения русских войск.

Сражение продолжалось почти девять часов. Был тяжело ранен отважный генерал Рек, дважды пулей в руку и картечью в бок ранен Суворов. Плечом к плечу с солдатами пехотных полков сражались три казачьих: Орлова, Исаева, Иловайского. В решительный момент казаки внезапно атаковали неприятеля с фланга, врубившись в боевой порядок и нанесли серьезное поражение. Турецкий десант был разгромлен окончательно. Из пятитысячного отряда уцелело едва семьсот человек. Среди погибших был начальник десанта бесшабашный Эюбага. А осада Очаковской крепости продолжалась. Хотя светлейший князь Потемкин и

был наиглавнейшим среди военных, однако он не был полководцем: не решался взять на себя дело штурма. Не раз Суворов уговаривал его проявить решительность.

— Сия крепость, что зуб негодный, которому одно лечение — долой!

— Солдатская кровь не водица, она дороже всего, а Очаков возьмем измором. И противу Швеции силы нужно приберечь, — отвечал Потемкин.

В июне шведское правительство, опасаясь усиления влияния России в Балтийском море, объявило ей войну.

— Осада погубит людей более, чем штурм, — настаивал Суворов.

Вопреки желанию главнокомандующего он 27 июля предпринял попытку ворваться в крепость.

Было так. Используя внезапность, турки сделали против русских войск вылазку. Находившийся поблизости Суворов во главе пехотного батальона и казаков не только отразил нападение, но и пустился в преследование. Солдаты и казаки были уже у ворот, стоило лишь усилить натиск, чтобы преодолеть сопротивление врага и ворваться в крепость, но от Потемкина последовал строгий — третий по счету — ордер: прекратить бой и отступить. К тому же турецкая пуля угодила в шею генерала. Обливаясь кровью, Суворов вынужден был дать команду отступать.

Взбешенный Потемкин распорядился отправить Суворова в Кинбурн, подальше от Очакова, чтобы более он не мог поступить вопреки его воле.

Подошла зима, в тот год суровая и снежная, с ветрами и метелями. Солдаты и казаки укрывались в землянках, утеплив их камышом. Камыш же служил и топливом, благо его на лимане было в избытке. Подвоз продуктов и фуража осложнялся. Люди бедствовали. Начались болезни. От бескормицы падали казачьи кони.

Но главнокомандующий все же не решался на штурм, надеялся на здравомыслие сераскера. А тут проползли слухи, будто к крепости должна подойти главная турецкая армия и что подступы к ее стенам заминированы французскими минами.

Но были и не только слухи. В конце октября корабли доставили в крепость продовольствие и полторы тысячи янычар. В ней теперь находилось тринадцать с половиной тысяч солдат и триста пятьдесят орудий. Командовал гарнизоном опытный сераскер трехбунчужный Хусейн-паша.

Используя нерешительность Потемкина, он стал предпринимать дерзкие вылазки. В одной турки попытались захватить брешь-батарею, которая накануне ядрами пробила стену крепости. Ворвавшись в расположение артиллеристов, они стали заколачивать в стволы порох, чтобы взорвать орудия.

На помощь артиллеристам бросились солдаты во главе с генералом Максимовичем. Завязалась рукопашная. Орудия удалось отстоять, однако турки захватили наших раненых и самого генерала. Через несколько дней их казнили, головы выставили на стенах крепости. Голова генерала насажена на самый высокий кол.

— Хватит! — вышел из себя Потемкин. — На шестое декабря быть штурму! Разработать диспозицию!

Свинцово-тяжелые облака надвигались с моря. Они плыли так низко, что возвышавшиеся на береговой круче стены и башни крепости цепляли их и окутывались призрачно-живой пеленой.

Ударили орудия. Они били по Очакову, разрушая укрепления, дома, уничтожая защитников. Часть пушек била по стене, чтобы сделать в ней проломы, через которые бы ворваться в крепость. Удачный выстрел угодил в пороховой погреб, и он взлетел на воздух, поражая вокруг все живое. Горели дома, и над крепостью злобно металась языки пламени.

По приставленным к стенам лестницам взбирались казаки Платова. В его подчинении тысяча человек, остальные двести — на конях, в резерве.

— Давай быстрее! Не мешкай! — кричали нижние. Но те, кто находился наверху лестниц, и без того торопились. По ним стреляли из амбразур выступающей справа башни.

— Подоспело и наше время, — сказал Платов и широким шагом побежал к ближней лестнице. Оттеснив очередных, он проворно стал взбираться.

— Я здесь! — подал голос его ординарец, стараясь не отстать от начальника.

А за стеной кипел бой: смельчаки-охотники и казаки схватились с турками врукопашную. Слышались крики, команды, ружейные выстрелы, поблизости рвались ядра. Хотя и медленно, казаки все же теснили турок от стены к кривым улочкам.

Едва Платов выбрался на стену, как у самого уха просвистела пуля. Не раздумывая, он спрыгнул с высоты на землю. Не удержавшись, упал на бок. Тут же вскочил, прихрамывая, побежал к дерущимся в первой цепи.

Увидев его, казаки ободрились, стали действовать уверенней.

— Тесни, братья! Тесни супостата!

— Поосторожней, ваше превосходительство! Сюда, в укрытие, — подсказывал ординарец.

Но разгоряченного командира подмывало вломиться в гущу дерущихся. Он не замечал ни двадцатиградусного мороза, ни острого, секущего кожу ветра, ни боли в лодыжке.

Десятку дюжих казаков удалось ворваться на оружейную позицию и там схватиться с артиллеристами. Те отбивались лопатами, банниками⁴, ломами. У одного казака саблю выбили из рук, но он не растерялся: выхватил из-за пояса пистолет, рукояткой проломил турку голову, банник оказался у него.

— Бей, Митюха! Круши их!

Турецкий офицер выстрелил в казака. Пуля угодила в щеку. Качнувшись, казак устоял на ногах, промышчал несуразное, выплюнул вместе с зубами кровавый шматок. По подбородку, по шее текла кровь.

Двое рассеченных саблями турок лежали у орудий. Казаки же, цепко ухватив колеса, разворачивали пушку в сторону противника.

— Садани, Иван!

— Сейчас... сейчас... — приговаривал тот, суетясь у пушки. — Сейчас...

Он поднес фитиль, и орудие, прогремев, откатилось назад, сбив зазевавшегося казака, Ядро угодило в стену, выбило дымное облако и град камней.

С соседней улицы к казакам подоспели егеря из колонны генерала Кутузова. Как и казаки Платова, они тоже наступали в направлении дворца сераскера. Зажатые с двух сторон, турки рассыпались на разрозненные группы и ожесточенно сопротивлялись.

Платову с казаками удалось первому ворваться во дворец, где засел Хусейн-паша с остатками гарнизона. Крепкий, с крашеной бородой сераскер сражался вместе с янычарами. Одному казаку удалось пробиться к нему, он уже было занес саблю, чтобы рубануть по голове с зеленой чалмой.

— Не тронь! Взять живым! — приказал Платов. По сверкавшему на чалме бриллианту он догадался, кто перед ним.

Пленных обезоружили, вывели на площадь. Подошел раскрасневшийся на морозе Кутузов. Тут же показалась и свита во главе с Потемкиным.

— Ваша светлость, — поспешил к нему Кутузов, — пред вами пленный комендант крепости сераскер Хусейн-паша.

— Где он?

— А вот, в зеленой чалме.

Потемкин уставился сверху, с седла, на турка.

— Это по твоей милости столько пролито крови! Посмотри, сколько убиенных! — указал на лежащие вокруг трупы.

— Молчи, начальник! Каждый из нас выполнял свой долг, — ответил Хусейн-паша. — А за пролитую мусульманами кровь я отвечу перед аллахом.

⁴ Приспособление для чистки оружейного ствола.

Штурм крепости продолжался менее двух часов. Было захвачено около четырех тысяч пленных, 323 пушки и мортиры, 180 знамен. Матвей Платов удостоился первого ордена Георгия.

А вскоре его полки перебросили в Валахию, и там опять им пришлось действовать бок о бок с солдатами корпуса Михаила Илларионовича Кутузова.

13 сентября 1789 года произошло сражение у Каушан. Оно было непродолжительным, но кровопролитным. Подойдя к селению, Платов с высоты обозрел местность, расположение неприятеля и тотчас принял решение.

— Атаковать незамедлительно! — и повел полки в атаку. Никак не ожидавший такой стремительности, неприятель в панике бежал. Преследуя его, казаки захватили сто шестьдесят пленных, три орудия, два турецких знамени. В плен угодили и сам трехбунчужный паша Зейнал-Гассан, анатолийский бей.

Узнав о столь блистательной победе, всесильный Потемкин, являвшийся президентом Военной коллегии, произвел Платова в чин бригадира и назначил походным атаманом Войска Донского.

Овладев Каушанами, казачий отряд устремился к крепости на Днестре Паланке. И так же с ходу овладел ею. Путь лежал к Аккерману. Поутру 28 сентября платовцы ворвались в Аккерман с такой стремительностью, что, казалось, неприятель преднамеренно распахнул перед ними ворота города. Повсюду на окнах домов население выбрасывало белые полотнища.

Платов с помощниками находился в полуверсте от города, когда прискакал гонец атаманского полка. С трудом сдерживая разгоряченного коня, доложил:

— Город наш! Турок убег! За ним аж пыль столбом! Наши пустились в догонку...

«Быстрота, натиск, глазомер», — вспомнил бригадир правило Суворова и прищпорил норовистого жеребца.

— За мной, мар-рш!

Измаил

Вот уже третий месяц как русские войска топчутся у измаильской крепости и не могут ее одолеть. Дважды пытались штурмовать — и безуспешно. Пробовали пойти на уговоры, но опытный сераскер Айдос Мехмет-паша ответил решительным отказом. С высоты восьмисаженной крепостной стены турки издевательски горланили обидное, палили в приближавшихся к крепости смельчаков.

Расположенная на крутом берегу и защищенная с тыла Килийским рукавом Дуная, крепость имела мощные редуты, крутой, до шести саженей высоты вал, перед ним ров в десять саженей ширины и более шести глубины. Крепость оборонял гарнизон в тридцать пять тысяч человек при двухстах шестидесяти орудиях.

Главнокомандующий Екатеринославской армией светлейший князь Григорий Потемкин неистовствовал в своих Бендерах.

— Да разве эти индюки смогут что-либо сделать! Им бы только чины да ордена!

Огромный, с черной повязкой на глазу, в накинутом поверх белья халате, он вышагивал по кабинету, размахивая полученным из Измаила письмом. Находившиеся там генералы самочинно приняли решение уйти из-под крепости на зимние квартиры. Объясняли, что много больных, в войсках уныние, нет провианта, да и сил для штурма недостаточно. С запоздалым уведомлением, сняв осаду, войска уже начали отход.

— Уйти-то уйдут, а как потом нам придется умаливать пыл Пруссии да Франции? И матушка нетерпелива в настойчивости!

В ходе войны с турками русской армии удалось овладеть расположенными недалеко от Дуная крепостями Тульча, Исакча, Килия. Гребная флотилия де Рибаса вытеснила неприятеля с широкого устья реки. Почти вся огромная территория очищена от врага. И только Измаил с его первоклассной крепостью, построенной французскими инженерами, как

бельмо в глазу. Крепость стоит на пути русской армии в Добруджу. Боеприпасов в ней изобилие, провианту хватит до весны. Потому-то и неуступчивы турки в начавшихся переговорах в Журжево, отвергают разумные условия, выдвигают свои, лишь бы выиграть время. А императрица требует заключения мира, невозможного, пока не взят Измаил.

Испив квасу, светлейший продолжал извергать хулу на генералов. Если бы под Измаилом не сидел бы его двоюродный братец Сашка Самойлов да родной племян Павел Потемкин, он бы показал всем, как без согласия принимать решение! В порошок стер бы!

— Пиши ордер! — сказал он дежурному генералу и стал диктовать: — Предприятие по овладению турецкой крепостью Измаил перепоручить генерал-аншефу Суворову. Упомянутому срочно поспешить для принятия всех частей под свою команду. Записал?.. А этим индюкам немедленно послать депешу, чтоб войска поворотить назад!

Подписав ордер, Потемкин подумал, что для Суворова, кроме ордера, надобно послать от себя письмо: старик не без каприза.

— Дай-ка перо! Присовокуплю к ордеру собственноручное.

Перо не писало. Потемкин почесал им в голове, макнул в пузырек с чернилами. «Измаил остается гнездом неприятеля. И хотя сообщение прервано через флотилию, но все же он вяжет руки для предприятий дальних, моя надежда на Бога и на Вашу храбрость. Поспеши, мой милостивый друг! По моему ордеру к тебе присутствие там лично твое соединит все части. Много тамо разночинных генералов, а из того выходит всегда некоторый род сейма нерешительного. Рибас будет Вам во всем на помощь и по предприимчивости, и усердию; будешь доволен и Кутузовым; огляди все и распоряди, и, помолясь Богу, предпринимайте. Есть слабые места, лишь бы дружно шли».

Получив ордер и письмо, Суворов в тот же день выехал из Галаца. 2 декабря он был уже на месте, тотчас приказал вызвать генерала Кутузова, бригадира Платова, адмирала де Рибаса.

— Когда ж Александр Васильевич прибыл? — справился у примчавшегося офицера Платов.

— А только что. Сел обедать, а меня за вами выслал.

— Ах, неугомонная душа! — произнес Матвей Иванович и стал спешно натягивать сапоги. — Ну, он встряхнет всем душу! Заставит вертеться! Он-то от крепости не отступит.

Суворов расположился вместе с денщиком Прошкой и ординарцем казаком Прохором Дубасовым в хате-мазанке. Облаченный в легкий канифасный кафтан, Александр Васильевич сидел за столом и что-то говорил Кутузову.

— А вот и Платов! — сказал он так, будто видел вошедшего не далее, как вчера. Бригадир почти касался шапкой потолка. — Ты садись, садись, — и указал на табурет.

Матвей Иванович сел, прислушался к разговору.

— От штурма нам никак не уйти. За крепость будем драться, — говорил Суворов. — Надо, чтобы каждый солдат и казак, не говоря уж об офицерах, прониклись сей мыслью. А по сему надобно построить подальше от Измаила нечто подобное рва да крепостной стены и учить на них штурму. И заготовить поболее фашинов да лестниц. Учить настойчиво, без послаблений. Не бояться недовольных мыслей да поту солдатского и офицерского. Больше поту, меньше прольется крови. И еще о чем думаю да что потребую: укомплектовать маломощные роты, особливо те, что первыми пойдут на штурм. Подвезти к орудиям заряды. Главное же — внушить солдатам и офицерам чрез учебу да дела спорые дух уверенности в успехе.

Тучный Кутузов слушал Суворова со вниманием, лишь изредка слегка кивал большой головой в безусловном согласии.

Слушал его и Матвей Иванович, мысленно отмечал, как постарел новый командующий. Взбитый над высоким лбом кок совсем побелел, шея в старческих складках.

Впервые Матвей Иванович увидел Суворова двенадцать лет назад, в 1778 году. Он тогда с полком стоял в одной из станиц Кубанской линии, а Александр Васильевич прибыл, чтобы принять под свое начало от генерала Бринка Кубанский корпус. Всех поразила

необыкновенная энергия и решительность нового начальника. Не щадя себя, он без устали с утра и до ночи пребывал в войсках, вникая в такие мелочи солдатской жизни, о которых не всегда помнил и самый дотошный унтер.

— Завтра же изволь, генерал, учить своих солдат штурмовать стены. Потемкину и Самойлову я скажу особливо. От тебя сея учеба должна начаться.

Кутузов заерзал на табурете, приподнялся, коротко ответил:

— Слушаюсь. Будет исполнено.

Суворов перевел взгляд на Платова.

— Неужто и ты, Матвей, приложил руку к генераловой отписке? — Суворов достал табакерку, заложил в ноздрю понюшку и сладостно чихнул.

— Какой отписке, ваше сиятельство? — осторожно спросил Платов.

— Будто не знаешь? — и пояснил: — Чтоб отвести от крепости войска.

— Казачье войско представлял Орлов. Он — старший и, стало быть, его слово было последним.

Орлов тоже бригадир. По годам он старше Платова на семь лет, к тому же покровительствовали родственники светлейшего, Павел Потемкин и Александр Самойлов.

— А сам-то как думаешь? Небось пригласили б, приложил бы руку?

— У меня на сей счет свое мнение...

Платов не договорил, дверь распахнулась, и в комнату не вошел, а ворвался черноволосый, с резкими чертами нерусского лица среднего роста человек.

— Генерал-майор де Рибас, — произнес он с заметным акцентом.

Суворов, не подав руки, сдержанно поклонился, указав на скамью у стола. Вошедший сдернул с головы треуголку, сел.

Происхождение де Рибаса трудно объяснимое: отец — испанец, мать — из знатной фамилии лордов Ирландии, родился же в Неаполе, в семнадцать лет стал подпоручиком сардинской армии. Получив хорошее образование, говорил почти на всех европейских языках. На него обратили внимание начальник российских войск и флота на Средиземном море граф Орлов-Чесменский, предложил службу волонтером в черноморском флоте. Де Рибас дал согласие, и в 1772 году прибыл в Россию.

Обласканный в Петербурге, он отбыл в действующую армию к фельдмаршалу Румянцеву. В сражениях проявил себя весьма отважно и по возвращении в Петербург его назначили цензором Кадетского Шляхетского корпуса, пожаловав чин премьер-майора. Но и в этой должности он пробыл недолго: снова был направлен в войска.

В конце 1780 года в звании полковника де Рибас принял легкоконный полк и с ним отправился в Екатеринославскую армию. В штурме Очакова он один из первых ворвался в крепость и был отмечен за смелость. Потом, командуя конным отрядом, де Рибас лихо прошел побережьем до самой крепости Хаджибей⁵ и даже далее до Аккермана.

А Дунайской гребной флотилией он стал командовать с прошлого года, после того как подал светлейшему Потемкину заманчивую мысль:

— Надобно затопленные турецкие фелюги поднять со дна речного да приспособить к плаванию. В Дунае их немало, и места известны.

Светлейший выслушал, раздумал и изрек:

— Недурна мысль, совсем разумна. Вот тебе, Рибас, ее и выполнять. Достанешь турецкие фелюги, починишь их дапустишь вплавь, станешь командовать той флотилией.

Вскоре с десятков затопленных турецких судов подняли со дна, залатали, починили, и де Рибас стал командующим флотилией. Дерзкими рейдами он заставлял турецкие шхуны покинуть устье Дуная, и русские гребные да парусные суда стали беспрепятственно бороздить многочисленные рукава реки.

Суворов вызвал де Рибаса еще и потому, что в ноябре прошлого года его отряд вместе с

⁵ Нынешняя Одесса.

запорожскими казаками пытался ворваться в Измаильскую крепость. Предприятие кончилось неудачей, однако адмирал мог сообщить полезное. Теперь главные силы его флотилии сосредоточились у лежащего против Измаила острова Четал.

— Ответь, адмирал, в каком состоянии твоя артиллерия на острове? — спросил Суворов.

— Четыре батареи в полном комплекте.

— А ядер сколько? Каков их запас?

— На неделю стрельбы хватит.

— А как челны?

— Флотилия, ваше сиятельство, в полной готовности, все двести судов, — де Рибас замялся, потом вдруг объявил: — Я имею доложить вам план штурма крепости...

— Захватить крепость, это не то что изловить Тараканиху, — заметил Суворов.

Адмирал не любил, когда ему напоминали о похождениях молодости, особенно на шумевшем деле похищения в Италии княжны Таракановой, выдававшей себя наследницей русского престола. В том деле он сыграл немаловажную роль.

— Не сердчай, Осип, — заметил недовольство де Рибаса Суворов. Он назвал его русским именем. — Чего в голову старику не взбредет. Ну, изволь изложить свои мысли насчет Измаила. Умное приемлю, плевелу отмету.

Де Рибас развернул свернутый в трубку лист, расправил края. Суворов склонился над ним. За его спиной застыли Кутузов и Платов. Де Рибас начал объяснять, но Суворов прервал его:

— Помолчи, сам пойму!

Крепость в плане напоминала треугольник, большая сторона которого опиралась на Килийский рукав Дуная, две другие сходились вдали от реки тупым углом. Против восточной стороны располагались войска Самойлова, с запада Потемкина, а с юга, за широким рукавом Дуная — гребная флотилия де Рибаса.

Искусной рукой вычерчены орудия, означавшие батареи, кораблики — суда, на которых должны переправляться войска, пунктиром обозначен путь движения этих судов и места причаливания у крепости. На каждой стороне двое ворот: на восточной — Килийские и Бендерские, на западе — Бросские и Хотинские.

— Все ворота забросаны камнями да бревнами, чрез них в крепость не попасть, — пояснил Платов известное ему от казаков-охотников.

— Сегодня завалены, завтра отвалены, — ответил Суворов, всматриваясь в план. Он словно искал в нем скрытую головоломку.

Нет, на бумаге никак не изобразить того, что представляла в действительности крепость. Глубокий, охватывающий ров, простреливаемый с крепостных стен и бастионов. Он заполнен водой. Перед рвом высокий из заостренных кольев палисад. На нем вал, на нем — каменная стена. В изломах возведены бастионы с амбразурами для пушек и бойницами для стрелков. Они вооружены французскими и английскими ружьями. Стена, протянувшись почти на семь верст, упирается в Дунай.

На плане изображены две короткие толстые стрелы, одна нацелена на западную стену крепости, вторая на восточную.

— Что сие должно означать? — спросил Суворов.

— Это — главный удар, — отвечал де Рибас.

— И там тоже главный удар? — Александр Васильевич перевел взгляд на вторую стрелу. — Два главных удара? Возможно ли такое? Какой же из них главней? Иль затрудняешься, какому из родственников светлейшего отдать предпочтение? Скажи, с какой из трех сторон крепость более уязвима? Не молчи!.. Ну, тогда я отвечу: со стороны Дуная. Уж эту крепостцу я преотлично знаю. Ведома она мне со всеми бастионами. Ранее бывал в ней.

Крепость Александр Васильевич знал с прошлой русско-турецкой войны^б, когда войска корпуса Репнина овладели Измаилом. Однако по условиям Кучук-Кайнарджийского договора 1774 года ее пришлось возвратить Турции.

— Со стороны Дуная и надобно нанести главный удар, — закончил мысль Суворова Кутузов.

— Туда бы пустить еще казаков, — предложил Платов.

— Вот-вот, — оживился Суворов. — Ты слышал, Осип? Главный удар по крепости мы нанесем с Дуная. И поручим сие предприятие тебе. Потемкин да Самойлов в помощь пойдут. Ты ударишь с юга, а они тебе навстречу. И прежде всего колонна вот его, Кутузова. Он будет, как думается мне, наступать на Килийские ворота. Там же мы установим сильную, орудий на сорок, батарею.

План штурма Александр Васильевич уже наметил, однако не решался его высказать до рекогносцировки.

Неприятеля нужно обмануть, заставить его поверить, что главный удар будет нанесен с суши, а никак не со стороны Дуная. А отвлечь турок от реки возможно ложной демонстрацией.

Нужно сосредоточить на виду у турок поболее артиллерии у Бросских и Килийских ворот, а пушки де Рибаса прежде времени не выказывать. И свой командный пункт назначить против Бендерских ворот, на Трубаевом кургане. Пусть Айдос предполагает, что главное войско там.

Вся неделя прошла в заботах и подготовке к штурму. Войска ладили фашины да лестницы, от зари до зари учились преодолевать рвы и взбираться на валы. Турецкому паше Айдосу Суворов послал решительное: «Я с войсками сюда прибыл. Двадцать четыре часа на размышление — воля, первый мой выстрел — уже неволя, штурм — смерть. Что оставляю на ваше рассмотрение...»

9 декабря Суворов назначил Военный совет, пригласив на него генералитет.

Штаб-палатка находилась на высоком Трубаевом кургане, с которого просматривались подступы к крепости.

Кутузов, завидя Платова, помахал рукой:

— Сказывают, в штурме соседями будем. Вы пятую колонну возглавляете, я — шестую, наступаю на Килийские ворота.

— А пятая куда?

— Навстречу де Рибасу. У него на правом крыле бригада Арсеньева, так вы как раз против нее. Это точно. Штабные диспозиции сказывали... Да вот, кажется, и сам Александр Васильевич жалуется, — по дороге катила коляска.

— Господа генералы! Прошу в палатку! — возвысил голос генерал-поручик Самойлов. Среди всех он был старшим.

Они уселись за длинный стол. Платову места не нашлось, и он, приметив в углу пустое ведро, пристроился на нем.

Кроме Платова, здесь были равные с ним чином бригадиры Василий Орлов и Федор Вестфален. Соблюдая субординацию, они тоже сидели поодаль. Генерал-майоры располагались поближе: Николай Арсеньев, Сергей Львов, Ласси, граф Илья Безбородко, Федор Мекноб, Петр Ртищев, Михаил Голенишев-Кутузов. Ближе других к месту командующего находились Павел Потемкин, Александр Самойлов и де Рибас.

Суворов вошел решительным шагом.

— Господа генералы! — подал команду Самойлов. И все разом встали. Платов задел шпорой ведро, и дужка звякнула.

— Садитесь! — махнул рукой Суворов. — Прежде чем начать главное, хочу спросить, граф, как идет солдатская выучка? — обратился он к Павлу Потемкину.

^б Войны 1768–1774 гг.

Моложавый, румянощекий генерал поднялся.

— Все учатся, как велено вашим приказом.

— Я-то велел, да не все стараются. Кое-кто считает это пустой затеей. Берегут себя, особливо господа офицеры. Ныне был я на учении, у села Сафьяны, остался недоволен. А вы сами-то, граф, бывали там?

— Никак нет...

— Все некогда небось? Побывайте, непременно поглядите сами да вмешайтесь в дело. Успех штурма от солдата зависит, от умения его и сноровки. — Суворов говорил негромко, словно бы сам с собой, а на лице Потемкина выступил пот.

— А сейчас о главном. — Александр Васильевич сделал паузу, скупко кашлянул. — Находимся мы у Измаила, господа генералы, отнюдь не затем, чтобы зимовать у стен его. Да-с, не затем. Дважды подходили к крепости и дважды отступали. Теперь нам ничего более не остается, как взять ее или умереть.

Суворов вскинул голову и, словно ожидая ответа от находящихся в палатке военачальников, медленно обвел каждого взглядом. Матвею Ивановичу показалось, что на нем взгляд командующего задержался, и неожиданно для себя он поднялся:

— Никогда прежде страха мы не ведали, не ведаем и ныне.

— Согласен, — продолжал Суворов. — А если и ведали, то шли чрез оный и побеждали. Отступление в третий раз для нас смерти подобно. Никак невозможно. Словом, господа, я решил овладеть Измаилом или погибнуть под его стенами.

За палаткой послышался конский топот, голоса.

— Ваше превосходительство, прискакал из крепости к нам парламентар! — сообщил адъютант.

— Давай его сюда!

Вошел офицер. В руках пакет.

— Мехмет-паша прислал ответ на ваш ультиматум.

Суворов неторопливо разорвал пакет.

— Где толмач? Пусть переведет написанное!

— Мехмет-паша просит, — стал тот читать послание, — еще десять суток... Это время ему необходимо, чтобы получить от визиря разрешение.

— Ну нет! Рассчитывает на простаков! Думает перехитрить нас! — Суворов зашагал по палатке, кляня турецкого начальника. Подошел к столу, хлопнул ладонью по посланию. — Пиши ответ: Сераскеру измаильскому Мехмет-паше... Написал? Получа ваш ответ, на требование никак согласиться не могу... и против моего обыкновения еще даю вам срок сей день до будущего утра... Все! Брызгая чернилами, Александр Васильевич решительно вывел подпись.

— А еще этот Мехмет-паша высказал, что скорей Дунай остановится и небо упадет на землю, чем сдастся Измаил, — передал офицер.

— Незачем Дунаю стоять, а небу падать. Отправляйте ответ в крепость.

Офицер вышел. Было слышно, как он скомандовал:

— Трубач и казак, на коня! Навесить на пику белый лоскут! За мной! — И по мокрой, не схваченной морозом земле зашлепали копыта.

— Так вот, господа, — обратился к генералам Суворов. — Все, что я высказывал, это мое мнение. Устав же воинский требует заслушать каждого, в чем я и подчиняюсь.

В воинском уставе, составленном еще Петром I, указывалось: «Генерал своею собственной волею ничего важного не начинает без имевшего наперед военного совету всего генералитета, в котором прочие генералы, паче других советы подавать имеют».

— Так вот, господа, на сем листе прошу изложить каждому свое мнение, не сносясь ни с кем, кроме бога и совести. — Резко повернувшись, Суворов вышел. На столе лежал лист бумаги с решением командующего. Согласный с ним должен был расписаться.

— Дозвольте мне, господа, по праву младшего, — поднялся Платов.

— Прошу, — взглянул на него через плечо Самойлов.

Матвей Иванович подошел к столу, обмакнул заточенное гусиное перо в чернильницу, вывел: «Бригадир Матвей Платов».

Он знал и силу крепости, и слабость казачьих полков, которыми командовал, и то, что люди обносились, а от дождей и промозглой погоды многие болели. Однако он верил Суворову, знал, что этот человек прибыл сюда с твердым намерением добиться победы, а за Суворовым он готов был идти в огонь и воду.

Военный совет единогласно решил крепость штурмовать.

Штурм Суворов наметил провести девятью колоннами. Общее руководство тремя первыми осуществлял Павел Потемкин. Его колонны наступали с запада. Четвертая и пятая, состоящие из казачьих войск, штурмовали с северо-востока, ими командовал Илья Безбородко. Шестая колонна, предводительствуемая Кутузовым, двигалась с востока. Штурмовавшие крепость с юга три колонны де Рибаса должны были, переправившись на судах через Дунай, ворваться в крепость.

Бригадир Платову вручалась под начало пятая колонна. Она состояла из пяти тысяч казаков, ей предстояло атаковать восточную часть крепости, согласовывая свои действия с четвертой колонной бригадира Орлова и шестой — Кутузова. В дальнейшем же, в крепости — с колонной Арсеньева, которая переправлялась через Дунай.

Разложив карту и листы с текстом диспозиции, Суворов объяснил план штурма:

— Действия начнем чрез последующую ночь. А завтра с рассветом учиним артиллерийскую канонаду. И стрелять по крепости весь день и ночь тоже. А за два часа перед рассветом будет дана ракета, по которой всем подняться и, блюдя осторожность и тишину, шагать к крепости. К этому времени всем — от генерала до солдата — быть в полной готовности. Учинить нападение по единому сигналу, он последует в пять часов. Ночь употребить на внушение людям мужества и твердых мер к успехам, однако медлениями к приобретению славы не удручать. Вот так-то...

Платову Суворов сказал:

— Перед колонной пусть идут по пяти десятков человек с топорами, кирками да лопатами. А как дойдут они до лощины Старой и Новой крепости, так должны взломать палисад и тем расчистят путь колонне. А взошедши на вал, ставить лестницы и решительно взбираться на стену. Там резко продвигаться к реке, чтоб помочь высадке с флотилии, а тысяче, что позади передних, бечь налево к бастионам Новой крепости, к Килийским воротам и помочь солдатам Кутузова. А еще, Платов, запомни: всем казакам, определенным к штурму, иметь короткие дротики для способнейшего действия...

Матвей Иванович вышел из палатки. День был ясный и не по-зимнему теплый. Вдали темнели высокие стены крепости. Он представил, как завтра с зарей это грозное укрепление затянется дымом и пальбой пятиста русских орудий и как, наверняка, турки ответят тем же. И грохот канонады будет великий. А потом уже, на рассвете следующей ночи, он, атаман Платов, поведет свою колонну на штурм. Мелькнуло, что, возможно, это будет его последний штурм. Но он тут же отогнал прочь мысль. Его окликнул де Рибас:

— Помни же, бригадир, об уговоре. Живота не щади, только рвись без промедления к Дунаю. Твой успех — это наш успех.

— Не извольте сомневаться, господин адмирал. Я своему слову верен, а казакам в схватке нет удержу, они дерутся без огляду.

— Верю и тщу себя надеждой повстречаться в крепости.

Стояла глубокая декабрьская ночь. Войска уже находились на условленных местах. Казаки ждали команды, офицеры поглядывали на часы.

За два часа до рассвета с Трубаева кургана, где находилась палатка Суворова, взвилась ракета.

— Ну, с богом, ребяташки, — сказал Платов, перекрестился и широким шагом пошел впереди колонны по разведанной накануне тропке с расставленными на ней проводниками из казаков.

Полторы сотни рабочих (так звали саперов) с топорами, ломami, лопатами, согласно диспозиции, ушли к крепости раньше.

По-прежнему палили орудия, правда, не так оживленно, как днем, и так же редко, нехотя отвечали турки: то ли устали, то ли берегли заряды до решающего часа. Над крепостью пылало алое зарево пожаров, и порой из-за вала вздымались быстрые ярко-огненные языки. Горело сразу в нескольких местах.

Казачи подошли к крепости. Колонна на пути растянулась, и предусмотренная диспозицией остановка была как нельзя кстати. Приближался рассвет, от Дуная напoлз белесый туман, в котором скрылись и стены крепости и все, что лежало ближе.

И вот команда на штурм. Пошли на сближение тихо, в надежде без шума преодолеть ров, забросав его фашинами — туго стянутыми вязанками хвороста из прутьев. Однако то, что увидели, немало озадачило тех, кто шел впереди: перед ними простирался ров, а в нем была вода.

— Бросай фашины! — послышалась команда.

Полетели тугие вязанки, но они плавали, а подступиться к стене можно было лишь преодолев ров. Сверху, справа и слева зачастили выстрелы, они слились в пальбу. Потом громыхнуло, и у самого рва, где суетились казаки, сверкнуло пламя. Еще один взрыв: на этот раз ядро угодило в людскую гущу. Кто-то вскрикнул, послышался стон. Люди отшатнулись. Но следующий взрыв прогремел у частокола палисада, вздыбив и разбросав заостренные колья.

— Что, казаки, дрогнули? Аль простуды испугались? — послышался голос Платова. — А ну-ка, пропустите! — Он решительно шагнул ко рву, ступил в воду. Вслед за ним шагнул какой-то казак.

— Да тут, братцы, только по грудки!

И сразу же пошли все, будто пред ними не было ни рва, ни воды, ни турецких пуль да ядер. С берега протолкнули лестницы.

— Давай, станишники, лезь! Да побыстрей, черти!

— Иван, пособи!.. — кряхтел казак, силившийся поднять и приставить лестницу к стене. — Помогай, братцы!

Матвей Иванович, как и все, мокрый по макушку, выбравшись изо рва, подбежал к стене. Но тут на казаков сверху плеснуло чем-то жарким, многих обожгло.

— А, сволочи! Смолу льют! Руку ошпарило...

— Ну, погоди же, гад!..

Перед Платовым вырос майор Сазонов из Чугуевского полка.

— Дозвольте мне первому. — И стал проворно взбираться наверх.

— Давай, Лазарь! — прокричал ему вслед Матвей Иванович.

Следуя примеру офицера, и по другим лестницам полезли казаки. Первых сразили пули и ятаганы, они упали к подножию стены. Но это не удержало взбиравшихся за ними.

— Держись, братки! Идем на помощь! — кричали им снизу.

Действуя саблями и укороченными пиками, они выбрались на стену, где тянулась широкая площадка. Отбиваясь от наседавших турок, не допускали их к лестницам. Майор Сазонов весь в крови, левая рука висит плетью. Ранены и остальные из его команды.

Рядом дралась казаки Малороссийского полка. Им удалось потеснить неприятеля, но пуля сразила их командира, майора Багдановича.

— Братцы! Братцы! — кричал он. — Только не отходи!.. Не отходи!..

— За Россию-матушку! — вырвался вперед офицер Соколинский и тут же упал.

Сражение кипело на всем протяжении крепостной стены. Самый мощный — западный бастион Табия штурмовала колонна генерала Львова. Находясь в первом ряду атакующих, генерал повел к крепости гренaдеров Фанагорийского полка. Почти все они пали, был тяжело ранен и сам Львов. Но на помощь подоспели гренaдеры Апшеронского полка под командой бесстрашного полковника Золотухина. Им удалось завладеть прибрежной неприятельской батареей, обойти берегом Дуная грозный бастион Табию, они уже теснили

турок, пробиваясь к Бросским воротам.

И на самом левом фланге, где шестая колонна Кутузова атаковала бастионы у Килийских ворот, тоже кипело сражение. Дважды колонна бросалась на вал, и дважды егеря и гренадеры под градом неприятельских пуль и ядер отходили. Стены Новой крепости здесь особенно мощны, и весьма силен засевший в ней турецкий гарнизон. На глазах Кутузова пал бригадир Рибопьер — его зять. Больно кольнула мысль о дочери: «Бедняжка Груня...»

Тут от Суворова примчался казачий урядник: «Велено передать, что вы назначены измаильским комендантом».

Михаил Илларионович не поверил бы, если б не знал Суворова. Он приказал ввести в дело последний резерв — Херсонский полк. Сам повел его на штурм...

Позже других вспыхнуло сражение на берегу Дуная. Используя туман, колонна де Рибаса атаковала крепость с юга. На баркасах, ялах, фелюгах отряды Арсеньева, Чапеги, Маркова переправились через Дунай и обрушились на укрепления. Мог ли Айдос-Мехмет-паша допустить мысль, что Суворов именно здесь, преодолев такую преграду, как Дунай, нанесет свой главный, решающий удар? Уж этого он никак не ждал!

Первыми высадились запорожские казаки Зиновия Чапеги. Ошеломленные турки, пытаясь отстоять укрепления, почти все пали. К ним не успела подоспеть помощь, как уже причалили суда отряда Арсеньева и Маркова. Сокрушив неприятеля, егеря и казаки ворвались в окраинные улочки Измаила...

Платов еще находился у рва, когда казак вскричал:

— Ваше превосходительство, гляньте-ка! Турки! — и указал в сторону наступавшей правее колонны Орлова.

Вынесшиеся из Бендерских ворот всадники врезались в строй казаков и, с ожесточением рубясь, стали теснить их. Сверху, с бастиона и крепостной стены падали в казаков турецкие стрелки и били пушки.

Первой мыслью Платова было поспешить туда, на помощь, но вспомнилась суворовская заповедь: лучшая помощь соседу — решительное продвижение.

— Ваше превосходительство! — вырос перед ним офицер от Безбородко. — Их превосходительство генерал-майор ранен!

— Кто ранен?

— Генерал Безбородко! Он повелел принять вам начальство! Вы остаетесь за него!..

Ядро разорвалось поблизости от генерала. Осколок, разворотив кость, отсек руку напрочь. Теряя сознание, Безбородко успел передать последнее распоряжение...

Решение пришло само собой: не теряя времени, прорваться в глубь крепости, к Дунаю, где высадилась и ждет поддержки колонна Арсеньева. А частью сил оказать помощь четвертой колонне. Там казаки с трудом отбиваются от янычар.

— Бегом к подполковнику Орлову, — повернулся Платов к адъютанту. — Передай приказ: ударить янычарам во фланг, отсечь их от ворот.

Казаки скатились с вала, ворвались в турецкую гущу. Орудя саблями и дротиками, они яростно бились, тесня неприятеля и заходя ему в тыл.

«А главными силами продолжать наступать, к Дунаю!» С высоты крепостной стены Матвей Иванович видел узкие крепостные улочки, скопление домов, стрелы минаретов и круглые купола мечетей. Мерцали вспышки взрывов, несколько домов полыхали, охваченные огнем.

— За мной, донцы! — Платов выхватил из ножен саблю.

В ту минуту он забыл, что является не только командиром колонны, но и начальствует над соседней, четвертой. Он понял: теперь важно, чтоб подчиненные видели его рядом и следовали его примеру.

— Мы сами, ваше превосходительство! — крикнул офицер Демьянов и тут же упал, сраженный пулей.

— Береги себя, Матвей! — рядом оказался брат, двадцативосьмилетний есаул Степан Платов.

— А ну, давай вперед! — воскликнул Матвей Иванович. — Захвати бастион!

Казаки бросились за Степаном, а Матвея Ивановича кто-то толкнул, и он оказался оттесненным. Слева возвышался другой бастион, из него тоже палило орудие и через узкие щели-амбразуры хлопали мушкеты. Платов хотел направить туда подкрепление, но в бастионе уже послышались выстрелы. Тут же прибежал казак:

— Приказано вам донести, что ворвались в бастион, но турки наседают.

— Бастион держать! Никак его нельзя сдавать! Из-за каменной стены выскочило четверо турок, с устрашающими криками бросились к нему. Одного Платов зарубил сам, со вторым разделался адъютант, остальных посекали подоспевшие казаки.

Едва они отошли, как в то место угодило ядро. Взрывом разнесло турок. «Повезло», — перекрестился Матвей Иванович. «Малость задержись — и не быть живу».

Влево вдоль вала наступал Стародубовский карабинерный полк, командира не было, командовал незнакомый офицер.

— Как имя? — спросил его Платов.

— Ротмистр Андрей Слепушкин.

— Давай, Слепушкин, по валу, навстречь колонне Кутузова!

— Есть! — офицер повел казаков в сторону Новой крепости, которую штурмовал отряд Кутузова.

Был уже полдень, а сражение продолжалось. Неприятель дрогнул, но не был сломлен, яростно сопротивлялся. Казаки с трудом продвигались к Дунаю, где бились солдаты и казаки из колонны Арсеньева.

Свой последний, находившийся в резерве полк Платов повел в сражение сам. Нужно было преодолеть открытое, простреливаемое пространство. Впереди спасительная каменная стена, за которой можно укрыться.

— За мной, братцы! К Дунаю!

За командиром широкой лавиной бежали казаки...

К полудню крепость пала. Было уничтожено 26 тысяч неприятельских солдат. Русским войскам досталась богатая добыча: 265 пушек, 345 знамен, 3 тысячи пудов пороха.

После боя де Рибас увидел Платова на городской площади.

— Спасибо, бригадир! — сказал он с чувством. — Подоспел к Арсеньеву в самый раз!

В донесении главнокомандующему о штурме Измаила Суворов писал: «Бригадир и кавалер Платов, поощряя подчиненных своих к порядку и твердости под сильными перекрестными выстрелами, достигнув рва и нашед воду, в том только месте находящуюся, не только не остановился, но сам перешед оную, служил примером и с неустрашимостью влез на вал, разделя на три части колонну, поражая неприятеля, овладел куртиною и пушками и много дал пособия с препорученным ему войском к преодолению далее неприятеля и за соединением с колонной Орлова, вылазку, сделанную с Бендерских ворот, опрокинув, был он, Платов, сам повсюду примером храбрости»⁷.

Вскоре последовал приказ о награждении Матвея Ивановича Платова орденом Георгия 3-й степени. Таким же орденом награждался и Михаил Илларионович Кутузов.

Награжден был и де Рибас бриллиантовой шпагой. В столицу просочился слух, будто бы он, де Рибас, а не Суворов составил план штурма крепости. Противники Суворова, а их было предостаточно, подхватили эту сомнительную весть и усердно ее распространяли. Однако и этим, как ни старались они, не смогли умалить величие совершенного Суворовым подвига.

В ДАЛЬНЕМ ПОХОДЕ

⁷ Суворов А. В. Сб. документов. М.: Воениздат, 1951. Т. II. С. 577.

На помощь Грузии

В полдень двадцать седьмого февраля 1796 года в слободу Заречную, где расположился на переходе Чугуевский казачий полк генерал-майора Платова, прискакал вестовой из крепости. У хаты полкового командира казак соскочил с коня и, расправив ремнем складки шинели, толкнул дверь.

Генерал сидел за столом, листал расходные ведомости по котловому довольствию да фуражу. Лицо взялось краснотой, на лбу с глубокими залысинами залегли складки. Увидев казака, оторвался от бумаг, недовольно спросил:

— Что надобно?

— Господин комендант крепости ждет вас до себя. Повелел сказать, что дело важное, просил поспешить.

— Хорошо, поезжай! — Платов сложил бумаги. — Эй, Антон! Седлай коней!

— Слушаюсь! — донеслось из соседней комнаты. Выехав из слободы, что находилась за старой таможней.

Матвей Иванович и сопровождающий его верховой перебрались по льду через неширокую Темерничку и поскакали к теснившимся на пологом скате домишкам. Это было воинское поселение отставных солдат пехотного полка. Полк располагался неподалеку. Его солдаты носили долгополые куртки-доломаны с блестящими пуговицами и цыфровкой — узорчатой обшивкой золоченым снуром, потому селение и называли Доломановским. Дома в нем стояли скученно, однако в равнении, образуя неширокие улочки.

Миновав поселение и небольшое поле, всадники въехали еще в одно поселение, Форштадт. Оно ничем не отличалось от первого, но в нем жили отставные служивые из гарнизона крепости.

За последние годы к Дону потянулись торговцы, купцы, ремесленники и прочий люд, и поселения стали расти, как на дрожжах. Форштадт наверняка бы подступил к самой крепости, если б не строгий приказ, запрещающий строительство вблизи крепостных стен.

День был хмурым, ветреным, тяжелые облака нависли, обещая близкий снегопад. А снегу и без того было вдосталь. Сбоку дороги сугробы лежали саженной толщиной. На грязном с желтизной от конской мочи и навоза снегу тянулись глубокие колеи, оставленные крестьянскими санями.

Крепость Дмитрия Ростовского располагалась на пологом, обращенном к Дону склоне. Начали ее строить четверть века назад. Прежде насыпали широкий вал, в изломах вала возвели редуты, в амбразуры выставили стволы пушек. Редутов было десять, каждый имел свое название: Донской и Александра Невского, Петра и Екатерины. Еще два полевых редута — Темерницкий и Аксайский — прикрывали подступы к главному крепостному бастиону со стороны Дона. Там же находились реданы — полубастионы — и позиции орудийных батарей. Они тоже нацелены на реку. Вдоль крепостных стен тянулся глубокий ров, а перед ним простиралось ровное поле — гласис, — простреливаемое из крепости ружьями и фузеями пространство.

Дорога, по которой ехал Платов, вела к большим с аркой Архангельским воротам, которые находились между Троицким и святой Анны редутами.

— Стой! Кто таковские? — выскочил из полосатой будки задремавший было стражник.

— Вот объезжу плетью, чтоб справно нес службу! — пригрозил генерал. — Поднимай дрючину! Живо!

— Виноват! — солдат поспешно поднял полосатый шлагбаум, застыл в стойке, пропуская грозного начальника.

Крепость застроена одноэтажными кирпичными домами, преимущественно воинскими строениями. Большинство из них — казармы, цехгаузы, конюшни. Но кроме них, было с десяток лавок, кузницы, два питейных дома. Неподалеку находился щедрый источник, и предприимчивые людишки настроили около десятка небольших, с парилками, бань, в

которых еженедельно служивые крепостного гарнизона мыли грешные свои телеса.

Строения располагались в строгом порядке, прямые неширокие улочки пересекали одна другую, образуя небольшие кварталы.

В центре крепости возвышалась церковь. Еще одна, похожая на часовенку, стояла в некотором отдалении от площади и вблизи комендантского дома. Ее построили более десяти лет назад по приказу жившего в крепости командира Кубанского корпуса набожного генерал-поручика Суворова. Он любил молиться в одиночку. Ее потому и назвали суворовской.

На крепостной площади солдаты под команду голосистых унтеров маршировали в шеренгах, другие учились ружейным приемам.

— Ать-два! Ать-два! — доносились их голоса. — На плечо-о!.. На руку-у!..

Навстречу всадникам шел строй солдат. У каждого белел под рукой бельевой сверток. Шли после помывки и парки. Генерал притер коня к стене, пропуская строй.

Комендант Скоморохов встретил Матвея Ивановича как доброго знакомого. Усадил на кушетку, сам сел рядом.

— Собирайся, Матвей Иванович, за Кубань, на Терек-реку. Вот седни рескрипт получил, — показал письмо.

На белом конверте приклепаны сургучные пяты с застывшими оттисками гербовой печати. Надев в тонкой оправе очки, комендант извлек из конверта лист с золотым гербом.

— Повеление самой императрицы-матушки. Тебя касает. Повертай к Кизляру-крепости. Предписано тебе сделать необходимые дела — и в путь-дорогу. Вот читаю...

Платов выслушал коменданта.

— К апрелю быть в Кизляре? Поспеть к сроку никак не смогу. Нужен полк, а у меня от него остатки. А чтобы скомплектовать, да обучить неучей, нужно время.

— В дороге обучишь.

— А хоть и в дороге! Все едино время требуется, да и путь немалый предстоит. Людей-то из Чугуева должен взять.

Скоморохов промолчал, развел руками.

— Возможно, пополнишься здесь, на Дону. Наказному атаману Иловайскому сделано предписание. Он знает, как поступить.

— А коней, справу казакам, кормовые деньги кто даст?

— Обо всем этом решай с атаманом. Он должен обдумать. Мое дело, Матвей Иванович, предупредить тебя, да проследить, чтоб в путь отбыл. Таганрогский полк драгун ноне вышел. Полковник Вельяминов его ведет.

— Каким путем следует?

— Двинул на Кубань, а у Моздокской крепости повернет на восход и вдоль Терека пустится. Так и выйдет к Кизляру.

— Я пойду через Астрахань.

— Решай сам, — уклонился от определенности Скоморохов.

— А какое предстоит дело? В рескрипте ведь не сказано.

Комендант снял очки, протер их тряпицей.

— Точно сказать не могу, но будто бы с персиянами у нас что-то вышло неладное. Минувшей осенью они набег на Грузию учинили, в Тифлисе резня была страшная.

— Это мне ведомо. Кто ж об этом не знает!

— Так вот царь ихний Ираклий запросил у нашей матушки-императрицы заступничества. Она и повелела идти походом на Персию.

— На Персию? — переспросил Матвей Иванович. — Против скопца ихнего Ага-Мохамеда?

Он знал, что между Россией и Персией были не очень добрые отношения, что персидский правитель зарился не только на Грузию, которую осенью растерзал, но и точил зубы на другие кавказские ханства и княжества, включая даже Дагестан. Однако не допускал

мысли, что Россия пойдет войной против Персии. Но, видать, допекло.

— Не легок тот будет поход. — Комендант прошелся по комнате. — Ежели берегом Каспия пойдете, уткнетесь в крепость дербентскую. Она не то что наша, ростовская.

— Дербента, конечно, не миновать, — согласился Матвей Иванович.

О дербентской крепости он слышал не однажды. Построенная в незапамятные времена, она не раз преграждала путь войскам. И тем, которые шли на юг, и тем, что шли в обратном направлении.

— В ней, сказывают, стены из гранита да пятисаженные. Пушкой не пробьешь, — продолжал высказываться комендант.

— Так той крепости сколько лет! Возводил, сказывали, сам Александр Македонский. Это ж сколько веков назад! Не напрасно назвали Железными Воротами! Но одолеем.

— Одолеть, конечно, одолеем. Сумнения быть не может. Крепость ту еще Петр Великий брал. Это, почитай, семь десятков лет прошло с той поры. А ноне наше войско не слабеет. Одоолеем, — согласился комендант и сел к столу, в деревянное резное кресло.

— А кто сие дело возглавляет? Кто войска наши поведет? — посмотрел Платов на коменданта.

— Краем уха слышал, будто бы сам Александр Васильевич.

— Суворов?

— Он самый.

— Стало быть, поход серьезный.

— А я о чем говорю? Потому-то мой тебе совет, душа Матвей Иванович: поспевай в делах. Не засиживайся ни в Чугуеве своем, ни в родном Черкасске, служба превыше всего.

Этой встрече двух генералов в крепости Дмитрия Ростовского предшествовали немаловажные события, на Кавказе. В августе, собрав восьмидесятитысячную армию, персидский владыка Ага-Мохамед вторгся в пределы закавказских княжеств. Предводительствуемые Ага-Мохамедом главные силы устремились к Карабахскому ханству и осадили столицу Шушу. Однако взять ее не смогли. Защитники отразили все атаки и нанесли врагу немалый урон.

Тогда Ага-Мохамед пошел на Тифлис.

Не в состоянии противостоять грозному Ага-Мохамеду, грузинский царь Ираклий обратился за помощью к Екатерине. Он понимал, какую опасность представляет персидский владыка, войска которого накатывались грозной волной.

Растрепав наспех сколоченные и малочисленные отряды Ираклия, войска Ага-Мохамеда 11 сентября 1795 года ворвались в Тифлис. Город пылал, над домами клубился черный дым, трещали пожираемые огнем строения, со всех сторон неслись истошные крики истязаемых женщин и детей. Убивали там, где заставали. Многих согнали к Куре и вершили расправу у бешеного потока, сбрасывая в него жертвы. По реке плыли трупы, вода обагрилась.

За восемь дней Тифлис превратился в руины и пепел. По некогда оживленным улицам теперь бродили голодные животные. Оставшихся в живых двадцать две тысячи жителей, в основном женщин и детей, персы погнали в рабство. Совершив свое черное дело, враг ушел к Шуше, чтобы разделаться и с ней. Екатерина повелела предпринять против Ага-Мохамеда военный поход.

Весной 1796 года захолустье Кизлярское вдруг ожило. Здесь формировалась экспедиционная армия. Ее основу составлял двенадцатитысячный Каспийский корпус, которому предстоял путь приморской дорогой. В корпусе находились и казачьи полки, возглавить которые должен был Матвей Иванович Платов.

Как ни спешил атаман со своим Чугуевским полком, однако ко времени выступления не поспел. Когда в конце апреля прибыл в Кизляр, корпус подходил уже к Дербенту.

В крепости находился генерал-поручик Гудович, который формировал здесь другой корпус, Кавказский, составлявший второй эшелон экспедиционного войска.

Последние годы генерал Гудович провел на Кавказе, хорошо знал обстановку и нравы горцев, умело проводил политику Петербурга. Это был незаурядный человек: в молодости учился в двух университетах — Кенигсбергском и Аейшцигском, участвовал во многих больших сражениях и по праву надеялся, что государыня императрица доверит ему командование экспедиционным войском.

Плотный, коренастый, сурового вида Гудович, несмотря на то, что знал Платова, принял его подчеркнуто сухо.

— Давно пора вам быть при корпусе. Граф Зубов не единожды справлялся о вас. Требовал скорейшего прибытия.

Матвей Иванович не стал объяснять, чем вызвана задержка.

— Здесь сделайте небольшую передышку и направляйтесь к Дербенту, — продолжал Гудович. — Должны попасть к его штурму. Там, под городом, уже давно стоит отряд генерала Савельева. Маршрут ваш таков: через Тарки проследуйте к Буйнаку, а оттуда к Дербенту. В Тарках непременно навестите шемхала Бамата. Этикет воинский обязывает.

Матвей Иванович слышал об этом влиятельном в Дагестане лице еще лет десять назад, когда ходил с полком Кубанского корпуса. Тогда мудрый горец, узнав о подписании Георгиевского договора России с Грузией, по примеру Ираклия II изъясил просьбу принять его ханство под высокий протекторат России. Просьбу удовлетворили, и вскоре состоялась торжественная церемония. Она происходила в Екатеринограде — месте пребывания кавказского наместника Павла Сергеевича Потемкина.

А Гудович между тем продолжал говорить Платову:

— Объясните казакам и господам командирам, что пришли вы в этот край, чтоб наказать деспота персидского Ага-Мохамеда за его злодеяния в Грузии. Помните, что народ Дагестана, за некоторым исключением, нам дружелюбен. Разъясните, что Россия отнюдь не намерена воевать с народом Дагестана, что мы пальцы одной руки, так сказать.

В Кизляре к Платову заявился полковник: черный, как жук, лет сорока пяти. В предписании указано, что полковник, князь Багратион Кирилл Александрович определяется в регулярный казачий Чугуевский полк.

— Это хорошо, что мы будем служить вместе, — сказал как старому знакомому Матвей Иванович.

Полковник рассказал о своей службе, начатой в семнадцать лет вахмистром в карабинерском полку. Не забыл упомянуть и то, что сам он родом из Грузии, а его отец грузинский царевич.

«Вот еще...» — с неудовольствием отметил про себя Платов. Но сказал другое:

— Для меня в службе все равны, что царевич, что простой казак. Так что загодя, Кирилл Александрович, о том предупреждаю. Спрос один, равный. Воинская служба, что мать родная: она превыше всего, и сама же всех любит, и со всех спрашивает.

Через три дня полк Платова подошел к Таркам. Накануне генерал приказал казакам почиститься, привести в порядок одежду, снаряжение, конскую сбрую. Перед началом пути осмотрел сотни, строго предупредив о соблюдении порядка. Сам верхом, в парадном мундире ехал в голове вытянувшейся колонны.

Город Тарки располагался на склоне большой горы, подножие которой сползало к морю. Дорога пролегла через город. Обычно пыльная, теперь после прошедшего ночью дождя она блестела лужами, и под копытами сочно чавкала грязь. Воздух был по-весеннему свежим и теплым.

По сторонам дороги толпились люди: мужчины, старики, дети, поодаль стояли облаченные в черное женщины. Не скрывая любопытства, все смотрели на незнакомое в этом краю казачье воинство.

На городской площади от толпы отделились несколько всадников. Впереди на сером, в яблоках, коне гордо восседал горец с седой бородой.

— Это — шемхал Тарковский, — предупредил Матвея Ивановича проводник из местных, выполнявший одновременно и роль переводчика, драгомана. — Его имя Бамат.

Матвей Иванович подъехал к старику и, отдав честь, представился.

Старик ответил поклоном, с достоинством заговорил.

— Он, шемхал Тарковский, рад приветствовать в своем владении доблестные русские войска и был бы счастлив видеть генерала гостем своего дома.

Платов чувственно приложил руку к груди.

Вечером генерал в сопровождении нескольких офицеров и драгомана направился в дом шемхала. Они долго ехали по улочкам с глухими стенами домов и каменными заборами, поднимаясь по склону Тарковской горы. Улицы там были узки, встречные всадники, завидя их с перекрестков, останавливались, чтобы уступить дорогу.

Наконец кавалькада добралась до нависшей каменной стены, у которой прилепился большой двухэтажный дом.

— Вот мы и у шемхала, — сказал проводник, останавливая лошадь у ворот с массивными башнями по бокам. Между башнями над воротами находилось каменное помещение с узкими бойницами вместо окон.

Матвей Иванович оглянулся. Внизу лежал весь город: плоские крыши домов казались беспорядочно уложенными плитами, сходящими вниз ступеньками.

Через ворота они вступили во двор, где в окружении свиты стоял Бамат.

— А вот это, — картинно протянул он руку в сторону колодца под крышей, — памятная для всех необыкновенность. Испейте, пожалуйста.

Нукер быстро выбрал веревку, ловко подхватил наполненное доверху ведро и, зачерпнув из него железным ковшом, поднес Матвею Ивановичу.

Разгоряченный дневной жарой, Платов с удовольствием выпил холодную до ломоты зубов воду.

— Хороша, благодарствую, — обтер он усы.

— Нет-нет, совсем не в этом ее необыкновенность! — с достоинством горца произнес шемхал. — Из этого колодца, вот этим самым ковшом пил воду сам российский император Петр Великий. Ковш для меня дороже скакуна.

Он бережно вытер посудину и передал слуге.

В большом, украшенном коврами помещении шемхал усадил генерала на почетное место. Засучив широкие рукава чекменя, принял поднесенную на серебряном блюде надрубленную баранью голову и, разломив ее, протянул половину гостю:

— Хозяин счастлив разделить с гостем лучший кусок угощения.

Было много тостов, в которых хозяин и сидевшие за столом заверяли генерала о своей верности русской императрице и готовности с оружием выступить против персидского завоевателя...

А на следующий день отряд проходил через селение Буйнаки, и русские офицеры были гостями сына Бамата, Мехтия, горячего, полного энергии и сил человека лет тридцати.

— Только скажите, и народ наш выступит вместе с вами против Ага-Мохамеда, — возбужденно говорил он, провожая русских гостей.

— Спасибо, мы сами справимся.

— Почему сами? Наши джигиты готовы идти с вами.

— Сколько же таких? — полюбопытствовал Матвей Иванович.

— Три сотни, — отвечал в запальчивости Мехтий. — Впрочем, нет: пойдет четыре сотни джигитов. Завтра же выступим!

— Хорошо, Мехтий. Об этом доложу графу Зубову. Как он решит, так и будет.

На следующее утро казаки продолжали путь.

Оставив полк на своего помощника Кирилла Багратиона, Платов поспешил к главнокомандующему, чтобы доложить о прибытии. Большой цветастый шатер, где размещался Валериан Зубов, был виден издали. Он стоял на небольшой возвышенности в окружении многочисленных кибиток и палаток. У полосатых грибков маячили солдаты охранения. А поодаль в строгом равнении развернули жерла стволов в сторону Дербента

четыре пушки, а еще две глядели на горы.

Проходя мимо одной кибитки, Матвей Иванович увидел высокого, под стать ему самому генерала. Холодные серые глаза, несколько великоватый нос, на щеке большая родинка. Слепила белизной накрахмаленная рубаха с кокетливыми рюшками, играли искрами перстни на руках.

— Честь имею! Генерал Платов, — представился он незнакомцу.

— Вы — Платов? Я так и подумал, — отвечал тот, рассматривая атамана с нескрываемым любопытством. — Я есть генераль Беннигсен. Барон. Командир бригады кавалерии.

О Беннигсене Матвей Иванович слышал раньше. Отзывались о нем недобро: иностранец из Ганновера, прибыл в Россию, где поступил на службу в армию с присуждением ему чина премьер-майора. Через девять лет стал полковником, а потом и генерал-майором. Его боялись. Он ловко убирал с дороги тех, кто мешал. — Склочный и дрянной человек, — говорили о нем. Одним словом, немец.

— Моя бригада, генераль, расположена впереди, а кибитка рядом. Прошу пожаловать, — с холодной улыбкой предложил Беннигсен.

— Как-нибудь в другой раз. Должен представиться главнокомандующему.

У шатра, словно из-под земли вырос дежурный офицер, щелкнул каблуками. Услышав фамилию Платова, уважительно произнес:

— Дозвольте доложить о вашем прибытии дежурному генералу.

— Какого он чина и чем командует? — поинтересовался Платов.

— Граф Апраксин — бригадир, командир бригады кавалерии. Только он часто находится при главнокомандующем, дежурным генералом.

Толстый, оплывший жиром Апраксин встретил его официально.

— Главнокомандующий занят, — ответил он начальственно.

За занавесью слышались голоса: один молодой, уверенный, второй — сдержанно немногословный, с легким кавказским акцентом. Потом голоса стихли, послышалось повелительное:

— Платов пусть войдет!

Валериан Зубов сидел за столом, лицо его пылало. Пред ним стоял генерал Цицианов.

— Подожди! — остановил Зубов жестом начавшего было рапортовать Матвея Ивановича и перевел взгляд на чернявого, с тонкими чертами лица Цицианова. — Кончим, князь, наш разговор. Вы порицаете действия Гудовича. Так вот, у вас есть возможность исправить его ошибки. Он освобождается от должности, убывает в Петербург, а вы заступаете на его место.

— Как это понимать? Мне принять в Кизляре начальство над батальонами? Но я же ваш помощник по всем войскам...

— Вот потому-то и поезжайте! Осудить легко, помочь на деле — трудно.

Цицианов едва сдерживал себя, на лице обозначились те черты, которые выдают характер человека умного, но вместе с тем самолюбивого и властного.

— Хорошо! Я подчиняюсь приказу... — Цицианов хотел что-то еще добавить, но смолчал, круто повернулся и направился к выходу.

Воцарилась неловкая тишина. «Молод и крут», — отметил про себя Матвей Иванович. Он встречал Зубова еще пять лет назад перед штурмом Измаила. Тот числился при свите всемогущего фаворита императрицы Григория Потемкина. Красивый внешне, румянощекий, Зубов отличался в свите от остальных офицеров. О нем говорили, что гуляка, любит волочиться за юбкой и не очень при этом разборчив. В штурме Измаила Валериан, однако ж, отличился. Командуя ротой, атаковал неприятельскую батарею и открыл огонь из орудий по туркам. В Польше ему ядром оторвало ногу.

Опершись руками о стол, Зубов поднялся, скрипнув протезом. Он вглядывался в казачьего атамана.

— С замыслом кампании знакомы?

— Лишь в общих чертах.

— Тогда Апраксин ознакомит. Эй, граф, загляни-ка!

Апраксин разложил на столе карту и заученно стал объяснять план похода. План, в сравнении с тем, который предлагал Екатерине Платон Зубов, изменился существенным образом. В нем не участвовала армия, которая должна была идти к проливам через Валахию и Молдавию. И корабли с матушкой во главе не должны были плыть через Черное море. Каспийский же корпус должен был защитить Грузию от нападения персидского владыки и внушить султану турецкому уважение к заключенному союзу Россией с Грузией и другими Закавказскими княжествами и ханствами.

Зубов ходил подле, кивал головой, соглашаясь с тем, что излагал дежурный генерал. Изредка поскрипывал протез. Его изготовили английские мастера с таким искусством, что молодой генерал умудрялся лихо вскакивать на коня, не уступая в умелости заправскому кавалеристу. Кроме кавалерийских бригад Беннигсена и Апраксина под началом Зубова имелись еще две пехотные бригады генерал-майоров Булгакова и Римского-Корсакова. Всего же в корпусе было почти двенадцать с половиной тысяч человек при двадцати орудии.

— Бригада генерала Булгакова сейчас где-то за Дербентом. Граф приказал ей занять позицию с южной стороны, чтобы отрезать город от возможных происков Ага-Мохамеда. С Булгаковым ушли и два казацких полка Хоперский и Терский, — пояснил Апраксин. — Хоперским командует Баранов. Он до вас командовал всеми казаками.

— Гаврила Петрович, — уточнил Платов имя Баранова. — Как он справлялся?

— Кто? Баранов? А что ему справляться, подполковнику.

— Баранов, я вам скажу, храбрый человек. — И не без умысла добавил: — И ни одного ордена.

Апраксин вспыхнул, промолчал: на его мундире их было целых четыре. И никто не знал, за какие дела он получил награды.

Вечером Зубов устроил торжественный ужин. Сам он восседал на почетном месте. По обе стороны от него устроились его помощники: Цицианов, Беннигсен, Римский-Корсаков, Апраксин, глава походной канцелярии сухой и по виду желчный полковник.

Платов, оттесненный подальше, оказался напротив пожилого и на вид мужиковатого генерала Савельева. Матвей Иванович испытывал тягость. Что греха таить! Он и сам любил посидеть за кружкой вина в компании сподвижников, предаться воспоминаниям, пуститься в долгий разговор. Но те застолья никак не походили на эту картинную торжественность, где витал дух столичной парадности, лести и угодничества.

Матвей Иванович пил терпкое, с легкой горчинкой кизлярское вино и незаметно изучал генералов и офицеров, с которыми его свела судьба. Все они с подобострастием смотрели на Зубова, внимали каждому его слову, беспрестанно восхваляли его доблести.

Намного старший по годам Беннигсен робел перед главнокомандующим как школяр. И лысый, состарившийся на службе Римский-Корсаков заискивал. Напыщенно держался Апраксин, которого Зубов признавал за друга.

Стесненно и непривычно чувствовал себя Савельев. Выходец, как и Платов, из казаков, он, командуя казачьим полком, почти тридцать лет провел на боевой терской линии. Сейчас его отряд находился под Дербентом. Сюда же он прибыл по вызову главнокомандующего и угодил на торжество.

От выпитого вина лицо Валериана Зубова пышело жаром, лихорадочно горели глаза. Лившаяся сладкой патокой лесь кружила голову, и он начинал верить в несуществующие добродетели, которыми наделяли его в тостах. Впрочем, первый тост он произнес за здоровье матушки-императрицы, а потом уже все стали говорить о нем.

Но вот, неловко качнувшись, Зубов поднялся:

— Господа! Должен сообщить вам приятную новость: сегодня со своим донским полком прибыл генерал Платов. О нем, конечно, все слышали. Человек он не только красив лицом и душой, но и отменной храбрости. Нам вместе довелось штурмовать турецкую крепость Измаил. Тогда бригадир Платов командовал колонной. Сам Суворов отметил его

отвагу. — Зубов сделал паузу, приосанился и проникновенным голосом продолжил: — Перед отъездом из Петербурга мне посчастливилось быть принятым государыней императрицей. В ряду тех лучших генералов, которые сидят здесь за столом, она назвала казачьего вождя. Теперь он с нами. Надеюсь, что генерал и на сей раз отличится и будет отмечен не Суворовым, а мной.

И Зубов лихо выпил содержимое бокала.

С началом тоста Матвей Иванович встал. От него не ускользнуло, как при упоминании его имени дрогнули в ухмылке тонкие губы Беннигсена, как полковник — глава канцелярии — бросил короткий, полный удивления взгляд Апраксину.

— А что скажет в ответ наш атаман? — подал голос Римский-Корсаков.

Матвей Иванович откашлялся:

— Благодарствую за теплый прием сынов тихого Дона в славную семью корпуса. Каждый казак в бою, я вам скажу, сражается не за страх, а за совесть. И на сей раз мы будем действовать против врагов России с прежней лихостью. А о крепости Дербентской скажу, что не было и нет еще крепостей, которых бы русский солдат не одолел. Одолеем и сию...

Набравшись решимости, поднялся охмелевший полковник, но Зубов хлопнул по столу ладонью:

— Хочу спросить тебя, полковник, как выполнен мой приказ относительно батареи Ермолова? Где она ныне?

— Я вам докладывал, что... — вступился было Апраксин, но Зубов не дал говорить.

— Не тебя, бригадир, спрашиваю! Хочу слышать, что ответит полковник?

Полковник напустил важность.

— Батарея завтра к утру должна быть на месте. На этот счет даны указания...

— Не указания нужны, а батарея, полковник! — прервал его Зубов.

Но тут с озабоченным видом возвратился ранее вызванный офицером Савельев.

— Ваше превосходительство, приехали от Дербента, с ними артиллерийский офицер.

— Какой офицер? — вскинул голову Зубов.

— Артиллерийский офицер, командир батареи Ермолов.

— Ермолов? Где же он? Зови сюда!

Крупного сложения офицер, твердо ступая, подошел к столу. Лицо у него не совсем привлекательное: расплющенный нос, узкие глаза, толстые губы.

— Разрешите доложить: орудия к боевой позиции подтянуты. Требуется заряды. Те, что имели — полностью расходованы.

— Всем вина! — скомандовал Зубов. — Пьем за успех штурма! За артиллеристов! За командира центральной брешь-батареи отважного Ермолова! Виват!

Через день Матвей Иванович выехал к Дербенту.

Дербент

Поблизости от Дербента стоял отряд Савельева, в котором, кроме трех пехотных батальонов да трех сотен местных джигитов-добровольцев, находилось восемь казачьих сотен. Собранные из разных полков, они представляли в отряде значительную силу.

Отряд Савельева к крепости вышел еще в феврале, первым из всего корпуса. В тот же день генерал послал двух всадников из местных джигитов с предложением дербентскому хану Ших-Али открыть ворота и впустить в город русский отряд.

Хан ответил отказом. Но писал: «Было время, когда я просил денег для найма войск против Ага-Мохамед-хана но я не знал тогда еще могущества персидского властителя, а теперь не решаюсь впустить в город столь малый отряд из опасения, что не только мои владения будут разорены персиянами, но и русский отряд может от них пострадать».

— Хитрая bestия! — злился Савельев. — Печется о нас, а на самом деле боится за свою шкуру. Ладно, не хочет добром, решим силой.

На следующий день едва пехотные роты направились к крепостным воротам, как из

них вырвалась конница. С устрашающим криком, сверкая клинками, всадники неслись прямо на пехотинцев.

— К бою! К бою! — слышались команды. — Всем в каре! Первая шеренга, ружья вскинь!.. Целься!

Прогремел залп, несколько всадников упали, передние кони вздыбились, остальные замедлили бег.

— Вторая шеренга! Целься-я!

Вымуштрованные егеря действовали сноровисто. Ударил второй залп.

А следующие шеренги уже спешно надевали на стволы штуцеров штыки, готовясь вступить с неприятельской конницей в схватку.

Передние конники, понеся от ружейного огня потери, гарцевали перед шеренгами, не осмеливаясь врубиться в строй. А между тем из ворот выметнули новые конники, и, не зная обстановки, неслись вперед, тоже попадая под огонь пехоты.

Неизвестно, как долго бы это продолжалось, если б не казачья конница. Она поднялась из лоцины и, обтекая на склоне егерский строй, неудержимой лавой понеслась к воротам.

В следующий миг две силы схлестнулись, началась беспощадная рубка. Хрипели и ржали лошади, звенела сталь, слышались отчаянные крики...

Так продолжалось совсем недолго. Потом казаки стали теснить джигитов хана; не выдержав, те начали медленно отступать, оставляя на поле порубленных.

Ворота захлопнулись, из амбразур и со стены зачастили выстрелы...

В темную ненастную ночь к Ших-Али прибыл гонец от ханбута казикаумыкского Сурхая.

— Я — уздень Сурхая, родом из того же аула, что и хан. Он повелел мне сказать, чтобы ты на Ага-Мохамеда не рассчитывал, скопец ушел из крепости Гянджи, и вместе с ним ушло из Муганской степи все его войско. Еще Сурхай предлагает тебе объединиться и уничтожить находящийся под Дербентом русский отряд. Хан готов выслать три тысячи всадников. Он торопит тебя с ответом, пока не подошел со своим войском Кызыл-Аяг. Тогда будет поздно.

— Какой Кызыл-Аяг?

— Разве ты не знаешь, что самый главный русский начальник хромым? У него нет ноги, ее оторвало ядром. Вместо нее приделана золотая. Потому он — Кызыл-Аяг...⁸

— Откуда известно, что нога у него золотая?

— Как, откуда? Не станет же такой богатый генерал пристегивать деревяшку! Непременно, золотая!

— Так Сурхай готов прислать джигитов?

— Зачем прислать? Он сам их поведет, чтобы напасть с тыла на Савелия-генерала. У того отряд — небольшой. С ним можно разделаться разом. Еще он просил, чтобы ты непременно послал письмо к султану турецкому, просил бы помощи, обещая взамен отдать ему город.

Ших-Али послал письмо. В нем он писал, что будет верным и неизменным слугой ясновеликого. Турецкий султан не удостоил его ответом. Зато привезли письмо от Ага-Мохамеда. Он приказывал Ших-Али не поддаваться никаким уговорам, не слушать русских и всеми силами сопротивляться. Однако в помощи войсками отказывал. Писал, что его воины и так чрезмерно утомлены походами и не смогут в полную мощь драться с русскими.

Умная сестра Ших-Али красавица Хараджи-Ханум увещевала брата:

— Твой перс, а с ним заодно и турок боится русских. Ты для них, что мышь для кошки: играют с тобой, пока не попал в когти. Самые надежные союзники — русские. Царь Ираклий, шемхал Тарковский, кади Табасаранский да и многие другие понимают, что

⁸ Кызыл-Аяг — золотоногий (черк.).

русские всегда защитят и помогут в мирных делах. Персидский же сатрап принесет нам горе. То, что сделал он у себя в Персии, то он сделает и в Дербенте...

День выдался не по-весеннему холодный, ветренный, сеял дождь. Под ногами лошадей чавкала и скрежетала каменистой крошкой густая грязь. Справа в нависших тучах скрывался совсем близкий и невысокий хребет. Изрезанный балками склон порос лесом и кустарником. По склону белесыми космами ползли облака. Слева, вдали, лежало море. Оно угадывалось по долгой с желтизной береговой полосе, подвижными гребнями прибоя.

Кавалькада выбралась из лощины, и тут Матвей Иванович увидел венчавшую город крепость. Она располагалась на высоком холме, склоны которого круто обрывались в широкую с бурным потоком лощину. Даже издали сооружение казалось мощным и неприступным. В изломах зубчатой стены высились угловатые башни с узкими амбразурами. От крепости вниз по склону, до самого моря тянулась высокая стена. За ней, нависая одно над другим, теснились строения города с плоскими крышами. Отступив на четверть версты, параллельно первой шла вторая стена. Она ограждала город с противоположной, южной стороны. Были еще и поперечные стены, делившие город на три части. Нижняя стена отстояла от берега в трехстах саженях, и заключенное меж ней и морем пространство представляло пустошь. Вторая внутренняя стена отделяла от города крепость.

— Да-да, — покачал головой Матвей Иванович, разглядывая сооружения в подзорную трубу. — Да-а...

— От одного черкеса я слышал, что Дербент походит на упавшего навзничь человека, — пояснил Савельев, разворачивая план. — Ноги он опустил в море и откинул назад правую руку. Голова же его — цитадель или крепость, а туловище — сам город.

Матвей Иванович взгляделся в план и увидел «правую руку». Это была еще одна стена, уходившая от крепости в горы.

— И как далеко она поднимается? — поинтересовался он.

— Сказывают, на сорок верст. А в море стены продолжают на версту.

— Дербент на пути войска, что валун на узкой дороге: ни перелезть через него, ни обойти, — пояснил один из казачьих командиров.

Перед крепостью стояли несколько башен. Едва всадники приблизились к одной, как над их головами защелкало, многократным эхом раскатились выстрелы.

— Господа! Господа! Всем вниз, подальше от греха, — распорядился Савельев.

Укрываясь в складках местности, они проехали по склону горы до самого моря. И на всем пути тянулась сложенная из камней, глухая, высокая стена.

Тем временем по горным дорогам и тропам в обход Дербента шел отряд генерала Булгакова. В нем два полка драгун — Астраханский и Таганрогский, два батальона гренадер Кавказского полка да две гренадерские роты из Владимирского мушкетерского и шесть орудий полевой артиллерии. Впереди следовали казачьи полки: Хоперский подполковника Баранова и Терский подполковника Палена-младшего. Напутствуя Булгакова, Зубов предупредил, чтоб 2 мая был на исходной позиции.

К вечеру 3 мая сотня хоперских казаков капитана Потапова вышла к Дербенту. Заметив их, из крепостных ворот вынеслись всадники, бросились на хоперцев. Началась рубка.

— Не отходи! Держись! — кричал капитан, заметив, как вдали развернулся в лаву полк, в голове которого несся подполковник Баранов.

Казачи врубались в гущу, стали теснить дружину Ших-Али, стараясь прорваться через ворота в город, но сделать это им не удалось. Однако теперь Дербент был блокирован с двух сторон...

Было то предрассветное время, когда на небе еще светились звезды, но тьма на востоке дрогнула, горизонт обозначился, и угадывалось наступление скорой зари.

Наскоро умывшись, Матвей Иванович спешно оделся и заторопился к коням. Был он в

добром настроении, хотя и чувствовал затаившееся волнение. Такое всегда случалось с ним перед горячим делом. А сегодня предстоял нелегкий штурм Дербента, который в немалой мере повлияет на успех похода. Падет город — и к русской армии примкнут те ханы, которые еще чего-то выжидают. Если же город устоит, они выступят грозной силой как союзники Персии и Турции.

Сознавая это, Зубов торопил генералов со штурмом Дербента. 3 мая авангардный Воронежский полк из бригады Римского-Корсакова совместно с гребенскими и волжскими казаками пытался приблизиться к крепости. Но едва вышли из укрытия, как из лесной чащи, с недалеких скал и возведенной недавно дербентцами каменной башни ударили свинцом.

Лесных стрелков гренадеры, егеря да казаки отогнали, но попытка овладеть башней ни к чему не привела. Воронежцы и казаки понесли немалые потери — 25 убитых и в три раза более раненых. Пострадал и сам командир Воронежского гренадерского полка полковник Кравцов.

— Восьмого числа извольте башню сию взять! — повелел Римскому-Корсакову Зубов. — И вы, Платов, тоже за сие отвечаете...

В тот же день Матвей Иванович прибыл к гребенцам. Полк был выстроен, а его командир Чапсин по всей форме отдал рапорт.

Матвей Иванович неспешно проехал вдоль строя, вглядываясь в казаков. Видел: неудача дела отразилась на их духе.

— Хороший полк, — обернувшись к Чапсину, сказал он так, чтобы слышали казаки. Потом обратился к ним: — Вот что скажу вам, славные гребенцы. Когда я торопился сюда, к Дербенту, был очень рад, что нашим донским казакам придется сражаться бок о бок с гребенцами. Все ведь знают, что нет таких препятствий, какие бы вы не одолели. А вот сегодня засумневался в вашей ловкости. Неужто так и не одолеете ту поганую башню?

— Так ее ж пушка не берет! — подал кто-то из строя голос.

Чапсин вздернул бровь: какой послушник осмелился прервать начальство?

— Так то ж пушка! — отвечал Матвей Иванович. — Она, может, и не возьмет. А казак завсегда осилит! Ту башню, я вам скажу, придется брать вам вместе с егерями да гренадерами. Нужна от вас сотня самых отважных и умелых, кто не побоится пойти на ту башню с одним штыком. Еще Суворов сказывал, что пуля-дура, а штык-молодец. Со штыком нужно взобраться по стене на башню, а потом уж через пролом в крыше ворваться внутрь. Есть ли среди вас охотники на такой риск?

— Есть! — ответил стоявший на правом фланге есаул и поднял руку.

— Командир сотни Зачетнов, — назвал фамилию есаула Чапсин.

— Вот, Зачетнов, твоя сотня и пойдет на ту башню... — Но ежели не справитесь...

— Справимся, ваше превосходительство! Непременно справимся!

Как только артиллерия начала палить по башне, казаки, используя лошки и гребни, подобрались к подножию холма. Ротные колонны воронежцев расположились в укрытии, позади. Это был тот самый батальон Воронежского полка, который не смог взять башню в прошлый раз. Теперь его усилили гренадерами, и командир, еще не оправившийся от раны полковник Кравцов, поклялся сложить голову, но на этот раз препятствие одолеть.

Протрубил рожок, загрели барабаны, и ротные колонны пошли на приступ. По ним ударили из бойниц башни, из крепости. Засвистали пули.

— Вперед, ребята! — увлекая воронежцев, командовал полковник.

Но прежде чем егеря и гренадеры выбрались на холм, у подножия башни оказались казаки. Перед ними возвышалось высокое сооружение с выбитыми кое-где артиллерией камнями.

— Взбирайся на крышу! — командовал есаул Зачетнов.

Казаки Вилкин, Лукьянов, Бакалдин, сбросив сапоги, стали карабкаться вверх по стене. Заготовив железные штыри, каждый загонял их поглубже в щели и поднимался, как по ступенькам, к кровле. Рядом действовали воронежцы. Взобравшись на крышу, они проникли в верхний ярус и оттуда повели обстрел засевших в башне охотников. Те не выдержали,

бросились к крепости...

Верный обещанию, Платов распорядился составить ордер с пожалованием семи старшинам Гребенского войска повышения в чинах: есаул Федор Зачетнов представлялся в капитаны, сотник Гавриил Тургенев в станичные атаманы; казакам Василию Вилкину, Василию Лукьянову, Герасиму Бакалдину испрашивался чин хорунжего, а Гавриил Ильин и Василий Мурзин были жалованы в станичные писаря.

Узнав об этом документе, командир Донского полка Машлыкин с обидой сказал:

— А что ж наши донцы? Так и останутся не отмечены?

— Подпишу и на них ордер, когда отличатся в деле. Перед отчиной да службой, полковник, все равны. А для меня что гребенской или моздокский казак, что родной и любезный сердцу донец...

Ордер составили, но Зубов не дал ему хода.

— От всех благих наград и обещаний низшим чинам смысл есть воздержаться. Надобно прежде, чтоб отмечен был генералитет.

Матвей Иванович не стал возражать: против воли начальства не пойдешь.

Так документ и пролежал в канцелярском сундучке три месяца. Только в сентябре Платов ввел его в силу, учинив под ордером свою роспись...

И вот штурм Дербента.

На холме в парадном мундире, при всех регалиях находился Зубов. Рядом с ним Апраксин. Он расхаживал, выпятив грудь с орденами. Не скрывал волнения Римский-Корсаков: его гренадерам и егерям предстояло первыми ворваться в город. Здесь же находился и генерал Савельев в затерханном мундире.

Беннигсен отсутствовал. Его бригада располагалась левой, примыкая флангом к морю, и он находился на своем наблюдательном пункте.

— Ну что, начнем? — ни к кому не обращаясь, сказал Зубов и, увидев в руках Платова табакерку, протянул к ней руку. — Дай-ка, Матвей Иванович.

Унизанные перстнями пальцы ухватили щепоть табаку. Смачно чихнув, командующий сказал уже повелительно:

— Апраксин! Пора палить! Давай команду пушкарям!

Бригадир взмахнул треуголкой, и тотчас в утренней тишине отчетливо послышалось:

— Зажечь запа-алы-ы!

Команда донеслась с того холма, где возвышалась та самая злополучная башня, которую два дня назад штурмовали. Теперь по обе стороны от нее стояли шесть орудий капитана Ермолова. Они нацелены на стену крепости. Это главная в предстоящем деле брешь-батарея, двенадцатифунтовые ядра которой должны разрушить стену, сделать в ней пролом.

Кроме батареи Ермолова в деле участвовали и другие орудия, стволы которых также нацелены на стену у ворот Джарчи-капи. Самих ворот не видно: искусным строителем крепости они построены так, что скрыты от глаз, их прикрывают массивные опоры. Видна лишь идущая от ворот дорога.

Раскалывая воздух, прогремел выстрел. С гвалтом поднялась над опушкой черная воронья стая. Гулкое эхо прокатилось по горам. Ядро угодило в гранитную стену, выбив сноп искр. Вспыхнуло сизоватое облачко.

— Бей всей мощью! — снова скомандовал Зубов, и Апраксин тут же передал команду на батарее.

Прислуга на позициях засуетилась, и расставленные веером орудия разом загрохотали, бомбардируя стену. Ядра сыпались как горох, били гранитные глыбы, но они выдерживали, и, казалось, никакая сила не могла сокрушить стену.

Крепость отвечала пушечной пальбой: ядра падали то с перелетом через орудийные позиции, то, не долетая, не причиняли вреда. И из ружей стреляли, но без меткости, потому что расстояние было предельное.

По городу вела огонь и батарея бригады Беннигсена, а с южной стороны орудия отряда

Булгакова. Пушкари старались угодить в рощу Дубари, где находилась, как донесли лазутчики, палатка самого Ших-Али.

Он упорствовал. Казалось, отказы в помощи Ага-Мохамеда и турецкого султана должны были отрезвить, заставить начать с русскими переговоры, но упрямство оказалось сильнее. Наконец, поддавшись уговорам сестры Хараджи-Ханум, в ночь на 10 мая Ших-Али направил к генералу Булгакову порученца.

Не смея принять самостоятельного решения, Булгаков передал сообщение Зубову. Тот распорядился с ханом не вступать ни в какие переговоры. Ему донесли, что население города ропщет против хана, требует, чтобы по примеру соседей он признал русскую «солнцешапочную царицу» и вручил бы «Кызыл-Аягу» — золотоному генералу — ключи от города...

Бомбардировка стены длилась уже более трех часов. Ухали пушки, ядра рушили стену цитадели. Егеря, гренадеры и казаки лежали в укрытиях, ожидая команду на штурм.

Но вот дрогнула, не выдержав ударов, стена, обрушилась, в ней зияла огромная брешь.

— На шту-урм! Шту-урм! При-иго-то-овсь! — затрубил рожок, забили барабаны. — Егеря и казаки, впе-ре-ед!

Из укрытий рассыпным строем солдаты бежали к крепостной стене. Перевалив гребень, егеря-воронежцы вместе с рослыми гренадерами скатывались с крутого склона к бурлящему потоку. Правее их, возглавляемые есаулом Зачетновым, устремились к мосту казаки. Через мост пролежала дорога к воротам.

И тут над стеной в трех местах поднялись белые флаги.

— Сдаются, ваше сиятельство! Крепость сдается! — громче остальных закричал Апраксин, подбежав к Зубову.

— Играйте отбой! — взмахнул тот рукой.

— Наза-ад! Наза-ад! — слышались команды. — Отбой-ой! Штурм отмени-ить!..

Ударила дробь барабана. Ворвавшиеся через пролом в крепость солдаты в нерешительности остановились. Стрельба стихла...

Спустя немного, распахнулись огромные створки, и из ворот Джарчи-капи показалась процессия. Впереди, едва переставляя ноги, поддерживаемый двумя молодыми горцами, шел дряхлый старец с седой бородой. Большая белая чалма, казалось, придавила его своей тяжестью. За ним следовали зажиточные горожане, в черкесках и при оружии. Последним ехал на вороном жеребце Ших-Али. На его шее висела богато украшенная кривая сабля. Всегда горделиво уверенный в себе, теперь он сидел в седле с поникшей головой, не глядел по сторонам.

Процессия направлялась к холму, где стояли генералы.

— Ну вот, слава богу, все и обошлось, — хриплым голосом проговорил Римский-Корсаков и перекрестился.

— Давно б уж кончилось, будь Ших-Али благоразумен, — отозвался Платов.

— Да, кажется, он и сам жалуется своей особой, — разглядывая в подзорную трубу, заметил Апраксин.

Зубов, не оглядываясь, произнес:

— Возьми его, Апраксин, на свою заботу. Помести в лагере под зоркой охраной. Чтоб ни один человек не мог без ведома к нему проникнуть.

Процессия выбралась на холм, и шедшего впереди старца подвели к Зубову. Шамкая, старик что-то стал тихо говорить.

Что он лопочет? — Зубов стоял в позе победителя.

— Он говорит, что все они пришли, чтобы приветствовать вас от всех жителей... И вручить от города и крепости Нарын-Кала ключи.

Позади старика один из горцев держал перед собой расшитую золотом подушку. На ней лежали схваченные кольцом два больших серебряных ключа.

Старик продолжал речь.

— Он говорит, что по воле аллаха ему во второй раз приходится вручать русским

ключи.

— А когда же в первый раз? Кому вручал?

Толмач пояснил:

— Петру — государю Российскому. Было это давно, и он тогда был сильным и ловким джигитом...

Приняв ключи, Зубов передал их Апраксину. Ответил старцу, чтоб слышали все остальные:

— Вы наши союзники и друзья. Все подданные государыни-матушки, ее дети. И, как дети, будем жить в мире и согласии. Наш общий враг Ага-Мохамед персидский. Теперь русской армии открыт доступ в Закавказские края и пределы кровожадного скопца. Теперь открыт путь и к Тифлису, чтобы выполнить свой союзнический долг.

За Араксом

После двухнедельного пребывания у Дербента корпус продолжил поход. Накануне Зубов вызвал генералов, объявил диспозицию, Платова же предупредил:

— С вас, атаман, спрос за охранение войск на марше и ведение разведки. А посему быть самому впереди.

— Разумеется, — отвечал генерал.

Он привык находиться в походе в жарком месте: в авангарде, вступая первым в сражение с неприятелем, или в арьергарде, когда войска отходили и казаки прикрывали главные силы от вражеских наскоков.

— А предупреждаю потому, — продолжал граф, — что есть слухи, будто хан Бакинский, а с ним ханы Карабаха и Шемахи примкнули к Ага-Мохамеду. Сам в это я мало верю, но сие известие нельзя упускать из виду. У персианина войск немало, до сорока тысяч. Хотя он и отступил, но в любой час может совершить диверсию.

Матвей Иванович слушал главнокомандующего, кося глазом на лежащую пред ним карту. Видел, что угроза может возникнуть не только с фронта, но и справа, со стороны гор, где бродили многочисленные отряды Сурхая.

— И в сторону моря бди! — словно разгадав мысли Платова, продолжал Зубов. — Прежде всего, на Баку, а потом к местам причалов наших судов. Никак нельзя допустить, чтобы к ним проник неприятель.

Задача на авангард выпадала немалая, если учесть небольшие его силы: свой легкоконный Чугуевский полк, Хоперский, Волжский, Терско-семейный, Гребенской и еще легион казачьей команды из Моздока. Всего пять полков, а в каждом три с небольшим сотни. В дополнение на следующий день подошел еще один полк, донского полковника Орлова.

24 мая, опережая главные силы, авангард начал поход. За ним запыхала пехота, загромыхали орудия, заскрипели повозки обоза.

Через неделю полки авангарда достигли Самура. В горах началось таяние снегов, шли сильные дожди, река взбухла, превратилась в ревущий поток. В мутной воде крутило камни, неслись вырванные с корнями деревья. Противоположный берег скрывался в тумане.

Кони, вздрагивая и фыркая, с опаской подступили к реке.

— Ну, с богом, — перекрестился урядник, старший дозора и направил коня в поток.

Упираясь концом пики в дно реки, казак помогал лошади справиться с течением. За ним последовали и остальные. Вода била в грудь, в бока лошади, и она едва удерживалась на ногах. Казалось, еще секунда, и животное не выдержит напора, поток собьет и затянет в бешеную круговерть.

Сотня за сотней преодолели полки преграду и ускакали вперед.

19 июня авангард Платова вышел в Курт-Балаку. А утром ему донесли, что накануне Ших-Али бежал из лагеря и ночью был в Кубе. Захватив мать и жену, ушел в горы.

— А что же Серебряков? Как же он допустил такое? Сей момент его ко мне! — вознегодовал Платов.

Майор Серебряков из Чугуевского казачьего полка возглавлял команду при главном лагере. Под его началом находились две сотни наиболее опытных донских казаков. Прибыл он к Платову с осознанием вины.

— Ты что же, господин майор, допустил такое? Выходит, Шах-Али обкрутил твою охрану! Или казаки неисправно несли службу?

— В сем позоре нет их вины.

— А кто же повинен?

— Дозвольте прежде доложить все как было.

— Докладывай, послушаю.

Пленив Ших-Али, генерал Зубов проявил к нему великодушие. Хотя хан и находился под стражей, однако был на положении не пленника, а гостя: посещал офицеров и генералов, имел свою лошадь и нукеров, носил оружие.

За месячное пребывание в русском лагере хан сумел войти в доверие и к самому Зубову. Даже осмелился просить быть гостем в его имении в Кубе, где находились мать и жена.

— Непременно буду, — пообещал граф.

— Но тогда разреши послать письма в окрестные селения, чтоб доставили угощения. Всех офицеров приглашаю, на весь Дагестан устрою пир.

— Хорошо, так уж и быть, шли гонцов...

Майор Серебряков рассказал, как накануне на марше, когда колонна, где находился Зубов, подошла к ущелью и был объявлен привал, Ших-Али предложил полковнику Миллеру-Закомельскому джигитовать.

Показывая лихость и удаль, хан ускакал к ложбине и скрылся в ней. Первым спохватился полковник Иловайский. Вскочил на коня и с десятком казаков бросился за беглецом. Гнались верст двадцать, но догнать не смогли.

— Позор! Позор! — качал головой Платов.

Через неделю в лагерь прискакал горец. Найдя Серебрякова, сообщил, что Ших-Али скрывается в горном селении Черече.

Зубов приказал немедленно направить в аул два отряда и схватить беглеца.

Один отряд возглавил генерал Булгаков, второй Платов. В ночь со 2 на 3 июля отряды подобрались, оцепили аул плотным кольцом, однако Ших-Али не застали. Незадолго перед тем он скрылся.

Словно вырвавшийся на волю зверь, Ших-Али творил черные дела. Объединившись с Сурхаем, он окружил в одну из ночей егерей и сотню хоперских казаков из отряда подполковника Бакунина и едва их не уничтожил. Спасибо подоспел на помощь Углицкий пехотный полк.

Вслед за тем Ших-Али подготовил покушение на самого Зубова. Исполнителем наметил находившегося в русском лагере своего брата Нури-хана. Нури долго жил в Петербурге, а затем вместе с Зубовым прибыл в Кизляр и с тех пор находился при главнокомандующем.

Ших-Али приказал брату проникнуть в палатку главнокомандующего и покончить с ним.

Однако заговор не состоялся. Помог его раскрыть казак из команды майора Серебрякова.

В день нападения Нури заседлал своего красавца и стал джигитовать. Во время джигитовки у него с головы слетела шапка, из нее выпал листок бумаги. Казак подъехал, развернул. В глаза бросился нарисованный под арабской вязью строчек череп. Возможно, казак и не придал бы значения этой бумажке, но рисунок вызвал подозрение: он незаметно сунул записку в карман.

Набравшись смелости, направился прямо к Платову.

— Только что подобрал вот эту писулю. Ее Нурка из шапки утерял, — переминаясь с ноги на ногу, доложил он генералу.

Матвей Иванович развернул записку, недовольно хмыкнул.

— Живо толмача!

Толмач, хмуря лоб, вначале прочитал про себя, с тревогой посмотрел на Платова.

— Тут недоброе: «Волей аллаха повелеваю, чтобы сегодня восход солнца был для Кызыл-аяга последним...» Это... Это... Они же графа убить замыслили!

Зубов, выслушав толмача, стукнул кулаком по столу, вскочил, опрокинув стул.

— Я к этому роду Шихову со всей душой, а они платят такой-то монетой! Эй, Апраксин! Сейчас же Нура арестовать! И под охраной отправить в Астрахань! Чтобы духу его здесь не было!

В тот же день было отправлено письмо к Сурхаю... Зубов писал, что русские войска идут на помощь Грузии и их враг один — персидский владыка Ага-Мохамед. Никаких злых помыслов против дагестанских и других кавказских народов армия не имеет. И потому он требует, чтобы Сурхай отказался от своих вредных для освобождения Кавказа помыслов. Чтоб войско распустил и сам бы явился с повинной к русскому командованию. Если этого не сделает он, Зубов вынужден будет послать войско в его, Сурхая Казикумыкское ханство, и опустошит огнем и мечом.

Сурхай с ответом не задержался. Он писал, что, получив письмо, долго над ним думал и свою вину признает, а потому просит прощения и готов принять условия. А вскоре и сам явился с повинной головой и присягнул на русское подданство.

Когда еще корпус находился в походе, из Петербурга возвратился осетин подполковник Мансуров. Он был послан в столицу Зубовым после взятия Дербента. В донесении Зубов писал о кровопролитном штурме крепости, о мужестве и храбрости врученного ему войска, о добром отношении большей части дагестанского народа к русскому воинству и неприязни к персидскому владыке. К донесению были приобщены ключи, врученные ему старцем.

Получив все это, Екатерина проявила монаршью благосклонность к гонцу и к войску. В ответном послании она писала, что «граф Зубов сделал за два месяца то, для чего Петру I понадобилось два похода, и притом он встретил более сопротивления, чем император». Одобряла она и достойное обхождение полководца с Хараджи-Ханум. Проявляя к новой наместнице Дербента благосклонность, она одарила ее бриллиантовым пером, дорогими серьгами и перстнем.

Зубов был пожалован внеочередным званием генерал-аншефа, отмечен орденом Георгия второй степени, алмазными знаками ордена Андрея Первозванного. Награждены были и многие генералы и офицеры. Матвей Иванович Платов удостоивался ордена Владимира третьей степени.

— И еще императрица-матушка повелела вручить донскому атаману присланную почесть, — и с этими словами Зубов извлек из ящика саблю. Обтянутые темно-синим бархатом ножны, золотая оправка, украшенный алмазами и изумрудом эфес. На нем короткая надпись: «За храбрость».

— За службу верную, за ваши дела, кои известны всей России, за мужество и умение воинское, — сказал Зубов, передавая генералу оружие.

Вечером, оставшись один, Матвей Иванович выложил на стол две сабли. Справа лежала его старая, некогда принадлежавшая отцу. Он вспомнил день, когда отец вручил ее. Было это вскоре после сражения под Каушанами, когда атаману дозволили побывку в станице Черкасской.

Отец, увидев сына в звании бригадира, георгиевским кавалером, наделенным властью походного атамана в Екатеринославской армии, не удержался, пустил слезу.

— Утешил, Матвей, на старости лет. Теперь можно спокойно сойти в могилу. Только прежде прими от меня самое для меня дорогое. — С этими словами Иван Федорович снял со стены саблю. — Не в ссуду, но скажу, что твоя сабля до моей не дойдет. И сталь в моей крепче, и вострей она. Не в одной перепалке побывала и не подвела. Мое время ноне прошло, твое подоспело.

Отцова сабля была с Матвеем Ивановичем и в Молдавском походе, и в штурме

Измаила, с ним была и в недавнем походе на Кубань и в Чечню. Как ни хорош был подарок государыни, а отказаться от привычной старой сабли не смог.

— Спрячь-ка понадежней сей царский подарок, — сказал денщику. — Воевать мне привычной со старой сабелькой.

В ноябре находившиеся в авангарде полки Платова первыми вышли к Куре. Не задерживаясь, с ходу переправились через бурный поток и ушли вперед. Хотя Ага-Мохамед и отошел, однако в горах и на равнине рыскали его отряды, и необходимо было обезопасить от нападения корпус. Он стягивался к селению Джевата при слиянии Куры и Аракса. В Баку, Кубе, Шемахе, Шуше и других городах с дружественным населением оставались небольшие гарнизоны.

Стояла ненастная пора. Почти каждый день лил дождь и пронизывал до костей холодный ветер. Войска испытывали недостаток в продуктах, начались болезни.

От дальнейшего наступления Зубов решил воздержаться, обосновать зимнюю стоянку.

— Здесь должен быть не просто лагерь, а город, с крепостью и пристанью для кораблей, — требовательно говорил он, стоя под дождем в окружении приближенных.

Сквозь мутную дождевую завесу виднелась плоская, как стол, равнина, а позади бурлила река.

— Деволан! — не оглядываясь, позвал главнокомандующий.

Перед ним вырос стройный полковник, чернявый, с аккуратными бакенбардами и живыми умными глазами.

Это был знаток инженерного дела Деволан, недавно прибывший из Петербурга. Голландец по происхождению, он десять лет назад приехал в Россию, вступил на службу в армию, получил чин майора. В армии Потемкина он состоял первым инженером. Позже принимал участие в разработке планов взятия многих крепостей: Каушаны, Паланки, Килии, Измаила. Два года назад вместе с адмиралом де Рибасом он обследовал черноморскую крепость Хаджибей и избрал ее для создания там порта. По планам Деволана теперь шло строительство военной гавани и купеческой пристани, получившей позже наименование Одессы. Деволан руководил постройкой крепости Фанагория, Кинбурн, составлял планы основания многих городов. Екатерина проявила к нему особое внимание, считала человеком деятельным и опытным, оделила многими наградами. Сюда же он прибыл, чтобы оказать помощь Зубову в инженерных делах.

— Вот здесь, Деволан, нужно строить город. Назовем его в честь нашей императрицы-матушки Екатериносердом.

Знал фаворит как подольстить.

И закипела работа! Город рос на глазах. Одновременно с землянками вокруг крепости насыпался вал, а на площади возводился двухэтажный дворец главнокомандующего. На Куре возник порт, приплыли с товарами и продовольствием суда из Баку и Сальян. Из Грузии потянулись стада скота.

И зашумел разноголосый базар, на который стали съезжаться жители не только близлежащих, но и отдаленных местечек и селений.

В разгар работы из Петербурга прибыл фельдъегерь. Его провели в приемную Зубова.

— Пакет особой важности. Вскрыть немедленно.

«Манифест о вошестве на престол императора Павла I» — было выведено калиграфическим почерком.

«Павел? На престол? — едва не вскрикнул генерал. — Какой Павел? Ну, конечно же, сын Екатерины, не терпящий любимого фаворита матушки Платона Зубова и всех его братьев. А что с самой матушкой?» — Он стал читать четко выведенные строки:

«Божией милостию Мы, Павел Первый Император и Самодержец Всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая. Объявляем всем верным Нашим подданным, что по воле Всевышнего Наша Любезнейшая Государыня, Родительница, Императрица и Самодержицы Всероссийская Екатерина Вторая во тридцатичетырехлетнем царствовании в шестой день

ноября к крайнему прискорбию Нашему и всего Императорского Дома Нашего от сия временной жизни в вечную преставилась...»

— Сегодня же привести к присяге войска новому императору, — передал фельдъегерь требование Павла.

Казачьи полки находились, как всегда, впереди, в глубине Муганской степи. С ними был и Платов. В полдень к его дому прискакал встревоженный офицер от Зубова.

— Граф повелел немедленно собирать полки и вести их к крепости. Опоздание никак невозможно! Персидские отряды идут на крепость!

Матвей Иванович не успел отдать распоряжение на сборы, как в помещение не вошел, а ворвался подполковник, карета которого только подкатила к дому.

— Граф Витгенштейн! Из Петербурга, — представился он, изрядно помятый от долгого пути. Протянул конверт с царским гербом. — Исполнение немедленно!

Хрустнули печати. На листе водяной знак — лев, держащий меч и копье. Черными чернилами выведено: «С получением сего выступить на неприменные свои квартиры. Павел».

— Что это значит, граф?

— Государь требует, чтобы сейчас же собрать полки и выступить в обратный путь.

— Как, в обратный путь? Знает ли об этом главнокомандующий?

— Государь отдает сию команду без ведома генерала Зубова. Он не намерен отчитываться в своих действиях.

— Но войска подчинены главнокомандующему... Если полки уйдут, неприятель атакует ставку. Вот он, — Матвей Иванович указал на офицера из ставки, — сообщил весьма тревожное. Неприятель идет на крепость...

— Поступайте, генерал, как повелевает государь, — настаивал Витгенштейн. — Все войска уже повернули, ушли.

— Как, ушли? Кто же защитит крепость? Есть же приказ главнокомандующего...

— Я передаю волю императора: уходите! Генерал-аншеф также получит приказ. Он будет извещен последним.

— Вы, подполковник, толкаете меня на предательство. Но я на это не пойду. Ежели над крепостью нависла беда, долг солдата спешить на помощь.

— Вы рискуете навлечь на себя гнев государя. Он крут.

Но Матвей Иванович, казалось, не слышал его. Обернувшись к адъютанту, скомандовал:

— Полкам играть сбор! Идем к крепости!

Полки подоспели в тот самый момент, когда неприятельское войско, развернувшись в широкое полукольцо, начало наступать.

При Платове находились четыре полка: Донской — полковника Машлыкина, Гребенской — подполковника Чапсина, Хоперский — подполковника Баранова и его, Чугуевский полк.

Глазом опытного военачальника Платов сразу оценил обстановку. Принял решение немедленно атаковать.

— В ла-аву-у! — полетела команда. — В ла-аву-у!

Краем глаза Матвей Иванович видел, как, припав к гриве, мчались на врага Кирилл Багратион и Иловайский, а подле них бесстрашные в схватке казаки-рубаци.

В центре вражеского полукольца зеленое знамя. В уверенности, что при нем находится и сам вожак войска, Матвей Иванович несся туда. Он даже взял немного правей, чтобы зайти с боку и не дать главарю ускакать назад. И находящаяся с правой руки часть лавы, повинуясь его замыслу, тоже подалась вправо, захлестывая этим маневром дальний край вражеского полукольца.

В рядах неприятеля произошло замешательство: одни всадники остановились, другие нерешительно подались назад, а третьи, что находились впереди, по-прежнему двигались к крепостному валу.

С гиком и свистом казаки врубались в гущу неприятельского войска. Дико заржала раненая лошадь, взвилась на дыбы и, роняя казака, тяжело упала на бок. Еще одна бежала назад, волоча по земле бездыханное тело, с застрявшей в стремени ногой.

Казаки всюду действовали дротиками и саблями, пробиваясь к знамени. От них не отставал и Матвей Платов, рубил направо и налево. Приметив главного военачальника — перса в высокой каракулевой шапке, пробивался к нему.

Перс был совсем недалеко, когда генерал увидел рядом с тем знакомое лицо. Ших-Али! Нет-нет, он не мог ошибиться! Рыжий хан был в своей лохматой папахе и белой бурке.

— Вот ты где! — воскликнул генерал и направил коня в его сторону.

С крепостного вала участились выстрелы, пролетали над головой пули, но он их не замечал, видел только рыжего хана, изменника и беглеца, так много принесшего зла дербентцам.

Хана узнали и находившиеся подле Платова казаки. Они тоже пробивались к нему. Один казак ловко орудовал пикой. Ударом в плечо он сбросил всадника с лошади, но другой бросился на него, и казак защищаясь, подставил пику. В следующий миг он с силой пырнул всадника в живот, острое копейцо глубоко вонзилось в тело.

Зеленое знамя вдруг упало, и перс в голубом халате повернул лошадь, пустился прочь. За ним увязался и Ших-Али.

Андриан Денисов помчался за ханом и, догоняя, рубанул с плеча. Бурка на спине хана вспоролась, разлетелась на две половины, но всадник удержался, и конь понес его прочь...

Матвей Иванович видел, как казаки преследовали рассыпавшихся по равнине всадников. Те, в одиночку и группами, уносились в сторону гор, за ними мчались казаки: донские, гребенские, хоперские. А позади, вырвавшись на вал, кричали возбужденные защитники крепости.

Выполнив высочайшее повеление, Витгенштейн возвратился в Петербург.

— Смею доложить, ваше величество, что генерал Платов вашего приказа ослушался, — доложил он императору.

— Ослушался? — спросил Павел негромким голосом, которого так боялись дворцовые.

— Платов не выполнил вашего предписания. Он не повернул, как вы повелевали, назад, а повел полки к крепости, как приказал генерал-аншеф Зубов. И возвращался вместе с ним.

— Где теперь сей Платов? Разыскать его! Немедленно найти! — Император топнул большой, немецкого образца, ботфортой.

— Он на пути к Дону...

— Перестреть и вручить рескрипт об исключении его со службы! Сдать ему полк и следовать сюда! А потом в ссылку! В ссылку!..

А пострадавший в сражении Ших-Али выжил. Едва только войска Зубова покинули Дагестан, как он возвратился в Дербент. Изгнав сестру, снова захватил власть. И правил долгих десять лет, тираня и грабя подвластных.

Лишь в 1806 году, когда русские войска вновь подступили к городу, возмущенные дербентцы изгнали его прочь. Навсегда.

КРУТЫЕ ПОВОРОТЫ

Ссылка

С утра Матвей Иванович собрался на охоту, погонять зайцев и лис, которых здесь, на Егорлыке, водилось множество. Однако ему не повезло: едва конь под ним прошел с полсотни шагов от раскинувшегося лагеря, как споткнулся, и Матвей Иванович чудом

удержался в седле. — Ах, черт! На ровном месте оступился! Не иначе, быть беде! — И, к немалому удивлению попутчиков, повернул назад. — Езжайте без меня.

В приметы и сны он верил с детства, переняв это от набожного и суеверного отца. Да и в книжках, которых читал он немало, сны и приметы всегда были вещими.

Приказав расседлать коня, он разулся и, взяв удочки, босым направился к речке.

Вот уже какой месяц, как направленный Екатериной в Персию отряд находился в обратном пути. В июле Платов с Первым Чугуевским полком почти достиг родных мест: от Егорлыка до Дона рукой подать. Чугуевский полк он формировал еще будучи полковником. Позже из этого полка и Малороссийского были образованы три полка: все они стали именоваться Чугуевскими: Первый, Второй и Третий. Теперь Матвею Ивановичу предстояло довести Первый полк до Чугуева, а потом самому возвратиться в Черкасск.

Накануне вечером полк достиг степной речки Егорлык, знакомой Матвею Ивановичу еще с семьдесят четвертого года, когда пришлось вести бой с турками у Калалаха — притока Егорлыка. Тут он и решил устроить дневку: дать казакам отдых.

Поплевав на пальцы, он насадил червя на крючок, хлестнул по воде лесой. Едва заметные волны разбежались по гладкой поверхности, зашелестело в камышах. Вынырнув, поплавок покачался и застыл. День обещал быть ясным и по-летнему жарким.

— Хорошо-то как! — вздохнул Платов речной, слегка влажноватый воздух и уставился на поплавок. Рыба ловилась не очень, но его влек не лов: на рыбалке по-настоящему отдыхалось.

Послышались шаги, и рядом вырос денщик:

— Ваше превосходительство, прибыл фельдъегерь с пакетом. Полковник Багратион приказал разыскать вас, просит прибыть.

Старшим в полку после Матвея Ивановича был полковник князь Кирилл Багратион.

— Что, очень срочно?

— Не могу знать.

— Ну коли так, собери снасть, а я поспешу.

Увидя генерала, фельдъегерь поднялся, отдал честь, Матвей Иванович с недоумением взглянул на офицера. На голове под треуголкой у того парик с белыми волосами и небольшой косичкой, плечи обтягивал незнакомого покроя яркий со сверкающими пуговицами мундир, на ногах ботфорты с жесткими голенищами, а шаровары так узки, что того и гляди лопнут.

— Это что же за одеяние, братец? — не удержался в своем удивлении генерал. Такого он еще не видывал.

— Форма-с, — отвечал фельдъегерь и щелкнул каблуками. — Его императорское величество Павел Петрович ввели-с.

— Сам император-батюшка ввел?

— Так точно-с. Лично повелел внедрить оную-с, по образцу Фридриха Великого.

— Ну-ну, — покачал головой Матвей Иванович и крутнул ус. — Она годится лишь для паркета. А в сражении иль походе как?

— Не могу знать. — Фельдъегерь достал из сумки пакет и, прежде чем подать его, протянул листок. — Прошу-с учинить роспись в получении.

Матвей Иванович вывел фамилию и поставил число — 23 июля 1797 года. Пакет с царским вензелем.

— От самого императора? — по телу пробежал холодок.

— От него, но чрез Государственную военную коллегия. Еще велено на словах передать, чтоб по получении оного немедленно ехать в Санкт-Петербург.

— Кто распорядился?

— Не могу знать.

Матвей Иванович вскрыл пакет.

«По высочайшему повелению Его Императорского Величества Государственной военной коллегией от сего года 10 мая издан указ, согласно которому генерал-майор Платов

Матвей Иванович из воинской службы исключается...»

Он прочитал и не понял, о чем там написано. Кто исключается? Из какой службы? А при чем здесь он? И снова стал читать, не торопясь, вдумываясь в каждое слово. Теперь смысл дошел до сознания, и где-то внутри заглодало. Он понял все. Исключается из воинской службы. Только что он был начальником, шефом при Первом полке, а сейчас — никто. Но почему? За что? Год назад ему торжественно вручали орден и саблю...

Нет, не напрасно конь споткнулся. Сбылся вещей знак... Ну что ж! Коль приказано ехать в Петербург, он не посмеет послушаться. К дороге он всегда готов. Приказал денщику собраться в дальний путь.

— На Дон, ваше превосходительство! — обрадованно воскликнул тот.

— Мимо. В Санкт-Петербург.

Казак разом сник.

«Исключить из службы...» Эта строчка из государева распоряжения не выходила из головы.

От лагеря неслась казачья песня, которую Матвей Иванович знал еще с детства.

Чем-то наша славная земляшка распахана? —

вопрошал высокий голос певца. Ему отвечал хор:

Не сохами-то славная наша земляшка распахана, не плугами.
Распахана наша земляшка лошадиными копытами.
А засеяна славная земляшка казацкими головами.

И снова голос вопрошал:

Чем-то наш батюшка тихий Дон украшен?

Ему отвечали:

Украшен-то наш тихий Дон молодыми вдовами.

И снова невидимый певец щемяще-скорбным голосом спрашивал:

Чем-то наш батюшка тихий Дон цветен?

А в ответ неслось:

Цветен наш батюшка, славный тихий Дон, сиротами.
Чем-то во славном тихом Дону волна наполнена?
Наполнена волна в тихом Дону отцовскими да материнскими
слезами.

Матвей Иванович слушал песню, а в груди теснилась обида, и подступал к горлу тяжелый комок. За что уволен со службы? Разве он не жертвовал собой в сражениях? Разве не вел казаков на врагов отечества? А может, сами казаки не проявили должной лихости?..

Утром он тронулся в путь.

По прибытии в Петербург его арестовали. На квартиру прибыли трое чинов, предложили следовать с ними.

— Это недоразумение, господа, — пытался он протестовать, но его слова не возымели силы.

— Возможно, и так, Только мы действуем именем закона.

— Зело не беспокойся, — сказал он напуганному денщику. — Вернусь к вечеру.

— Они вышли вместе: старший впереди, за ним, на голову выше всех остальных, Платов, а за генералом — двое. Когда садились в закрытую карету, один из чинов услужливо распахнул дверцу.

— Пожалуйста! — Платов едва сдержался, чтобы не послать к чертовой бабушке с их официальной услужливостью.

Принял его полковник. Он восседал за большим столом. На столешнице — богатый чернильный прибор с фигурой римского латника, метящего копьем в невидимого врага. Хозяин кабинета грузен, с низко проросшими бакенбардами на мясистом лице. Голос зычный, хорошо поставлен. Поздоровался, указал на стул.

— Как здоровье, милостивый Матвей Иванович?

— Неужто затем сюда доставили, чтобы справиться об этом?

— Не только, Матвей Иванович, — без тени смущения отвечал полковник. — Я понимаю ваше состояние и даже сочувствую. Но дело, видите ли, в том, что поступила компрометирующая вас бумага...

— Донос, вы хотели сказать?

— Зачем так?.. Мы действуем именем закона.

— Я привык говорить прямо.

Полковник сидел на точеном, с высокой спинкой стуле прямо и строго. За ним на стене портрет Павла. Небольшого роста, курносый, в яркой форме прусского покроя, картинно положил руку на эфес сабли.

— Придется вас взять под стражу.

— Да за что же?

— Суд разберется.

Его посадили в Петропавловскую крепость. В камере вместе с ним находился полковник Трегубов и князь Горчаков⁹. Если Горчаков отличался молчаливостью, то Трегубов любил подолгу говорить. Говорил он витиевато и нудно. И всех своих знакомых и родных, не жалея дегтя, чернил. Все, по его выражению, были недостойными людьми, и для каждого у него находился ярлык дурака, бездаря, сволочи, подлеца, мошенника, плута.

Как-то, выслушав очередной рассказ о дележе наследства после смерти матушки, когда три брата и четыре сестры, по словам Трегубова, оказались низменными людьми, пытавшимися обмануть его, Матвей Иванович спросил:

— И как это угораздило вас сюда попасть?

— Как? Да очень просто! — воскликнул Трегубов. — Примерно, как вы иль уважаемый князь Алексей Иванович! Донесли императору нелестное, а у него спрос краткий — в крепость!

— И кто же мог выступить против вас? — со скрытой издевкой продолжал допытываться Платов.

— Нашелся один, уж вы-то должны его знать: Зорич такой, офицер.

— Нет, не знаю.

— Он и сочинил на меня донос, мол, полк неисправен, что плохо им команду и жалоб от низших чинов много. Это позволительно ли, спрашивается, принимать жалобы на полковника! Когда было такое? Ох и гусь этот Зорич!

— Да вы тоже, видать, гусь хороший!

— Это ж почему?

— Да по всему... Бедные солдаты.

— А солдаты при чем?

— При том, батенька, что вы были их начальником.

На следующий день Трегубов стал рассказывать, как он участвовал в сражении при

⁹ Впоследствии при Александре I — военный министр.

Кинбурне и видел в деле Суворова.

— Какой он полководец? Так себе...

— А ведь вы, сударь, дерьмо! Да-да! Противно не только слушать, но дышать одним воздухом. От вас смердит.

— Вы!.. Вы!.. — задохнулся тот. — Ежели думаете, что генерал, что все дозволено, то ошибаетесь, сударь! Я знаю про вас многое! Теперь-то уж не буду молчать, все выложу! Казак паршивый! Мужик!

Вспыльчивый Платов едва себя сдержал, бессильно опустил на топчан.

7 декабря состоялся суд. По доносу одного из полковников его обвиняли в незаконном присвоении денег. Разбирались долго, вороша документы, расписки, квитанции, заслушивая свидетелей. Подсудимый держал себя уверенно, с достоинством и в свое оправдание заявил, что, состоя начальником всех Чугуевских полков, он действительно получал на содержание этих полков деньги, однако в свою пользу ни копейки не употребил. Более того, по недостатку казачьей суммы ему часто приходилось расходовать свои деньги, изо всех сил он старался иметь полки в хорошем состоянии. Его Первый Чугуевский полк был признан лучшим среди прочих частей. И кони отличались ухоженностью. Военный суд вынес заключение о невинности генерала Платова.

Через день решение суда представили на утверждение Павлу.

— Значит, не виновен? Ну-ну. — У Павла было свое мнение. Мог ли он простить того, кто находился в фаворе у Екатерины, пользовался при ней славой?

Брызгая чернилами, император наискось листа написал: «Исключить из службы и отправить к Орлову на Дон, дабы держал его под присмотром в Черкасске безотлучно».

Прокурор хотел было пояснить, что Платов уже исключен, что нет смысла вновь писать об этом, но воздержался, промолчал.

В эту ночь Матвею Ивановичу приснился страшный сон. Будто он сидит на берегу Дона с удочкой. Место знакомое, тихий затишек, сидит долго, а ни одной поклевки. Потом вдруг что-то попало. Тянет он с трудом, боится оборвать лесу, однако ж она поддается. Вытащил, а на крючке сабля. Та самая сабля, какую подарил отец. От долгого пребывания в воде она покрылась ржой, ножны затянуло тиной. Но только он взял ее в руки да вытер лезвие о полу чекменя, сабля заиграла лучом, как новенькая.

— Вещий сон, — высказал догадку Горчаков.

— Да уж какой-то странный, — не скрыл сомнения и Трегубов.

Загремел замок камеры. Узники насторожились. В сопровождении коменданта крепости вошел генерал-адъютант Ратьков. Толстенный, кругленький, со сладкой улыбочкой, оглядел заключенных, остановил взгляд на Платове.

— Вот вы-то и нужны.

Ратькова знали как человека злого, низменного, готового идти на все, чтобы только выслужиться. Сейчас он был при дворе на особом положении: любимец Павла. В приближенные попал волей случая, судьба помогла, хотя и сам к тому приложил немалое старание. Узнав о кончине Екатерины, он вскочил в подвернувшуюся карету, приказал гнать в Гатчину. Там находился наследник престола.

Перестрел Павла на дороге, бросился к карете, упал ниц:

— Ваше императорское величество! Дозвольте первому поздравить с восшествием на престол! Склоняю голову в верности к вашим стопам!

— Спасибо, милый. Благодарю за верность.

— Не мог остаться тот равнодушным.

На следующий день Ратьков стал генерал-адъютантом свиты его величества, владельцем поместья в тысячу душ, через его плечо легла Анненская лента.

— О чем вели речь, господа? — спросил Ратьков заключенных. — Оживленно, я слышал, у вас тут было.

— Сон им рассказывал. Будто домой возвратился, на свой Дон.

— Ха! Выходит, сон в руку! Принес вам, Платов, государево помилование. Благодарите его императорское величество за внимание к вашей особе. Свободны вы и через три дня извольте ехать без промедления на Дон.

— Ваше превосходительство... Неужто... — только и смог произнести в ответ Платов.

— Более того, генерал. Возвращаю вам и ваше оружие, — продолжал вошедший в роль благородного избавителя Ратьков. — Подайте саблю... Примите ваше оружие. Помните государево великодушие.

Матвей Иванович взял в руки саблю, ту самую, что приснилась ему ночью, поцеловал.

— Вот она, моя верная подруга. Не заржавела, милая Оправдает от наветов. На Дону оправдает...

— Это как же изволите понимать сии слова, сударь? — насторожился Ратьков, и уши задвигались. На несчастье, его уши обладали свойством двигаться помимо желания. И это вызывало у других насмешки: «Ратьков, у которого шевелятся уши».

— Да так вот и понимайте, — ответил Матвей Иванович, поглаживая саблю.

— Слова-то ваши того, с душком.

— Эту саблю вручил мне отец. Он честно служил государыне императрице и отечеству...

— Ну вот, опять вы дерзите. Разве вам не известно, что государь повелел не употреблять слово «отечество» и «гражданин»? Иль вы пренебрегаете императорской волей?

— Тьфу ты, будь неладен! Видать, нечистый меня попутал, — постарался перевести в шутку разговор Матвей Иванович. — Ну, спасибо, сударь, за добрую весть. Через три дня моей ноги в столице не будет.

13 декабря он действительно выехал к себе на Дон.

И не ведал Платов, что в тот самый час, когда карета выносила его из столицы, Ратьков докладывал Павлу.

— Этот самый Платов, ваше величество, дерзкие мысли изволил высказать. Сидевший с ним в камере полковник Трегубов донес, да и мне пришлось сие слушать. Замыслил доказать свою невиновность. Полагаю, что на Дон его нельзя пускать. Подалее бы от родных мест надобно направить.

— Так не пускать! Немедленно вернуть!.. Нет, не сюда! В Кострому его! Послать сейчас же нарочного с депешей к Орлову, приказать направить Платова без промедления в Кострому!

В тот же день вслед Платову помчался сенатский курьер Николаев с письменным предписанием. 16 декабря он примчался в Москву.

— Остановливался ли отставной генерал Платов? — потребовал ответа у хозяина придорожной гостиницы.

— А как же! Он и ныне проживает. Пошел на службу в собор, завтра поутру отбывает далее.

Курьер поспешил к собору. Служба как раз кончилась, и народ выходил из храма. Он узнал Платова, высокого, по-кавалерийски стройного, с посеребрёнными усами и висками.

— По велению самого императора, — шагнул он к генералу...

Матвей Иванович ехал в Кострому с чувством глубокого и несправедливого оскорбления, и причиной опять был ни кто иной, как сам государь. Душила обида, но высказать ее не мог: рядом сидел Николаев, настороженно следящий за каждым его шагом. «Дурак! Неужто сбегу?» Он понимал, что пребывание в Костроме — это ссылка, неведомо длительная по времени. Она не страшила, терзало душу воспоминание о доме, там семь его детей, к тому же вторая жена здоровьем слаба, часто болеет.

24 декабря добрались до Костромы. Город встретил перезвоном колоколов. Возвышались маковки церквей, кресты колоколен царапали серое низкое небо.

— Губернатором здесь Островский Борис Петрович, — сообщил Николаев. — К нему у меня письмо относительно вашего превосходительства.

В письме обер-прокурор писал, что генерал-майору Платову Государь Император соизволил повелеть жить без выезда в Костроме, а губернатору следить за образом его жизни, о чем постоянно уведомлять.

На следующий день пред Платовым предстал здоровяк с крутыми плечами и большой головой. Широкоскулое лицо с узкими глазами и плющенным носом источало радость:

— Готов биться об заклад, что вижу донского героя! Матвей Иванович, здравствуйте!

— Ермолов! Ты ли? — Когда-то Потемкин назвал его белым негром. С легкой руки светлейшего эта кличка прочно приклеилась к молодому офицеру. Он и в самом деле лицом походил на африканца. — А ты-то за что здесь, кавказец? За что тебя угораздило?

— От великого до смешного — один шаг, а в нынешнее время и того менее. Одни ли мы в опале!

С восшествием на престол Павла над Россией словно опустилась хмара. Боясь, как бы «зловредные умствования» и дух французской революции не встревожили россиян, необузданный самодержец повелел принять жесткие меры. Запрещался выезд русских за границу, ввоз иностранных книг, газет, журналов, даже музыкальных пьес; усилилась власть цензуры, все частные письма вскрывались.

Полагая, что дисциплина в армии низка, государь ввел жесточайшие меры для наведения «порядка». Русский устав заменялся прусским уставом сорокалетней давности. Армия облачилась в прусский мундир, непригодный не только в войне, но и в мирное время. Со службы были уволены неугодные императору офицеры и высшие чины. Получили отставку семь фельдмаршалов, в том числе Румянцев, Каменский, Суворов, более трехсот генералов. Увольнялись за малейшее отступление от уставного правила, отдавались под суд.

Платов и Ермолов поселились по-соседству, часто проводили вместе целые дни. Нередко к генералу приезжали из близлежащих поместий помещики, приглашали к себе.

— На сие не имею права, — ответил Островский. — Испрошу разрешения столицы.

Он послал письмо прокурору Куракину: «Осмеливаюсь сим испросить у вашего сиятельства милостивого, буде возможно, позволения во утешение скорбной души Матвея Ивановича Платова, чтобы позволено было ему в некотором разстоянии от города в селения к дворянам известным по званию их выезжать; ибо его всякий желает у себя видеть за его хорошее, тихое и отменно вежливое обращение; ему же сие послужит к разгнанию чувствительной его унылости».

Ответ пришел через несколько дней: «Сколько бы ни желал сие сделать, но невозможно, ибо это не от меня зависит».

— Терпи, казак, атаманом будешь! — успокаивал Ермолов.

— Ходил в атаманах. Все это в прошлом.

— Я имею в виду большим атаманом, всего Войска Донского.

— Хороший ты человек, Алексей Петрович. Зятя бы мне такого! И не пожалел бы для тебя атаманского полка, вручил бы со спокойной душой...

Как ни было тяжело, Матвея Ивановича не покидала вера, что возведенная против него напраслина будет отвергнута, что он еще поведет в сражение полки. Он часто раздумывал над проведенными ранее сражениями, строго оценивал в них свои решения и действия частей, выискивая недостатки и промахи. С жадностью набрасывался на газеты и сообщения, которые поступали в последнее время с Итальянского фронта, где воевала против французов возглавляемая Суворовым русская армия. Генералиссимус ведь ранее тоже был в опале.

Но в сентябре 1800 года возникло дело об укрывательстве на Дону беглых крестьян, и тучи над опальным генералом вновь сгустились. Невыносимые условия вынуждали бедняков центральных районов России бежать на юг. Существовавшее издавна право «с Дона выдачи нет», хотя и было отменено, однако многим беглым еще помогало укрываться. Павлу представили списки помещиков, у которых беглые нашли приют. Там оказалась и фамилия Платова.

— Опять Платов! — вскипел Павел. — Где ныне он?

— В Костроме, под надзором.

— В Костроме? Не там ему место! Не там! В крепость его, в рavelин! И потребовать объяснение!

Письменное распоряжение о переводе Платова из Костромы в Петербург застало его больным. Сказалась походная жизнь, ранения. 9 октября его вывезли из Костромы снова в Петропавловскую крепость, на этот раз в Алексеевский рavelин, как повелел император. Прощай, Кострома, где бесцельно прожито три года! Впереди темная неизвестность.

Через неширокую дверь его ввели в большое сводчатое помещение со множеством дверей по обе стороны.

— Ну-ка, гусь-сударь, скидывай одежду, — потребовал рябой стражник. — Тут, сударь, зараз подчиняйся, с полуслова!

С него стащили сюртук, шаровары, сапоги. Босым, в одном белье провели дальше.

— Одевай, гусь-сударь, парадное! — швырнули заношенную шинель, колпак, затвердевшие, без шнурков, башмаки.

Камера напоминала мешок. Шесть шагов до окна и от стены до стены — три. Койка, стол да параша. И все.

Окно от пола высоко. Нижний край проема скошен, чтобы свет падал в камеру. Решетка из толстых прутьев, схваченная для прочности на пересечении кольцами. Видно низкое, серое и холодное петербургское небо.

От окна к двери можно ходить, вышагивать по каменным плитам до бесконечности, до одурения.

В первый же день судебный чиновник удостоил его вниманием:

— Болезнь-то, видать по вас, отошла?

— Слава богу, немного полегчало.

— А коли так, то пишите объяснение.

— О чем?

— Как ютили беглый люд.

— Где ж мне писать, милостивый сударь? Неужто в камере?

Воздух в камере был сырой, стены в потеках, и холод пронизывал до костей.

— А что же не в камере? Пишите день. Никто не торопит, — сказал чиновник и оставил его наедине с листами бумаги.

Взяв перо, Платов задумался. На память пришел хмурый день поздней осени. В подворье он встретил своего управляющего Ивана Бугаевского.

— Поглядите, Матвей Иванович, на этих, — управляющий указал на стоящего поодаль мужика, бабу и детей. — Приплыли ноне с верховья откуда-то, ищут пристанища.

— Беглые, что ли?

— А то...

Матвей Иванович подозвал пришельцев.

— Как звать? — спросил мужика.

Тот ответил. Был он в расхлестанных лаптях, в дерюжьем армяке, с холщовой котомкой за спиной. Баба босая, и ему запомнились ее красные вспухшие ноги. К ней тянулись трое детей, четвертого держала на руках.

— Уж не согрешил ли чего? — спросил он мужика.

— Что ты, барин! Как можно!

— Почему же ударились в бега?

— Бурмист проклятый извел. В прошлый год девчонку нашу осильничал. Она через то руки на себя наложила, утопла в реке. А когда я барину пожаловался, тот совсем озверел.

— Кто? Барин?

— Не-е. Бурмист. Барин что? Послушал да через неделю укатил в Москву. А бурмист остался. Обещал в гроб вогнуть. И вогнал бы. Вот и задумали мы бежать.

Матвей Иванович посочувствовал.

— С конями дело имел? — спросил он мужика.
— С конями? А то как же! Свою коньку имел, да подох. А коли б был, разве убег...
— Может, на завод определим? — Матвей Иванович посмотрел на управляющего.
— Можно и туда... Уж вы мне доверьтесь. Прописку сотворю, комар носа не подточит...

Вспомнив это, Платов не спеша посреди листа вывел слово «Объяснение». Как ни тяжело было, однако он старательно писал, черкал, выписывал сбоку листа и над строчками слова. Лишь с третьего раза переписал начисто свою «письменюгу». В ней объяснил, что начиная от 1786 года он, как и все донские помещики, принимал на жительство беглый люд, ибо запрещения не было, что, отсутствуя, он, действительно, дал словесное разрешение своему управителю Ивану Бугаевскому принимать пришлых людей и строить им дома для жительства из своего дохода, а также дав еще и льготы для исправления их бедного хозяйства, не требуя от них ни работы, ни оброка, кроме государственных податей, когда истребованы будут... Писал, что сам он с 1794 года находился в отлучке, во-первых, в Петербурге, потом в Персидском походе, а с 1797 года в Костроме...

— Вот, изложил как мог, — передал он свое сочинение пришедшему на следующий день чиновнику. — Лучше не могу.

— Ничего. Государь-батюшка разберется.

— Долго ли ждать решения?

Чиновник не удостоил ответом. Тяжко хлопнула дверь, лязгнул засов, и Платов снова остался один.

Почему он оказался здесь, в заточении? Неужели только из-за того, что заподозрили в краже полковой кассы? Признаться, казну воровали многие, начиная от вахмистров до фельдфебелей и кончая... Кем кончая? Об этом лучше не заикаться. Все любили погреть руки на государственных деньгах. Почему же гроза разразилась над его головой? Почему для него уготована такая участь?.. Как озарение, пришла в голову мысль: да ведь новый император решил унижить всех тех, кому покровительствовала его мать, Екатерина Вторая, изгнать с глаз своих. Смена власти означала и смену окружения, смену покровительствуемых. Павел хочет вместе с забвением прошлого втоптать в грязь тех, кто своими делами укреплял славу России, славу и подвиг народа и армии.

— Мерзляк! Гнус! — не вытерпев, вскочил Матвей Иванович и принялся метаться по тесной камере, словно загнанный в клетку зверь.

«Конечно, ты в силе творить все, что взбредет в голову. Ты можешь нас сгноить в камере, задавить, но дела-то наши принадлежат истории, и она нас не забудет», — мысленно говорил он императору.

А пребывание в Алексеевском рavelине все продолжалось, и, казалось, в этой камере закончится жизнь. Не выйдет он отсюда. Когда топили печь, камера наполнялась едким дымом. Он забирался в легкие, душил, разъедал глаза, и Матвей Иванович часами сидел зажмурившись, не решаясь их раскрыть. В голову лезли такие же горькие, как дым, мысли. А когда в камеру вползали сумерки, появлялись крысы — злые и нахальные.

Боже, да за что же? Кончатся ли когда страшные испытания?

На Индию!

В то утро Матвей Иванович проснулся с тревожной мыслью о доме. В последнее время его все чаще стали одолевать думы о близких. Как там они? Живы ли? Здоровы? А как Марфа Дмитриевна?

С ней он сошелся через год после смерти Надежды. Он тогда нес службу на Кубанской линии. Прибывший из Черкаска казак сообщил, что жена его сильно занемогла. Выехать он смог лишь через неделю, а когда приехал, жена умирала. В тот приезд он похоронил свою разлюбленную Надежду, оставшись вдовцом с шестилетним сыном Иваном. Кое-как устроив дела и сына, он уехал назад, звала служба.

Возвратился через год. Отец потребовал:

— Ты, Матвей, не перестарок. Налаживай семью и сына определяй. А невесту мы уж присмотрели.

Родительский выбор пал на вдову Марфу Дмитриевну из старинного казачьего рода Мартыновых. Муж ее, генерал Кирсанов, умер в прошлом году, оставив на руках малолеток — сына и дочь.

Матвей Иванович не посмел противиться отцовской воле: у казаков родителей почитали, перечить было не в правилах. Вскоре состоялось сватовство и совсем негромкое празднество по случаю бракосочетания.

Удачен ли или нет их брак, один бог ведал. Только через каждые два года Марфа Дмитриевна одаривала мужа ребенком. Вначале шли девочки — Марфа, Анна, Мария, потом мальчики — Александр, Матвей, Иван...

Матвей Иванович тяжело вздохнул: «Слава казачья, да жизнь собачья!» Видимо, и наступивший 1801 год будет таким же безрадостным, как и прошедшие в ссылке и заточении и вычеркнутые из жизни почти четыре года. На душе стало еще тяжелее.

Было уже светло, когда за дверью послышались голоса. Среди них выделялся один, громкий и властный.

«Вот и конец! — холодея, подумал Матвей Иванович. — На эшафот, не иначе».

Лязгнул запор, дверь распахнулась.

— Здравствуй, Матвей Иванович! — донеслось до него.

— Кто это? — Он всматривался, щуря от боли воспаленные веки.

— Полковник Долгоруков, ваше превосходительство, Сергей Николаевич, комендант крепости.

— Что надобно, полковник?

— Пришел за вами, Матвей Иванович. Сам император требует!

У Платова даже ноги подкосились: успел, однако же, сесть на топчан.

— Император? Это зачем же?

— Не могу знать. Только требует немедленно к себе, во дворец.

— Как же пойду я в таком виде? — Он провел рукой по давно не бритому, обросшему щетиной лицу. — Да неужто в этом одеянии?..

— Не извольте беспокоиться. Мы уладим. Зарюкин! — позвал комендант.

В дверях появился тот самый рябой унтер, что бесцеремонно обошелся с Матвеем Ивановичем, когда переодевал его.

— Слушаю-с!

— Мигом мундир генералу! Мундир генерала Войска Донского...

— Найдете ли? — усомнился Матвей Иванович.

— Найдем. У нас порядок строгий.

Мундир принесли, но вид его испугал. Плесень лежала густыми белесыми пятнами, позолота на погонах и пуговицах сошла, в довершение воротник и рукава, где прокладка пропитана крахмалом, обгрызаны крысами.

Нечего было и думать, чтоб в нем предстать пред императором.

— Ты что ж довел до сего? — сверкнул очами комендант. Унтер стоял ни жив ни мертв. — Выпороть бы тебя, сукиного сына! Как теперь являться к императору?

— Там еще есть генеральские мундиры, — пролепетал унтер.

— А ведь и впрямь. Неси быстрее!

Унтер возвратился бегом, неся мундир приличествующего вида, с генеральскими погонами и не потерявшими блеск пуговицами и шитьем.

— О-п! Да он как раз в пору! Словно с вашего плеча!

Мундир и в самом деле пришелся.

— Это чей же?

— Генерала Денисова, — поспешил с ответом унтер.

— Что? Денисова? Какого Денисова? — переспросил Матвей Иванович и стал

расстегивать пуговицы.

— А вашего земляка, графа Федора Петрова Денисова.

— Он тоже схвачен? Одежду с его плеча не надену!

Матвей Иванович стал поспешно стаскивать мундир.

Непонятно из-за чего, то ли причиной было соперничество в лихости, то ли один другого обидел словом, только они, лихие донские рубаки, испытывали друг к другу неприязнь.

— Неужто мундиру предпочитаете камеру? — уставился на Платова комендант.

Упоминание о камере охладило узника.

— Ладно уж. — Он застегнул пуговицы и разом приосанился.

— А теперь в баньку да к брадобрею.

Потом комендант пригласил отобедать с ним. Не везти же голодным к императору! Сидя за столом, Долгоруков то и дело поглядывал на часы.

— Вы уж там, Матвей Иванович, будьте с государем обходительны. Упаси боже перечить в чем! Спесив и крут очень. Слушайте да поддакивайте, соглашайтесь во всем, — напутствовал он.

Было видно, что сам он имел с императором встречи и не очень приятные.

Резиденция Павла находилась в недавно отстроенном Михайловском замке. Сооружение напоминало крепость. Его окружал одетый в гранит ров, за ним возвышался крутой бруствер. Четыре перекинутых через ров моста с сигналом вечерней зари поднимались, и тогда уж никто не мог попасть в это тщательно охраняемое гвардейцами здание.

До замка карета домчала Матвея Ивановича стремглав, подкатила ко рву. С противоположной стороны опустился мост.

— Что же, генерал, заставляете себя ждать? — выразил недовольство чернявый, похожий на турка, придворный. — Император вас уже спрашивал.

— Сие от меня не зависело, — ответил как можно любезнее Платов.

— Хорошо, хорошо, об этом потом. Сейчас поспешайте за мной.

Платов догадался, что это Кутайсов, бывший брадобрей императора, а ныне его любимец и ближайший советник, возведенный в графское звание. Матвей Иванович в ссылке слышал от других, что Павел окружил себя бездарными и ловкими царедворцами. Первым среди них называли Кутайсова.

Он и в самом деле был турком. Еще при Екатерине его вывезли из Кутаиса, дав фамилию, произведенную от названия этого города. Павел, тогда еще великий князь, воспитал Кутайсова за свой счет и приказал обучить цирюльному искусству. Смышленный и довольно хитрый человек, усвоив правила света, сумел использовать в личных интересах свое положение. Из брадобрея и камердинера вырос до придворного конюшего-шталмейстера, кавалера высокого ордена Андрея Первозванного. Пользуясь связями и влиянием на императора, он в открытую торговал чинами, должностями, именьями.

Внутри замок был просторен, богато украшен, однако от стен тянуло холодом и сыростью. Совсем недавно, по завершении строительства, в него перебралась царская семья.

Прошли анфиладу комнат со стоявшими у дверей слугами в парадных ливреях, прежде чем очутиться в приемной — большом, сверкающем огнями помещении с уставленными вдоль стен мягкими стульями и диванами.

— Подождите здесь, — сказал Кутайсов и скрылся за высокими дверями.

Мысль, зачем он, Платов, понадобился Павлу, не покидала генерала ни на минуту. И сейчас он с волнением думал о том, что через какие-то минуты, после встречи с капризным самодержцем, решится его участь.

«...Будьте с государем обходительны. Упаси боже, перечить в чем», — вспомнил он напутственные слова коменданта.

Случайно взглянув в зеркало, Матвей Иванович не узнал себя. На него смотрел

высокий, как жердь, человек с побелевшей головой и глубокими на лбу залысинами. Из ворота торчала тонкая морщинистая шея, и мундир висел на плечах. Старик! Старик, да и только! Но тут отворилась дверь, и Кутайсов позвал торжественно и важно:

— Генерал Платов! Пожалуйте!

В огромном кабинете стоял человек в зелено-красном мундире прусского покроя. Высоким стоячим воротничком зажато лицо: большой покатый лоб, чрезмерно вздернутый нос, тяжелый, несколько великоватый подбородок.

«О, господи! И этот человек был причиной всех бед», — пронеслось в сознании. Он приблизился к императору.

— Что, братец, попугал я тебя? — улыбнулся Павел, обнажая большие крепкие зубы.

«Попугал?» Матвей Иванович вовремя сдержался, чтобы не сказать резкое. В рavelине он едва не ослеп, не лишился жизни.

— Попугал, ваше величество, — ответил и выжал улыбку. — Так напугал, что чуть не отдал господу богу душу. Еще б немного и свершилось.

— О том, что случилось, забудь! Я ведь тебя, видит бог, крепко люблю. Забудь, что было! Это повелевает император российский. А в знак уважения подношу тебе презент.

Павел взял со стола сверкавшую бриллиантами табакерку и протянул ее Платову.

— Бери, Матвей Иванович. Бери, генерал, да не помни зла. — И тут же игриво погрозил пальцем. — На государя обиду таить опасно.

Матвей Иванович взял табакерку и, не выказывая восхищения, сунул ее в карман.

— Вижу, генерал, ты не очень доволен моему презенту. — Павел нахмурился.

— Что вы, что вы, мой государь! — спохватился Матвей Иванович. — Достоин ли я сей прелести!

— Если дарствую, стало быть, достоин. Так вот, генерал, — принимая официальный тон, продолжал Павел, — вызвал я тебя затем, чтобы выслушать в одном деле. Подойди сюда. — Павел порывисто направился к столу, на котором лежала распластанная карта. — Вот здесь, — ткнул он пальцем в бумагу, — указан путь в далекую Индию. Скажи, сумеешь ли провести туда казаков?

— Куда провести? После темницы я совсем ослеп.

Платов наклонился над столом, вглядываясь в карту с прочерченной пунктиром линией.

— В Индию, генерал! В Индию! Скажи честно, без утайки.

Тут опять на память Матвею Ивановичу пришло напутствие коменданта крепости. Да уж лучше в эту Индию, даже на край света, чем снова в камеру Алексеевского рavelина!

— Как прикажете, государь! В Индию, так в Индию! Готов туда хоть сейчас.

— Значит, не ошибся я, братец, в тебе, — обнажая большие зубы, улыбнулся Павел, глядя снизу вверх на Платова. — Хочу проучить я англичан за их двуличие и хитрость. Пусть они попляшут, когда потрясут их богатство в Индии славные наши казачки.

В конце 1800 года в проводимой Павлом европейской политике произошел крутой поворот: недавний враг России Наполеон стал союзником, а Англия — врагом. Используя альянс, Наполеон решил с помощью русских войск нанести по Англии еще один удар: лишить британскую корону ее важнейшего бриллианта, Индии. Первыми в далекую Индию должны были добраться сухопутным путем русские казаки, а потом уже Наполеон поведет свою армию. Вначале доберется до Волги, оттуда на судах спустится к Астрахани, поплывет Каспийским морем к Персии и караванным путем доберется до цели. Захватив главнейшую колонию Англии, он заставит всесильного британского льва смиренно лечь у его ног.

Наполеон вынудил Павла принять этот план. Когда решался вопрос, кто должен вести казаков, мнения сошлись на одном: Платов. Вот потому-то и последовало его срочное освобождение и вызов к императору.

— Так вот, генерал, — завершил разговор Павел. — Через три дня ты должен мчаться на Дон. Там подымай всех казаков. Всех, кто может сесть на коня: и старого и младого.

Орлову же завтра будет направлена депеша, чтобы он оказал тебе всеми мерами поддержку и помощь. С Дона направляй казаков по мере готовности к Оренбургу. И сам туда направляйся в числе первых. Ну а потом получишь все указания чрез мои грамоты.

Матвей Иванович вышел из кабинета сам не свой. Еще днем он сидел в сырой и дымной темнице, теперь шел по сверкающему дворцу от самого императора. Поистине судьба всесильна, и неисповедимы ее повороты. В волнении свернул куда-то, заплутал, хотел выбраться назад и сбился с пути окончательно. Спасибо, повстречался слуга. Он помог добраться до выхода.

Лишь надев шинель, Матвей Иванович подумал: куда же теперь ему идти? Не в крепость же! Да и в кармане ни гроша.

— Послушай, служивый, — обратился он к стоявшему у дверей швейцару. — А где можно переспать?

Тот окинул его удивленным взглядом:

— Здесь, ваше превосходительство, спать негде. Ведь императорский дворец...

— Мне это известно. Я сам только от его величества, спрашиваю, где в городе можно переспать? — Человек смотрел по-прежнему не без удивления. — Я прискакал с Дона, в Петербурге квартиры нет, — пояснил Матвей Иванович.

— А-а... Теперь понял. — Швейцар улыбнулся. — В городе есть гостиница Демута, в ней номера. Там и переспите.

— Ах, да! И еще... — Матвей Иванович огляделся и тоном заговорщика продолжил: — Уважь займы хотя бы целковый! Назавтра верну, крест святой!

Швейцар выпучил на генерала глаза. Такого он еще не встречал и не слышал, чтобы генерал просил у слуги денег.

— Да не бойся, служивый, не обману. А если что, знай, что Платов мое имя. Слышал небось?

— Вы — Платов? Как же не слышал, ваше превосходительство! О вас столько-то разговоров. Вот, пожалуйста, берите. Сейчас и провожатого дам.

Матвей Иванович сунул смятую бумажку в карман. Руки наткнулись на усыпанную бриллиантами табакерку. Цена этой вещицы была столь велика, что стоила, вероятно, гостиницы, в которой предстояло ночевать. Он вздохнул и подумал: «Из дворца да в гостиницу. Однако ж не в темницу...»

Через три дня он выехал в Черкасск.

Матвей Иванович находился еще в пути, а на Дону уже ожидали его приезда. В поступивших из Петербурга грамотах сообщалось о предстоящем походе, о сборах, о начальниках. Во главе похода назначался атаман Орлов, Платов командовал авангардом. К тому же по высочайшему указу он награждался командорским крестом ордена святого Иоанна Иерусалимского. Все наветы, таким образом, от Платова отметались. Впрочем, знавшие его казаки не верили в них.

И вот 27 февраля после торжественной литургии в городе Черкасске был отслужен на площади напутственный молебен, и длинная колонна начала свой путь в неведомую Индию. Всего вышло сорок один полк или 23 тысячи человек с двумя ротами конной артиллерии, в которых было 24 пушки. Из крепости святого Димитрия Ростовского были отпущены для них ядра. Шли четырьмя отрядами. Авангардом, в который входило тринадцать полков, командовал Матвей Иванович Платов.

За полками на много верст по разбитой дороге тянулись обозы с провиантом и фуражом. Полковые начальники и есаулы-сотенные торопили людей, чтобы успеть до ледохода переправиться через Волгу. В тот год в Поволжье случился неурожай, и полки шли по голодной местности, где люди пухли с голода и вымирили целые деревни.

На исходе 23 марта отряд Платова, углубившись в Оренбургские степи, достиг небольшого степного хутора с десятком обветшалых домишек. Переход был особенно трудным. С утра ударил мороз, задул сухой и острый ветер, а потом пошел снег и

завьюжило, словно в январское ненастье.

Матвей Иванович собирался ужинать, когда в избу вошло пять или шесть казаков. Молча потоптались у дверей, обивая сапог налипший снег, сдернули лохматые папахи.

— Проходите к столу, станичники, повечерим, — Матвей Иванович почувствовал недоброе.

— Спасибо, — сумрачно ответил бородач. — Мы не вечерить пришли. Погугарить надо.

— Да-да, погугарить. Высказать сумления наши, — поддержали остальные.

— Ну, а коль гугарить, все равно садитесь.

Бородач и остальные нерешительно приблизились.

— Скажи нам, Матвей Иванович, куда нас ведешь? Ты хоть и батька наш, верим тебе, однако казаков сумление охватило.

— О том, куда идем, государь никак не велел сказывать. Слово с меня взял о той тайне.

— Ну, коль не хочешь сказывать, так мы скажем: в Индию какую-то ведешь нас на погибель верную.

— Кто сказал, что в Индию? Вы от меня о том слышали? — поднялся Матвей Иванович. Его предупредил Павел, что о цели похода не должен знать никто. Иначе головы не удержать.

— Э-э, батька, разве от людей сохранишь тайну? Земля слухом полнится, — сказал бородач. — Казаки решили далее не иттить. Вот и повертай назад, веди домой! Не то мы сами, по своей воле направимся в станицы.

— Послушайте, казаки, что скажу, — Матвей Иванович понял, что дело принимает серьезный оборот. — И вы и я присягали царю службой верною. Перед походом я самому императору поклялся умереть, но довести вас до места. Вот и разумеете, смогу ли я отступить от слова даденного.

— Ради слова своего ты жизни нас лишить хочешь?

— Неразумное гугарите.

— Мы гугарим не от себя, а от казаков всех. С тем и пришли.

— Ладно, станичники, передайте всем, чтоб дали себе и коням отдых. Утро вечера мудреней.

Ночь Матвей Иванович не спал. Разговор не шел из головы. Знал: если казаки в чем сомневаются, убедить трудно. Не согнешь.

Наступило утро. Хотя все шло по заведенному порядку, однако среди казаков чувствовалась напряженность: поднеси спичку и вспыхнет.

— На построение! — понеслась команда. — Строиться!

И тут на дороге показался всадник. Нахлестывая коня, он мчался к хутору.

У избы, где располагался на ночь с адъютантом Платов, казак соскочил с коня, топая сапогами, вбежал в помещение.

— Пакет, ваше превосходительство! Генерал Орлов приказал доставить вам как можно срочно!

«Опять новый приказ, — с тревогой подумал атаман. — Нет, бунта никак не миновать».

Стараясь унять волнение, вскрыл пакет, прочитал распоряжение и перекрестился.

— О, господи, опочил наш царь-батюшка! В ночь с 11 на 12 марта почил в бозе от апоплексического удара, — с трудом выговорил он и снова перекрестился.

Матвей Иванович сел за стол, не выпуская из рук бумаги, продолжал читать:

— Восшедший на престол император Александр Павлович повелел возвратить полки, жалует казаков тихим Доном и родительскими домами.

— Выходит, походу конец? — спросил он прискакавшего казака, не веря написанному.

— Так точно! У нас об этом только и разговоры. Ноне присягать будем новому ампиратору.

Матвей Иванович почувствовал, как с него сваливается многопудовая тяжесть.

— Конец походу. Ноне с места не тронемся. А завтра назад...

Так бесславно закончился поход в Индию.

Новый Черкасск

И еще важное для Платова событие произошло в том 1801 году. В конце мая казачьи полки возвратились из неудачного похода в Индию, а в июле неожиданно скончался атаман Войска Донского Василий Петрович Орлов.

12 августа на имя Платова, числившегося наказным атаманом, прибыл в Черкасск царский рескрипт. В нем указывалось: «По получении сего немедленно войдите в управление возложенной на Вас должности и по принятии до нее касающегося, сделав нужные распоряжения на время Вашего отсутствия, приезжайте в Москву, дабы там со мной увидеться».

Прочитав царскую бумагу, Матвей Иванович понял благоволение к нему нового императора, а стало быть, и вероятное пожалование должностью войскового атамана вместо усопшего Орлова. Было бы иначе, не вызвали б на коронацию.

«Нельзя терять время. Нужно поспешать», — решил он. И отдал чиновникам канцелярии приказ готовить все дела для согласования со столичными столоначальниками. И особенно написать бумагу относительно Черкаска. Расположенный на низком острове, он каждую весну заливался, и тогда прерывалась связь. Те, кто прибывал сюда по различным делам, подолгу просиживали в Аксае, выжидая спада воды. Да и в самом Черкасске жизнь замирала.

Прежний атаман просил у императора помощи; инженерные специалисты составили проект, по которому остров нужно было поднять на 17 футов. Это значило, что все существующие дома должны быть засыпаны по самую трубу, а на их месте построены новые. Когда подсчитали, во что обойдется, то не поверили: семь миллионов рублей!

Где же взять такие деньги? «Не лучше ли построить новый город?» — тогда еще запала мысль у Матвея Ивановича. С этим и поехал он теперь в Москву.

На третий или четвертый день пути он остановился на ночлег в придорожном леску. Не успел вместе с сопровождающими казаками расположиться, как подкатила коляска. Из нее вышел немолодой мужчина в партикулярной одежде. Полный самодовольства, представился: чиновник столичного ведомства.

— Позвольте-с поздравить вас, господин генерал.

— С чем поздравить, милостивый сударь:

— С высоким назначением атаманом Войска Донского-с.

— Откуда вам известно? Назначение ведь еще не состоялось.

— О-о, господин атаман. Земля слухами полнится. А слухи исходят от нас. Так что-с, можете не сомневаться. Вопрос решенный.

— Спасибо, сударь. А сами-то вы куда путь держите?

— По делам службы-с. В Воронеж. Дозвольте с вами заночевать. Одному в лесу небезопасно. На дорогах балуют с топориками, а спать на дорожной станции — избави бог!

— Милости просим, — отвечал Матвей Иванович. — Гостям мы завсегда рады.

Чиновник оказался действительно сведущим в делах не только столицы, но и двора. От вина он захмелел, стал не в меру разговорчив.

— Распрекраснейшей вы души человек! — расплескивая из кружки, тянулся он к Матвею Ивановичу. — Готов не только ночь, а всю жизнь пребывать с вами. Высочайшей честью и весьма памятной станет для меня эта ночь.

А ночь и в самом деле была чудной! В меру прохладная, с яркой россыпью звезд. Потрескивали сучья в костре, тянуло запахом хвои с примесью дымка.

Чиновник разоткровенничался и после очередной кружки, оглядевшись и приложив палец к губам, произнес таинственно:

— Хочу тайну-с вам поведать. Государственной важности. Другому — никогда, а вам доверяю. Нашего-то императора того... — Чиновник выразительно сдвинул себе горло.

— Какого императора? Что сие значит? — недоверчиво произнес Платов.

— Императора... Павла... удушили-с.

— Что говорите! Он скончался от удара, от ап-еп-апле-тического, — Матвей Иванович едва выговорил это трудное и незнакомое слово.

— Нет-с! Уверяю вас, нет-с! — возразил чиновник. — Удушили-с.

— Кто же? Кто посмел такое?

Матвею Ивановичу и в голову не могло прийти, чтобы кто-то мог покуситься на жизнь самого императора. Да еще как! Удушить как простого смертного!

— А сотворили сие насилие Пален, да Зубовы, и еще Беннигсен.

Граф Петр Алексеевич Пален был военным губернатором Петербурга. В свое время в Валахии Платов служил под его началом. Знал он и Зубовых. Платон был последним фаворитом Екатерины, а его брат Николай — офицером. А с третьим братом одноногим красавцем Валерьяном участвовал в Персидском походе. Там же познакомился и с немцем Беннигсеном.

— Валерьян Зубов тоже был?

— Нет. Он отсутствовал. А Платон и Николай почти главные были. Уж очень их не любил Павел.

И чиновник стал рассказывать, как ночью 11 марта в Михайловский замок, тот самый, в котором император Павел принимал Матвея Ивановича и давал наказ на поход в Индию, тайно пробрались мятежные офицеры. Группа во главе с Беннигсеном проникла в спальню государя. Увидев пустую кровать, Платон Зубов едва не лишился речи. «Заговор провалился! Смерти не миновать!»

«Не может того быть, чтобы бежал, — произнес Беннигсен и со свечой в руке стал заглядывать в углы комнаты. — Ах, вот вы где, ваше величество!» — За ширмой со шпагой в руке стоял полуодетый Павел. «Конец пришел вашему царствованию. Императором провозглашен Александр», — сказал Беннигсен и потребовал у Павла шпагу. А тут в спальню ворвались офицеры и с ними Николай Зубов. Необыкновенной силы гигант ударил Павла зажатой в кулаке табакеркой в висок. И все на него набросились. Кто-то проломил голову эфесом его же шпаги, кто-то накинул на шею шарф...

Матвей Иванович перекрестился. Павел принес людям много зла. Не миновало оно и казаков. Он знал казачьего полковника, которого безвинного заточили в крепость. Сын полковника обратился к Павлу с просьбой поместить его в одну камеру с отцом, чтобы облегчить тому страдания. Павел выполнил просьбу: посадил сына в крепость, только отдельно от отца. Так и просидели они порознь четыре года: отец и его сын — кавалер Георгиевского и Владимирского крестов. Много пострадало от бесноватого императора людей. Вот и он, Платов, тоже провел четыре года в ссылке и заточении. За что?..

— А с Индийским походом, уважаемый Матвей Иванович, вам повезло! — продолжал чиновник. — Все бы вы, казаки, полегли в дальней дороге. Не реши Павла жизни, погибли бы в пустыне или в горах-с. Это уж точно-с... Когда Павла убрали, Александр вызвал военного министра Ливена. «Где казаки? Далеко ли зашли?» О сей экспедиции, хотя она и совершалась в строгой тайне, однако ж Александр прознал. Ливен отвечал: так-то и так-то, уже под Оренбургом. «Немедля назад!» И в тот же день понеслись вдогонку вам курьеры.

Матвей Иванович припомнил, что грамоту от нового царя он получил 24 марта, а была она помечена — это он помнит точно, — и в самом деле двенадцатым числом.

От новости хмель как рукой сняло. Он поднялся и принялся ходить у костра. Вот как в жизни бывает. С самим императором разделяются, когда он стоит поперек пути. А ведь на Руси его возносили, словно божество.

— Александра-то приходилось встречать? — спросил он гостя.

— А то как же! И не однажды. Молодой он еще: всего двадцать три лета-с. А характером никак не в отца, мягок.

Матвей Иванович промолчал. Служба да ссылка научили его мыслей вслух не высказывать. Про Александра же подумал: «Павел тоже мягко стелил, да жестко спать

пришлось. А новый император сыном ему доводится. Так что поживем — увидим... Добрые цари только в сказках бывают».

В Москве все произошло так, как и предвидел Матвей Иванович: милостью царскою он удостоился высокого чина атамана Войска Донского и звания генерал-лейтенанта. Представлял донское казачество на коронации. А после того, добившись аудиенции у молодого императора, испросил утверждения нового проекта относительно защиты от вод Черкаска.

— Непременно помогу и пришло на Дон знающего человека, — обещал Александр.

И вот Матвей Иванович уже на Дону принял всенародно на майдане пернач — знак власти — и под возгласы толпы на тройке вороных в сопровождении двух войсковых старшин направился к войсковой канцелярии. По каменным стоптанным ступеням крыльца поднялся в дом. В прихожей его встретил казачонок: вскочил с лавки, низко поклонился и вытянулся, словно застывший. По случаю торжества мальчишка обрядился в новую блестящую сатиновую рубаху, щедро смазал сапоги дегтем.

Матвей Иванович взглянул на него, и сердце кольнуло воспоминание. Представилось, что пред ним не мальчишка-подросток, а он сам, Матвейка Платов, такой, каким в давнишнюю пору дежурил при атамане Ефремове Степане.

— Ты чей?

— Иван Полухин, — ответил казачонок ломаным, словно у петушка, голосом.

— Сын Ефрема Полухина, что ли?

— Так точно!

— Ну-ну. Неси справно службу, казак, тогда она тебя не забудет.

Оставшись один, Матвей Иванович опустил на тяжелый, с высокой резной спинкой стул. Устало положил руки на покрытый зеленым сукном стол, закрыл глаза. И опять накатило воспоминания, то далекое время, когда он впервые вошел в сей кабинет, где за столом восседал важный атаман.

Сколько же минуло с той поры лет? Тридцать пять? Нет, больше! Тогда он был мальчишкой, а теперь ему пятьдесят! Жизнь почти прошла, нелегкая, беспокойная, в походах да сражениях. Да прошла ли? Нет, он еще сделает многое. Обязан сделать. И перво-наперво выполнит свою заветную цель: перенесет столицу Войска Донского в другое место. Он построит новый город: большой, свободный, чтоб люди не испытывали по весне бед.

Потом он вспомнил свой уход из станицы вместе с хорунжим Фролом Авдотьевым и битву у степной речки Калалах, где Фрол, спасая отряд, сложил голову. Припомнился Измаил, и Персидский поход, и несостоявшийся поход в Индию. И всплыло курносое лицо Павла с разбитым виском и шарфом на шее.

— О, господи, — тяжело вздохнул он и перекрестился. Потом стал припоминать, кто до него атаманил, решал за этим столом казачьи дела. Он, Платов, сменил Орлова, а до того был Иловайский Алексей Иванович, опочивший при коронации Павла. А до Иловайского атаманил Ефремов Степан, сменивший своего отца...

В комнату вползали сумерки. С улицы доносился говор, пьяные крики и нетерпеливое позвякивание колоколец тройки. Сегодня в честь знаменательного события — вступления в должность нового атамана — Черкасск бражничал.

Направляясь домой, Матвей Иванович сказал кучеру:

— Поезжай вокруг пруда.

В центре городка находился пруд, пристанище для уток и гусей, комаров и лягушек. Сюда лили помой и здесь же казачки, те, кто жил неподалеку, стирали белье. И сейчас, несмотря на праздничный день, две молодайки занимались делом на мостках. Одна полоскала подштаники, а вторая яростно колотила вальком.

— Бога б побоялись, грешницы! — крикнул им кучер.

Те и ухом не повели. С гоготанием брызнула в стороны от дороги гусяная стая, и босоногая девчонка с хворостиной в руках из-под руки поглядела на тройку.

И еще повстречался пьяный казак. Он шел по дороге, раскачиваясь из стороны в

сторону, в выпущенной рубахе. Увидя тройку, сошел с дороги, стал во фронт и, с трудом удерживаясь на ногах, приложил к голове руку.

— К пустой башке руку не прикладывают! — крикнул ему кучер и стегнул коренного рысака.

А Матвею Ивановичу пришла на память старая-престарая байка о том, как в свой первый приезд на Дон император Петр увидел голого казака, однако ж с саблей через плечо. «А где рубаха и порты?» — спросил его Великий. «У шинкаря», — ответил тот, едва ворочая языком. «А чоботы?» — «Тоже там». — «А что же не заложил саблю?» — «Саблю нельзя. С ней я и рубаху, и порты, и чоботы достану». Ответ Петру так пришелся по душе, что он велел обрядить казака. Когда же учреждали печать Войска Донского, повелел на ней изобразить подгулявшего полубнаженного казака, сидящего на бочке, но обязательно с саблей.

От пруда несло зловонием, и Матвей Иванович с горечью подумал: «Ну какая же это столица? Она хуже любой станицы, что уютно раскинулась на пологих склонах донского берега».

С новой должностью Матвей Иванович ушел в дела с головой. Пришлось объездить все семь округов, которые входили в его подчинение. В каждом задерживался на два-три дня, а то и неделю. Немало времени отнимали воинские дела: казачьи сборы, учения. И конезавод требовал внимания. Но мысль о создании новой столицы не уходила из головы. Даже наоборот: она все чаще и чаще напоминала о себе.

По весне, когда в Дону сошла вода, в Черкасск приехал инженерный подполковник Антоний Людвиг де Романе. Его сюда по просьбе Платова направил сам император, чтобы на месте изучить дело и высказать предложение о работах в столице Войска Донского. Приезжий обошел городок, побывал на протоке, которая обтекала Черкасск, измерил шестом дно пруда, что-то писал, подсчитывал. Дней через десять представил Платову проект.

— Основной мой мысль состоит для того, чтобы не дать воде затоплять станиц, — начал он, развернув на столе план. Матвей Иванович всматривался в искусно вычерченный на бумаге чертеж с пояснительными значками. — Нужно обнести станиц плотиной. Вот здесь... и здесь... и здесь... — Почти весь остров нужно было обнести земляным валом. — А этот вонючий прут тоже нато засыпайт. Тогда весной вода пройдет мимо станиц.

«Да ведь и до тебя, мил сударь, тоже пытались сделать такое! Да все было напрасно!» — подумал Матвей Иванович. Спросил:

— И какие же средства для сего потребуются?

— Суший малость! Всего сто тридцать тысяч рублей.

Матвей Иванович дернул плечом.

— А кто строить должен и сколько народу надо?

— Это интересовать меня не может. Об этом ви уже говорил с императором.

Когда в Москве шел разговор о Черкасске, император действительно разрешил использовать на работах два казачьих полка и семьсот крестьян. Разрешили также привлечь три с половиной тысячи лошадей и волов. Часть затрат для выплаты мобилизованным жалованья, продовольственных и фуражных денег правительство брало на себя, а остальные должна была пополнить не столь богатая казачья казна.

— Да где ж денег-то столько взять? Казна — не дойная корова.

Незадолго до приезда инженера Матвей Иванович распорядился купить жеребцов для станичных табунов. Он хорошо понимал значение для казаков крепких, быстрых и выносливых лошадей. Коню принадлежит половина победы в походах и сражениях. Крепкий конь — крепок и казак.

— Не знайт, не знайт.

Отказаться от плана де Романо нельзя: инженер-то прибыл по указу самого императора. Пружина заведена.

— Ладно уж. Начнем строить, — согласился атаман.

Работы продолжались весь год. К великому неудовольствию жителей затхлый пруд таки засыпали. Когда же стали насыпать вал вокруг Черкаска, нужно было дома сносить, казаки запротестовали:

— Никуда отсюда не тронемся. В этих курнях жили наши деды и прадеды. В них и мы будем доживать век.

Атаману приходилось вмешиваться, часто прибегая к весьма почитаемой казаками власти.

На следующий год по настоянию Платова работы были прекращены. Он видел, что проект де Романо лишь опустошит казачью казну, не даст результата. Нужно строить для столицы город.

Искусные в письменах чиновники состряпали докладную, Матвей Иванович подписал, направил императору. В ней он изложил свои соображения относительно проделанных работ, о том, что положение они не улучшили и вряд ли улучшат и что необходимо строить новый город, выбрав высокое и сухое место.

24 августа 1804 года в ответ на письмо Платова последовал именнейший указ. В нем Александр писал: «Я нахожу мнение Ваше, чтоб основать в удобнейшем местоположении новый город, тем более основательным, что и прежде, по долголетнему опыту многих неудобств, было уже неоднократно помышляемо».

В документе также указывалось о необходимости самого тщательного выбора места, для чего прибудет сведущий чиновник, перечислялось, что должно быть выстроено и кем. Строительство повелевалось начать с весны 1805 года.

Вскоре в Черкасск приехал упомянутый указом чиновник. Это был знаток инженерного дела Деволан. Встретил его Матвей Иванович как дорогого гостя. Отвел лучший дом, сам подобрал денщика, повара и прочую прислугу. Даже писца исправного приставил.

Он знал Деволана еще по Персидскому походу, когда тот приехал к Зубову, чтобы помочь в строительстве Екатериносерда.

При Павле, возведенный в генералы, Деволан был уволен, даже отправлен за границу, однако ж вскоре был снова приглашен, чтобы изучить возможность постройки канала между Онежским озером и Белым морем, а также Мариинского канала.

В Черкасск Деволан прибыл из Таганрога, где строили порт, и он принимал в том деле участие. А до этого был на Волге. Там тоже у него была забота — как соединить Волгу с Доном. Нашел путь для канала: посредством рек Иловли да Камышенки.

Деволан в Черкасск прибыл под вечер. Уставший и запыленный, взбодрил себя купанием в нетеплой воде Дона и, несмотря на поздний час, засиделся с Матвеем Ивановичем. Черноволосый, с умным взглядом и скупой на слова, он внимательно выслушал инженерных чинов.

— Хотел бы услышать, милостивый Матвей Иванович, ваши мысли. — Когда он произносил имя атамана, то отчетливо слышалось: Матфей. — Нельзя вершить дело, не узнав планов заказчика. А вы, Матфей Иванович, в сем деле — заказчик.

— Вот это так. Только заказчик, Франц Павлович, не я, а донское казачество. Оно — главный заказчик.

Гость одобрительно усмехнулся, попыхивая коротенькой трубочкой.

— Вижу, вы очень любите своих казаков, Матфей Иванович.

— А как же не любить самого себя!

Перейдя к определению места будущего города, Платов указал четыре наиболее подходящих района.

— Перво-наперво нужно осмотреть Аксайскую кручу, там, где сливается Аксай с Доном. Это совсем неподалеку. Там ныне станица Аксайская. Еще есть место в Черкасских горах. Место широкое, просторное, над Аксаем. Правда, река не шибко глубока, не то что Дон. Бирючим Кутом прозывается сия местность.

— Кут? Что такое кут? — любопытствовал Деволан. — Впервые слышу.

— По-нашему, казачьему, кутом называется угол. А Бирючий Кут — стало быть,

глухой заброшенный угол. Только там не угол, а гора.

— Бирючий Кут, — пыхнув трубкой, проговорил гость. Он внимательно слушал, этот голландец, и не спускал пытливых, несколько выпуклых глаз с собеседника.

— Есть третье место на Красном Яру, выше Кривянской станицы.

— А что такое яр?

— Круча, обрыв, — поспешно пояснил Матвей Иванович.

— Круча — это плохо, — покачал головой инженер. — Город должен стоять на ровном месте. Большом, широком.

— Место широкое, для города подходящее.

— Надо посмотреть, прежде чем решать.

— И еще есть четвертое место — при устье Маныча, где станица Манычская.

Они развернули карту. Матвей Иванович указывал каждое из этих мест, а Деволан отмечал его точкой карандаша.

Потом зашел разговор о том, кто должен строить город, и инженер с торопливостью стал записывать каждое слово атамана. Он тут же в уме производил одному ему понятные расчеты, связанные с будущей стройкой.

Два казачьих полка, семьсот мужиков и три с половиной тысячи лошадей и волов — не столь великая сила для строительства города. Тут нужно все точно высчитать и вымерить. Чтоб не прошли мимо дела ни одна пара рук, ни одна повозка. Но прежде — нужно определить место, где будет город.

Приближалась полночь. Перед тем как разойтись, договорились на этой неделе поехать на места, чтобы выбрать лучшее и заодно сделать наметку будущего города. Тут же наметили состав: войскового архитектора Бельтрами и казачьего инженера капитана Ефимова, полковников двух казачьих полков и начальника артельной команды. Всего образовалась группа в двенадцать человек.

— Завтра оповещу, а выедем послезавтра, — предложил Матвей Иванович.

— А я с Бельтрами да Ефимовым выеду завтра в станицу Аксайскую. Посмотрю, как удобно сие место для города. Тут ведь недалеко? К вечеру вернемся, — предложил Деволан, и Матвей Иванович не стал возражать. Даже в душе одобрил: деловой человек.

На следующее утро Деволан уехал, однако вечером, как обещал, не вернулся. Приехал лишь к концу следующего дня, с опухшим лицом, полубольной. И сразу же завалился спать.

— В чем дело? Почему задержались? — спросил капитана Ефимова недовольный Платов. В ожидании Деволана пропал день.

— Мы в переплет великий попали. Приехали купцы из Нахичевани, уж неведомо как они прознали, и ну нас обхаживать, особливо генерала.

— Купцы? Нахичеванские? Да что им за дело до наших забот?

— Все уговаривали, чтобы город не строили в Аксайской. Испугались нашего соседства. От Аксайской до Нахичевани — рукой подать. В Нахичевань нас возили.

— Ну, мы и без них решим. Без разных там купцов.

Наутро несколько колясок во главе с Платовым и Деволаном направились в сторону Бирючьего Кута. Когда они выкатили на макушку холма, возвышающегося над местностью почти на три сотни футов и гость взглянул окрест, то слова вымолвить не смог. Стоял с застывшей улыбкой на лице, унесясь куда-то в мыслях.

День был ясный, солнечный и совсем безветренный. Деревья ближайшего леса пожелтели и стояли недвижимые, словно чем-то опечаленные. Внизу серебрился неширокий Аксай, а за ним тонула в глубокой дымке блекло-зеленая, с золотистыми перелесками равнина.

— Матфей Иванович, это же чудо! Никогда не видел я таких мест! Только здесь быть городу! Тут! — Он ткнул себе под ноги пальцем. — Мы построим собор. Большой, с золотым куполом! Его увидят за сто верст. А у собора площадь. А вот сюда и сюда пролягут проспекты. Их мы будем делать широкими с аллеями посреди. А вот там построим красивый дом — вашу резиденцию, Матфей Иванович. А против — гимназиум. У меня уже

город тут. — Инженер коснулся рукой головы. — Я уже вижу город.

Однако Матвей Иванович и некоторые из присутствующих не разделяли восторга знатного гостя.

— А где же Дон, Франц Павлович? Столица-то Войска Донского, а реки нет.

— Как нет? А это? Аксай?

— Да что же это за река? Ручей, да и только!

— Мы углубим его. Все в наших руках.

В этой продолжавшейся не один день поездке они побывали и на Красном Яру, расположенном выше станицы Кривянской, и у Маныча, и даже заглянули в станицу Бессергеновскую. И, конечно же, съездили в Аксайскую.

Мнения распались. Большинство настаивало на том, чтобы обосноваться в Аксайской. И Дон рядом, и место сухое, благодатное, да и переселиться из Черкаска не сложно. Однако Деволан пересилил всех, настоял на своем.

— Ладно! — махнул рукой Матвей Иванович. Откровенно говоря, он опасался спорить с приближенным ко двору Деволаном, авторитет которого и слово инженерного специалиста были весьма высоки. — Пусть будет так. — А казакам ответил одной из любимых поговорок: — Согласимся, не то будет такое, от чего я приду к размышлению, а вы — в сокрушение. — В памяти атамана еще свежи были годы ссылки и заточения в Алексеевском равелине.

Почти всю осень Деволан с казачьим инженером Ефимовым и войсковым архитектором Бельтрами готовили план будущего города, чертежи зданий.

Деволан, нужно отдать должное, работать умел. Трудился и днем и ночью и заставлял работать помощников.

31 декабря 1804 года план был утвержден Александром. В указе на имя атамана Войска Донского Платова император писал: «Утвердив сей план, препровождаю его при сем к вам со всеми приложениями и с описанием главных общественных зданий, улиц и площадей, повелевая: сообразно плану сему и данным Вам в указе 23 августа постановлением, положить основание Новому Черкасску на месте, между речек Тузлова и Аксая...»

И еще повелевалось работы начать весной 1805 года.

ПРИБАЛТИКА И ДУНАЙ

Прейсиш-Эйлау

К исходу дня крытый возок генерала Платова свернул с основной дороги, что вела в город Прейсиш-Эйлау, и покатил к местечку или, как здесь называли, мызе Ауклапен.

«Ну вот и кончился путь. Кажется, на месте», — подумал Матвей Иванович, кутаясь в черную бурку и прикрывая ноги медвежьей полостью. Болезнь еще не покинула его, и он больше всего опасался, как бы не произошло осложнения и не выбило его тогда из строя совсем.

В последнее время он заметно сдал, голова засеребрилась, болела поясница, порой стреляло так, что ни шевельнуться, мучила одышка. А в Петербурге, куда прибыл по вызову, чтобы ехать в действующую армию, его свалила сильнейшая простуда, с температурой, насморком, ломотой в теле.

Немец-доктор, послушивая его, нахмурился:

— Тепли вод нужен, тепли воздух.

Матвей Иванович с вожделием думал, с каким бы удовольствием он подышал родным воздухом. Все бы как рукой сняло. И не надо никаких порошков, микстур да банок, щедро прописываемых немцем.

А тут еще тревожили сообщения из армии. Шла русско-пруско-французская война, в

которой союзники пытались изгнать французские войска с захваченных ими земель Пруссии. Решительный Наполеон, используя несогласованность командования своих противников, разгромил в сражении под Йеной и Ауэрштедтом прусско-саксонскую армию и в полтора месяца занял почти все земли Пруссии со столицей Берлином. Прусский король обратился за помощью к России. «Только Россия, только русская армия сможет спасти прусское государство от окончательного сокрушения и его падения», — писал он Александру.

Верный своему принципу бить врага поодиночке, Наполеон, не теряя времени, двинул в ноябре 1806 года войска к Кенигсбергу, надеясь там разгромить русскую армию прежде, чем подойдет прусский корпус генерала Лестока.

В октябре у Пултуска произошло сражение, где русская армия, возглавляемая генералом Беннигсеном, сорвала замысел врага. Прикрываясь арьбергарами, она стала отходить к Прейсиш-Эйлау, чтобы там, соединившись с корпусом Лестока, дать решительное сражение.

Мог ли Матвей Иванович поддаться болезни и испытывать судьбу, когда там сражались казачьи полки с Дона! Недолечившись, он выехал 15 января 1807 года к армии.

Зима выдалась снежная, морозная, то и дело крутили метели. Десять дней находился он в пути — и вот наконец у цели.

— О-о, генерал Платов! — поднялся Беннигсен из-за стола навстречу Матвею Ивановичу. — Мы думали без вас разбить Бонапарта. Очень хорошо, что вы прибыли. Я тоже болен, очень болен. Каменная болезнь мучает, почки, будь они неладны!

В эту войну Беннигсен вступил командиром корпуса. В сражении под Пултуском русские войска разбили авангард французской армии. Беннигсен же сумел честь победы присвоить себе, в Петербург донес, будто его корпус разгромил главные силы Наполеона. Сообщение это приняли в столице восторженно, и император Александр пожелал видеть Беннигсена главнокомандующим.

— А мне вот выпал на голову, — он коснулся макушки, — тяжкий камень. Много генералов, — он покривился, — очень бестолковых. Мне бывает очень трудно...

Платов промолчал, словно бы не слышал жалобы новоиспеченного главнокомандующего. А тот продолжал:

— Бери, Матвей Иванович, свои полки, командуй. А то чуть было не опоздал бить Бонапарта.

— На мой век, ваше сиятельство, сражений хватит, — ответил Матвей Иванович. — Не Бунапарте, так другой кто объявится.

В армии находилось восемь казачьих полков. Но почти две с половиной тысячи казаков в них отсутствовали: их использовали для охраны обозов и тылов, и как вестовых, и для конвоя, и на дежурствах. Просматривая сводную ведомость расхода личного состава полков, Платов схватился за голову. Негодуя в душе на узаконенный армейский произвол, тут же решил: «Ладно. Сейчас предпринимать что-либо поздно. Великий Александр Васильевич говаривал: воюют не числом, а умением. Казаку же умения не занимать. Будем следовать совету Суворова».

Нанеся неприятелю под Пултуском поражение, русская армия отходила, организованно, изматывая неприятеля внезапными нападениями, неожиданными и дерзкими. Особенно умело действовали казаки. Они врывались в расположение врага, наносили удары в самых неожиданных местах, сея в неприятельских рядах страх и смятение. И так же неожиданно, как и появлялись, исчезали.

26 января, на следующий день после прибытия в армию Платова, русские части завязали с неприятелем бой у Прейсиш-Эйлау. Возглавляемый Багратионом арьбергарами, закрепившись на дороге меж двух больших озер, стойко удерживал позиции, отражая яростные атаки конницы маршала Мюрата.

Однако силы были неравны. Во много крат превосходящий противник потеснил русские войска, ворвался в город. Подоспевшие части генерал-майора Барклая-де-Толли контратаковали французов и уж было вышибли их, но прибывший к месту сражения

Наполеон повелел бросить свежие силы. Казалось, участь города и сражения предрешена: русские отошли, Барклай-де-Толли тяжело ранен, и его унесли.

Став в голове свежей дивизии, генерал-лейтенант Багратион повел ее к Прейсиш-Эйлау. Он шел с обнаженной саблей в руке, а за ним в плотных рядах шли русские солдаты, выставив трехгранные штыки. И когда генерал бросился вперед, войско, словно огненная лава, затопило улицы города. Противник бежал.

Наступили сумерки, и французы не посмели предпринимать активных действий. Отойдя, они расположились бивуаком.

В полночь из главной квартиры Беннигсена поступил приказ: город оставить. Генералу пытались доказать, что делать это неразумно, что нельзя уступать победу, завоеванную такой ценой, но немец оставался неумолим.

— Мы будем бить Бонапарта там, на высоте, — указывал он на возвышенность за городом.

Всю ночь на высотах слышались голоса артиллеристов, устанавливавших орудия, скрип повозок. Войска готовились к решающему сражению. Позади них, всего в тридцати верстах, находилась важная крепость Кенигсберг, к которой никак нельзя было допустить врага.

Русская армия расположилась на широком фронте в плотных строях с сильными резервами. На правом крыле — корпус генерала Тучкова, в центре — Сакена, на левом, южном крыле — Остермана. Южнее этого крыла, в местечке Серпалан, находился отряд Багговута. Все отряды имели сильные артиллерийские батареи.

Генерал Платов расположил казачьи полки за боевыми порядками пехоты: четыре — за левым крылом, два — за правым и еще два — в центре.

Наступил рассвет, тяжелый и тревожный. По-прежнему сыпал снег, дул ветер, мороз усилился. Усталость валила с ног: многие за всю ночь не сомкнули глаз. Но солдаты знали, что с утра начнется сражение, и сознание этого заставляло их действовать, забыв об усталости...

И вот забили дробь барабаны, прокатились из конца в конец необозримого строя команды, ожили заснеженные склоны высот, и замерли в строю люди, ожидая вражеской атаки. Семьдесят тысяч человек приготовились к сражению.

У французов столько же. Они торопятся вначале сбить русских ударами с флангов, прежде чем подойдет семитысячный корпус Лестока, а потом уже без труда разделаться с пруссаками.

Первая неприятельская атака предпринята на левое крыло русских. Здесь наступал корпус маршала Даву. Задача его — опрокинуть противника и, обходя его фланг, зайти в тыл, отрезая путь отхода к границам России. А маршал Ней должен обойти правый фланг и не допустить подхода Лестока. Если лихой Ней добьется этого, то русским отрезан путь к Кенигсбергу.

Маршал Ожеро своими действиями скует силу русских в центре.

Наблюдавший за неприятелем генерал Сакен, чья пехота должна была принять удар французов, поглядел на Платова:

— Навались на них всеми полками, Матвей Иванович, да смети под корень эту нечисть.

— Непременно так и поступлю. Только на это достаточно и двух полков. — Он обернулся, подозвал адъютантов. — Скачите, голуби, к войсковым старшинам Ефремову да Грекову. Пусть немедля атакуют пехоту. А вы уж, генерал, французскую кавалерию возьмите на себя, мушкетами да пушками подавите.

Через четверть часа загромыхали орудия батареи Сиверса, ударили из мушкетов стрелки. Огонь был открыт разом, когда французы приблизились настолько, что можно было поражать их картечью.

Одновременно слева казаки двух полков атаковали французскую пехоту.

— Аи да молодцы-донцы! Так им! Так этим французишкам! — восклицал Матвей Иванович, наблюдая в подзорную трубу, как казаки, врезавшись в дрогнувший строй

неприятеля, рубили направо и налево.

Покрытое снегом поле разом потемнело, на нем виднелись недвижимые и ползущие фигуры и убегающие в беспорядке к лесу солдаты в незнакомой форме.

Утро было морозное. Но генерал не замечал холода, даже наоборот, ему было жарко, и он сдвинул с потного лба заливчатски заломленную по-казачьи папаху.

Между тем повалил снег, усилился ветер. И было полной неожиданностью, когда из этой белой круговерти, будто призраки, выплыли плотные колонны французской гвардии.

Наполеоновская гвардия была цветом французской армии. Ее обычно вводили в дело в самый решающий момент, на главных направлениях. На этот раз она атаковала центр боевого порядка русских.

В нескольких местах гвардейцам удалось ворваться на позиции, но когда, казалось, успех был достигнут, обороняющиеся бросились на неприятеля в штыки. Пальба орудий, ружейные выстрелы, крики и стоны, вой ветра — все смешалось.

Один французский эскадрон прорвался в глубь нашей обороны, поражая ударами палашей все живое.

Но уже к расположенному в центре казачьему полку Киселева мчался порученец Платова:

— В атаку, марш-марш! — кричал он еще издали, передавая командиру приказ атамана.

— В атаку, марш-марш! — скомандовал старшина и первым бросился на французских кавалеристов...

Как стойко ни бились русские солдаты, но силы врага превосходили, и их медленно теснили с позиций.

На помощь пришли артиллеристы. Двадцатитрехлетний генерал Кутайсов, командовавший артиллерией правого крыла, увидев опасность на левом фланге, не теряя времени приказал перебросить три батареи на угрожаемое направление. Тридцать шесть орудий ударили по врагу. Французы рвались вперед, порой подступали к самим орудиям, но картечь косила их боевые цепи. А когда неприятелю удавалось пробиться к артиллерии, в ход шли штыки, приклады, банники...

В том большом и кровопролитном сражении Наполеон вплотную столкнулся с казачьей конницей. Ранее он слышал о казаках и предводителе их атамане Платове. «О-о, казаки — это сила! Это — осы, которые жалят наповал», — говорили ему. Но он не очень верил.

Наполеон наблюдал за сражением с возвышенности, где находилось кладбище. На его плечах тяжелая шуба, на лоб надвинута треуголка, лицо каменное. Вездесущие адъютанты вырастали перед ними, докладывали и уносились к боевой линии, чтобы передать его волю.

— Император! Корпус Ожеро разбит! — прискакал адъютант. — Он сбился с дороги и напоролся на русскую батарею. Они ударили разом, все семьдесят орудий. Картечью! В упор! Маршал Ожеро ранен, погибли дивизионные генералы Дежарден и Геделе. Потом русские бросились на нас в штыки. Мы дрались врукопашную у самых орудий... Знамена потеряны.

Вырос новый адъютант, от гвардии:

— Мой император! Гвардия прорвалась сквозь строй русских, опрокинула их, но подоспела русская конница и эти казаки. Мы отступили. Погиб начальник кирасирской дивизии Гопульт, командир гвардейских егерей Дельман, ваш генерал-адъютант Корбино...

Вблизи кладбища вдруг вспыхнула ружейная пальба, донеслись крики. В снежной мути обозначились всадники, высокие шапки, пики.

— Казаки! Казаки! — послышались из свиты голоса. Всадники, как призраки, пронеслись совсем близко от Наполеона. За ними бежали с ружьями солдаты.

— Мой император, — появился Ожеро, — я остался без войск, все они там.

— Подите, маршал, прочь...

В тот день французская армия потеряла двадцать пять тысяч солдат. Потери русских

были такими же. Но ночью русская армия неожиданно отступила к Кенигсбергу. Узнав об этом, Наполеон был шокирован: ведь он сам готов был это сделать.

— Богом суждено назвать меня победителем. Беннигсен опередил меня! — воскликнул он.

В преследование Наполеон направил лишь один корпус — герцога Бергского. Вся же армия не в состоянии была тронуться с места. Словно истерзанный зверь, она осталась у Прейсиш-Эйлау, залечивать раны.

Отход русских войск прикрывал арьергард, который возглавил Платов. Умело отражали казачьи полки все неприятельские попытки прорваться к главным силам. И не только отражали, но и наносили врагу чувствительный урон, завершавшийся чаще всего уничтожением и пленением неприятеля.

31 января отряженный из полков Андропова и Сысоева отряд в две сотни казаков напал близ селения Будбуждорф на неприятельский эскадрон и полностью уничтожил его.

На следующий день полк Андропова нанес поражение трем вражеским эскадронам, а еще три рассеял. Два других полка — Грекова и Ефремова — схватились с неприятельским конным отрядом, возглавляемым генералом. Генералу чудом удалось избежать пленения.

2 февраля полки Сысоева и Андропова выбили неприятеля с большими для него потерями из селения Фридрихштейн.

На следующий день большой отряд из двенадцати эскадронов кавалерии под командованием генерала Тилье пытался прорваться к главным силам русских. Враг был уничтожен полностью. При этом взято в плен одиннадцать офицеров и около ста восьмидесяти рядовых.

5 февраля главнокомандующий русской армией направил Платову письмо. Он писал: «Прибытие Вашего превосходительства в армию есть истинная гибель наших неприятелей; я не успеваю благодарить Вас за хорошие известия, которые Вы мне сообщаете; продолжайте поражать общего врага, заставьте его бдеть день и ночь о своем спасении, и совсем тем не избежать гибели своей полками Вашими».

Потеряв почти весь брошенный в преследование русских корпус, Наполеон дал команду на отход к реке Пассарге. Казачьи полки немедленно бросились за ними, и 7 февраля ворвались в Прейсиш-Эйлау.

Вечером, докладывая Наполеону о дневных событиях, Бертье упомянул о казачьих налетах и протянул донесение о потерях.

— Опять казаки? — вскипел Наполеон и посмотрел на Бертье тяжелым взглядом.

— Они самые, ваше величество.

Тонкие губы императора скривились, пальцы сжались в кулак.

— Дьявол бы взял их! — Он разорвал смятый лист и швырнул под ноги. — Это не люди! Это посрамление рода человеческого! Они не соблюдают никаких военных правил!

На берегах Лавы

Все же русской армии пришлось отойти от Прейсиш-Эйлау к реке Лава и там закрепиться. Французы оставались на западном берегу, не осмеливаясь наступать, да и сделать это было почти невозможно. Снег занес все дороги и продолжал идти, образуя сугробы. Часто с Балтики налетал острый, обжигающий ветер, и тогда все тонуло в снежном вихре, деревья от мороза скрипели, и казалось, зиме не будет конца.

А потом наступила оттепель, и пошли дожди. Вода залила низины, сделала их непроходимыми. Река и каналы еще не вскрылись, и по ним двигались с опаской: лед предательски трещал и не раз обламывался под тяжестью смельчаков.

Войска остановились, но казаки продолжали действовать. Они забирались в глубокий тыл неприятеля, нападали там, где их совсем не ждали.

В конце мая половодье пошло на убыль, и армии зашевелились.

В ночь на 24 мая 1807 года казачьи отряды Платова сосредоточились в лесу,

неподалеку от реки. Из предписания Платову стало известно, что Наполеон замыслил в ближайшие дни начать наступать, а прежде того соединить два разрозненных корпуса. Лазутчики даже донесли, что французские полки уже начали движение: корпус маршала Даву — с юга, через Алленштейн, а маршала Нея — с запада, через Гутштадт.

Русское командование решило упредить сей неприятельский замысел и внезапно переправить через Лаву целый корпус генерала Багратиона с казачьими полками Платова впереди.

Штаб атамана расположился в затерявшейся мызе с кирпичным домом и островерхой крышей. Когда сгустились сумерки, в доме собрались командиры отрядов и полков, чтобы выслушать последнее напутствие начальника. Они теснились у стола, на котором лежал лист плотной бумаги с вычерченным планом предстоящего дела.

Горели свечи в медных шандалах, и свет падал на бумагу и склоненного над ней Матвея Ивановича.

Атаман представил место переправы: по обе стороны к реке подступал лес, на опушке — неприятельские позиции.

Накануне Платов с командирами отрядов был у переправы. Не у самой реки, а в лесу. Река разлилась, в мутном потоке плыли коряги и слышался ровный гул, какой издает тугой стремительный поток.

Там он и определил, кто первый должен переправляться, чтобы на противоположном берегу отеснить от реки неприятеля. Рискованной чести удостоился отряд Иловайского.

Конечно, Матвей Иванович мог поручить дело и генералу Денисову.

Когда-то Андриан Денисов, молодой войсковой старшина, прибыл в Чугуев формировать казачий полк. Понравился он Матвеем Ивановичем серьезностью, исполнительностью. А потом и в сражении отличился: и при штурме Измаила, и в польской кампании, а в далеком Итальянском походе заслужил уважение самого Суворова.

Так и подмывало Матвея Ивановича назначить для верности в авангард Денисова, однако решил по-иному. Негоже Иловайского держать в тени. Пусть и он проявит себя. Но предупредил:

— Смотри, Николай Васильевич, не подведи. Если не потянешь, скажи сразу. Пошлю Андриана Карповича. Он на такие дела горазд.

В противоположность спокойному Денисову Иловайский горяч, вспыхивает, будто порох. Он сухой, как жердь, лицо обросло густыми бакенбардами.

— Дозвольте мне. Умру, но своего добьюсь, — заверил Иловайский.

Размышления Матвея Ивановича прервал бородатый Денисов:

— Все в сборе, ваше превосходительство. — И многозначительно посмотрел на часы.

Платов отодвинул от себя лист, поднялся: высокий, грузный, с мешками под глазами.

— Выступать будем в полночь. Опозданий не допускать. Первым к переправе выходит ваш отряд, генерал Иловайский. На заре — и не часом позже — должны быть у реки! Там не топтаться! Подошел — и вперед! Если что — домысливай сам, но только не мешкай! — Матвей Иванович говорил с напористой мягкостью, в которой чувствовалась непреклонная воля. — Переправившись, не задерживаться! Гони и преследуй неприятеля, однако ж от своего направления не уклоняйся! Вперед на Алленштейн и к мосту, что за ним. Главное, не дать французам перебраться через реку!

Слушая, Иловайский слегка кивал головой, как бы говоря: сделаю, непременно исполню, не извольте беспокоиться.

Потом Платов поставил задачу полковнику Строганову, возглавлявшему центральный отряд. Указал, что главная цель отряда — захватить район, где должны соединиться французские корпуса. Матвей Иванович не стал распространяться в объяснении, потому что с отрядом Строганова должен был находиться сам и мог при необходимости подсказать командиру нужное.

Не столько много Платов говорил и с Денисовым. Указал лишь, чтобы от реки тот шел с отрядом из трех полков к Гутштадту, навстречу Нею и сделал бы так, чтобы войска

французского маршала задержать, пока не перейдет реку корпус князя Багратиона. В случае схватки без промедления должен сообщить ему об этом, а уж он решит, что делать далее.

У реки все произошло так, как говорил Платов. Едва из леса выехал разведывательный дозор, посланный генералом Иловайским, как с противоположной стороны захлопали выстрелы. А потом громынуло орудие, и ядро взорвалось у реки, перед дозором. Дико заржал раненый конь, взвился на дыбы, сбросил седока. Подхватив раненого товарища, казаки отступили. Одна из сотен спешила, открыла из ружей огонь.

Генерал Иловайский видел все происходившее. Собрал сотенных начальников:

— Теперь атаковать всем разом. Делайте, как я!

Хлестнув коня, он бросился к реке. Какие-то секунды скакал один, потом из лесу вынеслась лава всадников, и река вспенилась от нее.

Вскоре казаки уже были на противоположном берегу.

С гиком, блеском сабель, мокрые с ног до головы, мчались они на позицию французов.

Через четверть часа схватка кончилась. Началась переправа. Вслед за отрядом Иловайского стал переправляться атаманский полк Строганова. На противоположном берегу Матвей Иванович увидел капитана Мельникова, командира полка из отряда Иловайского.

— А ты почему замешкался, капитан?

— Был связан перестрелкой...

Генерал мысленно прикинул, что коль удачно идут дела у Иловайского, то нелишне полк Мельникова оставить при себе.

— Пошлите связного к Николаю Васильевичу, доложите: полк остается в моем резерве. Пусть действует наличными силами...

А отряд генерала Денисова, преодолев реку, словно спущенная стрела, устремился к Гутштадту.

Теперь полки растекались от переправы, напоминая гигантский веер. Веер разрастался, тесня неприятеля от реки и давая возможность пионерской¹⁰ команде установить для переправы понтоны.

Верные своей тактике, казаки продвигались не по дорогам, а тропами. Скрываясь в лощинах и перелесках, отряд полковника Строганова вышел к небольшому поселку. Вдали по дороге от Гутштадта тянулась колонна. Вперемежку с повозками и экипажами ехали верховые, группами и в одиночку шли солдаты. Полковник хотел было с ходу атаковать, но не решился. Поскакал к атаману.

Матвей Иванович находился в лощине. С ним десятка два офицеров и казаков. Сам он выслушивал прибывшего от Иловайского верхового.

— Где отряд? — генерал преобразился: голос звенел, глаза молодо блестели, папаху сбита со лба.

— Под городом, тем... Лен... штайном! Вроде бы...

— Не вроде бы, а точно нужно. Чего же добились?

— Это зараз скажу. Запомнил точно. В плен взяли, стало быть, двух офицеров и шесть унтеров, а прочих — полторы сотни. И столько же, сказывал генерал, посекали.

— Ну вот, — генерал, обернувшись, сказал адъютанту: — Запиши для памяти... А генералу Иловайскому передать, чтобы и дальше действовал так же.

Подскакал Строганов:

— Ваше превосходительство, там колонна неприятельская. Я решил атаковать!

Они поспешили к опушке. Щурясь, Матвей Иванович всмотрелся вдаль. Наметанным глазом определил, что двигавшаяся колонна не что иное, как обоз, однако же вызвало сомнение, что было при нем немалое количество охраны.

— Сам поведешь полки или мне возглавить дело?

— Дозвольте мне. Все сделаю в самый аккурат.

¹⁰ Инженерной.

Стоя в отдалении и наблюдая в зрительную трубу, Платов видел, как казаки врубались в колонну и там началась схватка.

«Вот те и обоз!» — подумал он и поскакал туда. В хаосе звуков уловил женские визги. «Неужто бабы? Откуда ж они?» Но сомневаться не приходилось: женские голоса слышались все отчетливей.

— Никак у Наполеона бабий полк, — высказался кто-то. Тогда нам не сдобровать...

Творилось невообразимое. Одни казаки бились верхом, другие продолжали схватку спешившись, третьи, забравшись в повозки, шурудили в них, и из повозок летели ящики, тюки, узлы, тряпье.

Командира полка не было видно: он рубился вместе с казаками. И Матвеем Ивановичем овладело непонятное недовольство. Когда через четверть часа подъехал разгоряченный, в поту, Строганов, генерал спросил:

— Ну, сказывай, что к чему?

— Обоз взяли, ваше превосходительство. Охраны при нем тьма: не иначе как полк.

— Откуда ж тебе знать, когда ты ни черта не видел? Ты кто? Командир полка или урядник? Твое дело наблюдать и управлять сражением!

— Так вы тоже...

— Что я тоже? Рублюсь? Ты это хотел сказать? А что же мне — стоять в стороне? Ноя когда рублюсь, то все едино зрю за всеми.

Привели французского полковника, стали допрашивать: кто таков и что за обоз?

— Я комендант Гутштадта полковник Мурга. А обоз самого маршала Нея. В обозе — канцелярия маршала, его секретари, казна и гардероб. И жены генералов тоже здесь, а с ними прислуга.

— Вот уж с бабами никогда не воевал. Отпустить их! И немедленно! — приказал атаман. И обратился к французам: — Кто такой Ней? Что за начальник?

— Ней — маршал Наполеона, очень храбрый и преданный императору.

— Он кто же, кавалерист?

— Кавалерист. Во всех сражениях был с императором.

— Молод ли?

— С императором одного года. Тридцать восемь зимой исполнилось.

«Тридцать восемь, — отметил про себя Матвей Иванович. — А мне скоро пятьдесят шесть».

— Ладно. Будем и Ней бить. Кстати, Строганов, сколько-то в плен взято?

— Сорок шесть обер-офицеров и четыреста девяносто нижних чинов. Остальных порубали. Тех, кто сопротивлялся.

29 мая произошла схватка с кавалерией Нея у местечка Гельсберг. Первыми тогда вступили в бой полки Багратиона. Видя, как французы бросились в штыки, Платов послал на подмогу казаков Иловайского.

— С фронта не нападай! — предупредил генерала. — Зайди за этот лесок и уж оттуда ломись.

Однако выполнить задуманное не удалось. Едва казачья лава вынеслась из лесу, как на нее обрушилась французская кавалерия. И числом поболее.

К Платову прискакал адъютант Багратиона.

— Ваше превосходительство! Князь просит поддержки! Требуется вмешаться в дело!

— Передай князю, что Платов все видит и не оставит полки в беде.

Признаться, ему не хотелось бросать в сражение атаманский полк. Это его резерв. Все ожидал, что вот-вот подойдет Денисов со своими тремя полками. Двух гонцов за ними посылал: и ни их, ни Денисова. Тот словно провалился! «Ну, Андриан, погоди!» — негодовал атаман. Послал третьего, приказав строго-настрого генерала найти и вызвать сюда.

Денисов между тем уже шел после схватки на соединение, и последний гонец встретил

его на полпути. Узнав у казака обстановку, генерал свернул с дороги.

— Ваше превосходительство, кажись, не туда мы едем. Нужно левой.

Денисов подоспел в самый последний момент, когда Платов послал в дело атаманский полк, и его стали теснить подошедшие французские полки. Вот тут-то и решили дело денисовцы.

И только ввязались, как из леса показались французские кирасиры. День был ясный, светило солнце, и всадники сверкали: на каждом стальные латы, на голове шлемы. Такого неприятеля казаки еще не видывали.

А те с неумолимой решительностью приближались на сильных тяжелых конях.

— Латники! Латники! — разнеслись крики. — Бей их, донцы-молодцы! Кроши!

Иван Тропин служил вместе с отцом, Семеном Гавриловым Тропиным. Сын хотя и имел чин урядника, но в ратных делах учился у отца.

— Держись в седле крепче! — крикнул ему отец, выбрасывая вперед пику, и повернул коня на кирасира.

Иван тоже помчался с пикой, намереваясь сбить ею всадника. Направив острие прямо в грудь, ударил, но наконечник скользнул. В следующий миг Иван увидел над головой занесенный палаш. Подставил саблю, едва вывернулся, чуть не упал с седла.

Казаки пытались бить закованных в латы всадников пиками, но безрезультатно. Тропин-старший, нацелившись, ударил одного пикой в голову. Сделал это с такой силой, что голова вместе со шлемом отлетела напрочь, ударил фонтан крови.

— Братцы! Сбивай с их колпаки! — закричал он товарищам. — По шишкам бей! Вот та-ак! — И нацелился на второго.

— По ши-ишака-ам бей! — понеслось над полем. — Лупи-и по шашака-а-ам!

Нащупали казаки слабое место кирасир и начали их ссаживать с коней. Ивану удалось сбить двоих, Семену Гавриловичу — трех. Распаясь, отец действовал с удивительной ловкостью и сноровкой. Он кричал что-то и тут же бил насаженным на древко стальным наконечником в голову всадника.

Несдобровать бы французам, да подоспели на подмогу драгуны, и казаки отступили.

Иван Тропин бросился искать отца.

— Тро-опин! — кричал он во весь голос. — Тро-опин! Ба-тя-ня-я! — И бросался от одной сотни к другой. — Батяню мово не видали? Тропика Семена Гаврилыча.

— Схватили твою отца французы, — сообщил кто-то. — Схватили и уволокли.

— Куды уволокли? Не может того быть!

Проезжая мимо, Платов слышал этот разговор. Нахмурил брови, дернул плечом. Приказал урядника подзвать.

— Что, казак, проворонил отца?

— Дык, в схватке рази узришь?.. Гурт на гурт сошелся...

— Отца и в гурту должен видеть. Отец один, стало быть, глаза с него не спускай: одним зри на неприятеля, а вторым — на отца. Эх, казак! А еще урядник...

— Ваше превосходительство, дозвольте ошибку исправить... Только прикажите.

— Справляй, если сумеешь.

К вечеру сражение затихло, и Матвей Иванович со своей свитой расположился неподалеку от бивуаков Денисова. Тот, зная слабость атамана к донскому вину, приказал нацедить из своих скрытых запасов цимлянского. Застолье подходило к концу, когда один из офицеров доложил Матвею Ивановичу:

— Какой-то казак просит принять его. Говорит, что очень нужно.

— Коль нужно, пусть войдет.

Казак приблизился, лихо щелкнул каблуками, вскинул к папахе руку:

— Дозвольте доложить: приказ ваш выполнил и ошибку справил!

— Какой приказ? Какую ошибку? — Матвей Иванович приподнялся, вглядываясь в вошедшего.

— Это урядник Тропин, что отца в сражении потерял, — подал голос Денисов.

— Высвободил отца из плена? Ну-ка, рассказывай, что и как.

— Рассказывать-то нечего.пустил я коня к лесу, а от него метнулся к дороге, что ведет к городу. Думаю, непременно батяню там поведут. И точно: смотрю, два француза гонят пешего. Присмотрелся: отец! Э, думаю, была не была! Наскочил на драгун: одного из пистолета, а второго пикой ссадил. Отец на лошадь, а я другую под уздцы. Все сделал в аккурат.

— А отец где?

— Где же быть? Тута.

— Зови его.

Вошел отец, коренастый, чернявый, с заросшим лицом. Сын-урядник стал в полшага позади.

— Какой станицы?

— Казак Семен Тропин, станицы Пятиизбянской!

Матвей Иванович поднялся из-за стола.

— Спасибо, донцы, за службу верную и лихость. — Глаза его горели, лицо сияло. — Перво-наперво спасибо, Семен Гаврилов, тебе. Не потому, что избежал плена, а за то, что вырастил такого сына.

— Семен Тропин — казак, каких в полку немало, — похвалил того Денисов.

— А потому хочу с тобой выпить чарку нашего донского вина.

— Это можно, — казак вытер пальцами уголки рта.

Они чокнулись.

— А теперь хочу выпить и с тобой, Иван. Я вам скажу, господа, — обернулся Платов к сидевшим за столом, — что вот он, урядник, потому и свершил такое, что отец его воспитал настоящим казаком. Как говорят, яблоко от яблони недалеко катится. Он хороший казак, с большими надеждами. И заслуживает особой награды. Уж я об этом самолично похлопочу. Налейте, господа, и давайте выпьем за будущего георгиевского кавалера Ивана Тропика, казака из станицы Пятиизбянской!

...Бои у Гутштадта и Гейльсберга отличались особой напряженностью. Французы бесконечно предпринимали удары превосходящими силами, чтобы сломить и уничтожить перед рекой корпус Багратиона и казачьи полки Платова. Однако все попытки кончались для них неудачей.

В этих сражениях с новой силой проявился полководческий талант Платова. Он использовал каждый удобный случай, чтобы напасть на противника, нанести удары в самых неожиданных местах, обеспечивая отход за реку русской армии.

В Тильзите

И в дальнейшем, действуя уже против подошедшего корпуса Мюрата — лучшего французского маршала, — донские полки обеспечили отход русской армии за Неман.

13 июня 1807 года выдалось в Прибалтике ясным и теплым. И с утра все население Тильзита устремилось к Неману: там, на реке, должна состояться встреча прекративших войну императоров.

Было около одиннадцати часов, когда Матвей Иванович, состоя в свите Александра, прибыл к реке. В подзорную трубу он видел прилегающие к Неману улицы с французскими войсками, у берега строй гвардии. И на ближнем берегу, у корчмы, где находился Александр, тоже были войска: два взвода высоченных русских кавалергардов и эскадрон прусской гвардии.

На самой реке покачивался удерживаемый канатами плот с двумя полотняными павильонами, большим и поменьше. На фронтоне большого павильона зеленой краской выведена буква «А», Матвей Иванович догадался, что с противной стороны тоже выведена буква, но «N».

— Едет! Едет! — слышались голоса.

Из города к берегу неслась кавалькада. В окружении конной охраны на светлой лошади скакал Наполеон. Его можно было узнать по серому сюртуку и шляпе-треуголке. Из корчмы вышел Александр и направился к лодке.

Первым поднялся на плот Наполеон. Он поспешил к лодке Александра, подал руку.

— Из-за чего мы воюем с вами, государь? — заговорил он. (Так передали позже свидетели.)

— Я ненавижу англичан так же, как и вы, — ответил Александр. — И буду помощником вашего величества во всем, что вы против них предпримите.

— Если так, то мир заключен. — Француз протянул руку.

Вдвоем они вошли в большой павильон.

— Я буду вашим секретарем, а вы моим, — предложил Наполеон.

И переговоры начались.

Несколько дней спустя состоялась церемония с участием батальона русских преображенцев и французской гвардии. Войска стояли на площади, строй против строя. С обеих сторон навстречу друг другу выехали верхом Наполеон и Александр. Под первым — рыжая арабская чистокровка, под вторым — вороной жеребец.

Русские и французские генералы стояли поодаль вместе. Рядом с Платовым находился высокий, под стать ему, французский маршал. Он искоса наблюдал за Матвеем Ивановичем. Не выдержав, спросил что-то, и переводчик сказал:

— Маршал Ней заметил, что вы смотрите на императора Наполеона так, словно влюблены в него.

— Это Ней?

— Так точно, он самый, маршал Франции.

— Скажи ему, что я и в самом деле любовался, только не императором, а кобылой, что под ним. Она чертовски хороша. На мой бы ее конный завод!

Переводчик сказал слова, и Ней обидчиво отвернулся.

К Наполеону у Платова двойственное чувство. Признавая в нем незаурядную личность, сумевшую завоевать почти всю Европу, он видел в нем и недавнего врага. Это по его приказу французские солдаты стреляли и уничтожали русских воинов, едва не погубили в Альпах армию Суворова, перед которым Матвей Иванович благоговел.

Но тут в памяти возникло другое. Он видел себя в сверкающем кабинете Павла. Худой, изможденный от ссылки и темницы, стоит он перед императором. «Мой друг Наполеон хотел, чтобы вы, генерал, возглавили казаков в походе на Индию».

И Наполеон желал увидеть казачьего атамана, полки которого так безжалостно трепали на поле брани французские войска. К тому же граф Коленкур передал ему случайно услышанный разговор в русском штабе.

— Наполеон намерен наградить отличившихся русских генералов. В их числе можете быть и вы, Матвей Иванович, — объявил тогда один из царедворцев Александра.

— Нет уж, увольте, батенька, — отвечал Платов. — Я Наполеону не служил, и незачем меня награждать. А если он вздумает это сделать, так я награды не приму.

Это сообщение покорило тщеславного императора.

Когда Наполеону представляли русских генералов, он, проходя строй, всматривался в лица вчерашних своих врагов. На правом фланге стоял высокий, туго перепоясанный парчовым, с блестками, ремнем Беннигсен. Сияли ордена, пуговицы, эполеты. Воротничок сдавил шею, и лицо покрылось нездоровым румянцем. Казалось, что еще немного и генерал не выдержит, упадет. Наполеону вспомнилось, как по приказу этого Беннигсена русские, к полной неожиданности, снялись из-под Прейсиш-Эйлау, уступив победу.

Поразили фигура и лицо Багратиона. Настоящий воин. С чувством пожал руку генерала.

— Генерал Платов, — назвал Александр.

Наполеон остановился, вскинул голову и устремил острый взгляд слегка сощуренных

глаз на высокого, черноглазого, с крепкими широкими плечами генерала. На лице — и мужество, и природная сметка, и затаенное лукавство. С запоздалой поспешностью император протянул слегка влажную, пухлую ладонь. Не произнеся ни слова, прошел дальше.

Все же позже Наполеон беседовал с атаманом. Расспрашивал о казачьих обычаях и порядках, о том, как учатся казачьи дети.

— Неужели и школы у вас есть?

— Не только школы, но и гимназия есть в нашем Новом Черкасске, — с достоинством отвечал Матвей Иванович.

Там и в самом деле строили первую на Дону гимназию.

Наполеон не случайно проявлял интерес к донскому казачеству. Самобытное войско давно интересовало его. Не однажды возникала мысль использовать его в осуществлении своих замыслов. Никто другой, а он сказал: «Дайте мне лишь одних казаков, и я пройду с ними весь мир...» И пояснил: «Французским войскам нужно не только отдать приказ, но и объяснить, когда и каким образом атаковать неприятеля, казаки же в этом не нуждаются. Завидя врага, они мчатся на него».

— Велико ли Войско Донское? — продолжал он беседу.

— Оно, ваше величество, что милый сердцу Дон: ни вычерпать ни ковшом, ни ведром, — отвечал Матвей Иванович.

Наполеон улыбнулся:

— А не смогли бы вы показать искусство казаков? И это оружие...

— Вы имеете в виду лук? Это оружие башкирцев;

— А что, башкирцы тоже были в деле? — спросил Александр.

— А как же! У Веллау.

— Да-да, у Веллау! — подтвердил Наполеон.

Схватка произошла 4 июня неподалеку от местечка Веллау. Французская кавалерия под командованием дивизионного генерала Груши, сбив казачье перекрытие, пустилась в преследование.

Всадники в рысьих остроконечных шапках во всю прыть утекали на низкорослых лохматых лошадаках. За ними широким строем неслась французская конница. Казалось, еще немного и она догонит трусливых людишек.

И вдруг их засыпали стрелами. Тысячи стрел, пущенные сильной рукой, поражали всадников, коней. Находившиеся впереди французские гусары словно наткнулись на невидимую стену, хотели повернуть назад, но скакавшие за ними сбивали их, внося беспорядок и панику.

И тогда Платов направил из засады Ставропольский калмыцкий полк. Калмыки были лихими наездниками, умелыми воинами. Они и довершили дело.

Среди взятых в тот день пленных был один офицер, у которого стрела, пробив нос, застряла в нем. Русский фельдшер хотел было сломать ее, но подскочил распаленный башкирец, оттолкнул его:

— Моя стрела! Не дам ломать!

— Но как же вытащить?

Насилу уговорил взять за нее выкуп...

Наполеон попросил показать не только лук, но и всадников, кои искусно им владеют.

На следующий день ему показали джигитовку казаков и башкирских воинов. Наполеон был в восторге. И лук его удивил. Особенно меткость стрелков.

— А мог бы показать такую меткость генерал? — подзадорил он Матвея Ивановича.

Лук не был на вооружении казаков: они действовали саблями, пикой, ружьем и пистолетом. Однако ж после битвы на высотах у реки Калалах, где турки засыпали казаков стрелами, полковник Платов приказал своим подчиненным освоить оружие неприятеля. И сам в этом деле проявил рвение.

После той битвы луков да стрел было собрано множество. Командиру полка принесли

как трофей один, богато отделанный золотом и серебром, с тугой жилой-тетивой, а с ним — плоский кожаный колчан с оперенными стрелами.

С той поры и приобщился Матвей Платов к стрельбе из лука. Научился довольно метко пускать в цель стрелы. Откровенно сказать, за все время ему не пришлось воспользоваться этим оружием. И вот — просьба Наполеона! Но Платов уловил здесь не только просьбу.

«Ты хоть и великий император, как некоторые тебя называют, и сумел одержать в этой войне верх, — подумал Платов, — однако же и мы не лыком шиты, лицом в грязь не ударим». Вслух же сказал:

— Мы, казаки, лучше стреляем из ружей да пистолетов. Владеем саблей да пикой, конечно. А луком — не все. Но я покажу.

Матвей Иванович взял лук и выпустил в соломенное чучело три стрелы. И все они вонзились в цель. Особенно удачно угодила третья — в голову.

— Это удивительно, генерал! Никогда не мог допустить, что у вас такой глаз. Вы можете поразить и маленькую птичку.

— Не только маленькую, но и большую.

В его словах намек был столь ясен, что Александр недовольно нахмурил брови.

— Это оружие, кажется, пошло от гуннов? — не без скрытого умысла продолжал Наполеон.

— В войне, ваше величество, и дубина хороша. Особенно, когда защищаешь родную землю.

Наполеон сделал вид, что не слышал последних слов, сказал:

— Я весьма доволен встречей, генерал. И просил бы принять эту скромную вещицу.

Он достал из кармана золотую, со своим портретом на крышке, табакерку.

— Если это знак вашего искреннего расположения, то не могу не взять.

— Он принимает подарок только потому, что его дарует великий человек, — произнес Александр.

— В свою очередь я просил бы вас, — обратился к Александру Матвей Иванович, — одарить французского императора сим оружием.

Взяв в обе руки лук и колчан со стрелами, казачий генерал протянул Наполеону:

— Прошу принять. Его стрелы летят не столь далеко, как свинец, но благодаря твердой руке, острому глазу и преданному родине сердцу метко поражают врага.

25 июня 1807 года был подписан Тильзитский договор. Наполеон продиктовал условия, и русский царь вынужден был их принять.

Матвей Иванович видел, как Наполеон и Александр, подписав договор, передали в руки друг другу голубые папки. И думал ли Платов, что пройдет не столь уж много времени, и эта голубая папка, что держал в руках всемогущий Наполеон, окажется у него, казачьего атамана, и он будет владельцем важного документа?

Снова Дунай

В ставке главнокомандующего Молдавской армии генерал-фельдмаршала Прозоровского весной 1809 года произошел переполох. Попытки овладеть турецкими крепостями на Дунае окончились полнейшим провалом.

— Это вы! Вы, князь, во всем повинны! — старчески восклицал главнокомандующий и грозил крючковатым пальцем невозмутимому Кутузову. — Как вы не могли управиться с горсткой турок, засевших в Браилове?

Вид фельдмаршала давным-давно разменявшего восьмой десяток лет, жалок. Волосы всклокочены, руки трясутся, на морщинистом лице слезы.

— Да полноте, полноте, ваша светлость! Что так убиваться из-за какой-то крепости!

Массивный и флегматичный, Кутузов, казалось, не принимал произошедшее близко к сердцу. Но это лишь так казалось, потому что он, тонкий политик и дипломат, хорошо знал, какие последствия в международных делах могли повлечь неудачные действия русской

армии против турок.

Подогреваемая Францией, и не желая мириться с потерей Кавказа, Крыма, земель на Балканах, Оттоманская Порта в 1806 году, нарушив заключенный ранее Ясский мир, снова развязала войну с северным соседом.

Русской армии предписывалось повести активные действия, овладеть важнейшими турецкими крепостями к северу от Дуная и тем сломить сопротивление врага. С целью усиления армии в Молдавию направили опытных и решительных генералов, в числе которых были Кутузов и Платов.

Когда Платов приехал, фельдмаршал на радостях прослезился, обнял его, расцеловал.

— Сколько ж тебе годков-то теперь, Матвей Иванович?

— Много, ваша светлость. Скоро шесть десятков подойдет.

— О-о, да ты еще совсем молод! Поживи-ка с мое...

Вместе с Платовым прибыли генерал Иловайский Николай Васильевич, Денисов Андриан Карпович, Строганов Павел Александрович и другие казачьи командиры — сподвижники атамана в войне с Наполеоном.

Пока полки следовали из Пруссии на юг, в Молдавию, Матвей Иванович успел побывать на Дону, решить неотложные накопившиеся за время его отсутствия дела. И потом уж снова пустился в путь, вдогонку казакам.

Фельдмаршал Прозоровский назначил атамана Платова начальником авангарда, подчинив ему, кроме шести казачьих полков, шесть батальонов пехоты и двенадцатиорудийную батарею конной артиллерии.

Михаил же Илларионович Кутузов принял командование над главным корпусом, включавшим почти половину сил Молдавской армии.

В конце марта, наконец-то решившись на поход, Прозоровский отдал приказ, и русская армия начала наступление.

Главный ее корпус вышел на Браилов, а отряд генерала Милорадовича — на крепость Журжа. План заключался в овладении этими крепостями, чтобы потом принудить к сдаче главную крепость — Измаил. После взятия ее русскими в 1790 году крепость Измаил согласно договоренности опять перешла к туркам.

Штурм журжинских укреплений не удался: он был отбит неприятелем с большими для русских потерями.

Неудача постигла и главный корпус, прибывший под Браилов из Фокшан. При нем находился сам главнокомандующий. Он приказал немедля начать штурм.

Против этого решения выступил Кутузов. Пытался доказать, что штурм крепости преждевременен, что гарнизон Браилова не столь малочислен, как донесла разведка, и считал необходимым начать наступательные действия, не распылять силы на осаду крепостей. Но куда там! Главнокомандующий оставался неумолим:

— Осаду Браилова начать восьмого апреля!

В течение десяти дней крепость подвергалась сильной бомбардировке. Решив, что все живое за крепостными стенами перемолото, фельдмаршал дал приказ начать штурм. В ночь на 20 апреля русские батальоны бросились на укрепление, однако туркам удалось крепость отстоять, наши потери составили более пяти тысяч человек.

Неудача осложнила и без того нелегкое положение России в европейских делах. Назревала война с Наполеоном, и было необходимо уладить отношения с Турцией. И теперь это сделать было не так просто. Срывался и задуманный план наступления армии за Дунай.

В главной квартире главнокомандующего собрались ближайшие его помощники: генерал Кутузов, начальник артиллерии Резвой, инженерный начальник Гартинг и Платов.

— Так что изволите измыслить? — оглядел генералов главнокомандующий. — Какую диспозицию предложит каждый из вас? Что скажет генерал Резвой?

— Все артиллерийские запасы, ваша светлость, иссякли. Чтобы предпринять новый штурм, нужно подвезти и порох, и ядра. На это уйдет немалый срок.

— Инженерия без артиллерии бессильна, — коротко заявил Гартинг.

— По мне, где бы неприятеля ни бить, лишь бы бить. Однако ж сподручней в чистом поле, — отвечивал Платов.

Кутузов заявил решительно:

— Осаду снять, и армии отступить. Прозоровский с досады даже крикнул. — Ну, стало быть, так и решим.

Он не стал объяснять, что уже получил императорское повеление на отвод войск. Теперь его занимала мысль, как при постигшей неудаче свести дело к благополучному мирному исходу.

Отступление было назначено на 7 мая. Планом предусматривался отход вначале пехотных частей и переправа их через разлившийся Серет, а затем уж должен был отойти арьергард под командованием Платова.

Первую часть плана удалось провести успешно. Казаки заняли оставленные пехотой позиции и демонстрировали присутствие больших сил ложными передвижениями, а на ночь развели столько же костров, сколько их было прежде. Но на третий день турки обнаружили хитрость и решили оставшиеся казачьи части уничтожить.

Большая часть казачьих сил уже была у реки, когда из ворот Браилова вырвалась турецкая конница. Она значительно превосходила немногочисленные сотни, что оставались еще у крепости.

План у атамана возник сразу: не ввязываясь в сражение, отступить, но так, чтобы неприятель подставил свой фланг под удар находящихся у реки казачьих частей.

— Отступай, донцы-молодцы! Но не шибко! — полетела по цепям его команда. Сам он находился среди казаков.

Сотни отходили, но не по дороге, а несколько в стороне. Не замечая уловки, турки гнались по пятам. И вот, когда до берега оставалось совсем немного, из лесу вырвалась казачья лава. Она ударила по неприятельскому флангу, круша и уничтожая турецких всадников.

Те бросились назад, к крепости напрямиком, через покинутый русскими лагерь, где оставалось множество палаточных гнезд и ям, отрытых для хозяйственных и прочих нужд. Лошади падали, шарахаясь в стороны, сбрасывали седоков, их сбивали и подминали задние.

Турецкая конница понесла значительные потери, а арьергард благополучно переправился через Дунай...

Вину за неудачу штурма Браилова Прозоровский взвалил на Кутузова. Он написал военному министру письмо, что де-мол ранее просил прикомандировать того к Молдавской армии, но это была ошибка, за которую он расплачивается.

Платов присутствовал, когда Михаил Илларионович представлялся главнокомандующему по случаю убийства в Литву в качестве военного губернатора.

— Ах, как жаль, князь, что уезжаешь. Остаюсь я теперь без близкого помощника, — наигранно сокрушался старик.

А спустя немного времени Матвей Иванович был свидетелем кончины фельдмаршала.

Атаман прибыл, чтобы доложить, что «летучий» корпус с боем занял селение Бабадаг, в котором отбил у неприятеля двенадцать пушек и доброе количество боевых зарядов. А после того еще выбил турок из Бейдаута и теперь намерен освободить Кизимчи.

Прозоровский лежал в постели, на мягкой перине, хотя был жаркий август. Голова фельдмаршала покоилась на большой подушке. Услышав доклад, он едва заметно шевельнул головой.

— Спасибо, атаман... Хорошую весть принес... С ней легче умирать... — Руки старика судорожно подергивались, глаза недвижно смотрели в потолок. После недолгого молчания спросил: — Кизимчи возьмешь?

— Непременно, ваша светлость. Там Денисов да Иловыйский. Возможно, что уже и взяли. От Гирсово до Троянова вала берег Дуная очищен от турок.

— А Гирсово... возьмешь?

— И Гирсово возьмем, ваша светлость.

Удивительное дело, фельдмаршал умирал в полном сознании! Старик стал шептать себе отходную. Потом, вдруг что-то вспомнив, позвал:

— Адьютант! — Тихо, но внятно произнес: — Сегодня... слышишь?.. Скачи в Петербург... Государю, а прежде министру скажи... я умираю... Нет, умер... уже умер. Сегодня душа отлетит... Передай все... что сказал сейчас Платов. — Он пошевелил слабеющей рукой и устало закрыл глаза.

Через несколько часов его не стало.

Прозоровского сменил сорокачетырехлетний Петр Иванович Багратион. Между новым главнокомандующим и Платовым сразу установились добрые отношения. Обоим памятливы были сражения в Пруссии и согласные действия их корпусов.

Горячий, порывистый Багратион — полная противоположность фельдмаршалу. На первом же совещании он объявил, что на войне сидеть и ждать нападения — последнее дело, всегда будешь битым. Нужно самому первым нападать, навязывать неприятелю волю и тем вырвать из его рук инициативу.

«Вот это по мне», — слушал его Матвей Иванович, одобряя произошедшую смену.

Через несколько дней казаки предприняли наступление на Гирсово. Крепость находилась на берегу Дуная в удобном для наводки моста месте. Ее гарнизон составлял более тысячи человек при большом количестве орудий.

Однако это не испугало казаков. Выставив четыре батареи, они в течение двух дней бомбардировали неприятеля, а затем 22 августа пошли на приступ. К исходу дня крепость пала.

В донесении Платов указывал, что в плен взято 1000 человек, а трофеи составили 34 орудия, 3 мортиры, пороху 132 бочки, бомб 350 и ядер 5800.

3 сентября следовавший в авангарде армии отряд Платова подходил к небольшому местечку Черноводы, когда к атаману прискакал в сопровождении адъютантов генерал Милорадович.

Среднего роста, чернявый и узкоплечий, он внешне совсем не походил на боевого, весьма решительного и отважного генерала, к тому же командира корпуса. Но о его отваге ходили легенды.

Милорадович в походе от Гирсова к Силистрии возглавлял колонну русской армии. В то время как левая колонна генерала Маркова шла побережьем Черного моря на Кюстенджи, корпус Милорадовича продвигался берегом Дуная, где на маршруте находились главные силы турок.

Отряд Платова в четыре тысячи казаков находился между корпусами и был несколько выдвинут вперед.

— Где главнокомандующий? — спросил Милорадович, подъезжая к Платову. — Новость важная есть. Впереди у Рассевата укрепленный неприятельский лагерь. Только что оттуда прибыл разъезд. Сказывает: в лагере весьма много турецкого войска, до двенадцати тысяч.

— Покойный Александр Васильевич не спрашивал, сколько неприятеля. Интересовался лишь, где он?.. А князь Петр Иванович позади. Поскачем к нему.

Багратион выслушал Милорадовича молча, хмуря густые черные брови.

— Вы, Михаил Александрович, поднимайте корпус и следуйте с ним прямо по дороге на Рассеват. Примите на себя главный удар сераскера Гозерва-паши. А чтобы прежде выманить его из лагеря, пошлем казаков. Одним полком выманите, главными же силами ударьте, атаман, по неприятелю с фланга. А уж коли тот дрогнет и начнет отступать, тогда гнать его до самого лагеря и даже за оный. Преследовать, пока будет на то возможность!

Сражение началось с утра следующего дня. Все происходило так, как предвидел Багратион.

Вперед к лагерю Платов выслал атаманский полк. Командовал им Строганов, единственный из всех командиров неказачьего сословия. Человек высокообразованный, знавший многие языки, он занимал прежде высокие посты на государственной службе и

дипломатии. Однако в 1807 году, имея чин тайного советника и будучи сенатором, вдруг подал в отставку. По просьбе его зачислили в армию простым волонтером — случай в истории служилого русского дворянина исключительный.

Атаман Платов, относившийся к Строганову с большим уважением, принял его в состав казачьих войск и поручил командовать полком. В войне 1807 года Строганов не раз отличался, и Матвей Иванович вошел в ходатайство о присвоении ему воинского чина: из тайного советника он был возведен в генерал-майоры.

Турки, завидя приближающихся донцов, высыпали из лагеря. Казаки применили обычную для себя тактику: короткими ударами, словно осы, они жалили неприятеля — и отходили.

Разъяренные турки бросились на них, лавиной устремились в преследование. Проскакав версты три, их конница вдруг оказалась перед русскими орудиями. Те ударили картечью.

Одновременно на неприятельский фланг Платов выслал отряд под командой генерала Денисова в составе шести полков.

Напутствуя его, Матвей Иванович предупредил:

— Забирайте поглубже, к самому лагерю, чтоб не дать в нем туркам закрепиться.

Но Андриан Карпович без того уже знал, что и как делать. В сражении он был не только лих, но и осмотрителен.

Ударом атаманского полка с фронта, а с тыла — отряда Денисова неприятель был разгромлен. В панике турки бежали к Силистрии. Почти тридцать верст продолжалось преследование врага.

К полудню все было закончено. Но тут дозорные донесли, что вверх по Дунаю плывут парусные фелюги.

— Так это же недобитые турки!

— Аж десять штук!

— А в них-то полным-полно! — послышалось со всех сторон.

К реке прискакал Платов:

— Где полковник Карпов?

И полетело:

— Карпова к атаману!

Полковник Карпов командовал донской артиллерией.

— Немедленно сюда пушки! Лодки расстрелять! — распорядился атаман.

Шесть орудий подвезли к берегу и открыли огонь. После частой пальбы удалось разбить четыре лодки. Остальные шесть поспешно направились к противоположному берегу.

— Убегут ведь! Утекут! — кричали в досаде казаки.

Ядра туда не долетали.

— Разрешите довести до конца начатое! — обратился к Платову Строганов.

— Что задумали?

— Пошлем охотников вплавь.

Платов задумался лишь на мгновение.

— Действуйте! Заставьте их сесть в фелюги и причалить сюда.

И вскоре казаки кинулись вслед убегающим туркам...

Только к вечеру закончилось сражение. Оно завершилось полным разгромом неприятеля.

За бой у Рассевата Матвей Иванович Платов был удостоен чина полного генерала, генерала от кавалерии.

Осень прошла в сражениях, а в конце ноября Платов сильно заболел. Штаб-лекарь Нестеров не на шутку испугался. Таким он еще не видел генерала. Сообщил находившемуся в армии опытному доктору Виллие.

Тот долго выстукивал больного, слушал в трубочку, а потом сокрушенно покачал головой:

— Плохо, Матвей Иванович, плохо.

— Что такое, батюшка?

— Немедленно в Петербург. Немедленно!

— А как же мои казаки? — попытался возразить он. — Не брошу же я их, Яков Васильевич!

Но это не возымело действия на лейб-медика.

— Поймите, атаман, не начнете лечиться, нападет на вас чахотка. Чахотка! Вы же понимаете, что это такое?! А ваши казаки не пропадут. Есть и Денисов, и Иловайский, и граф Орлов-Денисов. Все молодцы, один к одному. Вас не заменят, но сменить могут. А уж о разрешении императора не беспокойтесь. Я постараюсь все уладить.

Матвей Иванович питал к Виллие особое уважение. И не потому, что тот был опытным доктором, знал его Платов и как преданного делу человека. В Пруссии, во время войны с Наполеоном, через руки Виллие прошли сотни раненых, которым он делал операции. И многие обязаны ему жизнью.

Однажды, производя операцию, доктор случайно порезал себе палец. Он хорошо понимал, чем это могло кончиться. Не раздумывая, приказал помогавшему фельдшеру:

— Режь!

— Что резать?

— Палец! Вот этот палец!

— Ваш палец? Да мы его йодом, ваше превосходительство.

— Режь! — в ярости закричал тот.

И фельдшер тут же отрезал палец. Отдышавшись немного, Виллие продолжал у операционного стола свое дело...

— Петербург сейчас мне ни к чему. Уж лучше, Яков Васильевич, я поеду на Дон. Там в одночасье от воздуха родного излечусь.

На Дону Платов пробыл до весны. Потом выехал в Петербург. Здесь ему вручили за кампанию 1809 года орден Георгия 2-го класса и Владимира 1 степени.

ГРОЗНЫЙ 1812!

Вторжение

На рассвете 12 июня, перейдя по трем наведенным через Неман мостам, «великая армия» вступила в пределы России. В клубящемся тумане, соблюдая равнение и строй, шагала пехота, легко двигалась лихая конница, тяжело громыхла артиллерия. Шестьсот тысяч человек, почти полторы тысячи орудий сплошным потоком текли мимо Наполеона, и, казалось, этому потоку нет конца.

Наполеон стоял на высоком берегу в окружении своих маршалов, молча взирая на проходившие полки. Он стоял в своей привычной позе, скрестив на груди руки и выставив вперед ногу в ботфорте, располневший, обрюзгший, с упрямо поджатыми тонкими губами на угрюмо-озабоченном лице.

О чем он думал? Возможно, вспомнил, как накануне вот здесь, неподалеку от моста, когда проводил рекогносцировку, из-под ног коня выскочил заяц, и конь, взбрыкнув, сбросил его, и он, гроза Европы, беспомощно распластался на земле. А потом услышал, как Бертье, его ближайший помощник, осторожно сказал кому-то: «Мы сделали бы гораздо лучше, если бы не переходили через Неман. Это падение — дурное предзнаменование».

Возможно, глядя на проходившую силу, он тешил себя мыслью разбить в ближайшем сражении русскую армию и завершить, таким образом, войну через месяц-полтора.

А может быть, он забежал в своих мыслях далеко вперед, в то время, когда, разгромив Россию, станет властелином мира? Покончив с Россией, разделается с ненавистной Англией

в два счета.

Мог ли он допустить, подписывая пять лет назад в Тильзите мир, что стоворчивый Александр, изъявивший тогда согласие соблюдать продиктованные им, Наполеоном, условия континентальной блокады Англии, станет его главным противником? На деле русский император оказался совсем не таким покладистым, как ему казалось при первой встрече.

Не успели просохнуть на договоре чернила, как Россия стала нарушать условия. Наполеон, конечно же, понимал, что нарушение вынужденное для страны, но что ему до этого! Он стремился задушить Англию в торговой блокаде, а для достижения цели, как известно, все средства хороши, и ему не было никакого дела до интересов других, даже союзных с ним государств!

К этому главному противоречию, приведшему к разрыву с Россией и войне, прибавлялись десятки других причин, порой незначительных, но которые раздражали и выводили из себя всемогущего властелина.

На приеме дипломатов, осыпав русского посла упреками, он во всеуслышание заявил: «Не знаю, разобью ли я вас, но мы будем драться!»

Над Россией сгустились тучи, а между тем ее армия вела военные действия с Турцией. Необходимо было во что бы то ни стало свернуть их, добиться перемирия с южным соседом, чтобы сосредоточить усилия против главного врага — Наполеона.

Дипломатическая миссия была возложена на Михаила Илларионовича Кутузова — главнокомандующего Южной армией. Он блестяще справился с ответственной задачей. В мае 1812, всего за месяц до вторжения французских войск, сумел заключить с Турцией весьма выгодный мир.

Узнав об этом, Наполеон пришел в ярость: «Надо же пойти на такое, — метал он молнии. — Я доселе не знал, какие болваны управляют Турцией!»

К лету 1812 года у западных границ находились три русские армии. 1-я, под начальством военного министра М. Б. Барклая-де-Толли общей численностью 127 тысяч человек, располагалась на Немане. Она прикрывала Вильненское направление. 2-я Западная армия генерала П. И. Багратиона численностью 40 тысяч располагалась между Неманом и Бугом, ее главные силы были сосредоточены в районе Волковыска. 3-я армия генерала Тормосова численностью 45 тысяч человек сосредоточилась южнее, за Припятью, в районе Луцка.

При 1-й армии находился «летучий» корпус Платова, состоявший из четырнадцати казачьих полков и одной роты донской артиллерии. Корпус располагался в районе Гродно, между 1-й и 2-й армиями, прикрывая не занятую регулярными войсками полосу местности.

Кроме указанного корпуса, во 2-й армии имелось девять донских полков под командой сподвижника Платова генерала Иловайского, столько же полков было в 3-й армии, и четырнадцать полков несли службу в Молдавской армии адмирала П. В. Чичагова.

Всего к началу военных действий в русской армии числилось пятьдесят казачьих полков и две роты донской артиллерии общей численностью около двадцати пяти тысяч человек.

Трое суток переправлялась французская армия. Намерения неприятеля нетрудно разгадать. Своей главной силой, исчисляемой в 220 тысяч человек, наступавшей через Ковно на Вильно, Наполеон намеревался разбить 1-ю Западную армию. Одновременно вторая группа под командованием Богарне должна вбить клин южнее Ковно с целью разъединить 1-ю армию с армией Багратиона. И, наконец, третья группа французских войск под командованием брата Наполеона Жерома Бонапарта, наступавшая на Гродно, должна приковать к себе 2-ю Западную армию.

Находившийся при главной квартире Александр, узнав о переходе французских войск через Неман, направил к Наполеону министра Балашова. Напутствуя его, сказал: «Сделайте все, чтобы сохранить мир. Примите все меры, приложите все свое искусство». Но Наполеон был неумолим: «Судьба России должна свершиться!»

Ночь на 12 июня была тревожной. Еще накануне пробравшийся из-за реки селянин сообщил, что в их хутор за Неманом прибыл французский пехотный полк и вроде бы солдаты не очень намерены долго задерживаться. Находившиеся в секрете казачьи пикеты донесли, что видели группы людей в мундирах.

Через ночь из Вильно, где располагалась квартира главнокомандующего, пришла в корпус Платова бумага, которая окончательно подтвердила вероятность войны. Подобных распоряжений за свою жизнь Платов получал немало, но этот документ вызывал беспокойство.

— Ставь поболее каганцев, убирай все со стола! — приказал он денщику Степану.

Расстелив карту, он вместе с дежурным полковником внимательно стал разбираться в обстановке.

— Против такой силы нам не устоять, — начал полковник, но Платов взглядом остановил его.

— Замысел Бунапарта не столь уж мудр. Два дня, а может, три он нас не тронет. А потом ударит нам в правый бок.

— Не совсем понимаю, — признался полковник.

— А что ж тут не понять? Бунапарт тщится надеждой заманить нас в западню... Только вряд ли обманет. Вначале намерен он разбить нас, казаков, а потом и армию Петра Ивановича. Бить поодиночке — это его излюбленный прием. Но мы не простаки. На эту уловку не пойдем.

Под утро прискакал нарочный с письмом от князя Багратиона. Опасаясь, что корпус Платова может быть отрезан от 1-й армии, тот советовал Матвею Ивановичу отходить из Гродно правым берегом Немана на Лиду и Минск.

И словно в подтверждение опасения от реки послышалась пальба: французы начали переправу.

Подоспевшая сотня столкнула неприятеля в реку, но он повторил попытку, и не без успеха. Платов приказал уничтожить находившиеся у Гродно мосты. Связь с противоположным берегом прервалась. Из города спешно вывозили запасы продовольствия и фуража, вещевого и обозного имущества, эвакуировали больных и раненых.

Тем временем в районе Ковно, где действовали предводительствуемые Наполеоном главные силы, неприятелю удалось переправить через Неман десант, захватить мост и начать наступление.

На второй день Ковно пал и ясно обозначилось направление главного удара противника: оно шло, как и предвидели, на Вильно. 16 июня русские войска город сдали. Они отступали на Свенцяны и далее к Дрисскому лагерю на Западной Двине, где намеревались дать противнику генеральное сражение.

На следующий день, 17 июня, начала отступление и 2-я армия Багратиона к Минску, чтобы соединиться с 1-й армией. Корпус Платова составлял арьергард армии Багратиона, прикрывал ее отход.

Казачий вентерь

Сумерки совсем сгустились, а полки все продолжали идти. Уставшие казаки ехали молча, строй растянулся, и урядники да хорунжие утратили обычную ретивость.

Вот уже почти две недели, как казачий корпус генерала Платова вел непрерывные бои с переправившимися через Неман французским авангардом. Казаки неожиданно вступали в бой, заставляли его развертывать силы, дерзкой атакой решительно отбрасывали. А тем временем другие полки занимали в тылу для боя новый рубеж.

Платов ехал в голове колонны, сосредоточенно-молчаливый, в недобром расположении духа и изрядно уставший за день. Ему предлагали пересест в коляску, этакий легкий пароконный возок, но он наотрез отказался.

— Соизволите объявить привал? — Подъехал генерал Иловайский. — Казаки и кони

малость притомились.

Иловайский в роду был пятым командиром полка и поэтому в документах его именовали не иначе как Иловайский-пятый.

— Хорошо. Привал, — придержал Платов коня.

— Прива-ал!.. Прива-ал!.. Все-ем впра-а-аво! — Команда летела, удаляясь по колонне, и вместе с ней глух частый перестук копыт.

Матвей Иванович неторопливо слез с коня и, передав поводья казаку-ординарцу, сошел с дороги, с удовольствием разминая от долгой езды тело.

— Адъютант! — позвал он.

— Я здесь, — отозвался сразу же голос из темноты, и перед генералом выросла фигура.

— Поезжайте по колонне, примите от командиров рапорт: все ли на местах, не нужно ли чего? Как там артиллерия?

В колонне войск не столь много. Кроме присоединившихся полков, в голове следует атаманский, численностью вдвое больше обычного казачьего. Но в нем оставалось из десяти сотен лишь три: остальные с генералом Кутейниковым в отрыве. Были еще татарский, да башкирский полки, и калмыцкий. А из артиллерии — две пушки второй донской конной роты.

Стояла по-летнему свежая ночь. Вдали огненными сполохами играли частые зарницы. Небо черное, бархатное, на нем перемигивались большие звезды.

Матвей Иванович мысленно отметил, что сегодня уже 26 июня — самая короткая ночь. А может, уже удлинилась? И направился, неслышно ступая, вдоль дороги, где расположились утомленные казаки.

За ним пошел было и ординарец, но генерал сказал:

— Оставайтесь!

Пройдя немного, Матвей Иванович остановился, услышал:

— Это что же, так и будем все тикать да тикать? — голос был чистый, ломкий и принадлежал явно молодому, из недавно прибывшего с пополнением казаку.

— Не тикать, Гаврила, а отступить, — возразил ему другой голос, густой с легкой, от табака, хрипотцой. — Зараз хранцуза рази остановишь...

Там, где лежали казаки, волчьими глазами светились красноватые точки сигарок. Они то ярко разгорались, то, теряя силу, медленно угасали. Тянуло дымом махры и крепкого пота.

— Барклай, видать, дюжа пугливый. Боится Палевона и батюшке Платову не разрешает бить, — продолжал настаивать молодой.

— Дурак ты, Гаврила! — возразил другой голос. — Матвей Иванович хранцуза заманивает. Он его, как рыбу в вентерь, приглашает. Вот втянется хранцуз поближе, так он его — хлоп! — чтоб юшка из него потекла...

Матвей Иванович улыбнулся. Ишь ты, военачальник! Вентерь! Он представил эту нехитрую казацкую снасть, которой сам не раз мальчишкой пользовался на рыбалке. На ивовые прутья, скрученные в кольца, одно другого меньше, натягивалась сеть. У входа — небольшое круглое отверстие с недалекой приманкой, а уж конец ее — совсем мешок. Рыба, идя на приманку, заходила в вентерь — и оказывалась в ловушке, назад хода нет.

Вот казаки и называли вентером боевой прием, который издавна применяли в сражениях. Даже мальчишки-казачата, играя в войну, тоже пускались в хитрость, одной ватагой заманивали другую в ловко скрытую засаду. Когда же бывали верхом на конях, то учились ходить лавой: с гикой, свистом, широко рассыпавшись по степи, неслись навстречу воображаемому неприятелю.

— О чем гутарите, станишники? — подал голос Матвей Иванович.

Казаки разом вскочили.

— Андрей Кругалев, ваше превосходительство, кумекаст насчет вентера. Гутарит, будто счас в самый раз загонять француза заместо рыбы.

— А ты кто таков, молодец?

— Урядник Сивков, Анисим Сивков из станицы Медведицкой.

— Правильно, я вам скажу, гутарит казак Кругалев. Только момент нужно подгадать: чтоб наверняка, значит.

— Да уж были, видать, такие моменты. — Матвей Иванович уловил в голосе урядника упрек. Но сделал вид, будто не заметил.

Прав казак, ох как прав! Доколе же отступить? Давно бы пора бить неприятеля. В какой-то мере оправдывала необходимость объединения армий Барклая и Багратиона. Но когда это соединение произойдет? И сумеют ли выполнить задуманное?

И тревожило от мысли, что не так уж далек Минск, к которому они отходят, а за ним Смоленск. И — Москва... При воспоминании о Москве у Матвея Ивановича сердце обливалось кровью. Неужто французы достигнут ее? Нет! Нельзя этого допустить! Никак нельзя!

Не хочет Барклай дать неприятелю сражение. Ну, коли он не желает, так казаки это сделают. Устроят знатный вентерь. И мысль об этом не выходила из головы атамана. Ехал верхом впереди колонны, а сам все размышлял: как, и где, и какие куда поставить полки, чтоб ударить, так уж наверняка.

В полночь, когда прошли селение, прискакали из охранения казаки.

— Доставили, ваше превосходительство, офицера. Сказывают, к вам ехал.

— Где он? Пусть доложит, с чем приехал?

— Адьютант командующего 2-й армии князь Меншиков, — отрапортовал прибывший. — Имею честь доставить от его сиятельства пакет.

— От Петра Ивановича? Где он? Далеко ли?

— С частями армии.

Главнокомандующий, поддерживая связь, аккуратно посылал и просьбы, и распоряжения, и просто адъютантов, через которых сообщал Матвею Ивановичу важные вести и получал сведения о неприятеле и обстановке.

— Что пишет князь Багратион? — вскрыв засургученный пакет, генерал поднес к фонарю бумагу.

Багратион писал, что по достижении корпусом местечка Мир следует занять его и непременно удерживать. На помощь казакам подойдет с отрядом генерал-адъютант Васильчиков, у которого три конных и два пехотных полка. Полки Иловайского и Сысоева тоже остаются в подчинении его, Платова. С этими силами и следует дать французам бой. Далее князь требовал захватить крайне нужного ему пленного. И еще писал, что если силы противника будут весьма превосходными, тогда можно ретироваться.

— Ретироваться? — генерал недовольно хмыкнул. — Мы и так уж какой день ретируемся. Это какая была станица? — По казачьей привычке он называл деревни и селения станицами.

— Это и есть местечко Мир, — ответил полковник Шперберг. (Он числился при Багратионе, но тот направил его к Платову для выполнения обязанностей дежурного офицера.)

— Ну, стало быть, здесь и дадим французу бой.

— А рядом с нами деревня Симаковка, — посмотрел на карту Шперберг. Свет упал на его длинное, с запыленными бакенбардами лицо.

— Вот-вот. Как раз и поставим вентерь.

— Как изволили назвать? Вентерь? — уставился полковник.

— Вентерь. Ну да потом поймешь.

Прочитав распоряжение Багратиона, Платов неторопливо свернул лист, вложив в конверт.

— Нужно Петру Ивановичу незамедлительно отписать. Я продиктую. А пока передайте в полки, чтоб располагались на местах и ждали указаний, пока не получают диспозиции. Князь Меншиков ее доставит назад.

— Дозвольте просить, ваше превосходительство, остаться здесь, — заявил тот.

Матвей Иванович повернул голову на голос:

— Ну-ка, покажись, князь, каков ты.

Казак-ординарец поднял фонарь, осветил лицо Меншикова, русоволосое, моложавое, с открытым взглядом.

— Что так? — сощурил глаз генерал.

— Хочу в деле побывать. Уважьте.

— В деле? Ладно. Оставайся. С донесением другого отправим. А сейчас, полковник, приготовьтесь отписать Петру Ивановичу.

Худой, слегка сутуловатый Шперберг с карандашом в руке поднес к фонарю лист.

— Я готов.

— Стало быть, пиши... Рапорт князю Багратиону... предписание вашего сиятельства я получил... И имею долг донести, что все предписанное вами исполнено мною будет в точности.

Уставившись в одну точку, что было признаком глубокого раздумья, Матвей Иванович щурил глаза и пощипывал коротко стриженный ус.

— Пиши далее. Я теперь нахожусь по сию сторону местечка Мир... близ оно, а в Мире с полком полковник Сысоев...

— Совершенно точно, ваше превосходительство, — заметил подъехавший адъютант. — Полковник Сысоев там.

Генерал недовольно посмотрел на адъютанта, однако не выговорил тому за неуместное вмешательство. Продолжал диктовать:

— Впереди Мира по дороге к Кареличам поставлена в сто человек застава... как для наблюдения за неприятелем, так и для заманки его оттоль ближе к Миру.

Карандаш бойко бегал по бумаге, едва успевая за словами генерала. На листе с трудом читались каракули недописанных слов.

— А по сторонам, направо и налево, в скрытых местах сделаны засады... Каждая по сто отборных казаков... называемая вентерь... Чуешь теперь, полковник, что это за вентерь? И еще пиши: ежели удастся сим способом заманить неприятеля, тогда будет не один пленный в руках наших.

— Каким числом означить рапорт? — закончив писать, спросил Шперберг. Начинаясь уже вторая половина ночи.

— Двадцать шестым. Пусть знает князь Багратион, что наши ответы идут ему незамедлительно. Перепиши, полковник, набело, а я поморокую над картой.

Когда диктовал рапорт, он мысленно наметил план засады, и теперь нужно было назначить для дела опытных есаулов, которые бы возглавили казачьи сотни.

— Ваше превосходительство, отдохнуть бы, — подал неуверенный голос адъютант. — Хату нашли подходящую.

— Кинь охапку сена да бурку дай. В такую ночь только и спать под небом.

Утром вместе с казачьими начальниками Платов выехал за местечко Мир, в сторону неприятеля. Проехав деревню Кареличи и версты две, поднялся на придорожный холм, с которого открывался широкий вид с уходящей вдаль дорогой и перелесками по сторонам от нее.

— Вот здесь и будем замышлять, — оглядевшись, объявил он.

— Отменное место, Матвей Иванович, — высказался за всех генерал Иловайский.

Платов будто и не слышал одобрения: уставился вдаль, оценивая вглядываясь в лежащие впереди холмы и лесные опушки. Остальные выжидательно молчали.

— Есаул Зазерсков! — позвал он командира сотни из атаманского полка.

— Слушаюсь, ваше превосходительство! — рявкнул рыжеусый есаул.

— Твоей сотне, Зазерсков, — наитруднейшая задача. Как ты самый сметливый — тебе и задача хитрая. Заманить французов нужно.

— Это мы зараз, — произнес тот, явно польщенный.

— Поедешь с сотней вперед версты на три, а может, и боле. Выберешь позицию на

месте. И станешь там заставой. Как покажется неприятель, так по нему пали из ружей. Останови и не подпускай, пока поболе француза не накопится. А как соберутся, так начинай по этой дороге отходить. В схватку не ввязывайся. Выжди до поры, и казаков на сей счет предупреди. Ваше дело — заманить. Понял, Зазерсков? — генерал уважительно поглядел на есаула.

— Все понял, — отвечал тот.

— Ну то-то! Да не забудь вестового прислать, как дело начнется.

— Непременно! — в ответе слышалось не только удалство, но и готовность сделать все в точности, как требовал начальник.

— А теперь очередь Санджи Бадмаева. Эй, Санджи!

— Слушаю-с, — подал голос калмык на низкорослой, гривастой лошади.

— Твоей сотне укрыться во-от в том лесу, — указал генерал на видневшуюся справа от дороги опушку. — Сидеть там и ждать. И не обнаруживать себя прежде времени. А время твое — когда французы спустятся в ту балочку. Тогда и обрушивайся на них лавой. Твои молодцы умеют это.

— Ха! — воскликнул калмык. — Сделаем обязательно так!

— А ваш полк, генерал Иловайский, ударит по хвосту французов слева. А до того находиться в укрытии, там есть балочка.

Тут выступил адъютант Меншиков:

— Дозвольте ехать с сотней есаула Зазерскова?

Платов испытующе поглядел на офицера.

— С Зазерсковым не пущу. Тут нужна казачья хватка, а ты не казак. Вот в полк Сысоева — извольте.

— Благодарен и на том.

— Только будь осторожен, сударь, не рвись. Уж я-то знаю, как в первый бой скажут.

Высланная для заманки сотня заняла позицию на гребне небольшого перевала. Часть казаков спешила и укрылась, а другая выбралась на гребень и залегла, чтоб удобней было целить из ружей. Четырех же казаков Зазерсков направил вперед дозором. Старший урядник Сивков — казак дородный, неустрашимый в бою. В одной схватке турецкий ятаган оставил на его щеке след.

Вместе с Сивковым поехал усач Андрей Кругалев — земляк урядника, еще Семен Борода — с черной окладистой бородой — и молодой казак Гаврила Карнаухов. В бою он еще не бывал, однако же в дозор сам напросился.

— Поезжайте не шибко далеко, вот до того дерева, — указал есаул на видневшийся вяз. — Если хранцуза не узрите, поезжайте трохи дале. А у дерева оставьте одного. Завидите неприятеля, шапкой дайте знать. Вот так. — Есаул Зазерсков сдернул с головы казачью фуражку, насадив ее на пику, поднял над головой. — А еще, Анисим, помни: от хранцуза сразу не тикай, помани его маленько, притяни на себя поболе сил.

— Само собой, — отвечал Анисим Сивков.

У вяза дозор, как требовал есаул, осмотрелся и, оставив Семена Бороду, поехал дальше.

Первым заметил всадников Гаврюха Карнаухов.

— Дядя Андрей! Никак хранцуз...

У лесной опушки ехали трое. Даже издали по незнакомой форме казаки безошибочно признали в них неприятельский дозор.

— Поедем трохи еще, будто бы не заметили, — решил урядник Сивков.

Но не проехали они и полусотни сажень, как на дороге показался в строю эскадрон.

— Вот теперь и начнем игру. — И урядник, засунув в рот пальцы, свистнул так, что его лохматый конек шарахнул в сторону. — Эге-гей! — закричал он и замахал фуражкой. И тут же направил в сторону неприятельского дозора.

— Да ведь это хранцузы! — закричал опять Гаврила.

— Поехали-поехали, — хлестнул коня Кругалев, держась урядника.

Неприятельский дозор остановился. Из леса к ним подъехали еще с десятков всадников.

Посоветовавшись, они, рассыпавшись по полю, помчались к казакам.

— А теперь поворотим назад! — Сивков хлестнул коня плеткой. Тот, как ошпаренный, сиганул и, взбрасывая комя, рванул к дороге.

За урядником, стараясь не отстать, поскакал и Гаврила с усачем Кругалевым.

— Не отставай, Гаврюха-а! — кричал тот, пришпоривая коня.

Гаврила оглянулся: за ним мчались в пестрой форме всадники. Потом послышались выстрелы, и одна пуля пролетела над самой головой парня, едва не задела. А может, так ему показалось.

Но тут из-за дерева выехал Семен Борода с ружьем и пальнул по французам,

— Борода! — вскричал урядник. — Нашим дал знать?

— А то как же!

— Тогда тикай!

Теперь уже за ними пустились в погоню и всадники из того эскадрона, что двигался по дороге.

Бешеная скачка продолжалась до гребня, где находилась сотня есаула Зазерскова. Здесь залегшие казаки встретили преследователей залпом из ружей, остановили их.

Это был авангард колонны генерала Турно, состоящий из польских улан, предводительствуемых ротмистром Суминским. Как и многие служившие у Наполеона польские шляхтичи, ротмистр был самоуверенным и даже с долей спесивости человеком.

Пока уланы, не смея атаковать русских, гарцевали на своих поджарых конях, подскакал и сам ротмистр.

— Ну, что стоите, пся крев! Испугались горстки каких-то...

Он не договорил. Из-за гребня выскочила сотня всадников на лохматых низкорослых конях и понеслась прямо на великолепных по виду улан.

Они неслись, выставив вперед длинные пики и пригнувшись к головам коней. Положились на ветру длинные гривы и хвосты степных скакунов, и, казалось, эту устрашающую лаву ничто не могло сдержать.

— К бою! Клинки вон! — крикнул ротмистр. Заиграл рожок. Но казаки врезались уже в строй. Гаврюха еще издали заметил усатого улана. Забыв обо всем и не видя ничего, кроме этого всадника, парень выставил далеко вперед пику, целя острием в грудь.

Но улан уже поднял в замахе саблю. Парню, однако ж, удалось поразить врага раньше. Выпустив оружие, улан вылетел из седла. Если бы не ремешок на локте, наверняка бы пика выскользнула из руки казака. А рядом с Гаврюхой рубились Семен Борода и Андрей Кругалев.

Поразив улана, Андрей заметил чернявого и жилистого офицера. Конь под ним горячий, верткий. И офицер — умелый всадник.

«Вот бы достать такого конька! — пронеслась у казака мысль, и он ударил в бока своего гнедка. — Дротиком его ссажу». — И выбросил вперед пику.

На солнце блеснуло трехгранное острие-копейцо, насаженное на конец.

— Гей! Гей! — устрашающе крикнул Андрей, несясь на офицера.

Однако тот не испугался, увернулся от пики, а потом полоснул своей саблей по ратовищу так, что верхняя ее часть с металлическим наконечником отлетела напрочь.

— Ах, ядрить твою! — обозлился казак. — Ну уж погодь!

Бросив обломок, он выхватил из ножен саблю.

В бешеной схватке они оттеснили других и возле них образовалась площадка. Всадники кружили на ней, стараясь переловчить один другого, чтобы поразить наверняка. Сабли звенели, сыпались искры.

Казак бросался на офицера, но тот умело отражал удары и сам переходил в атаку. И раз сделал такой ловкий выпад, что сабля казачья вылетела из руки Андрея, будто и не было у него ее совсем. Он оказался безоружным. Тогда казак выхватил из голенища полусапог нагайку. Она сплетена из тонких гибких ремешков, толщина плетенки в палец, длиной же — в аршин. И подвязана к короткой деревянной рукояти. Черной змеей опоясала плетенка шею

и плечо офицера. Офицер вскрикнул и, выронив саблю, упал с коня.

Эскадрон улан смят. На земле лежат тела в яркой, щеголеватой одежде, носятся обезумевшие без всадников кони.

— Увиливай в кусты! В кусты! — кричал есаул Зазерсков.

Казаки с трудом поворотили разгоряченных коней и пустились наутек. Вентерь продолжался.

— Увиливай! Увилива-ай!

Начальник французской колонны Турно наблюдал издали в подзорную трубу.

— Сволочи! Труссы! Они отбиваются и бегут! Проучить их!

И вдогонку за казаками помчался не эскадрон, а полк. А за ним еще один.

— Уничтожить этих трусов! — неся вдогонку разгневанный голос военачальника.

Казаки летели напрямик через хлебное поле, что раскинулось по обе стороны дороги. Впереди деревня Кареличи. Но в ней они не задержались.

Зато французы обошли ее с двух сторон: с каждой — полк. И еще один — несколько поодаль.

И тут справа из леса с гиком вырвалась конная лава. Это сотня калмыцкого полка. А слева обрушились на дальний неприятельский полк казаки генерала Иловайского.

Платов верхом на сером скакуне с нетерпением поглядывал на развернувшуюся сечу. Его волнение передалось и коню. Тот горячился, бил копытом, нетерпеливо кусал удила.

— А теперь, донцы-молодцы, ударим и мы напоследок!

И, не оглядываясь, уверенный, что за ним непременно бросится полк Сысоева, хлестнул коня...

Рапорт М. И. Платова П. И. Багратиону:

«Извещаю с победой, хотя с небольшою, однако же и не так малою, потому что еще не кончилась, преследую и бью. Может быть, и весь шести полков авангард под командой генерала Турно и Радзиминского погибнет. Пленных много, за скоростью не успел перечесть и донести. Есть штаб-офицеры и обер-офицеры. С Меньшиковым донесу.

А на первый раз имею долг и с сим Вашего сиятельства поздравить. Благослови господи более и более побеждать. Вот вентерь много способствовал, оттого и начало пошло».

На пути к Смоленску

В ночь на 12 июля корпус Платова подошел к Днепру. Почти месяц казачьи полки находились в арьергарде отходившей через Могилев к Смоленску 2-й армии, отбивая бесчисленные атаки врага.

Часто они сами нападали, теснили неприятеля, чтобы дать возможность пехоте Багратиона оторваться от преследователей.

Место переправы было определено заранее — у Ворколобово, и полки, соблюдая порядок и очередность, переправились через реку.

Вскоре нарочный доставил Матвею Ивановичу пакет. Это было распоряжение командующего 1-й Западной армии Баркляя-де-Толли: «Я собрал войска на сегодняшний день в крепкой позиции у Витебска, где я приму неприятельскую атаку и дам генеральное сражение. В армии моей, однако же, недостает Вашего войска. Я с нетерпением ожидаю соединения оного со мною, от чего единственно зависит ныне совершенное поражение и истребление неприятеля. Я надеюсь, что Вы удовлетворите нетерпению, с коим Вас ожидаю, ибо Вы и войска Ваши никогда, сколько мне известно, не опаздывали случаев к победам и поражению врагов».

Прочитав письмо, Матвей Иванович нервно кашлянул, не скрыл на лице досады. Вот уже какой раз получал он от Баркляя подобные распоряжения. И каждый раз излагаемые в форме просьбы предписания оставались им неисполненными. Уход казаков поставил бы

армию Багратиона в чрезвычайное положение, и вряд ли тогда пехота смогла бы устоять против превосходящих сил французов.

«Отвечу поутру, — решил он. — Утро вечера мудренее».

Но утром привезли письмо от начальника штаба 1-й армии генерала Ермолова. Тот писал: «Мы третьи сутки противостояем большой неприятельской армии. Сегодня неизбежно главное сражение. Мы в таком положении, что и отступить невозможно без ужаснейшей опасности. Если Вы придете, дела наши не только поправятся, но и примут совершенно выгодный вид. Спешите».

Платов уважал Ермолова за военные способности, решительность, храбрость. Знал, что уж если тот просит, то отнюдь не без основания. Но как уходить, оставив армию Багратиона без надежного прикрытия? Не напрасно же так рвутся к ней превосходящие силы короля Вестфальского Жерома Бонапарта — младшего брата Наполеона!

В неторопливом раздумье Матвей Иванович стал писать ответ на поступившие просьбы, адресуя письмо генералу Ермолову. В нем он пытался объяснить целесообразность своих действий и доказать невозможность прибытия в 1-ю армию. Нет, никак нельзя бросить 2-ю армию, уйдет — и ей без прикрытия будет весьма худо. Не может он сделать того, что от него требуют.

Барклай задержку с прибытием к нему корпуса Платова оценивал совсем по-иному. Изливая желчь на атамана, он писал Александру, что Платов поставлен на слишком высокую степень, не имеет достаточного благородства в характере к было бы величайшим счастьем для войск, если бы нашли возможным под каким-нибудь предлогом удалить его из армии. При этом можно было бы возвести его с графское достоинство, чего он желает более всего на свете.

А казачьи отряды и разъезды меж тем наводнили все пространство, в котором находились французские войска. Они парализовали сообщение между неприятельскими частями, движение обозов, работу тылов, вынуждали противника проявлять чрезмерную осторожность, тормозили его движение. Часто, проявляя необыкновенную отвагу и дерзость, они нападали, нанося врагу ощутимые потери.

Так, полк войскового старшины Сысоева в пяти верстах от Могилева столкнулся с французским кавалерийским полком. Не раздумывая, командир приказал атаковать неприятеля. Казаки сделали это с такой лихостью, что в течение получаса враг был совершенно рассеян. Более двухсот французов, в том числе и несколько офицеров, попали в плен. Преследуя оставшихся, казаки доскакали до Могилева, ворвались на окраину города. В неприятельском стане поднялся переполох, открыла огонь артиллерия, но казаки словно растаяли.

Располагая семнадцатью конными полками и двумя ротами артиллерии, Платов парализовал движение французов на значительной территории перед Смоленском. Корпус стал щитом, прикрывшим 20 июля соединение двух армий в районе Смоленска.

Отступление русской армии и потеря значительной территории вызвали у народа возмущение проводимым Барклаем планом войны. Русские люди требовали остановить врага, дать генеральное сражение и разгромить его. Барклай вынужден был уступить. 26 июля обе армии двинулись из Смоленска к Рудне, навстречу французским силам. Впереди, в авангарде, находились донские полки генерала Денисова.

27 июля у деревни Молево Болото авангард столкнулся с французскими гусарами. По своей привычной тактике казаки устремились неприятелю во фланг. Поняв угрозу, французы бросились назад к Рудне, откуда уже спешила на помощь пехота и кавалерия.

В свою очередь подоспевший атаман Платов, оценив обстановку, усилил авангард. На опушке леса развернула орудия и открыла по неприятелю беглый огонь донская батарея.

Французы не дрогнули. Пехоте удалось приблизиться к орудиям. Казалось, еще немного — и солдаты ворвутся на огневые позиции и овладеют пушками.

Но Платов предвидел исход: два полка он держал в засаде, они вынеслись из укрытия в

тот момент, когда чаша весов начала было склоняться на сторону врага. Восемь верст казаки преследовали неприятеля. Сам генерал Себастиани едва спасся, бросив документы.

Наполеон вынужден был изменить план наступления, теперь его войска двинулись вдоль левого берега Днепра с надеждой внезапно ворваться в Смоленск, после чего выйти в тыл русским войскам и вынудить их вступить в генеральное сражение. Но и этот план был сорван активными действиями русских, в том числе и казачьих частей.

Три дня продолжалось сражение за город. В ночь на 6 августа Смоленск был оставлен, и русские войска отошли к востоку.

Таким образом, план Наполеона навязать русской армии генеральное сражение был сорван. В значительной степени этому способствовал казачий корпус Платова.

В те дни прусская газета, ссылаясь на письма из главной квартиры Наполеона, писала, что русский генерал Платов с казаками одержал немалые выгоды над корпусом его королевского величества, а особенно над кавалерией, которая совершенно расстроена.

А газета Копенгагена сообщала, что после схватки с войсками Платова король Вестфальский (Жером Бонапарт) занемог и, оставя корпус, отправился в свою столицу. Его корпус потерял весьма много.

Итак, оставив Смоленск, русские войска отошли. Их отход прикрывали казачьи полки

Бородино

22 августа прикрывавший отход главных сил арьергард, куда входили и казачьи части, вел бой с французскими войсками в тридцати верстах от села Бородино.

Платов находился у опушки леса, наблюдая, как казаки, спешившись, вместе с егерями пехотного полка отражали ружейным огнем неприятельскую атаку. Из опасения, что конница сможет их обойти, Платов держал наготове поблизости, в лесу, атаманский полк.

Тут и подскакал верховой, офицер из главной квартиры.

— Срочный пакет, ваше превосходительство. Приказано вручить лично вам.

Это было распоряжение на передислокацию. Казачьим полкам предписывалось к вечеру 23 августа, войдя в резерв правого крыла, скрытно расположиться в Масловском лесу.

— Неужто для генерального сражения? — спросил Матвей Иванович прибывшего.

— Будто бы так, — отвечал тот. — Слышал, что князь Кутузов решил наконец дать Наполеону сражение.

— Пора, давно пора...

О генеральном сражении много говорили, даже требовали, заявляя, что Барклаю безразличны интересы русского народа и пора ему уступить власть.

Сам Матвей Иванович со свойственной ему прямоотой и недвусмысленностью писал Барклаю, настаивая на решительном сражении:

«Докудова мы, Михаил Богданович, будем терпеть сие? Долгом своим поставлю довести до вашего сведения необыкновенный образ войны, употребляемый неприятелем, приличным варваром... Мочи нет более терпеть...»

17 августа, когда армия находилась у Царева-Займища, недалеко от Гжатска, приехал новый главнокомандующий, князь Кутузов.

Получив распоряжение, казачий атаман облегченно вздохнул.

— Постой-ка, братец, — задержал он посланца, — помоги разобраться в сей письменюге.

Они нашли на карте село Бородино, лежащее на Новой Смоленской дороге, восточнее его находилось на возвышенности село Горки, а за ними — Масловский лес.

— Вот здесь вам и сосредоточиться, — пояснил офицер, отмечая карандашом на карте.

— Ну, спасибо, братец, за добрую весть. Разметим эту нечисть и помаленьку тронемся. Доложи князю, что в назначенный срок будем на месте.

Через полчаса из лесу вылетела конная лава и понеслась на неприятельские цепи. Вскоре после боя под прикрытием арьергарда полки начали отход к Масловскому лесу.

А в это время новый главнокомандующий Михаил Илларионович Кутузов, объехав перед тем местность будущего сражения, писал донесение императору:

«Позиция, в которой я остановился при селе Бородино, в 12 верстах впереди Можайска, одна из наилучших, какую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь исправить посредством искусства».

Местность предстоящего сражения была действительно удобной. Она позволяла выгодно разместить войска и, встретив превосходящего в силах врага, не только навязать свою волю, но и выбить у Наполеона инициативу. Фланги русских войск — наиболее уязвимые места боевого построения — прикрывались справа рекой Москвой, а слева — лесом. Восточная часть поля возвышалась над западной, что тоже давало преимущество. В то же время находившиеся в западной части овраги и реки не позволяли французской армии свободно маневрировать и создавать большие колонны.

Русские войска согласно диспозиции делились на четыре группы: правое крыло, центр, левое крыло и резерв. Ими командовали: правым крылом и центром Барклай-де-Толли, левым Багратион. Резерв подчинялся самому Кутузову, который избрал свой командный пункт на правом фланге, у деревни Горки, через которую проходила Новая Смоленская дорога. Именно поэтому Кутузов и сосредоточил там основные силы, чтобы надежно прикрыть главное направление.

По предварительным данным численность французской армии составляла 135 тысяч человек, у русских же она доходила до 120 тысяч.

Казачьи полки прибыли вовремя к указанному месту. А наутро произошел случай, который, хотя и остался многим неведомым, однако имел серьезное для сражения значение.

Аниська Круглов — казак из полка Иловайского, возвращаясь из дозора, заметил зайца. Русак выскочил из-под куста и, взбрыкивая задом, поскакал через поле.

— Ах ты, серый! — воскликнул Аниська и, вложив пальцы в рот, озорно свистнул.

И вдруг, то ли оттого, что не было начальства, а может, по молодости лет — парень служил всего первый год, — в нем все разыграло, и он, хлестнув коня, пустился в погоню за косым.

Описав дугу, заяц понесся напрямик через пашню в сторону расположения французов.

— А вот не уйдешь, шельма! — хлестнул Аниська конька.

Заяц несся стрелой, казак за ним. Расстояние сокращалось. Но тут на пути выросла роща, и заяц метнулся в нее. Роща небольшая и не густа, но пока Аниська проскакал ее, заяц успел удалиться.

Не выдержав, парень сорвал с плеча ружье и, придержав конька, прямо с седла пальнул в косога. Тот подскочил колом почти на сажень от земли, перевернулся и упал.

— Никак подбил! — поспешил к нему Аниська.

Но заяц вдруг ожил и опять бросился наутек.

— Ах ты ж паршивец!

Все-таки казак загнал зайца, прибил. Радуюсь трофею, сунул в переметную суму, а потом уж огляделся и сам испугался:

— Эх, ма! Да ить не иначе, как заскакал к хранцузам. Даже внутри похолодело. — На всякий случай снял ружье, зарядил. — Чертов косога! Из-за этакой живности и полонить смогут. — И Анисим, хлестнув конька, поспешил назад.

К своим он добрался благополучно, однако от хорунжего Храпкова ему досталось. Особенно, когда тот узнал, что гонял зайца.

— Нашел чем заниматься! Да ты сам навроде зайца угодил бы в лапы хранцузам.

— А там никого не было, — отвечал казак.

— Не было хранцузов? — усомнился сотник. — Брешешь!

— Святой истинный крест: ни единой души! Кабы повстречали, рази бы вернулся...

Когда весть, что казак Круглов побывал у французов в расположении, долетела до Платова, атаман повелел:

— Мигом того казака ко мне!

В присутствии генерала Иловайского Матвей Иванович выслушал Аниськин рассказ. А выслушав, приказал выслать в том направлении дозоры и непременно пленить неприятеля, если подвернется на пути. И еще потребовал, чтобы забрались подалее в глубину неприятельского расположения. Сам же поспешил к главнокомандующему.

Михаил Илларионович Кутузов был не один: рядом с ним сидел высокий, сухопарый Барклай-де-Толли. Оба размышляли над картой.

— Так ты говоришь, что казак был в неприятельском расположении? За его левым крылом? И беспрепятственно туда проник? — переспросив Матвея Ивановича, Кутузов склонил над картой седую голову. Тяжело дыша, он вглядывался единственным глазом в то место на карте, где находилось за речкой селение Малое. Оно лежало на невидимой границе огромного поля предстоящего сражения. Далее на север, за лесом протекала Москва-река.

— Совершенно точно, ваша светлость, — ответил Матвей Иванович. — У селения Малое тот казак перебрался через Колочу, а потом скакал на заход, сиречь, на запад.

Наступила пауза. Главнокомандующий напряженно думал. На виске, у красновато-сизого шрама, оставленного турецкой пулей, нервно пульсировала жилка. На другом виске, где та пуля вылетела, виднелся тоже шрам. И еще на большой голове был один шрам.

«Вот уж кого бог миновал. Две раны, обе в голову, обе смертельные», — отметил про себя Платов.

— Так-так, — сказал неопределенно главнокомандующий и постучал в раздумье пальцем по столу.

Зато Барклай проявил дотошность.

— Кто доложил вам эту весть? — спросил он таким тоном, будто и сейчас был военным министром и главнокомандующим. Холодно поблескивала лысина яйцеподобной головы. Взгляд полон достоинства и высокомерия.

— Доложил забредший казак.

— Казак? Простой казак?

— Совершенно точно, ваша светлость. Казак из станицы Аксайской. Анисим Круглов.

— Послушайте, атаман! Можно ли верить простому казаку?

— А почему же не верить, ваша светлость? Уж если не верить своим солдатам, кому ж тогда верить?

Тут вмешался в разговор Кутузов.

— Случай сей утверждает задуманное мной ранее. А ранее замыслил я ударить в разгар сражения конницей по левому неприятельскому крылу. Как раз там, где неразумный казак гонялся за зайцем. Вот какие бывают совпадения. А по сему быть, тебе, Матвей Иванович, в полной готовности к рейду в неприятельский тыл. Чтобы пошебуршить там возможно более, да заставить неприятеля приковать к себе часть сил; тем самым мы облегчим участь нашего войска, которое будет действовать с фронта.

— И когда же, ваша светлость, последует на сей рейд команда?

— В разгар сражения. Как сложатся к тому выгодные обстоятельства. А для пущего удара присовокупим к делу и корпус Уварова. Твои казачки до утра пусть находятся в лесу, а потом их переместим на новое место. Оттуда и начнется рейд. А казачьими полками надобно ударить вот куда. — Кутузов пригласил Матвея Ивановича к карте. Платов подсел к столу, склонился вместе с фельдмаршалом над картой. На ней разрисованные цветные квадратики и прямоугольнички, означающие войска, свои и неприятеля.

Водя пальцем, фельдмаршал стал объяснять, как надобно казакам действовать; куда пробиться, что атаковать, да как предупредить ответный неприятельский удар, чтоб он не был для казаков неожиданным.

И еще приказал нынешней ночью провести разведку, но так, чтобы на рассвете разъезды непременно бы возвратились, потому что с утра начнется генеральное сражение. — Дозоры нужно пустить веером, и шире. Правые крайние пусть прочешут местность до самой

Москва-реки, а левые — к Беззубово и далее, — объяснял фельдмаршал. — Туда, к Беззубово, подойдет корпус генерала Уварова. Задачу ему поставлю днем. Сам же буду находиться на возвышенности у Горок. Оттуда сподручней наблюдать за сражением. Возникнет надобность — ищи меня там.

Возвращаясь, Платов, изливая на Баркляя досаду, рассуждал:

«Хороший ты генерал, Михаил Богданович! И видом своим и умом взял! Только как был немцем, так им и остался, хотя и служишь в русской армии. Видно, до гробовой доски не понять тебе русской души. Как же можно не доверять казаку, который защищает отца и мать свою, жену да детей-малолеток от врага?» — И еще он вспомнил, как на одном совещании в Петербурге, Барклай, будучи военным министром, говорил, что для поддержания дисциплины необходимо ввести в армии военную жандармерию: чтобы непременно все узнавали и тайком доносили.

Солнце склонилось к самому горизонту, и долгая тень от коляски терялась в поле необранной и звенящей колосьями ржи. Лошади бежали резво, и под сиденьем изредка поскрипывало. В теплом воздухе, сдобренном запахами близкого поля, конского пота и дорожной пыли, чувствовалась свежесть подступающей осени. И глухие взрывы, доносившиеся издали, казались лишними в этой мирной благодати.

Весь день на южном крыле изготовившейся к генеральному сражению русской армии гремел бой: у деревни Шевардино схватились русские полки с французским авангардом. Бой был упорным, кровопролитным и завершился только к вечеру. Французы овладели редутами и теперь на них укрепились.

Миновав поле, коляска вкатилась в лес, и колеса запрыгали по корневищам могучих дубов и вязов. В лесу было тихо, свежо, и недвижимые деревья словно застыли в ожидании ночи. В стороне завиднелись бивуаки с обозными повозками, огнями костров, слышались голоса и тянуло горьковатым дымком.

Коляска подкатила к лесной бревенчатой сторожке, и казак-ездовой с трудом сдержал распаленных лошадей. Тпру, чертяки! — натянул он вожжи.

Матвей Иванович уперся в край коляски и, чувствуя грузность большого тела, неспешно ступил с подножки. — Сей момент ко мне Иловайского, Балабина да Власова! — приказал он подвернувшемуся сыну Ивану. — Да распорядись каганец засветить! Дело срочное!

Иван Платов служил есаулом в атаманском полку. Ему шел девятнадцатый год. Шесть лет назад по настоянию отца есаул Греков — будущий зять Матвея Ивановича, муж его младшей дочери Марии — увез парнишку из дому. Атаман тогда писал, что Ивану скоро тринадцать лет, в эти годы сам он не расставался с седлом да пикой, пора и Ивану к делу привыкать. Так что пусть Греков немедля везет казачка за Днестр. При этом строго наказывал в походе спуску Ивану не давать, требовать, как с любого другого. Поблажками да слабинкой настоящего казака не сделаешь.

Ивана облачили в форму, подобрали двух добрых коней, оружие. По прибытии на место зачислили в атаманский полк, а там назначили под команду опытного и умного урядника.

Вскоре необстрелянный казачок принял участие в деле и показал лихость. А еще через год он участвовал во взятии крепости Бабадаг, потом штурмовал Гирсово.

Отец не спешил продвигать его по службе. По опыту знал, какой бедой может обернуться торопливость: неопытный командир пагубен и для себя и для подчиненных, да еще и тень бросит на атаманово имя. Три года походной службы было за спиной Ивана, когда его произвели в сотники. Это было в июне 1811 года. Зато чин есаула получил уже в феврале. Стал командовать сотней.

Денщик Степан проворно выставил на стол два медных подсвечника, чиркнул серняком. Хотел еще чем-то угодить, но Матвей Иванович отстранил:

— Не мельтеши! Нужон будешь — позову.

Первым прибыл Власов, небольшого роста, кряжистый и по-казачьи кривоногий

подполковник.

— Как полк, Максим Григорьич? Готов ли сей момент выступить? — спросил Матвей Иванович, пытливо взглядываясь в командира.

— Все в порядке, ваше превосходительство. Коли нужно, готовы хоть сейчас на конь.

— Тогда дай команду, чтоб готовились к выходу. Дело предстоит.

Сын Иван насторожился.

Стуча подковами каблуков, вошел высокий, с обросшим густыми бакенбардами лицом генерал. С небрежной лихостью вскинул руку:

— Иловайский-пятый прибыл!

— Садись поближе, Николай Васильевич, — Платов кивком указал на место справа от себя.

Иловайский подсел к столу, стащил с головы папаху.

— Никак дело предстоит? — спросил осторожно.

— Предстоит. Балабин что-то задерживается... Да вот, кажется, и он: легок на помине.

В дверях выросла фигура, Балабин из атаманского полка, плотный, даже несколько грузный, с пухлым лицом.

— Балабин-второй явился, — представился полковник.

Платов в ответ кивнул головой.

— Ну вот, кажется, и все. — Матвей Иванович откашлялся и с твердостью в голосе продолжил:

— Главнокомандующий Михайло Ларионович приказал сей ночью провести разведку неприятельских позиций, что за речкой Колочей. И дело это предстоит выполнить вам.

Стоявший за спиной отца Иван подмигнул Балабину и указал пальцем себе в грудь. Тот неопределенно повел бровью. Тогда Иван склонился над плечом отца:

— Назначьте, батя, и мою сотню. Очень вас прошу. — Как все казаки низовья Дона, где родителей особо почитают, он обращался к отцу уважительно, на «вы».

— Что? Засвербило? Сколь раз сказывал, чтоб не смел давать подсказки! — повысил голос Матвей Иванович.

— Виноват, — тяжело вздохнул Иван.

— Виноват... — Матвей Иванович недовольно крутнул ус. — Ладно уж, возьми и его сотню. Потом доложишь, как она была в деле. А теперь послушай, что делать далее...

В назначенный час, выслав вперед дозоры, полк Власова и сотни атаманцев Балабина тронулись в путь. До Колочи дошли быстро.

Речка Колоча неширока, но за долгие тысячелетия промыла глубокое ложе, и берега ее круты, обрывисты: не всюду переправишься.

Полк Власова сразу же ушел, как приказывал Платов, в сторону деревни Беззубово. Ушли дозоры и из полка Балабина: два — по обе стороны Колочи вниз по течению до самого впадения ее в Москву-реку. А еще один, дальний дозор, возглавил Иван Платов.

Напутствуя его, Иловайский посоветовал:

— Непременно захвати Кирсанова. Может пригодится.

Степан Кирсанов не силен в боевых делах, зато грамотен и, главное, умел говорить по-французски. Отец его — казак зажиточный, сына учил в Петербурге.

Рассказывали про Степана случай, как однажды он удил рыбу и повстречал иностранцев: неподалеку от Аксайской станицы шел тракт из Петербурга на Кавказ. Вышли двое из кареты, стали у Дона и переговариваются по-французски, интересуются, какая дальше будет станица и далеко ли до постоялого двора. «У того вот парня спроси», — указал один на Степана. «Да как же я спрошу, если он по-нашему не понимает?» — возразил второй. А Степка в ответ им по-французски: так, мол, и так, господа, дорога идет далее на Ейск, а до постоялого двора десять верст. Те ахнули: «мужик, а говорит по-французски». «А чему удивляться? — напустил серьезность Степка. — У нас каждый казак гутарит по-французски».

Прежде чем начать двигаться, Иван определил, кто что должен делать, как подать

сигнал при опасности, кто старший в дозорных разъездах. Сам остался в ядре с полутора десятком казаков.

Ночь выдалась не по-летнему свежей; и кони резво шли по дороге. Настороженно вслушиваясь в шорохи, казаки то и дело придерживали их. Иногда Иван приказывал остановиться, фыкал в кулак по-совиному. И в ответ подъезжали связные от боковых дозоров. «Все спокойно», — докладывали.

— Это пока спокойно. Смотрите, чтобы самим в силки не угодить.

Под утро на землю опустился туман. У реки он плотный, однако дозор заметил на противоположном берегу костер.

Спешившись, казаки скрытно приблизились, залегли. Иван прикинул на глазок ширину реки: пять десятков сажен. И глубока, вброд не перейти. У костра вырос человек, помаячил и опять пропал. Француз!

— Будем брать! — решительно сказал Иван. — Пикет их в отдалении, переплывем и схватим.

— Вымокнем зараз, Иван Матвеев, — возразил Степан.

— Не вымокнем. Я знаю способ. — Иван согнувшись, поспешил назад, к коням, там объявил:

— Хорунжий с пятью казаками остается здесь, на берегу, должен прикрыть нас ружейным огнем. А всем остальным расседлать коней!

— Ты что придумал, есаул? — опешил Степан. — Ведь вымокнем!

— Заладил свое, вымокнем, Вот и я о том, чтоб, значица, не вымокли. Расседлывай!

С лошадей полетели седла, сбруя.

— А теперь всем снять порты и остальное, чтоб нагишом быть, в чем мать родила.

Иван первый стащил с себя чекмень, сапоги, чакиры с алым лампасом.

— Может, подштанники оставить, да рубаху споднюю, — передернул плечами Степан. — Дюже зябко.

— Всем как я! Брать саблю да дротики. Ружья оставить.

Иван накинул на голое тело ремень сабли, взял пику и, сверкнув ягодицами, лихо вскочил на коня.

— За мной!

Конь неохотно вошел в воду, фыркнул. Иван вцепился в его гриву. И остальные казаки плыли таким же способом. Раньше, когда были мальчишками, им не раз приходилось переплывать Дон. А уж он-то втроекрат пошире этой реки.

Выбравшись на берег, казаки направились к неприятельскому пикету. Они двигались с такой осторожностью, какой наловчились в играх с детства. И выросли у костра внезапно, словно спустились с небес на крыльях, вместе с конями.

Увидев перед собой обнаженных всадников, французы оцепенели. Один из них бросился было к карабину, но ближний казак ткнул его пикой, и тот ойкнул, остался лежать.

— Мсье, — произнес Степан на чистейшем французском. — Вам тихо следовать с нами. И ни звука! Не то всем секир-башка. — Казак угрожающе потряс пикой. Безропотно повинувшись, французы поднялись и в окружении голых всадников направились к реке...

В половине шестого утра с повеления Наполеона генерал Сорбье подал на батарею команду:

— Стреляй!

Ударил пушка. В рассветной тиши румяного утра выстрел прогремел гулко. Звук его, многократно повторенный эхом, прокатился над сонными полями и угас где-то за лесом.

И тотчас загрохотало. Казалось, с неба обрушились сотни молний, и гром от них расколосил не только тишину, но и землю, содрогнувшуюся от разрывов. На русские позиции градом обрушились ядра. Сражение началось.

Первыми в него вступили полки корпуса Богарнэ. Накануне молодой генерал, пасынок Наполеона, обращаясь к отчиму, сказал:

— Мой император, у той вот деревни сосредотачивается русская пехота, — он указал в сторону изб Бородино. — Только прикажите, и деревня станет нашей.

Наполеон снисходительно улыбнулся:

— Не надо, Евгений. Оставь сие на завтра. Это не займет много времени.

К Богарнэ он питал отцовские чувства. Наполеон женился на вдове казенного генерала и усыновил Евгения и его младшую сестру Гортензию. Теперь Евгению тридцать лет и он генерал. У него такие же острые, как у матери, черты лица, а смуглость кожи явно указывала на унаследованную от нее креольскую кровь.

Жозефина была первой любовью Бонапарта. Три года назад он расторг с ней брак, теперь у него вторая жена — Мария-Луиза, но Евгений по-прежнему его приближенный, вице-король Италии, командует корпусом.

Под прикрытием артиллерийского огня войска Богарнэ первыми двинулись на Бородино. Используя туман, они охватили деревню полукольцом. Приблизившись, бросились со штыками наперевес на русские позиции.

В первом донесении Богарнэ сообщил, что командир полка генерал Плезони ворвался в деревню Бородино и что схватка была жестокой, сам генерал погиб, но деревня в руках французов.

Наполеон был готов наградить пасынка за эту радостную весть. Падение Бородино заставит Кутузова подтянуть сюда силы из других направлений, что, естественно, ослабит центр и левый фланг русских. А именно там будет нанесен главный удар, там должен возникнуть успех сражения.

В Бородино находились гвардейцы из лейб-гвардии егерского полка, которым командовал полковник Бистром.

— Братцы! Стоять насмерть! Ни шагу назад! — размахивая саблей, полковник повел своих подчиненных навстречу атакующим. — Позади нас Москва-матушка!

Матвей Иванович с опушки леса наблюдал за жестокой схваткой в объётой огнем деревне. Видел, как французы обходили с севера егерей, пытаясь отрезать их от моста через речку Колочу. От волнения он кусал губы, сжимал кулаки, с трудом сдерживаясь, чтобы не скомандовать казакам «на конь!» и очертя голову броситься на помощь в самое пекло.

Подскакал генерал Иловайский:

— В лесу казаки Грекова атаковали неприятеля в дротики. Побили и в плен до полусотни схвачено.

— Отправьте пленных подальше вглубь. Не до них. — Платов продолжал наблюдать за разгоревшейся у Бородино схваткой. Там кипело всюду. Теперь по французским полкам били русские орудия с Курганной высоты, где оборонялись солдаты Раевского.

— Дозвольте мне, с полком, а может и с двумя, — опять подал голос Иловайский. Сейчас он больше походил на лихого есаула, чем на умудренного боями генерала.

— Ты часом не свихнулся, Николай Васильевич? Или близок к тому? — не повернув головы, с издевкой ответил Платов. — Проверь лучше полки, да отводи их на то место, как указал светлейший.

Теснимые французами, солдаты отходили к Колочу, лежавшей в низине и скрытой обрывистыми берегами, к мосту.

По малочисленности отходивших солдат, Матвей Иванович понял: остальные остались там, у деревни. Нет, не живые, — мертвые, потому что знал, в такой бойне русский солдат не щадит себя, забывает об опасности, и мысль о плене не только противоестественна, но исчезает совсем. Ее заменяет иное чувство: ожесточенность. Паники не было, егеря отходили, построившись в каре, отбиваясь штыками от наседавших французов. Те, словно синие волны, накатывались на боевой строй гвардейцев.

Мост через реку Колочу обороняла команда гвардейского экипажа из трех десятков матросов. Главным среди них был мичман Лермонтов. Барклай-де-Толли приказал ему: после отхода русских войск мост сжечь. Однако выполнить эту задачу матросы не смогли: все они легли у моста, и французы ворвались на левый берег реки. Перед ними открывалась

высота у Горок с командным пунктом Кутузова.

На помощь Барклай бросил бригаду егерей полковника Вуича из 24-й дивизии и 1-й егерский полк полковника Карпенко. Одновременно по переправившемуся через мост неприятелю открыла ураганный огонь артиллерия. Удар егерских полков был столь стремительным и яростным, что французы не смогли устоять. Линейный полк французской армии был уничтожен. Остатки сбросили в реку. Вскоре запылал и мост.

Главное направление своего наступления французы избрали через деревню Семеновское, там находились Багратионовы флеши. Дважды французским гренадерам удавалось ворваться в эти укрепления, и оба раза их выбивали штыковыми контратаками.

Испытав безуспешность своих попыток, Наполеон подтянул к Багратионовым флешам крупные силы пехоты и артиллерии. Сюда же спешно перебросил подкрепление и Кутузов. Против пятнадцати тысяч русских воинов и трехсот орудий было более пятидесяти тысяч французов и четыреста неприятельских орудий.

Атаки следовали одна за другой. И все они отражались. Лишь при восьмой неприятелю удалось овладеть флешами. Тогда Багратион собрал остатки войск и повел их в решительную контратаку. Это был его последний бой: смертельно раненного генерала вынесли на шинели из огненного смерча. Однако флеши остались в руках неприятеля.

Кутузов тяжело поднялся со скамеечки, примял пухлой рукой на голове картуз с красным околышем и без козырька, взял подзорную трубу. Он долго всматривался в сторону главного люнета, где стояли пушки Раевского. Там в сизых клубах дыма все кипело и билось. Полыхало и селение Семеновское, неподалеку от которого находились Багратионовы флеши. Там тоже творилось невообразимое.

— Что? Наши стоят? Упорствуют? — спросил он полковника Толя, хотя сам знал, что это именно так.

— Стоят, ваша светлость. Умирают, а стоят. Долго ли выдержат?

Кутузов не ответил, направил трубу в сторону недалекой деревни Бородино. Она тоже горела, восточнее ее, у Колочи шел бой.

Тогда он перевел взгляд в сторону Шевардинского холма. До него было не более двух верст. Он ясно увидел неподвижную фигуру в наброшенной на плечи шинели и черной треуголке. Рядом с ним стоял высокий военный, а поодаль теснилась свита.

Внимание Кутузова привлекла не свита и не Наполеон. Он увидел стройные ряды облаченных в голубые мундиры гвардейцев.

«Так вот оно что! Дело дошло до гвардии, — осенила догадка фельдмаршала. — Стало быть, главные силы французов уже в деле. А успеха-то они так и не достигли...» Но тут его встревожило другое: «Определенно гвардия ударит по Семеновскому и флешам. А там наши бьются на последнем дыхании. И резервов поблизости нет. Ударят и непременно наш порядок пробьют».

И вслед за этой мыслью возникло решение подтянуть со своего правого фланга корпус Остермана. Но пока он подойдет, французская гвардия атакует. Наполеон упреждает.

Как опытный шахматист, предусматривающий развитие партии на много ходов вперед, так Кутузов, глядя на поле сражения, рассчитывал его ход.

«Да, только казаки и находящийся в резерве корпус кавалерии могут спасти дело, — утвердился в своем решении фельдмаршал. — Нужно действовать смело, решительно и без промедления».

— Где Платов, Уваров? — спросил он Толя.

— Казаки там, где вы повелели им быть. С ними и сам атаман. Кавалерийский корпус за лесом. А сам граф Уваров — вот он, ждет распоряжения.

— Сейчас мы поставим французам банки. Оттянем кровь от левого нашего крыла да центра, — промолвил Кутузов и, повернувшись в сторону Уварова, махнул рукой. — Поди-ка сюда, генерал.

— Может, позвать и Платова? — предложил Толь.

— Не надо, Карлуша. Нет времени. Да и атаман знает, что нужно делать. Накануне

втолковывал. Пошлите к нему адъютанта с моим повелением. Пусть пускается в рейд, — тут Кутузов повернулся к щеголеватому Уварову. — Ступай и ты, граф. Заберись в самый тыл, да поглубже.

— Все сделаю, ваша светлость!

Рейд

Полки были выстроены буквой «П», а перед ними на белом коне восседал Иловайский. Увидев Платова, скомандовал:

— Сми-ирно-о! Равнение на... середину-у! — И поскакал навстречу. — Господин генерал! Вверенные под ваше начало полки построены! — немного раздумав, добавил: — Все девять!

— Сколько в строю сабель?

— Две тыщи пятьсот... Не густо.

— К тем саблям прибавь столько же пик. Будет вдвое больше.

И приказал позвать к себе командиров полков. Командиры слушали Платова не прерывая. Лица у всех сосредоточены.

— Головным пойдет... — Матвей Иванович сделал выдержку, посмотрел на Грекова, зятя своего, мужа младшей дочери Марии. Тот уж взял было под козырек, но атаман перевел взгляд на Власова. — Тебе идти, Максим Григорьевич, впереди. Дорога тобой разведана, только сегодня гулял за Колочей...

— Дозвольте идти моему полку? — с опозданием спросил Харитонов. Он смотрел на Платова спокойным взглядом, но в этом спокойствии чувствовалось решительное мужество.

«Этот не подведет, сделает все, что нужно. Сам шагнет в атаку первым и мертвого поднимет».

— Слушай далее, Максим Григорьевич, продолжал Платов, обращаясь к Власову. — Кроме своего полка возьми под начало еще три: Андрианова, Чернозубова и Перекопский. Держи направление на Бородино, но в него не лезь, обойди справа. Будет жарко, но не вздумай дрогнуть. Под твоим заслоном должен проскочить с полками Николай Васильевич, — Платов перевел взгляд на Иловайского, и тот понятиливо склонил голову. — А за ним и правей будет идти Денисов. Я ж с атаманцами в середине лавы. По моему сигналу первыми за авангардом вступают в сечу полки Жирова и Победнова. А на заходящем крыле будет твой полк, Балатуков. Он лаву должен прикрыть справа...

— Зачем, атаман, обижаешь? Зачем мой полк не в лаве? Что худого сделали мои люди? — с жаром заговорил татарин Балатуков.

— В полку твоём много молодых всадников. Нельзя их сразу в сечу.

Балатуков нетерпеливо стеганул плетью по голенищу мягкого, без каблуков сапога.

— Конников Уварова из вида не упускать, — продолжал Платов. — Они левой вас. Беззубово тоже обойдем, чтобы выскочить к дороге на Колоцкий монастырь. Но к монастырю не идти, всем сделать поворот налево, в сторону деревни Валуево. Там самое уязвимое место для французов, тыл их армии. Вот и ударим по нему. А Балатуков на заходящем крыле должен пройти по обозам, что на дороге. Вот и все. А теперь — к казакам. Хочу напоследок с ними погутарить.

Матвей Иванович выехал к середине строя.

— Казаки! Сыны славного тихого Дона! Настал наш час решительного сражения с проклятым врагом. С лета мы отступали, бились на каждой версте, но не смогли сломать вражью хребтину. Вы слышите, какое кипит там сражение? Не на жизнь, а на смерть бьются русские солдаты. Они сражаются за правое дело, за землю русскую, за Волгу-матушку и наш Дон-батюшку. Бунапарт этот... — тут Матвей Иванович запустил такое междометие, что даже служивые казаки, искушенные в фольклорных оборотах, прыснули в кулак. Ай да атаман-батько! А молодые несмышлениши раскрыли рты от изумления.

— Вот что он хочет и все получит этот Бунапарт. Гутарить долго не можно. Гутарить

будем опосля, а сейчас нас ждет великое сражение.

Все увидели, как по дороге несколькими колоннами потекли в сторону Колочи полки гусар и драгун корпуса Уварова. Впереди скакали всадники в красных мундирах. Это были гвардейцы генерала Орлова-Денисова.

Матвей Иванович набрал в легкие побольше воздуха и во весь голос, остерегаясь, однако, чтоб не сорваться, прокричал, как в молодые годы:

— В полковые-е колон-ны-ы!.. На неприятеля-я!.. За мной, марш-марш!

Первыми Колочи достигли разведывательные дозоры подполковника Андрианова. В это время через реку переправлялись орудия, приданные корпусу Уварова. Первая пушка, достигнув середины реки, погрязла в илистое дно и засела. Расчет второй попытался ее объехать, но едва взял в сторону, как кони, а вместе с ними и пушка завязли, и сколько артиллеристы ни бились, сдвинуть с места не могли. Ездовые неистово стегали лошадей, понукали, стоя по грудь в воде, пытались орудия толкать, но они были словно на привязи.

— Где тут еще броды? — подскочил к Андрианову Иловайский.

— Правей, за Малым есть. Сам разведывал.

— Власов! — оглянулся генерал на командира полка, — Веди своих туда! Там переправляйся, не мешкая! Остальные полки пойдут за твоим!

— Выполняю! — ответил Власов и увлек всадников полка по берегу Колочи к деревеньке Малое.

Подоспевший Платов выслушал Иловайского, одобрил:

— И сам скачи туда. Переправляйся с полками Власова да Харитоновы и веди их на Беззубово, как предусмотрено планом. А грековцы помогут артиллеристам. Не можно орудия оставлять без помощи.

Выбравшись на возвышенность, Матвей Иванович огляделся. Первое, что он увидел, была схватка кавалеристов у Беззубово. И еще увидел правей деревни французскую батарею, стрелявшую в сторону конников Уварова.

— Греков! Тимофей Греков! — увидел он неподалеку от себя подполковника. — Что хочешь делай, а орудия из реки вон на берег и расстрелять французские пушки!

— А ну, братцы, за мной! — Греков соскочил с коня и бросился в реку к орудиям. За ним поспешили десятка два казаков.

Дно Колочи оказалось столь илистым, что не только проваливались колеса пушек, но вязли и ноги.

Казаки и артиллеристы словно мухи облепили орудия, толкали, кричали, выбиваясь из сил, почти на руках выволокли их из реки, а затем подняли по крутому откосу наверх.

— Замечаешь, капитан, французские пушки? — Греков указал плетью на дальнюю опушку леса: там вспыхивали частые облачка. — Это они бьют по вашим гусарам! Заставь их замолчать!

— Знаю! — ответил капитан. — Сейчас и пальнем. Суетившиеся до того у орудий солдаты замерли, и старший доложил о готовности.

— Заряжай! — высоким голосом прокричал команду капитан. — Наводи! Фейерверкеры, подносить фитиль!

Орудия ударили со звоном одно за другим. Ядра удачно угодили прямо на позицию французской батареи.

— Отменно! — произнес капитан неуставное. — Молодцы, братики! Заряжай еще!

Между тем кавалерийские полки Уварова, переправившись через Колочу, устремились к Беззубово. У деревни им преградила путь бригада из дивизии Орнано. За кавалерией выстроился в каре 84-й линейный полк и еще батальон пехоты.

Вначале схватились кавалеристы. Не выдержав удара русских, французы ускакали прочь. На луговине остались лежать убитые и раненые. Обогнув пехотные каре, конники отступили за речку Войну по единственному здесь переходу, по плотине.

Трижды гусары бросались на пехоту и — безуспешно. Неприятель держался стойко. Он подпускал всадников на полусотню шагов, затем обрушивал на них густой огонь своих

ружей, и, не выдерживая огня, гусары отступали.

Пока шла перестрелка, подполковник Власов с четырьмя полками стремительно неся к французской батарее. На полпути им повстречался неприятельский разъезд — эскадрон. Казаки ударили по нему с такой яростью, что почти всех уничтожили. Чудом спаслись единицы.

Потом атаковали французскую батарею, которая вела огонь по гусарам. Налет был внезапным, неприятельская прислуга не успела даже развернуть орудия. Одно, однако, сумело ударить картечью, выстрел задел край атаковавших, и несколько казаков тут же пали.

Увидев успех авангарда, Платов во главе атаманского и остальных полков направил коня к реке.

— Батяня, может, лодку пошукать? — подоспел Иван. — А то вымокнете, занеможется в поясице.

Не удостоив сына взглядом, Матвей Иванович ответил строго:

— Встань в строй, есаул! — И демонстративно направил коня в реку.

Вода на середине Колочи дошла до седла и выше. Выбрался по пояс мокрый.

— За мной! — обернулся он к полку и хлестнул коня. Теперь он окончательно утвердился в своем решении обойти Беззубово стороной, уклоняясь от возможных стычек с неприятелем. Главное — выйти в его тыл. И чем глубже казаки сумеют проникнуть, тем большей угрозе они подвергнут врага...

Уваров догадался подтянуть батарею и ударить по пехоте. Артиллерийский огонь вызвал в неприятельских рядах панику, пехотинцы в беспорядке бросились к плотине, чтобы спастись от огня за рекой.

Этим воспользовался командир лейб-гвардии казачьего полка генерал Орлов-Денисов. Он видел, как полки Платова обходят Беззубово.

— За мной, гвардия! — вырвал из ножен саблю генерал.

Казачий полк стремительно понесся к плотине. Завидя всадников, неприятельские солдаты бросились в стороны, в страхе прыгали с плотины в воду.

Через несколько минут полк уже был на той стороне Войны и мчался в сторону леса, куда вырвался платовский корпус. Он, обойдя Беззубово, продвигался к деревне Валуево. И тут Матвей Иванович с пригорка увидел неприятельскую кавалерию.

В расшитых золотом мундирах, в высоких киверах французские всадники грозно двигались в их сторону. Их было полка четыре, а может и пять, но опытным глазом Матвей Иванович ловил отсутствие той строгости в рядах и шеренгах, которая свойственна свежим войскам. «Не иначе, как Уваров потрепал, — определил он. — А мы уж довершим остальное». И приказал изготавиться к атаке.

Подскакал на взмыленном коне Орлов-Денисов.

— Лейб-гвардии казачий полк в вашем распоряжении, — молодецкато доложил он Платову.

— Спасибо, Василий, — ответил Матвей Иванович. Он знал сына донского атамана Василия Петровича Орлова давно, вместе участвовали еще в штурме Измаила, а потом ходили на Индию.

— Давай! — Платов энергично махнул рукой.

Вслед за лейб-казаками бросились полки Иловайского, подоспевшего Грекова. Несколько поотстали полки Денисова.

Казаки вырвались из укрытия с такой стремительностью, будто их выплеснула неведомая сила. Повинуясь этой силе, они неслись на врага, почти слившись с конями, угрожающе выбросив вперед пики. Это был знакомый еще с удалских мальчишеских игр военный строй — лава. Кони распластались над землей, стук копыт слился в тревожный гул.

— Ату-у!..

— Заходи-и!..

— Дава-ай-й! — слышались неуставные команды, но всадники понимали, угадывали по голосу командиров и действовали с предельной ясностью.

Они врубились в кавалерийский строй французов. И сразу зазвенела сталь, захрапели лошади.

Схватка продолжалась недолго. Собрав оставшиеся полки, Матвей Иванович повел их сам, стараясь ударить по неприятелю с открытого, незащищенного фланга. Французы дрогнули и бросились назад, под защиту выдвигавшихся пехотных колонн.

А в это время полк Балатукова, как приказывал Платов, оторвался от главных сил и, скрываясь в перелесках, устремился к французскому обозу.

Вперед князь выслал авангард, сотню самых отчаянных всадников, приказав им идти как можно быстрее и не ввязываться в стычки с неприятельскими дозорами. Наказал сотенному, чтоб шел к цели не напрямиком, а как бы описывая широкую дугу, выводящую к обозу с севера: с этой стороны вряд ли кто ожидал нападения.

— Прорветесь к обозу, и он — ваш, — объявил Балатуков.

Скуластых всадников не нужно было учить нападать: они это делали с непревзойденной отвагой и дерзостью. Врубились в обоз. Оттуда к Балатукову прискакал всадник. На голове вместо меховой остроконечной шапки — французский кивер.

— Бачка! Там наши обоз взяли!

— Снять! — взвизгнул Балатуков. И в воздухе коротко просвистела плеть: кивера как не было.

— За мной! — плетью огрев под собой жеребца, командир помчался к авангарду. Он хорошо знал своих всадников: начнут грабить, забудут главное.

В обозе творилось невообразимое. Трудно было поверить, чтоб в столь короткий срок сотня всадников могла натворить такое. В беспорядке разбросаны повозки, проткнутые пиками лошади бились в постромах, в кустах и прямо у колес лежали, истекая кровью, французские солдаты. Несколько повозок горели.

А скуластые всадники потрошили содержимое сундуков, ящиков, чемоданов. Вокруг на земле лежали груды белья, обмундирования, обуви.

Некоторым обозным удалось бежать, но за ними пустились в погоню.

Стараясь уgomонить пришедших в раж подчиненных, Балатуков носился от повозки к повозке, хлеща плетью направо и налево.

— За мной, шайтан тебя бери! — кричал он. — Секир-башка делай!

А остальные полки растекались по дороге и шли вперед.

Семен Розин скакал в гуще всадников. Справа и несколько впереди вдруг ослепительно сверкнуло, потом взметнулось огненно-рыжее пламя, его толкнуло в грудь и вырвало, из седла. Падая, он увидел клочок голубого, словно вымытого неба с пухлым белым облачком. А когда вскочил, почувствовал на лице что-то горячее и липкое.

— Семе-ен! Семе-ен! — услышал он голос.

Оглянувшись: правее лежала с распоротым брюхом лошадь, рядом он увидел неестественно бледное, без кровинки лицо. В первый миг даже не узнал, кто это.

— По-мо-оги-и...

Семен шагнул к лежащему.

— Но-огу-у! — выдохнул раненый, сясь выбраться из-под коня.

— Это ты, Хроменков? Сейчас... — Он попробовал помочь, но раненый от боли вскрикнул.

— Терпи, терпи... Я сейчас.

На глаза попалась переломанная пика урядника. Он быстро подsunул ее под тело лошади и, напрягшись, приподнял.

— Ну-у... Вытаскивай!

Хроменко заерзал, уперся руками о землю, лицо его покрылось холодной испариной.

— Давай, Астап, быстрее!.. Кабы не угодить...

Прямо на них шел строй пехоты. Раненый Семен Розин помог уряднику взобраться на свою лошадь и, слыша над головой посвист неприятельских пуль, заспешил вслед за ушедшим полком...

Наполеон стоял на Шевардинском холме, набросив на плечи шинель. Чувствовал он себя преотвратительно. Ночь провел беспокойно: давала знать простуда, но еще больше волнение за предстоящее сражение. Несколько раз он вставал, выходил из палатки, смотрел в сторону русской армии: не ушла ли? Его не покидало предчувствие, что «старая лиса» Кутузов наверняка готовит хитрость, которая спутает все его карты. Но нет, костры за Колочей горели, русская армия оставалась на месте, и генеральное сражение, которого он так жаждал, должно с утра произойти.

Он вспомнил декабрьский день 1793 года, первое сражение, с которого начался взлет его карьеры...

Тогда сеял холодный дождь, дул острый порывистый ветер. В подступающих сумерках маячили корабли английской эскадры, поддерживавшие мятежных сторонников свергнутого короля. Вот уже какую неделю республиканская армия пыталась приступом взять Тулон, где засели приверженцы Бурбонов, и все безуспешно. Участвовавший в осаде Бонапарт никак не разделял план осады, у него был свой план, совсем отличный. Его непременно нужно предложить.

Завернувшись в плащ, не очень уверенный на встречу, он направился к командующему республиканскими войсками.

— Кто такой? Что нужно? — остановили его.

— Есть важное дело.

— Какое? Выкладывай!

— Не могу. Скажу только генералу Карто.

Сорокадвухлетний командующий, в недалеком прошлом лихой драгун, смотрел холодно, с недоверием. От ветра хлопало полотнище палатки, мигала подвешенная лампа.

— Сир, — обратился Бонапарт к командующему, — я пришел предложить свой план овладения городом. Если вы его примите, через неделю Тулон будет у ваших ног.

— Вам сколько лет, капитан?

— Двадцать четыре.

— Вы рискуете. В случае неудачи я прикажу вас расстрелять.

— Готов принять смерть, но прежде выслушайте...

Три дня после того над городом гремела орудийная канонада. Пятнадцать мортир и тридцать крупнокалиберных пушек били по городу, разбивая укрепления. Одно из ядер попало в пороховой склад, и он со страшным взрывом взлетел в воздух. На четвертый день в проливной дождь и ураганный ветер республиканцы пошли на штурм. И город пал. Еще через четыре дня Бонапарт стал командовать всей республиканской артиллерией. Кто-то потом сказал, что он вошел в палатку Карто капитаном, а вышел бригадным генералом.

Это было двадцать лет назад, во Франции. А сейчас шло невиданное им по упорству сражение в России, у Москвы.

Сбросив шинель, Наполеон оставался в сером, без эполет, сюртуке, нервно кусал тонкие губы. Опытным глазом полководца видел, что продвижения почти нет. На бешеные атаки, какие предпринимали его войска, русские отвечали яростными контратаками и в упорных рукопашных схватках отбрасывали французов назад. В умении пользоваться штыком русские были непревзойденные мастера.

Почти все резервы использованы. Оставалась только императорская гвардия — Молодая и Старая — последняя его надежда. Молодая гвардия выстроена в боевое каре. С холма видно это каре, расположенное за небольшой речушкой.

Ох, с каким нежеланием Наполеон приблизил к линии сражения это соединение, его последнюю силу и надежду. Он намерен был возвратиться из России, не использовав примечательного резерва. Это было бы лучшим подтверждением его, Наполеона, величия и могущества.

Но увы! Почти каждые четверть часа от маршалов и начальников колонн прибывали адъютанты, и все приносили безрадостные вести и просили о помощи. Особенно настойчивы

в просьбах были Ней и Мюрат. Им удалось ворваться в Семеновское, выбить оттуда русских, но к тем подоспели подкрепления и вышибли наступавших. Сколько было атак — подсчитать невозможно. Они следовали одна за другой и каждая отбивалась с большими для обеих сторон потерями.

— Император, настал час гвардии, — не просил, а требовал Мюрат. — Только она может сломить русских.

— Дайте мне гвардию, и я принесу победу, — обещал Ней.

— Мой император, видимо, настало время, — осторожно высказывал Бертье. — В центре построения русских образовалась брешь, и надо ввести туда гвардию. Она войдет в расположение неприятеля, как нож в масло. Нужно спешить, пока к этой пустоте не подоспели русские резервы.

Прежде чем ответить, Наполеон прошелся по обозначившейся в траве тропке. Она тянулась у края круто спускавшегося к речушке склона.

— Хорошо, Бертье, я уступаю вашей настойчивости: Молодую гвардию — в огонь! Атаковать Курганную батарею и далее — Горки!

Строй Молодой гвардии дрогнул, сверкая штыками, направился в сторону русских флешей. Вышколенные, закаленные в боях солдаты шли ровными рядами, соблюдая порядок. Шаг твердый, размеренный. Двигался монолит, сокрушить который, казалось, не могла никакая сила, и никакая сила не могла против него устоять.

Случайно взглянув влево, в сторону Бородино, Наполеон увидел скачущего во весь опор всадника. «Опять адъютант с просьбой», — с досадой подумал он и отвел взгляд.

Всадник взлетел на холм, на ходу соскочил с коня, едва при этом не упав, и, не добежав до Наполеона, вскричал:

— Ваше величество, там казаки! Казаки там! Они зашли нам в тыл и продвигаются!

В свите генералов и офицеров, стоявших поодаль, произошло замешательство.

— Болван! — негромко, но отчетливо ясно произнес император. Лицо его изменилось, вытянулись в ниточку тонкие губы. — Говорите ясно, что и где произошло?

— Ваше императорское величество, — с трудом переводя дыхание, продолжал офицер. — Там, в лесу, где наши обозы, казаки!.. Они обошли фланг!

— Кто вас послал?

— Я из дивизии Орнано. Послал сам генерал.

Наполеон хотел что-то спросить, но увидел другого всадника.

— Ну вот, еще один! А что скажет он?

— Там казаки, ваше величество! Они напали на нас и все крушат! Войска генерала Дельзона смяты!

— А что же Богарнэ? — Наполеон перевел взгляд на стоявшего рядом начальника штаба. — Разве он не в состоянии без меня принять меры? — Это звучало укором и Бертье.

— Конечно, он должен был...

— Они захватили уже обозы... — продолжил было второй адъютант, но взгляд императора пресек его.

Казаки! Упоминание о них вызвало в Наполеоне необъяснимое чувство скрытого страха и ненависти. «Порождение рода человеческого», — назвал он их однажды. Но он заявил и следующее: «Дайте мне казачьи полки, и я пройду с ними весь мир».

Теперь казаки ворвались в расположение его армии и крушат тыл. В Беззубово и далее в лесах находится главный обоз, в нем немалые запасы пороха, ядер, оружия, продуктов питания, фуража. Тысячи повозок сосредоточены у дороги. Если доберутся до них, армия останется без всего необходимого. Но казаки могут двинуться и на юг, вдоль реки Войны к Шевардино...

«Так вот в чем состояла хитрость Кутузова! Вот что он готовил!.. Но, нет! Я не позволю себя обмануть!»

— Коня! — крикнул он в сторону свиты. — Бертье, гвардию остановить! И ни шагу ей до моего возвращения!

Предвидя надвигающуюся с левого фланга опасность, он поспешил туда. Навстречу из перелеска выбежали три французских солдата. Узнав императора, опешили.

— Кто такие? Откуда? — спросил их Наполеон.

— Мы из дивизии Дельзона. — На лицах французов страх, смятение.

— А где ваше оружие? Под суд негодаев!

Евгения Богарнэ на месте не оказалось.

— Где он? Кто управляет сражением? — Наполеон был взбешен.

Но тут из расступившегося каре вырвались всадники.

— Вот и сам принц, — ответил офицер.

— Что случилось? Почему вы не на своем месте? Кто управляет войсками? — обрушился на пасынка Наполеон.

— Мой император, здесь находится небезопасно. Казаки совсем рядом, они каждую минуту могут появиться. Я вынужден был укрыться под защиту 84-го линейного полка. Против казаков направлена дивизия Орнано.

Загородившись рукой от солнца, Наполеон взгляделся и увидел у Беззубово атакующих всадников, даже услышал с той стороны пальбу.

— Это полки Орнано отбивают гусар, — пояснил Богарнэ и обратил внимание Наполеона на северную сторону, где перед лесом простиралось широкое поле.

Там перед французской пехотой гарцевали всадники. Наполеон перевел взгляд еще левей, где за рощицей находился обоз. По суматохе, мечущимся всадникам и фигуркам пеших людей он понял, что казаки напали на обоз.

Будто в подтверждение из рощицы выкатили повозки. Лошади в упряжке мчались прямо по полю, их преследовала группа конников с длинными пиками. Они настигли беглецов и поразили страшным оружием коней, повозки остановились.

— Пустить против них кавалерию! Прикрыть обоз! — негодуяще воскликнул Наполеон и отъехал в сторону.

— Генерал! — спустя немного, позвал он пасынка. — Этот набег казаков, если вы не прогоните их, вам может дорого стоить. Я уже потерял два часа. Это грабеж времени! Берегитесь моего гнева, генерал!

Евгений побледнел, нервно дернулась щека: он знал, что деспотичный отчим на ветер слов не бросал.

— Мой император, я сделаю все возможное...

— И невозможное! — Наполеон повернул коня и поскакал назад, к Шевардинскому холму.

— Адьютантов ко мне! — выкрикнул Богарнэ. — Всех, какие есть поблизости!

И тотчас к нему заспешили со всех сторон всадники.

— Скакать к Орнано! К Дельзону! К моей гвардии! Передать: атаки прекратить и двинуться к флангу, против казаков! Делать это немедленно! Иначе нас сомнут!

Вскоре двадцатипяти тысячное войско Богарнэ, отказавшись от фронтовых наступательных действий, двинулось к левому флангу.

Матвей Иванович в схватку не ввязывался: руководил полками издали. Разместив атаманский полк в лесу, с опушки наблюдал за происходящим.

— А мы-то, батя, скоро? — ерзал в седле Иван.

— Стой и зри! Придет время — вступимся, — с явным недовольством ответил отец. Он сам испытывал неодолимое желание поработать сабелькой. — Поди поближе, что скажу.

— Что, батя?

— Вот как начнут те полки отходить, так атаманцы и пойдут лавой, чтобы, значит, прикрыть отход полков. А то, что держу вас в резерве, так оно объяснимо: в сражении всегда надобен резерв. Без него никак нельзя. Тот не командир, кто его не имеет. Об этом всегда помни.

— А когда будет отход?

— Потерпи. Балабин! — подозвал он полковника. — Играй «отбой». Трубача направь вот туда, — указал Платов вперед и влево.

К сражавшимся конникам стеной надвигались каре пехотных батальонов.

Из перелеска выехал всадник, поскакал в сторону полков. Приблизившись к ним, вскинул блеснувшую на солнце трубу, подал сигнал на отход.

Внимание Матвея Ивановича привлекли два казака, сидевшие на одной лошади. Они начали отход в числе первых, но конь под тяжестью двух седоков не мог угнаться за другими. Придя в себя, французские драгуны пустились вдогонку отходившим.

— Сучьи дети! — вскипел Матвей Иванович. — Что ж им не помогут! Ведь захватят же французы!

— Дозвольте с сотней на выручку! — попросился Иван.

— Давай! Не мешкай!

— Со-отня-я! За мной! — послышался ломкий голос сына.

На опушку вырвались всадники.

Вскинув подзорную трубу, Матвей Иванович наблюдал за сотней Ивана, схлестнувшейся с драгунами. Вступив с ними в схватку, сотня прикрыла двоих скакавших на одном коне казаков. Не подоспей, непременно бы их посекали.

Матвей Иванович огляделся. Корпус Уварова, направляясь к Масловскому лесу, скрылся из вида. Казачьи полки тоже отходили, атаманский полк сдерживал неприятельскую кавалерию. Французская пехота продолжала движение в их сторону. Участился посвист неприятельских пуль.

«Дело сделали. Пора отходить и нам», — Матвей Иванович приказал дать команду.

— Кто были те двое? Прознал про них? — по возвращении из рейда спросил Платов сына.

— А как же! Казаки из полка Власова. Один казак, а второй, раненый, урядник... Фамилия казака навроде бы Разин...

— Не Разин, а Розин, — поправил его Матвей Иванович. — Разиных на Дону нет. Были когда-то.

После расправы над бунтовщиком Стенькой пришел на Дон царский указ, чтобы все, кто носит его фамилию, сменили бы на Розина или Рагозина.

На свою штаб-квартиру Платов возвратился ночью, уставший и не в духе. Полковник Шперберг протянул письма. На конверте одного Матвей Иванович узнал почерк старшей дочери, падчерицы Екатерины. Она жила в Новом Черкасске.

— Ты прежде о деле докладывай, — заметил он полковнику. — Указания какие поступали?

— Новых не было. А донесение написал. Прочитайте.

— Читай, а я послушаю.

Подвинув свечу, Шперберг раскрыл папку и стал читать донесение о действиях полков за день. Матвей Иванович слушал, не перебивая, иногда по лицу проскальзывала неодобрительная гримаса.

— Ну и любитель ты, полковник, расписывать баталии. Как сочинитель. Про лихость Грекова убери, а то подумают неверно. Упомяни об Иловайском да Власове. И Жирова не обойди. Поболее впиши простых казаков, они творили дело.

Потом распечатал письмо дочери. Вести были неутешительны: серьезно болела жена, болезнь не отпускала. Дочь осторожно просила приехать, навестить больную.

«Нашла о чем хлопотать! — досадуя, ответил ей мысленно Матвей Иванович. — Об этом ли сейчас думать, когда Москва, Россия в опасности!» Сунул письмо в карман.

— А не было ли вестей от Денисова?

Вот уже сколько времени прошло, как он повелел оставшемуся за него наказным атаманом Денисову Андриану Карповичу поднять на Дону всех казаков — от мала до старца — и направить к Москве.

— Нет, ничего более из Нового Черкаска не было.

Матвей Иванович принялся ходить из угла в угол избы. На стене двигалась его большая тень.

Вид у него совсем не боевой: генеральские с лампасами штаны заправлены в шерстяные ручной вязки носки, на ногах легкие чирюки, в вырезе рубахи проглядывала старческая морщинистая шея.

— Сейчас, полковник, садись, и пиши Андриану Денисову письмо насчет ополчения. — Матвей Иванович представил лицо Денисова: тяжелое, бородатое, на большом упрямом лбу две глубокие складки. Но умен, отважен, не зря был любимцем Александра Васильевича Суворова. — Изреки ему от меня строгий наказ, чтоб слал сюда все казачество. Тянуть более никак не можно. Возвращусь на Дон, с него строго спрошу за медлительность. Так и напиши! Каждый час дорог!

После битвы

Сражение у Бородино продолжалось до глубокой ночи. Ценою почти семидесяти тысяч убитых и раненых французам удалось захватить батарею Раевского, деревню Семеновское, Утицкий курган и деревню Утица. Однако решающего успеха не было достигнуто. Русская армия, хотя и понесла немалые потери, но не отступила. Ночью, предприняв наступление, она почти полностью восстановила положение.

В ту же ночь в квартире главнокомандующего состоялся неллицеприятный разговор Кутузова с начальником штаба бароном Беннигсенем.

Михаил Илларионович понимал, что, несмотря на утрату части позиций и огромные потери русской армии, сражение не проиграно. Он сознавал, что частный успех обошелся неприятелю такими же, если не большими, жертвами, что тот восполнит их не скоро и если продолжит наступление, то сделает это на свою погибель. Однако фельдмаршал находился в состоянии крайнего возбуждения еще и оттого, что барон Беннигсен самочинно вмешался в ход сражения и спугал все карты.

Накануне, во время уточнения диспозиции войск, внимание главнокомандующего привлекло левое крыло боевого построения войск. Предполагая, что французы там нанесут главный удар, фельдмаршал подтянул сюда пехотный корпус.

«Когда неприятель употребит в деле последние резервы, — размышлял он, — мы ударим ему во фланг скрытым до поры резервом. Это будет полнейшей для Наполеона неожиданностью».

И распорядился разместить в укрытии корпус генерала Тучкова и московское ополчение.

Так замыслил Кутузов. На самом же деле получилось иначе. Генерал Беннигсен, объезжая перед сражением позиции, весьма удивился такому расположению и приказал генералу Тучкову выдвинуть войска вперед, на возвышенность.

— Но такую диспозицию я получил от самого главнокомандующего, — запротестовал Тучков.

— Главнокомандующего? Я ничего не знаю! — вышел из себя Беннигсен. Самолюбивый и спесивый, он не мог смириться с тем, что после Барклая-де-Толли главнокомандующим назначили не его, а престарелого Кутузова. Разве не он, Беннигсен, командовал русской армией в Пруссии в седьмом году? Разве не под его командованием русские войска выдержали битву с армией великого Наполеона у Прейсиш-Эйлау и Пултуска?

— Позвольте, ваше превосходительство, это предусмотрено планом сражения, — не сдавался Тучков.

— Не позволю! Выполняйте, генерал, мои требования! Немедленно! Немедленно!

— Но если корпус займет положение, какое вы указываете, он в сражении будет бесполезным!

Бесцветные глаза немца округлились, впалые щеки дергались:

— Выполняйте!

Николай Алексеевич Тучков не посмел послушаться. «Видимо, у главнокомандующего возник новый замысел», — решил он и вывел из засады корпус. Полки заняли весьма невыгодную позицию. В первый же час сражения их перемололи, а сам Тучков пал смертельно раненным.

И вот теперь Михаил Илларионович решил разобраться в произошедшем.

— Как же так случилось, барон, что Тучков не выполнил предписания?

— Видимо, генерал не проявил стойкости. Господь и покарал.

— Но ведь говорят, что вы на том настаивали, и он при вас перемешал корпус на возвышенность.

— Ничего не знаю. Я был у него, посмотрел и уехал. — Не простачком был этот ганноверец. — Вы, ваше сиятельство, неприятность ищите не там. Победа была в наших руках, если бы не Платов. — Беннигсен стоял перед Кутузовым худой, узкоплечий, глубоко запавшие глаза часто моргали, прямой мясистый нос казался еще большим, и на щеке подрагивала похожая на бородавку родинка.

— Кто-о? Платов? — Кутузов даже привстал с кресла. — О чем вы? Платов своим рейдом сделал весьма многое. Вы говорите непонятное, барон.

— Платов все делал не так, как нужно. — Беннигсен откинул большую, с тяжелым подбородком голову. — Он проявил излишнюю, даже преступную осторожность.

— Трусость, вы хотите сказать? — переспросил Кутузов. — Ну, уж нет. Увольте, барон. Я его знаю с Измаила. Вместе плечо о плечо штурмовали стены крепости. Нет-нет!

Михаилу Илларионовичу вспомнилось, как хмурым дождливым днем в небольшой хатенке генералитет решал, штурмовать ли крепость Измаил или воздержаться. Молодой бригадир тогда первым высказался за штурм. В штурме Измаила Платов командовал пятой колонной, а он, Михаил Илларионович, шестой.

А Беннигсен думал о том, как отвести от себя вину и ловчее напортить Платову, этому мужику-генералу, которого он не терпел. Четыре года назад Платов написал влиятельному вельможе письмо, в котором, жаловался на несправедливость его, Беннигсена, к казакам. После того Беннигсен имел неприятный разговор. Теперь он решил расквитаться с ним за старую обиду.

— Мой офицер-адъютант доложил, что Платов не мог явиться сюда за приказом.

— Но ведь я Платова и не вызывал. Он еще с вечера знал о маневре. Я к нему послал распоряжение, — возразил Кутузов.

— Если бы вы и вызывали, он приехать не смог, он был пьян.

Беннигсен решил сослаться на адъютанта, которого тоже не было в живых.

— Победителя не судят, — устало махнул рукой Кутузов и обмяк в кресле, понял, что продолжать разговор бесполезно.

Он подвинул к себе карту, всмотрелся. Беннигсен продолжал говорить, но Михаил Илларионович мысленно представил, как казаки стрелой вонзились в тело французской армии и заставили Наполеона затрепетать. «Сколько ж у Платова было сил?» — «Две с половиной тысячи». — «А у Наполеона на левом фланге?» — «Двадцать три тысячи», — не слушая речи немца, мысленно вел диалог старый фельдмаршал. «Нет, рейд Платова свое дело сделал».

— У вас все, Леонтий Леонтьевич?

— Платов для войны стар, — нашел тот новый довод. — «А сам-то!» — чуть не воскликнул Кутузов. Он знал, что Беннигсену исполнилось шестьдесят семь лет, а Платову не было и шестидесяти. — Я буду, ваше сиятельство, писать государю.

«Пиши, пиши», — хотел сказать Кутузов. Он не любил Беннигсена, своего первого помощника в делах. Даже созрело решение заменить его другим генералом, которому бы мог полностью доверять.

— Не будем продолжать разговор. Мне все ясно, — Кутузов уткнулся в карту,

показывая, что Беннигсен может идти.

Возвратившись к себе, Беннигсен засел за тайное письмо к государю. Ныло в пояснице (донимала каменная болезнь почек), но он старательно и терпеливо писал, испытывая при этом вожделение, которое пересиливало боль. От мысли, что навет не останется без последствий, становилось легче.

Закончив писать, Беннигсен вложил бумагу в конверт и собственноручно опечатал его сургучом. После этого помолился:

— О, господи, прости мою душу грешную. — И погрузил тело в пуховое ложе.

Но не только Беннигсен пытался обвинить Платова якобы в неудачном исходе рейда. Нашлись недруги, которые упрекали атамана в том, что казачьей коннице нужно было углубиться дальше во вражеское расположение и даже схватиться с выдвигающимися навстречу казакам французскими войсками.

Но вот что писал участник битвы дежурный штаб-офицер при пехотном корпусе Дохтурова майор Д. Н. Болговский: «Маневр Платова решил участь русской армии, потому что Наполеон, извещенный о происходившем на его левом фланге, приведенный в сильное раздражение этой помехой, направил на его поддержку возможно поспешнее колонну в двадцать три тысячи человек — диверсия, которая лишила его на остальную часть дня средств воспользоваться успехами, одержанными его правым крылом... Если бы Платов действовал соответственно предписанным ему приказаниям, если бы он считал своею обязанностью только строгое повиновение своему начальству, поражение нашей армии было бы весьма вероятным; потому что, пока он со своими пиками оставался в дефиле, он угрожал; но если бы он атаковал неприятеля силами, которые не имели никакого значения в регулярном бою, очарование исчезло бы, и двадцать три тысячи человек, отдаленных от победоносного неприятельского крыла, несомненно довершили бы разгром нашей армии».

После сражения у Бородино русская армия отступала к Москве, и казачий корпус Платова, находясь в арьергарде, прикрывал отход. Близость Москвы подстегивала французских солдат, которые, не считаясь с потерями, лезли напролом. Отходить казакам было некуда: громоздкий обоз едва тащился по дорогам. И казаки ловчили, маневрировали по фронту, внезапно нападали и отбрасывали передового неприятеля.

Казачья конница нуждалась в подкреплении артиллерийским огнем. Но орудия отправили вперед, чтобы они могли занять заблаговременно позиции.

Генерал Платов нервничал, требовал стойко, до последнего удерживать рубежи, делать все возможное и невозможное, но обстоятельства оказывались сильнее его приказов.

Наполеон неистовствовал. Он требовал от находившегося в авангарде Мюрата разгромить-таки главные силы русских, и французский маршал заверял, что непременно это сделает. Но обещание его оставалось на словах.

Прикрывавшие отход казаки успевали на все дороги, через которые французские кавалеристы намеревались пробиться к отступающим. Они смело вступали в бой, бились из последних сил и заставляли бежать вспять французских драгун и кирасир.

Оставив у Можайска надежный заслон, атаманский полк Платова отходил последним. С ним находился и сам атаман. За Можайском полк остановился.

Подъезжали командиры полков и адъютанты, и Матвей Иванович каждому давал распоряжение. В приготовленную для ночлега избу пришел поздно.

Хлебосольный и общительный, он не любил бывать один. Но сегодня при нем был лишь сын Иван. Адъютанты разъехались с приказами, а командиры не освободились. Да и час был поздний.

Среди ночи снаружи послышались голоса. Вошел офицер из главной квартиры. Предчувствуя недоброе, Матвей Иванович поспешно вскрыл конверт, развернул лист, прочитал — и как обухом по голове. Разом все потемнело. Он — генерал от кавалерии Матвей Иванович Платов — отстраняется от командования казачьим войском... За что? По вине какой? В горле перехватило: ни вздохнуть ни охнуть.

— Что с вами, батя? — поспешил Иван. Никогда он не видел таким отца: за минуту на десять лет постарел.

— За что? — генерал рвал крючки мундира. — За верность мою? За то, что не жалел живота? Хороший подарок... Неужто Михаиле Илларионович?.. Нет не он, не может он этого...

Платов поднялся во весь свой немалый рост: голова почти касалась потолка. Тяжело, по-стариковски сугулясь, подошел к окну и толчком распахнул его.

— Вы бы легли, батя! — Иван такой же высокий, в отца, стоял позади.

— Слышал я, что его светлость очень недоволен тем, что арьергард далеко подпустил француза к нашим главным силам, — сочувственно высказал прибывший офицер.

— А чем сдерживать Мюрата? Одними казаками? Пехота нужна! Пехота! А ее-то и нет у меня! И в артиллерии недостаток.

— Вы бы спать, батя, ложились. Утро вечера мудренее, — осторожно, но настойчиво посоветовал Иван.

— Ладно. Не учи!

Матвей Иванович пробовал заснуть, но в голову лезли тяжелые мысли и в памяти менялись картины его жизни. И в большинстве это были сражения. И каждое имело свое отличие и особенность.

— Матвей Иванович, прости непутевого, — спохватился вдруг денщик, — совсем запамятовал: письмо-то еще с прошлого дня ношу. С Дона прислали. — Степан подал помятый конверт.

— Иван, читай! — кивнул генерал в сторону сына.

— «Отец ты наш, Матвей Иванович! — подсев к огню, стал читать Иван. — Давно мы от тебя, отца, грамотки не видели. Уж не гневен ли ты, родимый наш!.. Есть у нас горюшко, хоть не горе, а лишь смех один. Наш Макар Федорыч ездил с Дона в ближнюю губернию и привез нам весть, что в каких-то басурманских бумагах писано, что дивится ханц, как мы, казаки простые с бородами и в кафтанах долгополых, завсегда ему ребра пересчитываем... Не прогневайся, отец Матвей Иванович, что пишу к тебе такую речь простую, казацкую! Все мы знаем, отец-батюшка, что и ты изволишь носить на твоей груди богатырской корешки от твоего сада зеленого. Корешки ведь с Дона тихого, а мы там с тобой родились. Эх, бывало, во чужой земле приключится немочь лютая, разведешь щепоть земли Дона-батюшки в воде свежей, выпьешь — как ни в чем не был!» — Матвей Иванович слушал слова незнакомого казака, мысль уносила его к родной стороне, и тяжесть в груди мало-помалу легчала. — «Ты, отец наш, ты, наш батюшка, любишь Русь и любишь Дон святой! Ведь мы ведаем все, что ты ни делаешь, знаем мы, что нет ни гонца, ни посла от вас, чтобы ему ты не приказывал: „Поклонись Дону Ивановичу, ты напейся за меня воды его, ты скажи, что казаки его служат верою и правдою!..“»

— Это кто же писал сие послание? — спросил Матвей Иванович.

— Казак Серединенской станицы Ермолай Гаврильевич... А вот фамилии-то и не удосужил приписать.

— Ну и без фамилии того казака век помнить буду... Налей-ка от наших донских корешков. — И Матвей Иванович выпил без передыху кружку вина.

Он лежал без сна, вспоминая родной Дон и город Новый Черкасск, который не без его великого труда и старания основан. Теперь там, а точнее в шести верстах от города, в Мишкине, оставались жена и дочери.

При воспоминании о дочерях боль оттеснилась, хотя и чувствовался еще у сердца неприятный холодок. Дочек у Матвея Ивановича три: старшая Екатерина, средняя Анна и младшая Мария. Екатерина — падчерица, дочь второй жены, однако Матвей Иванович поровну делил между ними внимание и любовь. Старшая и младшая обзавелись семьями, а средняя, Анна, пока одинока. И лицом, и статью, и характером удалась. Мужа б ей хорошего, чтобы счастье сполна испытала...

Утром Матвей Иванович был у Кутузова.

— Чем провинился, ваша светлость?
— Царская воля, что божья. Смогу ли перечить? — Развел руками Михаил Илларионович.

— Значит, решение окончательное?

— Что подделаешь, Матвей Иванович? Все ходим под богом.

— Кому прикажете передать полки? — Больше всего боялся, что казаки попадут под начало неумного генерала, которых в армии было немало.

— Милорадович примет.

Милорадовича Матвей Иванович уважал: боевой генерал, не паркетный шаркун.

— А мне-то как?

— Находиться при мне. Вот придет с Дона ополчение...

Донское ополчение! Как же это он, Матвей Платов, забыл о нем? Ведь сам же писал оставшемуся за него наказному атаману Денисову, чтоб тот ускорил отправку казачьих полков... Вот оно, спасение! Казачьи ополченцы! Только согласится ли император оставить его во главе?.. Согласится! Уж если фельдмаршал обещал, то своего добьется даже у царя. Не хотел же тот назначать главнокомандующим Михаила Илларионовича, а назначил-таки против своей воли! Народ потребовал.

— Спасибо, Михаил Илларионович!

— Война еще не кончилась, атаман. Предстоит не только выгнать Наполеона из России, но и изничтожить. Схватить бы его, молодца... А? Что скажешь, Матвей Иванович?

— Схватить? Не легко это сделать. Вокруг него гвардия: и Молодая и Старая. Молодцы — один к одному. Не подступиться... — Атаман пощипал в раздумье короткий ус. — Впрочем, подумать надо. Вот придет казачье ополчение, тогда и можно размыслить, как устроить закидку на Бунапарта.

— Слышал я, что вы с ним встречались, с Бонапартом-то?

— Было такое. Даже одарил меня табакеркой.

И Матвей Иванович достал ее из кармана.

— Ну-тко, — протянул руку Кутузов. Он взял золотую, в большой пятак, вещицу и стал внимательно рассматривать. На крышке не очень искусно вделан антик, видны следы от украшений. Самих украшений нет. — Кто ж так над ней потрудился?

— Грешен малость, Михаил Илларионович. Бриллианты выломал, послал дочери. Тут был один особливо красив, Анне, моей средней, достался, на приданое. И портрет Бунапарта был. Только я его выломал: чего лик вражий при себе носить! Заменяю антиком... Привык к ней, пять лет пользуюсь.

Матвей Иванович тяжело вздохнул.

— Не удручайся особливо, атаман. Потерпи. Придут казаки с Дона, и примешь их под свое начало.

На первое сентября Кутузов назначил в деревеньке Фили Военный совет, чтобы определить дальнейший план и решить судьбу Москвы. Деревня находилась в двух верстах от Дорогомиловской заставы Москвы, всего в одном переходе.

Платов прибыл туда к четырем часам дня. Передав командование арьергардом Милорадовичу, он находился не у дел. Однако Кутузов распорядился пригласить его на совет.

Среди находившихся у избы главнокомандующего военных Матвей Иванович узнал генерала от инфантерии Дохтурова — командира шестого пехотного корпуса. Небольшого роста, плотно сбитый, он о чем-то говорил с высоким, худым генерал-лейтенантом Остерман-Толстым. Тот тоже командовал пехотным корпусом, четвертым. Был здесь и командир первого кавалерийского корпуса генерал-лейтенант Уваров и Коновницын, недавно вступивший в командование третьим пехотным корпусом, и начальник штаба Первой Западной армии генерал-лейтенант Ермолов.

Кутаясь в шинель, прошел в избу с нездоровым желтым лицом Барклай-де-Толли.

Вслед за ним появился полковник Толь — генерал-квартирмейстер главного штаба.

Все настороженно поглядывали на вход, ожидая приглашения. Время уже приблизилось к пяти, когда из избы вышел Кайсаров, исполнявший при Кутузове должность дежурного генерала, и Ермолов спросил его, скоро ли начнется заседание.

— Светлейший ожидает Беннигсена.

— Он не извещен, что ли?

— Как не извещен? — развел руками Кайсаров.

Вскоре Беннигсен прибыл. С важным, надменным видом, удостоив общего поклона, поднялся по ступеням на крыльцо, тонко позванивая серебряными шпорами.

И тотчас в дверях показался Кайсаров.

— Светлейший приглашает к себе!

В темных сенях Платов едва не стукнулся головой о притолоку, вошел в просторную горницу, глядевшую четырьмя окнами. Посреди стол, большой, крепко сколоченный, с картой. У стола длинная лавка и грубые табуреты.

В углу под иконостасом устроился Барклай-де-Толли. Рядом с ним — Остерман-Толстой. По другую сторону Ермолов. Беннигсен сел с края стола, ближе к главнокомандующему. Тот сидел в кресле, у огромной печи. Платов устроился в углу, по правую сторону от двери.

Принесли свечи, зажгли, стало светлей. И тогда Кутузов, подвинувшись с креслом ближе к столу, сказал глухим голосом:

— Я собрал вас, чтобы решить одно дело: принять ли новое сражение или отступить, оставя Москву Наполеону?

Матвей Иванович видел, каких трудов стоило фельдмаршалу произнести эти слова. В комнате воцарилась тишина. Все напряженно молчали.

В своем рескрипте о назначении главнокомандующим Кутузова Александр вручил фельдмаршалу судьбу России. Доверяясь опыту, мудрости, глубокой проницательности полководца, император наделил его неограниченной властью. И в силу этой власти старый фельдмаршал мог сам принять решение, однако он руководствовался правилом Петра Великого: заслушать прежде генералитет. Для этого и собрал сейчас старших генералов.

Опираясь о кресло, он подался вперед, взгляделся в Беннигсена, который на правах первого помощника должен был высказать свое мнение.

— Допустить сдачу священной столицы нельзя, — решительно заявил тот, вскидывая голову.

— Речь идет не о священной древней столице, — ответил Кутузов. — Речь о том, чтобы спасти армию, а вместе с ней и Россию. Что предпочтительней: потерять в сражении за Москву армию и город или сдать Москву, но спасти армию?

— Нет! Я не согласен! — возразил Беннигсен. — Нужно обязательно дать французам бой! Здесь! У Фили!

И Беннигсен стал излагать план сражения: во-первых, в течение ночи перевести войска с правого фланга на левый, а потом, во-вторых, ударить на рассвете по войскам противника с юга.

Но тут поднялся сидевший рядом с Барклай-де-Толли Остерман-Толстой.

— Ваше сиятельство, — обратился он к Беннигсену. — Ручаетесь ли вы за успех предлагаемого сражения?

Тот вспыхнул, щеки его, и без того красные, запылали, затряслись.

— Только сумасшедший может дать вам ответ.

И всем стало ясно, что Беннигсен сам не уверен в успехе предлагаемого плана, а предлагает он потому, чтоб только возразить главнокомандующему.

Все бросали косые взгляды на Барклая: он самый опытный, бывший главнокомандующий и военный министр. А тот сидел под большой иконой и выжидательно молчал.

— Что скажете вы, Михаил Богданович? — Кутузов понимал, что Барклай не очень к

нему расположен.

«Неужели и Барклай поддержит Беннигсена?» — подумал Платов. Несмотря на личную в прошлом неприязнь к Барклаю, он теперь с уважением относился к нему и признавал неправоту, когда летом, при отступлении послал ему резкое письмо, в котором выразил несогласие с планом ведения войны.

Столкнув с плеч шинель, Барклай встал.

— Ежели действовать наступательно, как предлагает барон Беннигсен, то следовало бы об этом распорядиться заблаговременно и сообразно с тем расположить армию. На это было еще довольно времени утром. Теперь уже поздно, — произнес он неторопливо и с внутренней сдержанностью продолжал: — Армия потеряла большую часть генералов и штаб-офицеров; многими полками командуют капитаны. Войска наши со свойственной русскому солдату храбростью могут сражаться, стоя на месте, и отразить неприятеля, но не в состоянии исполнять движение в виду неприятеля. — Он замолчал, оглядел всех находящихся в комнате и, переведя взгляд на Кутузова, медленно произнес: — А потому я предлагаю отступить к Владимиру и Нижнему Новгороду.

При последних словах Кутузов удивленно вскинул бровь.

— Выходит, без боя сдать Москву? — вскочил Дохтуров.

— Москва не составляет России, — возразил ему Остерман-Толстой. — Наша цель защитить Отечество. А для спасения его — главное сохранить армию.

Тут вмешался Коновницын.

— С утверждением барона Беннигсена я не согласен, однако же прежде, чем решиться на оставление столицы, считаю нужным дать немедленно неприятелю сражение. Атаковать его там, где он будет встречен...

Платов, давно оценив трезвый разум Барклая, соглашался с ним, но сердце протестовало. Привычный к решительным действиям даже при отступлении, он не мог смириться с мыслью, чтобы отдать город. Да какой! Москву! Но и сражение не может завершиться победой, уж очень измотана армия.

Чувствуя, как кровь приливает к голове и краска заливает лицо, он поднялся.

Все — и Барклай, и Остерман-Толстой, и стоявший за спиной с тетрадь и карандашом в руках Кайсаров, и Беннигсен — вопросительно посмотрели на него. Один лишь Кутузов, опустив голову, сосредоточил взгляд под ноги.

— Были б у меня казаки, немедля повел бы их на врага. Только нет их, а потому верю в мудрость Михаила Ларионовича.

Кутузов не пошевелил головой, зато Ермолов нехорошо улыбнулся, как бы говоря: хитришь, старик, уклоняешься от прямого ответа. А Матвей Иванович и в самом деле уклонялся.

— А что скажет генерал Ермолов? — Кутузов перевел взгляд на начальника штаба Первой армии. Кутузов его недолюбливал, считал неискренним и ненадежным человеком.

— Я за немедленную атаку, — ответил Ермолов, — но не потому, чтобы разгромить врага, а улучшить свои позиции, они ныне весьма слабы.

Вошел Раевский, командир 7-го пехотного корпуса. Он прибыл прямо из боя, находился в арьергардных частях: запыленный, усталый, злой. Последние слова Ермолова он слышал.

— Стало быть, позиция, которую занимает армия, невыгодна? — спросил он, сверля того взглядом.

— Совершенно верно. Армия разобщена глубокими оврагами, резерв не может поддерживать стоящие впереди войска...

Раевский отмахнулся рукой.

— Не от Москвы зависит спасение России. Нужно прежде всего сберечь войска. Мое мнение: оставить Москву без сражения. Я согласен с князем.

Воцарилась тишина. И в ней с особой явственностью прозвучали слова Кутузова.

— С потерей Москвы не потеряна Россия. Первою обязанностью поставлю сохранить

армию и сблизиться с теми войсками, которые идут к нам на подкрепление. Самым уступлением Москвы приготoвим мы гибель неприятелю. Из Москвы я намерен идти по Рязанской дороге. Знаю, что ответственность падет на меня, но жертвую собой для блага отечества.

Фельдмаршал замолчал, и были слышны за дверью голоса: там находились солдаты и любопытствующие жители. Все хотели взглянуть на Кутузова.

Опираясь руками о подлокотники кресла, Кутузов подался вперед, коротко произнес:

— Повелеваю отступить, — и устало махнул рукой.

Матвей Иванович возвратился на квартиру в таком состоянии, словно с похорон своих детей. Мысль об оставлении Москвы заслоняла его личное горе, вызванное отставкой, требовала от него проявления действий. Мог ли он, всю жизнь прошедший в походах, в этот тяжкий для родины час находиться не у дел?

— Ваше превосходительство, вам пакет прислан, — оставленный при нем хорунжий протянул опечатанный сургучом конверт.

С Дона! — угадал он по почерку. Писал наказной атаман Андриан Денисов-шестой: «Ополчение Донское двинулось уже в поход, на сборное место к Москве. Я должен к чести рода нашего по справедливости вам донести, что казаки идут на защиту отечества с совершенно ревностью и охотою, а некоторые, не довольствуясь еще тем, что сами выступают, помогают по мере избытка своего и другим сотоварищам своим».

— А как же иначе! — воскликнул Матвей Иванович. — На то они и казаки!

Денисов далее писал, что на кони сели от мала до велика, начиная с семнадцати до шестидесятилетних бывалых казаков, собрано двадцать шесть полков и одна шестиорудийная на конной тяге батарея. И они уже вышли в путь.

В большом волнении Матвей Иванович дочитал письмо, а потом заставил хорунжего перечитать вслух еще раз.

В Тарутино

— Идут на помощь с Дона казаки! — сказал атаман, вышагивая в волнении по тесной комнатенке. — Поднялся стар и млад. Несдобровать Бунапарте против силы такой!

Миновав восточную окраину Москвы, растекшиеся по городским улицам колонны отступающей русской армии вновь слились в единый поток, устремившийся на Рязань. Раненных в Бородинском сражении были тысячи. Тех, кто не мог передвигаться, увезли ранее транспортом полевых лазаретов, а здесь были те, кто мог еще стрелять и не пожелал покинуть товарищей. Шли с тяжелым чувством, какое бывает после ратной неудачи, но сейчас еще прибавилось горькое сознание сдачи неприятелю Москвы.

Ночью на привале пехотного батальона Матвей Иванович услышал разговор двух солдат.

— Уж лучше бы погибнуть при Бородине, чем сдавать белокаменную ханцузу, — горестно высказал один.

— Отольются ему наши беды. Попомни слово, отольются. Боком выйдет этот поход, — отозвался второй глухим прокуренным голосом.

У генерала от этих слов кольнуло в груди. Захотелось подойти к солдатам, обнять, утешить и вместе с ними разделить горе.

Никто точно не знал, куда держит путь армия, где конечный пункт, какая цель марша. Ходили противоречивые и разные толки, но все это были предположения. Своего замысла главнокомандующий не выдавал. Даже Беннигсен не знал намерения своего начальника. На все вопросы Михаил Илларионович уклончиво отвечал, что армия держит путь на Рязань, а куда последует далее — один бог ведает.

— Но ведь, заняв Москву, неприятель пойдет на Петербург! И в южные, неразоренные войной губернии он тоже может пойти и тем самым укрепит себя.

— Идем, куда нужно, — отвечал фельдмаршал.

На второй день после оставления Москвы головные части вдруг повернули на Тульскую дорогу, а еще через неделю перешли на Калужскую. Такого маневра никто не ждал.

Опасаясь, как бы находившиеся в арьергарде казачьи полки не сбились с маршрута — потом их ищи-свищи, — Матвей Иванович заспешил к ним.

Его встретил генерал Милорадович. Он только что получил от главнокомандующего указание.

— Касается оно и ваших казаков. Михаил Илларионович требует оставить на высотах прикрытие, а потом, когда неприятель принудит, оно должно отступить по Рязанской дороге.

— Но армия-то повернула на Калугу...

— В том то и дело.

— Кто же находится в прикрытии?

— Полки Ефремова и Сысоева.

С Ефремовым говорил сам главнокомандующий.

Матвей Иванович насторожился: далеко не каждый командир полка удостоивался чести получать указания от самого главнокомандующего. И он выехал к Ефремову.

Полковник Ефремов принадлежал к числу тех людей, о которых говорят: «себе на уме». Немногословный, медлительный, он казался тугодумом. Но за характером флегматика скрывалась мужицкая мудрость и надежная многоопытность.

— Главнокомандующий велел идти полку на Рязань, заманивать за собой французов. Сказал, чтобы сильней пылил.

Матвея Ивановича осенила догадка, что хитрость Кутузова состоит в том, чтобы увести к Рязани неприятельские силы, подалее от идущей на Калугу русской армии.

— Идти на Рязань и сильней пылить? — переспросил он Ефремова.

— Совершенно верно. Я фельдмаршалу сказал, что для надежности надобно б оставить еще один полк, тогда пыли будет поболее.

— И что же главнокомандующий?

— Согласился.

— Вот под свое начало и возьми полк Сысоева, а уж далее действуй, как повелел фельдмаршал. За все отвечаешь ты, полковник. Прояви умение и сообразительность.

Накануне вступления русской армии в Тарутино туда в сопровождении генералов прикатил главнокомандующий. Прибыл он, чтобы оценить избранное штабом место и дать необходимые указания, прежде чем подойдет войско.

Несколько колясок в сопровождении верховых охраны выкатили на возвышенность, омываемую спокойной рекой. Подвижный полковник Толь заспешил к коляске главнокомандующего.

— С этого места, ваша светлость, лучше всего обозреть местность.

Опираясь на плечо ездового, Кутузов тяжело поднялся с сидения и, сощутив глаз, взгляделся в заречную даль.

За рекой распростерлась пойменная луговина с островками кустарника, за ней в сизовой дымке стеной темнел лес. По луговине тянулась дорога. Перебежав по мосту реку, она взбиралась на возвышенность, пролегалла по деревне Тарутино и скрывалась с глаз в противоположной стороне.

— Никак, Карлуша, это Нара? — спросил у Толя Кутузов.

— Совершенно точно, ваша светлость. Неприятельские войска по ту ее сторону, в том дальнем лесу. А эта дорога идет на Калугу.

Избранной позицией Кутузов остался довольным.

— Теперь, господа генералы, ни шагу назад! Приготовьтесь к делу, пересмотрите оружие, помните, что вся Европа и любезное Отечество на нас взирают. Отсюда начнется изгнание неприятеля. Отсюда — и до самого Парижа.

Кавалькада направилась к небольшой деревеньке Леташовке. Лучшая изба в ней

отведена Михаилу Илларионовичу. На деревянных ее воротах мелом выведено: «Главкомандующий». У калитки застыл часовой.

— А в той избе, — указал Толь, — расположится начальник штаба. А далее — дежурная часть.

Матвею Ивановичу и генералу Ермолову для жительства была отведена изба в другой деревне, Романове, находящейся от Леташовки в версте. Там же располагались и многие офицеры штаба.

Отстраненный от командования арьергардом, Платов не утратил расположения главнокомандующего: его приглашали на важные заседания, с ним советовались, он по-прежнему начальствовал над казачьими полками. Когда один из начальников не известил атамана о действиях казачьих полков, Кутузов строго его предупредил, и тому пришлось принести Платову извинение.

А тем временем полковник Ефремов, имея в подчинении два казачьих полка, уводил за собой в сторону Рязани французский авангард. Действовали казаки столь искусно, что ни генерал Себастиани, командовавший передовым французским отрядом, ни сам Мюрат, чей корпус находился в авангарде, не смогли распознать казачью уловку.

Передовые полки французских драгун то и дело наталкивались на заслоны, вступали в перестрелку, попадали в хитро устроенные засады, от которых несли потери. Когда же, предприняв атаку, врываются на позиции, с которых только что по ним вели губительный огонь, там было пусто. Несмотря на все усилия схватить хотя бы одного казака, чтобы выведать, какие пред ними силы, сделать этого не удавалось. Русские были неуловимыми. Теряя время, французы бросались в преследование, но через несколько верст вновь попадали под огонь. А на четвертый день русские растворились совсем. Французы пустили в обход дороги легкий отряд, заслали лазутчиков, но те донесли, что никаких войск не встречали и даже местные жители не видели казаков.

Генерал Себастиани оказался в полной растерянности. Негодовал и Мюрат: «Где же русская армия? Куда могла исчезнуть?»

Десять дней после занятия Москвы Наполеон находился в полном неведении, где сосредоточились и что делают русские войска. Он, казалось, попал в западню, из которой не было выхода. Никто не вручил ключей, не предлагал перемирия. Лишь на одиннадцатые сутки стало известно, что русская армия находится у деревни Тарутино, перекрыв идущую на юг из Москвы дорогу. Наполеон едва сдержал себя, чтоб не разразиться проклятием в адрес Кутузова. И здесь он его провел!

Заняв позицию у Тарутино, русские надежно прикрыли южное направление, преградили путь в богатые губернии, которыми Наполеон намеревался воспользоваться при возвращении. Недоступными оказались для него и большие провиантские склады в Калуге.

И ко всему, русская армия как бы нависала над дорогами, по которым шло снабжение французов, угрожало их коммуникациям. Нужно было постоянно думать о своей безопасности, чтобы не допустить внезапного нападения русских.

Обстоятельства складывались так, что Наполеон все чаще думал о перемирии. Оно нужно было как воздух, без него пребывание войск в Москве теряло не только смысл, но становилось угрожающим.

23 сентября в Тарутино прибыл посланник Наполеона генерал Лористон.

— Разрешите вручить вам письмо от императора, — подал он пакет Кутузову.

«Князь Кутузов!

Посылаю к Вам одного из моих генерал-адъютантов для переговоров о многих важных делах. Хочу, чтобы Ваша светлость поверили тому, что Вам скажет, особенно когда он выразит Вам чувства уважения и особого внимания, которые я с давних пор питаю к Вам. Не имея сказать ничего другого этим письмом, молю всевышнего, чтобы он хранил вас, князь Кутузов, под своим священным и благим покровом.

Наполеон».

Прочитав послание, Михаил Илларионович положил бумагу на стол.

— С чем еще вы прибыли, генерал?

— С надеждой о мире, ваша светлость. Мой император выразил желание заключить мир.

— Заключить мир? Что вы, генерал? Ведь я на сие не имею права. Да и какой может быть мир? Пока вы не уберетесь из России, о мире и думать нечего. Вы полагаете, что со взятием Москвы война кончится. Нет! Она только начинается!

«Великая армия» оказалась в мышеловке. Зимовка в Москве исключалась: армия тогда совсем бы оказалась в кольце. И до Петербурга не близко. Уходить назад? Но как Европа оценит это?

Возвращаясь однажды из Леташовки, Матвей Иванович догнал молодого улана. Тот шел, опираясь на палку, сильно хромя.

— Останови-ка, — коснулся он плеча ездового, когда коляска поравнялась с бредущим.

— Что, братец, покалечило? — участливо спросил Матвей Иванович. — Садись, подвезу до Романова.

— Благодарю, ваше превосходительство.

Кривясь от боли, улан ступил на подножку, опираясь руками, поднялся, устроился рядом с генералом.

— Где это вас так угораздило? — вглядываясь в лицо юноши, любопытствовал Платов.

— У Бородина, ядром контузило. Ступить-таки невозможно.

— Лечить надобно, милейший, не то худо будет. — Вид раненого и страдальческое выражение лица вызывало сочувствие. — Сам-то откуда?

— С Сарапула.

— А ныне где служите?

— Был ординарцем у генерала Коновницына, Петра Петровича.

— Вот как! У самого дежурного генерала! Большая честь, скажу я вам. Как же ваша фамилия?

— Александров.

— Александров? Уж не тот ли вы храбрец, о котором так много говорят?

Лицо улана зарделось. «Словно красная девица», — отметил Матвей Иванович.

— А куда сейчас направляетесь?

— В Романово. Соберу вещички — и к себе домой, в Сарапул. Сам Михаил Илларионович дал разрешение. «Полечись дома, — говорит. — Домашний уход не заменят никакие лазареты и госпитали».

Молодой человек расположил к себе Матвея Ивановича, и тот, прощаясь, предложил:

— Нужен будет конь или коляска, скажи, помогу. И казака дам в сопровождение. Доедешь до Калуги, а там уж на перекладных.

— Спасибо. Я собирался о том просить, да не решался.

— Чего там! Приходи, моя изба — третья с правой руки.

В избе были гости. Слышались возбужденные голоса.

— К Ермолову, что ли, прибыли? — спросил он ординарца Степана.

— Никак нет. Сам генерал со вчерашнего дня отсутствует. А это партизанские офицеры, с ними тутошние друзья.

В Тарутино по вызову командования, с докладами и просьбами навевывались командиры партизанских отрядов. И часто останавливались у хлебосольных Ермолова и Платова.

— Эти разбойники превратили наше жилище прямо-таки в вертеп, — говорил незлобиво Алексей Петрович.

— Зато нам первым ведомо, что делается у французов, и мне небезынтересно послушать о моих донцах.

В партизанских отрядах было немало казачьих сотен. Недавно Денис Давыдов прислал Платову донесение, в котором сообщал об отменных действиях в его отряде донских казаков. Польщенный Матвей Иванович тут же ответил: «Приятельское уведомление ваше, через урядника Тузова я получил. Радуюсь очень успехам вашим над неприятелем, они славны, и я не могу довольно выхвалить их... Бей и войю, достойный Денис Васильевич, с нашедшею вражеской силой на Россию и умножай оружия российского и собственную свою славу!»

Партизанские отряды незримо окружили французскую армию. Между Можайском и Вязьмой действовал неустрашимый Денис Давыдов, в окрестностях Можайска находился отряд полковника Вадбольского, на Боровской дороге — поручика Фонвизина, капитан Сеславин со своим отрядом наводил на неприятеля ужас, действуя между Боровском и Москвой, капитан Фигнер — в окрестностях самой Москвы, полковник Кудашев — на Серпуховской, а Ефремов на Рязанской дороге.

Отряды взаимодействовали с крестьянскими партизанскими отрядами, нападали на обозы неприятеля, уничтожали мосты, переправы, устраивали завалы, в лесу сооружали засеки, истребляли французские гарнизоны и колонны на дорогах, вели разведку.

Толкнув дверь, Матвей Иванович вошел в избу. Сидевшие за столом офицеры вскочили, наступила тишина.

— По какому случаю торжество? — спросил он глаз на уставленный тарелками и мисками стол, там же стоял кувшин с вином.

— Разрешите доложить? — выступил светловолосый майор.

— Скобелев! — узнал Матвей Иванович адъютанта из главной квартиры. В бородинском сражении он держал связь с казачьим корпусом Платова. — Вы уже майор!

— Так точно, он самый! — скороговоркой ответил тот. — Отмечаем звание, во-первых...

— А во-вторых?

— Из Москвы прибыл капитан-храбрец Александр Фигнер. — Скобелев указал на среднего роста артиллерийского капитана с удивительно светлыми и чистыми глазами.

— Рад познакомиться.

— Ваше высокопревосходительство, позвольте по этому случаю пригласить вас к столу, — офицер с густыми бакенбардами — Крутов с грохотом отодвинул тяжелый табурет.

— Выходит, в самом деле я гость. Ну и молодцы вы! — ответил Платов шуткой, садясь за стол.

— Бокал! — скомандовал денщику молодой драгун-поручик.

Степан поспешно поставил граненый стакан.

В торце стола сидел чернявый, с мягким лицом офицер, которого однажды Матвей Иванович видел в Леташовке.

— Это — знаменитый наш пиит Василий Жуковский, — представил его Скобелев.

Тот встал, отвесил поклон и, не проронив слова, сел. Была в нем та мягкость, податливость характера, которая вызывает ответную любезность и уважение.

— Очень приятно, — произнес Матвей Иванович. — А как по батюшке?

— Василий Андреевич, — ответил Жуковский и опять поклонился.

— Разрешите мне тост, — поднял стакан Фигнер. И, не ожидая согласия сидящих, продолжил: — Я предлагаю тост за нашу победу! За изгнание французов не только из Москвы, но и пределов нашей любимой России-матушки!

О Фигнере ходили легенды. Рассказывали о необыкновенной, граничавшей с безумством смелости. Совсем недавно он явился к главнокомандующему и попросил разрешения проникнуть в Москву для разведывания неприятеля. Кутузов не стал возражать. Распорядился подчинить ему семь сорвиголов-казаков. «Остальных подбирай по своей воле

из народа. В том тебе полная свобода».

Переодевшись в цивильное платье, Фигнер проник в Москву. Выдавая себя то за купца, то за немецкого коммерсанта, он толкался среди французских офицеров и солдат, прислушивался к разговорам, выуживал нужное.

Питая фанатическую ненависть к Наполеону, он вознамерился его убить. Каким-то образом Наполеону стало известно о намерении русского лазутчика. Он приказал схватить дерзкого и доставить к нему. За поимку назначил немалую сумму. Фигнер стал таким образом личным врагом грозного властелина...

— За победу над врагом! — оглядывая сидящих, произнес Фигнер.

— За победу! — подхватили офицеры.

Вино выпили стоя, с клятвенной торжественностью и решимостью сражаться до конца.

— Ты бы рассказал нам о своем московском приключении, — попросил Фигнера Жуковский.

— Поведай, Александр, — поддержал его офицер с бакенбардами.

— О себе рассказывать не могу и не хочу. Былое быльем поросло. Уж кто из нас достоин внимания, так это Иван Скобелев. За дела отменные у него и шпага золотая и ордена, да и недавно в чин майорский возведен.

— Чином, господа, я более всего обязан нашему пииту, Василию Андреевичу, — и он указал на тихо сидевшего Жуковского.

— Каким же образом? — спросил Крутов и припушил рукой бакенбарды.

— Как знаете, служил я при светлейшем, — начал Скобелев. — И в один день счастье обернулось ко мне лицом. Заболел дежурный адъютант фельдмаршала, и вместо него поручили написать другому... Кому — сказывать не буду, потому что фельдмаршалу бумага не пришлась по душе. Прочитал он, отшвырнул, подписывать не стал. «Ну-ка ты, Иван, попробуй», — говорит мне. А какой я грамотей? Мне только в поле с супостатом воевать. Но не стал отказываться. С этой бумагой прямо к нему, нашему пииту, обращаюсь: «Выручи, голубчик! Что тебе стоит...» Тот и написал. Принес я бумагу Михаилу Илларионовичу, он прочитал и просветлел лицом: «Вот то, что надо!..» И с той поры стал мне давать бумаги на сочинительство. Я уже не рад. Какой из меня сочинитель!

— Ну уж, ну уж, — возразил Жуковский. — Ты среди нас первый рассказчик. Нужно только попытаться.

— Грамоты, Василий, не хватает. За моей спиной начальная школа да двенадцать лет пребывания в нижних чинах.

Служба и в самом деле Скобелева не баловала. Лишь в 29 лет он удостоился подпоручика, а вскоре получил тяжелое ранение в правую руку: два пальца оторвало и кисть повредило. Это послужило поводом к увольнению из армии. С началом войны он не без помощи жены Кутузова Екатерины Ильиничны был приписан к канцелярии главнокомандующего титулярным советником, потом уж получил звание капитана.

— Так чем же кончилось ваше сочинительство? — спросил Матвей Иванович Скобелева. — Узнал ли главнокомандующий настоящего сочинителя?

— Я сам ему признался. Сказал, что истинный Златоуст не я, а вот он, Жуковский!

Обычно любивший главенствовать за столом, на этот раз Матвей Иванович не стал брать на себя привычную роль. Прислушивался к голосам молодых. Часто бросал взгляд на Жуковского. О человеке этом он слышал, но вот впервые за одним столом.

— Ваше высокопревосходительство, — обратился Фигнер, — чем Василий Андреевич вас покорил? Уж очень ласков к нему ваш взгляд.

Матвей Иванович крикнул:

— Всевидящ ты, Александр. Узрел и это. Но, скажу я вам, таков и должен быть партизанский вожак: все видит, слышит, замечает. А посматривал я на пиита потому, что очень уж он смахивает на казака. Даже мысль стрельнула: не с Дона ли он родом?

Жуковский зарделся, ответил:

— Я — туляк, с Белевского уезда.

— Значит, русский, а я думал наш, казак.

Как и большинство донцов, Платов считал казаков особой нацией.

В облике Жуковского в самом деле отмечались восточные черты. И не случайно: мать его была турчанка, Сальха. Ее пленили при взятии крепости Бендеры и вместе с младшей сестрой вывезли в поместье Бунина, под Белево. Там в нее влюбился хозяин поместья помещик Бунин. Будущий поэт стал плодом их запретной любви. Ребенка усыновил живущий по-соседству мелкопоместный, добрейшей души человек Андрей Жуковский.

— Уж ежели Василий Андреевич Златоуст, то пусть нам прочитает свои вирши, — предложил драгун-поручик.

— Просим! Просим! — поддержал его офицер с бакенбардами, Крутов.

Жуковский поднялся.

— Читай «Светлану», — сказал Фигнер.

— Нет, господа, позвольте мне произнести другое, еще никому не ведомое, сказать о вас, Матвей Иванович.

— Обо мне? Чем заслужил такую милость?.. Впрочем, как знаете, — отмахнулся он.

В комнате воцарилась тишина. Все смотрели на застывшего с сосредоточенным видом Жуковского. Наконец, негромким голосом он начал:

Хвала, наш Вихорь-атаман,
Вождь невредимых, Платов!

И все, будто по команде поглядели на Матвея Ивановича. Тот уткнул взгляд в столешницу и с преувеличенным усердием катал пальцем хлебный мякиш.

Твой очарованный аркан
Гроза для супостатов.
Орлом шумишь по облакам,
По полю волком рыщешь,
Летаешь страхом в тыл врагам,
Бедой им в уши свищешь;
Они лишь к лесу — ожил лес,
Деревья сыплют стрелы;
Они лишь к мосту — мост исчез;
Лишь к селам — пышут селы.

— Bravo! Bravo! — восхитился Скобелев. — Это же чудесно, господа! Очень метко!

И остальные аплодировали.

— Ну, спасибо, Василий Андреевич, спасибо за добрые слова. — Матвей Иванович даже прослезился. — Никогда еще такого о себе не слыхивал. Хороший ты человек, прекраснодушный и светлый. Истинный бог! Только какой уж я вихрь! Был им когда-то, а ноне все позади. В мой-то шестьдесят годков быть ли вихрем?

— Ну нет! — возразил Фигнер. — Все в стихах правильно, до запятой. Лучше о вас и не скажешь! Вихорь-атаман!

— Да здравствует Матвей Иванович! Виват генералу! — воскликнул драгун-поручик.

Двери бесшумно растворились, и на пороге выросла фигура.

— Ваше превосходительство, улан Александров прибыл по вашему распоряжению.

— Ах, да! — стукнул себя по лбу Матвей Иванович. — Я-то совсем запамятовал... Степан! Распорядись дать мою коляску сему господину. Пусть доставит до Калуги и мигом назад.

— Проходите к столу, — пригласили вошедшего офицеры.

Однако тот не поддался на уговоры, откланявшись, вышел.

— Необычайной храбрости, я слышал, сей молодой человек, — заметил вслед

Скобелев.

— И не без странностей, — высказался Крутов.

Солдатушки, бравы ребятушки,
А где ваши жены —

донесся с улицы голос. Там шел с учения солдатский строй. Запевале ответили:

Наши жены — ружья заряжены,
Вот где наши жены.

По-разному сложились судьбы людей. Александр Самойлович Фигнер в октябре 1813 года, когда русские войска блокировали Данциг, был в чине полковника. Под видом итальянца пробрался в крепость. Его схватили, но на суде он проявил величайшую находчивость, его оправдали. Комендант крепости приблизил смельчака к себе и вскоре направил его с важными документами к Наполеону. Документы, конечно, оказались в русском штабе. Отважный офицер погиб в неравной схватке с французами.

Трудная и вместе с тем блестящая судьба сложилась у Ивана Никитича Скобелева. В бою он лишился руки, а вторая уже до того была изувеченной. Его называли одноруким генералом, честным и неподкупным. И еще он пользовался успехом как солдатский писатель.

А уланом Александровым оказалась Надежда Дурова, известная в России как отважная Кавалерист-девица.

ИЗГНАНИЕ ВРАГА

Донское ополчение

В начале октября в Тарутино прибыло с Дона ополчение, от всех ста девятнадцати станиц Войска Донского. Платов устроил полкам смотр. Почти в каждой сотне встречал знакомых: с одними воевал в Восточной Пруссии, с другими на Дунае, были участники Персидского похода, кавказских боев.

Узнал атаман и молодого казака Антипа Завгороднего, табунщика с его, платовского, конезавода. Управляющий Персианов не хотел казака отпускать, берег для дел хозяйских, но Антип упросил.

— А-а, Антип! Здравствуй! — подъехал к нему Платов. — Как служба складывается?

Антип приосанился:

— Справно идет! Всех лучше!

— Казак Завгородний — добрый хлопец, — подтвердил и сотенный, — Притензиев к нему нет.

Антип от похвалы зарделся, в груди захватило: слова не может вымолвить.

Впервые Антип Завгородний увидел атамана, когда тот приехал на конный завод. Накануне Персианов предупредил всех, что Платов будет смотреть коней, возможно, придется на них скакать. Так что быть ко всему готовым.

И точно, на следующий день хозяин завода объявился.

С ним какие-то чины. Антип вперил в атамана глаза, словно никого более и не было. Стоит у конюшни, не шелохнется.

Толпа подошла ближе, все глядят на него, что-то говорят, а он видит только атамана. Подскочил Митрич, тоже табунщик, сунул кулаком в бок:

— Ты что, паршивец, не слушаешь, что сказывают? Выводи Гнедка!

Бросился Антип в конюшню, вывел под уздцы жеребца. Тот что огонь: бьется, взвивается свечой на дыбки, норовит вырваться.

— Хорош красавец! Хорош! — слышались голоса.

И атаман доволен: улыбнулся, причмокнул, покачал восхищенно головой.

«Посмотрел бы его в ходу!» — подумал Антип, перехватив взгляд атамана. А тот будто прочитал его мысль.

— Готовьте коня к пробежке. — И к Антипу: — Ты поскачешь, казак?

— Мой конь, мне и скакать.

— Ишь ты, «мой конь»!

Скакал Антип вместе с тремя другими казаками. У тех кони тоже под стать Гнедку: рослые, сильные, с бешеным огнем в глазу.

— Смотри, Антипка, не прозевай! — предупредил парня Митрич. — Прискачешь первым — милостью одарит атаман, а оплошаешь — довольства от Персианова не жди...

Управляющего Персианова побаивались, хоть человеком он был добрым и не скрягой. Говорили, что дед его или прадед был у турок в плену, потом попал к персам.

От своей бабки он унаследовал умение лечить, и в плену стал незаменимым человеком: вначале пользовал своих земляков, а потом и персов. Да так успешно, что молва о нем разлетелась далеко от местечка, где он пребывал.

Вскоре его вызвали то ли к шейху, то ли к визирю. Богатый был перс: одних наложниц в гареме более сотни. Из детей же — всего одна дочь, в которой не чаял души. А она вдруг в последнее время захирела, стала чахнуть.

Условия богач поставил лекарю короткие: вылечишь любимицу — озолочу, а будет неудача — лишу головы.

Лечил казак девушку долго и старательно. Похорошела Фатима, на щеках заиграл румянец, глаза заблестели, что твои угольки.

«Ну, казак, что хочешь в награду? Ничего не пожалею».

А тот в ноги бац да молвит: «Отдай мне дочь свою...»

Хотел визирь его жизни лишиться за такую дерзость, да тут сама Фатима упала рядом с казаком: «Не согласишься, отец, руки на себя наложу. Нет без него у меня жизни...»

Так и привез казак на Дон жену-персианку, а с ней — и богатство немалое, половину которого раздал на радостях станичникам. Поселились в Черкасской.

Женщины не стали называть чужеземку Фатимой, звали просто Персианкой. А Ивана — Персиановым мужем. С той поры кличка переросла в фамилию.

Уж как гнал Антип Гнедка да обскакал остальных, одному богу известно.

Подошел атаман, глаза сияют.

— Молодец, казак! Лихой всадник! — пожал ему руку, а потом спрашивает: — Как звать?

— Антип Завгородний!

— Завгородний?.. Завгородний?.. Уж не из Раздорской ли ты станицы?

— Из самой ее, — отвечает Антип.

— А отца-то не Фролом звали?

— Как же не Фролом? Фролом именовали.

— Вот то-то я и гляжу: уж очень знакомой мне лихость твоя показалась. Фрол Завгородний — отец твой — служил у меня в войну с туретчиной. Лихой казак, я вам скажу, был, — обратился он к стоящим позади. — Весьма лихой. Ведь у него за храбрость никак Георгий был?

— Так точно, был! — ответил, выставив грудь, Антип.

— Ну вот, видите, — опять обратился к свите Платов. — Яблоко от яблони недалеко падает. Этот казак весь в отца. Я вам скажу, что он еще покажет свою лихость. Уж это мне поверьте. Глаз на людей, особенно казаков, у меня наметан.

У Антипа от этих слов будто крылья выросли. И вот он снова пред атаманом в боевом казачьем строю...

Фельдмаршал Кутузов прибыл в сопровождении верховых. С помощью адъютанта слез с легких дрожек и, приложив ко лбу ладонь, оглядел широкое поле с выстроенными полками. Молча выслушал рапорт атамана Платова, протянул руку.

— Это все с Дона?

— Совершенно верно, ваше сиятельство: казачьи полки.

— Сколько же их здесь?

— Двадцать, ваше сиятельство.

— Сколько? Двадцать? Не ослышался ли?

— Никак нет! Двадцать полков и еще конная батарея о шести орудиях. А шесть ранее прибывших полков уже в деле, с Орловым-Денисовым.

Кутузов шагнул к атаману.

— Спасибо, Матвей Иванович! И вам спасибо, донцы-молодцы! За верность Родине-матушке, за преданность земле Русской! — На глаз фельдмаршала набежала слеза.

Тяжело ступая, Кутузов направился было к строю, но Матвей Иванович вовремя кивнул и дрожки мигом подкатили.

Так, на дрожках, фельдмаршал и объехал долгий строй казаков-ополченцев, начиная с его правого фланга и кончая левым, где находились орудия донской конной батареи. За дрожками ехал верхом на светло-сером жеребце атаман.

— Ну что, Матвей Иванович, в моей памяти наш разговор, — поглядел из-за плеча Михаил Илларионович. — Помню обещание: твои войска, стало быть, ты ими и командуешь.

— Дозвольте слово сказать казакам? — Набрав побольше воздуха, Матвей Иванович зычно прокричал: — Казаки! Вас оторвали от родных станиц, жен ваших и детушек, матерей любимых да пригожих сестриц, позвали, чтобы защитить землю нашу от супостата Бунапарта и французов. Забрались они в нашу Москву белокаменную. Да надолго ли? Нет! Можем ли терпеть мы, люди русские, сие надругательство? Никак не можем! Не может быть пощады неприятелю-вору! Все зло, я вам скажу, истекает от злоумышленника Бунапарта. Он затеял войну с Россией, он повел на нашу землю войско чужеродное. А чтобы пресечь навсегда зло, надобно схватить проклятого! Схватить, живым или мертвым, и приволочь его.

Матвей Иванович выждал и снова заговорил: — Я обещал это сделать фельдмаршалу Михаилу Илларионовичу Кутузову. А коль обещал то вы, казаки, помогите мне своей лихостью. С вашей помощью, казаки-детушки, мы все сможем. Мы русские, и мы все одолеем — так, я вам скажу, гутарил незабвенный Александр Васильевич Суворов. Кто в сем деле отличится и доставит Бунапарта живым или мертвым, тому от меня награда... Есть дочь у меня, красавица, разлюбезная Анна...

Тут атаман выждал. Воцарилась напряженная тишина.

Все ждали, что ж скажет атаман. Даже Кутузов насторожился, вскинув круто бровь.

— Так вот: быть моей дочери Анне, я вам скажу, женой отважного удальца!

Над строем прошелестели голоса.

— И казак тот не только станет моим зятем, — продолжал Матвей Иванович. — Еще в награду получит... десять тысяч червонцев! Ничего мне не жаль для России-матушки!

Ряды словно взорвало:

— Ура!

— Слава батьке!

— Смерть хранцузам!

В воздух полетели шапки, зашевелился лес пик. Услышав слова атамана, Антип Завгородний обомлел.

— Ну, Митрич, — толкнул он соседа. — Для меня это сказано. Зубами землю буду грызть, а Бунапарта того непременно сыщу и доставлю.

— Слово сказать, что птаху выпустить, трудней ее словить.

— Ладно. Увидишь. Только будет атаманова дочь моей невестой... Или помру.

— Помереть легче...

— Аль я не казак?

— Казак-то казак, да не тот у тебя сват.

А Кутузов, уезжая, заметил:

— Что-то не пойму тебя, Матвей Иванович! Ну уж червонцы — куда ни шло. Но отдавать дочь неизвестно кому... — фельдмаршал пожал плечами.

— Чтобы знать казака, нужно им быть. Десять тысяч хотя деньги и немалые, однако ж это деньги. А заполучить дочь самого атамана — это великий приз. Казаки за такую награду из-под земли того Бунапарта достанут.

— Ой ли?..

— Непременно приволокут, ваша светлость, — уверенно ответил Матвей Иванович.

В тот же день Антип Завгородний повстречал сына атамана, Ивана Платова. Тот возмужал, утратил мальчишество, над губой пробивались редкие, такие же, как у отца, черные усики. Взглянув на его погоны, Антип опешил: есаул!

— Здорово, станишник! — приветствовал Иван казака. — Аль не узнал? А вот я тебя зараз приметил.

— Вы-то вот какой... — замялся Антип, переходя на непривычное «вы» и не зная, как продолжить разговор. Ты в каком-то полку? У Сысоева? Давай к нам, в атаманский, под крыло самого Платова. — Называть Матвея Ивановича отцом или батей Иван не посмел. Отец еще при первой встрече предупредил: «Батя я тебе дома, на службе — генерал, ваше превосходительство».

— Ды-к это-о что? — замялся Антип, польщенный предложением: атаманский полк находился на особом положении, и служить в нем считалось почетом. — Я-то готов, да сотник вот как? Митрич еще... Мы вместе... Помните-то Митрича?

Иван, конечно, помнил немолодого табунщика, который на конном заводе считался знатоком дела.

— И Митрича твоего возьмем...

В преследовании

Рассказывали: после того как военный совет в Филях кончился, взволнованный предстоящим отступлением из Москвы Кутузов в сердцах стукнул кулаком по столу и с угрозой проговорил: «А возмездия французам не миновать! Я заставлю их есть лошадиное мясо!»

И вот теперь, после недолгого пребывания в Тарутино, где русские войска получили подкрепление, отдых, пополнились оружием и боеприпасами, подошло время осуществления задуманного главнокомандующим плана разгрома врага.

Первый удар он решил нанести по удаленному от главных сил французскому авангарду, расположившемуся в пяти верстах от русского лагеря. Уверовав в свою силу и безнаказанность, французы никак не ожидали воинской дерзости от русских. Возглавляемый маршалом Мюратом авангард насчитывал в своем составе 26 тысяч человек при 187 орудиях.

Замысел Кутузова состоял во внезапном нападении на расположение противника одновременно сильными группами пехоты и кавалерии по флангам и с фронта во взаимодействии с партизанскими отрядами Дорохова и Фигнера.

Платов в том бою не участвовал. Десять казачьих полков из обходящей группы возглавил генерал Орлов-Денисов. Это был отважный военачальник и сподвижник донского атамана.

На рассвете 6 октября казаки внезапно атаковали левый фланг французского расположения. Врага охватила паника, начался переполох. Тут подоспели главные силы русского отряда. Разгорелось сражение.

Оно продолжалось весь день и завершилось лишь вечером. Победа была окончательной. Французы потеряли убитыми и ранеными 2,5 тысячи человек, более тысячи пленных, 38 орудий и почти весь обоз. Разбитый Мюрат поспешно отступил к Москве, где

находились главные силы французской армии.

Узнав о поражении, взбешенный Наполеон воскликнул: «Идемте к Калуге, и горе тем, кто попадется нам на пути!» На следующий день почти сотысячная армия покидала Москву. За армией, растянувшись на десятки верст, следовал обоз, состоявший из сорока тысяч повозок с награбленным добром.

Наполеон намеревался в первом же сражении разбить русских и выйти на южную, идущую через Малоярославец, на не разоренную еще французской армией Калужскую дорогу, и тем спасти армию от голода, но Кутузов разгадал замысел. К Малоярославцу был брошен русский корпус Дохтурова. Туда же были направлены и 20 казачьих полков, возглавляемых Платовым.

Первым на рассвете 12 октября к городу подошли егерские полки. В Малоярославце находилось всего два французских батальона, занявших город накануне вечером. Генерал Дохтуров приказал выбить их. После решительной атаки егерей 38-го полка выполнили приказ. Но тут подошла французская дивизия, и командир генерал Дельзон повел ее на город. Тогда в дело вступили русские полки: 6-й и 19-й. Схватка приняла ожесточенный характер. Дельзон был убит, но город французы сумели занять. Туда для усиления немедленно вышла дивизия Брусье. Кутузов приказал бросить в сражение корпус Раевского. В полдень город от неприятеля освободили, но французы не смирились и ввели свежие силы.

В течение дня город переходил из рук в руки восемь раз и все же оставался за французами. Они потеряли пять тысяч убитыми, русские — три тысячи человек.

В течение всего сражения казачьи полки Платова находились на левом крыле боевого порядка, охватившего с юга город полукольцом. Перед ними была река Лужа, за которой на идущей из Боровска в Малоярославец дороге сосредоточились главные силы французов.

Решив нанести удар по неприятельскому тылу, Кутузов приказал Платову совершить ночное нападение. Соблюдая осторожность, полки переправились через реку и тремя параллельными колоннами двинулись к дороге. В это время по ней к Малоярославцу выдвинулась французская артиллерия.

Выскочив из лесу, казаки с гиком бросились на артиллеристов. Сделано это было столь внезапно, что французы не смогли произвести ни одного выстрела. Пятьдесят пушек оказались в руках казаков.

В суматохе и тумане никто не рассмотрел блестящую свиту, окружившую самого Наполеона. Тот как раз находился у дороги, прибыв для рекогносцировки.

— Ваше величество, казаки! — всполошилась свита. — Они нападут на вас! Надо уходить!

Наполеон обнажил шпагу, то же сделали и остальные.

— Император в опасности! — послышались крики, и конвой бросился на выручку. Подоспела гвардия.

Казаки отходили к реке, на противоположном берегу которой Платов установил двенадцать орудий. Это была своеобразная ловушка — вентерь, в которой казаки затягивали французов. Едва французы вырвались к реке, как по ним ударили картечью...

15 октября французские войска вышли на Смоленскую дорогу. «Скорость, с каковою идет неприятель, так велика, — доносил начальник штаба русской армии Ермолов, — что без изнурения людей догнать его невозможно».

Наполеон стремился как можно быстрее достигнуть Смоленска, где имелись запасы продовольствия и фуража, где можно было восполнить армию резервами. Чтобы задержать преследующих по пятам казаков Платова, он приказал начальнику арьегардного корпуса маршалу Даву сжигать и истреблять на пути все уцелевшие села и деревни.

Наиболее подвижной силой в русской армии были легкие казачьи полки. Двигаясь параллельными маршрутами, они настигали отступающие части врага, наносили внезапные фланговые удары, тормозили движение до подхода основных сил русских войск. «Бить врага

без передыха, бить днем и ночью», — требовал Кутузов.

Первое крупное столкновение отряда Платова с французами произошло 19 октября у Колоцкого монастыря. Прикрывавший отход главных сил аррьергард Даву заблаговременно занял выгодную позицию на дороге к монастырю, находившемуся в сорока верстах от Гжатска. Располагая значительными силами пехоты и артиллерии, авангард в течение ночи успел изготовиться. Огнем отбил казачью атаку.

Наблюдая бой, Платов оценил положение. У Даву более тридцати орудий, а у него только двенадцать. Артиллерийская перестрелка ни к чему, она лишь отнимет время, да и вряд ли принесет успех. Фронтальной атакой врага не одолеть.

Вызвав генералов Иловайского и Кутейникова — они командовали бригадами, — Платов приказал скрытно совершить обход неприятельских позиций и атаковать с фланга.

— Кайсаров же будет отвлекать с фронта.

Полки Иловайского и Кутейникова вихрем обрушились на фланг французов, смяли его и стали углубляться в расположение. В стане врага поднялся переполох, трубы заиграли тревогу, снимались с позиций орудия. Тогда Платов с остальными полками атаковал неприятеля с фронта.

Но враг не был сломлен. Отходя, он оказывал сопротивление, артиллерия подпускала казаков и открывала по ним почти в упор губительный огонь. И снова спешно отступала.

Колоцкий монастырь располагался на возвышенности. Построенный четыреста лет назад, он имел мощные кирпичные стены, служившие надежным укрытием от ядер и пуль. Здесь маршал Даву снова пытался занять позицию.

Но возглавлявший донскую артиллерию генерал Карпов открыл огонь по ближайшим подступам к монастырю, а полк Кайсарова стремительно ворвался в монастырь через ворота.

— Наконец-то явились освободители! — встретил казаков иеромонах. — Да вам бы немного раньше. Ведь Наполеон за сим столом сидел!

— Сам Наполеон? — не поверил Платов.

— Он самый. Мы только сели обедать, как набежали супостаты. А среди них и он. Вошел, как был, в шапке своей, пожелал доброго аппетита и уселся против меня за стол. Взял ложку и стал есть щи. Похлебал и ушел.

— Что же ваша братия не задержала его? Эх вы! — генерал в сердцах едва сдержался. — В погоню!

Казачьи преследовали возглавляемый Даву аррьергард до Вязьмы. И у самой Вязьмы произошло кровопролитие, длившееся почти десять часов, сражение, в котором казачьи полки, взаимодействуя с дивизией Милорадовича и партизанскими отрядами Давыдова, Сеславина, Фигнера, Кудашева, сыграли немаловажную роль в окончательном разгроме корпуса Даву. Наполеон вынужден был после этого поставить в аррьергард корпус маршала Нея, слывшего во Франции храбрейшим из храбрых.

После Вязьмы казаки Платова получили задачу преследовать врага, действуя севернее Смоленской дороги, по которой из Дорогобужа на Духовщину отходил корпус Богарнэ. Направляя туда войска своего пасынка, Наполеон преследовал две цели: во-первых, усилить теснимые с севера генералом Витгенштейном свои войска, а также сохранить 3-й корпус, направив его по менее опустошенной дороге.

Оставив часть сил во главе с Грековым на Смоленской дороге, Платов бросился вслед итальянцам, из которых состоял корпус Богарнэ. Следуя боковыми проселочными дорогами, казакам удалось 26 октября настигнуть врага и выйти к середине колонны. Здесь, не тратя времени и применив свой излюбленный способ лавы, они атаковали неприятеля.

Схватка была короткой, но жестокой. Казаки действовали самоотверженно, в ход пошли сабли, пики, ружья, кулаки. Враг не выдержал, колонна его разорвалась. Находившиеся в головной части, спасаясь от преследователей, бросились к Духовщине, те же, кто был в хвосте, в панике бежали назад, к Дорогобужу. На поле боя остались брошенными орудия, боеприпасы, повозки, сотни лошадей. Около трех тысяч человек попали в плен, вдвое больше было уничтожено, пятьдесят орудий оказались в руках казаков.

Особенно активно действовал казачий полк Тарасова. Командиру удалось захватить одно из знамен Богарнэ.

Обычно с наступлением темноты противник не решался совершать передвижения, но тут обстоятельства потребовали нарушить правило. Ночью вблизи селения Ульхова Слобода корпус сосредоточился, чтобы продолжить путь на Духовщину. Несмотря на понесенное днем поражение, он еще представлял значительную силу.

Высланные Платовым казачьи дозоры к утру донесли, что итальянцы Богарнэ продолжают движение: идут по дороге к деревне Ярцево, где имеется единственный мост через реку Вопь.

При Платове как раз находились командиры полков: Мартынов, Харитонов, Власов, Тарасов, ожидали подхода полка Грекова.

— А вот не видать французу Богарнэ моста! — атаман стукнул кулаком о стол. — Вместо переправы мы устроим ему баню. — Власов, немедленно высылай эскадрон в Ярцево! Снабди казаков топорами да пилами. Мост на Вопи уничтожь! А эскадрону на том берегу укрыться в засаде. Полку Харитонова тоже быть у реки: обрушиться на неприятеля, когда тот начнет переправляться. А остальными силами свершим дело по сию сторону реки.

До Вопи было расстояние суточного перехода, и итальянцы шли форсированным маршем, спеша добраться к мосту засветло. Каково же было их разочарование, когда увидели, что моста нет, из воды торчали лишь опоры.

Приближалась осенняя ночь, лил холодный дождь. От деревни остались лишь развалины.

— Может, их сразу и атаковать? Обрушиться лавой? — предложил Платову командир бригады Иловайский.

— Нет, выждем, пусть поболее соберутся.

Казаки атаковали неприятеля одновременно на двух берегах. В плен попало более двух тысяч человек и двадцать восемь орудий. Путь на Духовщину продолжали немногие, но и они у города были атакованы направленной ранее туда бригадой Иловайского.

По этому сражению главнокомандующий фельдмаршал Кутузов издал приказ. В нем сообщалось: «Генерал от кавалерии Платов 26-го и 27-го чисел сего месяца, сделав двукратное нападение на корпус вице-короля Итальянского, следовавший по дороге от Дорогобужа к Духовщине, разбил оный совершенно, взял 62 пушки и более 3500 человек пленных. По страшному замешательству, в каковое приведен был неприятель нечаянною на него атакою, продолжается по сие время поражение рассеявшихся сил его...

Между пленными находится много высших чиновников и начальников главного штаба: генерал-аншеф Самсон; сам вице-король Итальянский едва не был захвачен».

К Смоленску Богарнэ подошел, лишившись части пехоты, половины кавалерии, шестидесяти орудий и почти всего обоза.

Казачья закидка

Наполеон ехал в утепленной карете вместе с начальником штаба армии Бертье. Откинувшись на спинку сидения, он размышлял о чем-то своем. Маршал Бертье тоже молчал, он хорошо знал Наполеона, чтобы осмелиться прервать сейчас его мысли. По обе стороны дороги лежала заснеженная всхолмленная равнина с темневшим вдали угрюмым лесом. По дороге брели солдаты, когда-то статные и brave, теперь жалкие и беспомощные. Надев на себя всякую рвань, лишь бы уберечься от мороза, они шли, оступаясь и скользя, цепляясь друг за друга. И лошади, обессиленные от голода и долгих переходов, едва передвигались...

Зима подобралась внезапно. В ночь на 15 ноября вдруг похолодало, надвинулись черные тучи, пошел снег. К утру стало белым-бело. А потом ударил мороз, и вся прелесть тихой осени сменилась сплошным ненастьем.

Думал ли он, всеильный император, что все так обернется? Что не только русская

армия, но и российская зима обрушится со всей суровостью на его блистательное и досель непобедимое войско.

Его предупреждали, говорили, что надо спешить убраться поскорей из Москвы и вообще из России, убеждая, что эта необозримая по своим просторам страна проглотит и армию, и его самого, великого Наполеона.

Он оставался, однако же, непреклонным. Все ждал, русские придут к нему с поклоном, первыми заговорят о мире. Но Кутузов молчал. Не отвечал и Александр.

Даже потеря Москвы и неслыханный пожар, уничтоживший почти всю вторую российскую столицу, не поколебали упрямство и стойкость русских.

Не верил он рассказам о суровости русской зимы, осень околдовала его. Она была тихая, солнечная, ласковая, и он не раз повторял, что она здесь такая же, как и в Фонтенбло — летней резиденции французских королей, — которую он так обожал. Даже в день выезда из Москвы, 7 октября, погода была чудесная: с легким морозцем, серебряным инеем и деревьями в багряно-золотистом убранстве. Он даже подшучивал над теми, кто распространялся об ужасах русской зимы.

А ведь они были правы... Сейчас он похож на того незадачливого охотника, который сидит на медведе, держит его морду, а выпустить не может, потому что тот его подомнет.

Он огласил на всю Европу, что поверг Россию, что отныне он — властелин мира... Теперь же не знает, как побыстрее выбраться назад.

Нет, не зима победила французскую армию, не морозы и метели. Русский народ — главный враг ее.

Такие безрадостные мысли овладели Наполеоном в тот хмурый ноябрьский день по дороге к спасительной Березине.

— Казаки! — нарушая молчание, произнес Бертье.

— Где? — Наполеон прильнул к оконцу.

В полуверсте слева и впереди маячили всадники. На заснеженной равнине их фигуры четко выпечатались, и даже были видны торчащие пики.

Русские войска все настойчивей и чаще атаковали отступающие колонны. Особенно досаждали казаки.

— Опять этот Платов!

Наполеон вспомнил встречу в Тильзите с казачьим генералом, в памяти всплыло простоватое, не лишенное лукавства и мудрости лицо, маска протачка. Вспомнил и ответ атамана, когда он, Наполеон, высказался о луке, что применили в нападении у Веллау башкиры. «Это, кажется, пошло от гуннов», — сказал он тогда с грубой прямоотой. «Когда защищаешь родную землю, и дубина хороша», — прищурился, ответил Платов.

Обгоняя экипаж, в сторону казаков помчался эскадрон гусар. Кони глубоко увязали в снегу, и за каждым пушилось белое облачко. Но казаки словно каменные.

— Они никак не реагируют, — заметил Наполеон, отведя взгляд от окна.

— Сейчас этих бестий проучат, — ответил Бертье.

Неожиданно экипаж тряхнуло, и он стал сползать с дороги. Оба ухватились за сидения. Снаружи послышались голоса, шедшие рядом солдаты подперли карету плечами.

Наполеон снова посмотрел в окно и с удивлением заметил, что в том месте, где только что находились казаки, никого нет.

— Где же они? — спросил он Бертье. — Там были люди или мне почудилось?

— Они бежали, ваше величество. Бежали как трусы. — Маршал замолк, про себя подумал: «А мы-то что делаем?» Скрывая мысль, поспешно дополнил: — Видимо, это разведка русских.

Войска французской армии шли одной дорогой. Колонны сильно растянулись, между ними образовались пустые пространства, и ими свободно пользовались казаки, чтобы нападать с обеих сторон.

Дорога часто взбиралась на увалы, спускалась вниз, потом снова ползла вверх.

Очередной подъем был крут, и, чтобы согреться, Наполеон выбрался из экипажа. Под

крики возницы и свист хлыста шестерка запряженных цугом лошадей тянула императорскую карету наверх.

— Поберегитесь, ваше величество! — подскочили с двух сторон государственный секретарь Дарю и Бертье и подхватили Наполеона под руки.

Задышавшись, они втроем выбрались к гребню.

— Теперь будет легче, — с трудом перевел дыхание Дарю. Перед ними начинался спуск. Он был настолько крут, что солдаты и офицеры охраны садились на снег и, скользя, спускались.

— Ваше величество, дозволейте предложить... — Что предложить, Дарю не успел сказать; подавляя страх, Бертье негромко произнес:

— Казаки...

Наполеон оглянулся и увидел, как от леса, развернувшись широкой лавой, прямо на них неслись всадники. Низкорослые лошади стелились на снегу.

— Экипаж вниз! — скомандовал Наполеон. Не раздумывая, он сел и заскользил по круто уходящей вниз ледяной дорожке.

Не выдержав удара, гусары повернули назад. За ними пустились в погоню казаки.

Антип скакал в самой гуще, азартно кричал:

— Ату их! Ату!

Скакавший рядом Митрич вдруг указал рукой вправо, и Антип увидел мчавшихся им наперерез французов. Рука неосознанно, сама собой натянула поводья, конь стал сбавлять бег.

И гусары, за которыми они гнались, остановились, разгоряченные кони танцевали. Вслед за первым неприятельским полком показался еще один.

— Отходи! Назад! — послышалась команда. — Наза-ад!

Антип замешкался, поворотил коня и скакал в числе замыкающих. Он не слышал, как позади хлопнуло орудие, потом ударило второе. Над головой, обгоняя лаву, пронеслись ядра и упали на пути их отступления. Прогремели взрывы. Скакавший впереди конь взвился свечой, и всадник, выронив пику, свалился с седла. Рухнул и конь, казак чудом вывернул ногу из-под упавшего животного. К нему подлетел Антип.

— Хватай за стремя!

И тот послушно ухватился за ремень седла. Чтобы втащить пострадавшего на седло, нечего было и думать: сзади слышался топот. Казак бежал рядом со всадником широким шагом, едва успевая отталкиваться от земли: не бежал, а прыгал, и казалось, вот-вот он выпустит стремя, упадет.

— Стой! Ядрить тебя!.. Стой! — Подскочил Митрич. — Садись верхом, ваше благородие! К нему садись!

Митрич ловко поддел казака под руку, помог ему вскочить на коня. И тут Антип узнал Ивана Платова.

В следующий миг он ударил шпорами, вздернул поводьями:

— Н-но! Пошла!

Митрич же остался позади...

Когда Матвей Иванович узнал о том, что Антип Завгородний выручил сына Ивана, он пожелал его видеть.

— Молодец, казак! — генерал был крепкой памяти. Узнал Антипа с первого взгляда. — Вы что же так глубоко врубались во французский строй? — перевел он взгляд на сына.

— С умыслом. Там Наполеон изволил пребывать... А вот он не стерпел, — Иван кивнул на Антипа. — Помчался, а за ним и сотня.

— Ты что, Завгородний, хотел добраться до Бунапарта?

— Так точно... Только промашка вышла. Сил-то у нас меньше оказалось.

— Бьют и меньшими... за храбрость и спасение командира — большое спасибо. Проси чина или награды. Только не деньги. Выручка в сражении дорожке червонцев, она превыше всего. Нет ей меры деньгами и золотом. Ей мера — награда. Крестом, Антип, как и твоего

отца, награжу...

Матвей Иванович поднялся, прошел по комнате, искоса бросил на казака взгляд.

— Крест, Антип Завгородний, за спасение есаула непременно выхлопочу, а вот на дочь мою Анну пока не рассчитывай. Вот ежели б Бунапарта приволок, тогда другое дело.

Атаманова борода

Для связи с главной квартирой к отряду Платова был приписан штабс-капитан. Представившись, он спросил атамана:

— Неужто не помните меня, ваше сиятельство? — Матвей Иванович всмотрелся: перед ним стоял стройный, худой человек с живым энергичным лицом. Промелькнуло что-то знакомое. — Я ведь Удальцов! Помните генерала Остужева?

— Гаврилу Семеновича? Как же его не помнить!

— А я был у него адъютантом...

— Ах, Удальцов!.. Помню-помню... Как же... Сколько же лет прошло?

— В последний раз встречались у Фридланда, а до того сражались у Прейсиш-Эйлау.

Теперь Матвей Иванович и в самом деле вспомнил офицера. Однако же хоть и признал его, но что-то изменило лицо штабс-капитана.

— Не скрою, изменились вы как-то...

— Да ведь я тогда без усов был, — пояснил Удальцов. — Да и вас я тоже не сразу признал: с бородой-то...

Лицо генерала обросло смолисто-черной, с редкой сединой бородой, которая весьма ему была к лицу.

— Ну, рассказывайте, батенька, как там Гаврила Семенович поживает? Ведь мы с ним в этой перепалке побывали. Ух, какой он был орел!

Он вспомнил, как дралась пехотная дивизия против наполеоновской гвардии и как казаки ей помогали в самый решительный момент. И именно тогда, когда Платову, казалось, подошло самое время нанести по неприятелю решительный удар, от главнокомандующего Беннигсена прискакал гусар-адъютант с требованием отвести полки. Остужев и Платов едва сдерживали себя.

Боевой и отважный генерал-майор Остужев долгие годы служил отечеству верой и правдой. Однако продвижений не имел, потому что не терпел лести и характером был неуживчив.

— А где сейчас Гаврила Семенович? — любопытствовал Матвей Иванович.

— В отставке. В своей усадьбе живет. Говорят, постарел очень, совсем немощным стал: раны сказались. Кстати, его усадьба где-то в этих местах...

С той встречи прошло с неделю, а может, и больше. Удальцов остался верен себе и не однажды участвовал с казаками в лихих налетах. И вот, возвратившись с очередного, он, встревоженный, явился к Матвею Ивановичу.

— Что случилось, мой друг?

— Сейчас встретил управляющего именем Остужева. Французы учинили в поместье разбой, и сам генерал в опасности.

— Он что же не убрался подальше?

— Куда же ему, старику, ехать. После стольких ран он едва передвигается. Управляющий еще говорил, будто бы в имение должно в ближайшие дни пожаловать важное лицо, — дополнил сообщение Удальцов.

— Уж не Наполеон ли?

— Не могу знать, ваше превосходительство.

— А где управляющий? Как он здесь оказался?

— Бежал от французов.

— Что значит «бежал»? Сам бежал, а немощного барина бросил? Хорош управляющий!

Ну-ка, доставь его сюда!

Управляющий оказался немолодым человеком с пухлыми щеками. Он сбивчиво рассказал о барине, о том, как в имение нагрянули французы и какое учинили разорение. Барина выселили из помещичьего дома, угнали с партией пленных в соседнее селение.

— Спасибо вот ему да казакам-молодцам. Высвободили из катухов.

— Выходит, ты не бросал барина? — смягчился Матвей Иванович.

— Как можно, батюшка? А с Гаврилой Семеновичем, с барином, стало быть, старуха моя осталась, Прокопьевна.

— А барин? Живой ли?

— При мне живы были. Правда, уж очень немощны.

Матвей Иванович молча прошелся из угла в угол комнаты.

— Далеко ли имение? — остановился он против управляющего.

— Да этак верст с десяток будет.

— Дорога, стало быть, известна?

— Известна, батюшка! Как ее не знать, когда весь век здесь прожил!

Вошел генерал Карпов — первый помощник атамана. Невысокого роста, поджарый, с худым обветренным лицом. Было в нем что-то ястребиное. Вскинул было руку, чтобы отрапортовать, но атаман мотнул головой: погоди, мол, не сбивай с мысли. И Карпов, пройдя к столу, сел.

— Князь Остужев Гаврила Семенович в беде, — не глядя на помощника, произнес Платов.

— Так надо выручать! — ответил тот. — Приказывайте — и дело сделаем.

— Тут другая забота: ожидается прибытие в имение большого начальника.

— Может, Наполеона?

— Может, и его... А может, Мюрата или Нея. Птицы тоже немаловажные — маршалы.

— Тогда нужен набег!

— Набег само собой, но наперед надобно послать разведку.

— За чем же остановка? Кликну сотне — на конь! — и поскачет! — Карпов энергично столкнул со лба лохматую папаху.

— Меня другая думка одолевает. — Матвей Иванович остановился посреди комнаты. — Хочу сам туда податься.

— Куда? В имение? — с головы Карпова упала папаху.

— Так ведь там французы! — воскликнул Удальцов.

У старика-управляющего отвисла челюсть:

— Упаси вас господа от греха.

Но Матвей Иванович внимания не обратил на все это:

— Хочу не только повидать друга-соратника, но и лицезреть врага. Посмотреть на французов, услышать, о чем толкуют, каков их дух, да заодно и планы выведать.

Генерал Карпов стал доказывать, что затея сия ни к чему, что дух и намерение неприятельские известны: почитай, чуть ли не каждый день казаки берут пленных, и не одиночек, а десятки и сотни.

— Да ведь вас первый же пикет французский опознает! — высказал новый довод Удальцов. — По обличию вашему.

— И точно, батюшка! — поддержал управляющий. — Я слышал, как французы промеж собой описывали вас: длиннющий такой и с бородой.

— Ну вот, видите, — развел руками Карпов. — Куда же вам ехать? Разведку надобно выслать. Где это имение?

Но не так просто было отговорить атамана от задуманного.

— Вот что: пока я разделаюсь с бородой, вы, Удальцов, подберите французские мундиры для себя и меня. А ему, — генерал кивнул в сторону управляющего, — зипунишко да треух дайте. Следом за нами направить сотню казаков. — Платов перевел взгляд на Карпова. — Пусть едут в некотором отдалении.

Матвей Иванович толкнул дверь, ведущую в сени:

— Степан! Эй, Степан!

— Я слушаю вас! — донесся голос денщика.

— Давай бритву, зеркало! Да неси воду погорячей! Бороду брить будем.

— Как же вам ехать, когда вы ни слова по-французски не разумеете? — продолжал отговаривать атамана генерал Карпов.

— Удальцов весьма бегло гутарит, да и он, управляющий, вижу, кумекает.

— Кумекаю, батюшка. Не токмо кумекаю, но и сам маленько говорю, — услужливо отвечал тот.

— Так это они! А вы-то, Матвей Иванович, как?

— А я? — Платов подмигнул. — Я горло платком оберну, будто бы простыл и голос потерял. А еще, для пущего вида, ватой уши заткну. Будто хворь привязалась. Вот так-то! Ну, а теперь, Семен, разводи мыло да приступай! Ради такого дела бороды не пожалеешь.

Денщик разложил на столе бритвенные принадлежности.

— Эх, какая борода! Ей-бо, с такой жаль расставаться, — намыливая лицо, высказался он.

— Брей!

— Мне что? Коль приказано, то нужно исполнять. И усы тоже брить?

— Усы оставь. Я с ними в могилу лягу.

Они выехали в сгустившейся тьме осеннего вечера в сопровождении десятка казаков.

Мундир, принадлежавший гренадеру, был Матвею Ивановичу тесноват: жал в плечах, ворот не сходился. Штаны тоже были узки. Он обмотал шею шарфом, накинул поверх шинели клетчатое одеяло, на голову натянул малахай.

Удальцов, представляя офицера, обрядился построжее. Форму для него сняли с пленного французского капитана. Перед тем как облачиться, они долго расспрашивали его, угостив хмельным.

Старик-управляющий, указывая дорогу, трусил с казаками вперед. Часа через два они выехали из леса. Впереди едва заметной точкой светил огонек.

— Вот и усадьба Остужевых, — объявил управляющий.

Сотня осталась на опушке, а сопровождающие казаки поехали с ними, чтобы укрыться вблизи барского дома: в случае опасности — первыми должны прийти на помощь.

У дома слышались голоса, конский храп. У ворот их окликнул часовой. Удальцов ответил ему раздраженно, и тот замолк, отдал честь.

В сторожке, куда они направились, горела лучина, скупо освещая небольшое, низкое помещение. Со спицами в руках сидела старуха. Увидев вошедших, ахнула и выронила вязанье.

— Никак Василь Васильевич! Живой! Вернулся, милостивец! А барин-то наш, Гаврила Семенович, преставился! Забрал его господь бог.

— Что говоришь, Прокопьевна? Одумайся!

— Умер барин. Третьего дня преставился. Измывались над ним, ироды, как узнали, что генерал. Вчера на погост унесли. Могилка еще свежая.

«Царство ему божие», — произнес про себя Матвей Иванович и перекрестился. Он мысленно представил генерала, каким был тот в сражении: разъяренным и неустрашимым.

Расспросив старуху, они направились в барский дом.

— Ты больше кланяйся да старательно услуживай, — предупредил управляющего Удальцов. — И смелей будь. А вы, Матвей Иванович, молчите. Коли что — хрипите да в горло тычьте, больны, мол...

Во всех комнатах были французы. Уставшие и промерзшие, они с решимостью отстаивали свои места под кровлей.

— Из какого полка? — спросил одного Удальцов.

— Из семнадцатого, — нехотя ответил тот.

— И только сегодня прибыли? — напуская раздражение, продолжал офицер. —

Странно... Где же командир полка? Вы, видимо, шли в авангарде?

— Какой там! Голпой шли. А командир пока остался позади. Там же и генерал.

Потом Удальцов заговорил с лейтенантом, а Матвей Иванович стоял позади, напряженно вслушивался в разговор, стараясь понять, о чем идет речь.

Случайно он наступил на ногу растянувшегося солдата, и тот лягнул его и раскричался.

— Что кричишь? — выручил штабс-капитан, набрасываясь на солдата. — Не видишь, гренадер едва держится на ногах. Ты здоров и лежишь, а он, больной, больше десяти лье прошагал. Говорить не может!

Управляющий завел их в какой-то чулан, и там Удальцов поведал генералу о слышанном.

— Плохо дело, — удрученно отвечал Матвей Иванович. — Не зайвится сюда Наполеон, и Ней тоже. Дивизия эта идет второстепенной дорогой. Главная — в стороне. Спрашивайте о третьем драгунском полке. По нему мы можем многое определить.

— Может, возвратимся? — расстроился Удальцов.

— Ну, нет. Будем продолжать, как задумали. Уж если попали в логово, то нужно делать все до конца. Веди в гостиную, к офицерам. От них можно добыть большее.

В гостиной действительно были офицеры. Четверо за столом резались в карты. Перед ними стояла опустошенная бутылка. Лейтенант лежал на диване, укрывшись пледом. Двое, майор и капитан, сидели у камина, дремали.

Удальцов, войдя, щелкнул каблуками, козырнул.

— Недурно вы устроились, господа. Главное — в тепле. А я сегодня едва не отдал богу душу. Нет ли чем погреться?

Игравшие в карты едва удостоили его вниманием. Сидевший у камина обросший майор посмотрел на него тяжелым и требовательным взглядом, словно говоря: не забывайся, капитан, в присутствии старших. При этом старшим он имел в виду себя. Но Удальцов сделал вид, словно бы не заметил молчаливого упрека.

— Однако же вы, господа, не очень дружелюбны. Ну, да я не обидчив. Надеюсь, мы найдем общий язык. Ну-ка, мигом согревающего!

Он эффектно щелкнул пальцами.

— Слушаюсь, батюшка, — ответил управляющий. — Только, извините, шампани или мадеры не имеем. Есть русский самогон.

— Неси, что есть! А я ищу третий драгунский полк, — обратился он уже к офицерам. — Как сквозь землю провалился. С утра не могу на след напасть.

— И не нападете, — мрачно произнес майор. — Не там ищите. На соседней дороге он должен быть.

При виде бутылки французы оживились. Даже майор, откашлявшись в ладонь, переставил кресло ближе к столу. Зазвенели стаканы, громче зазвучали голоса. Удальцов выглядел бретером. Однако при этом хитро и умело направлял разговор на служебные дела. Сидящие как бы сами говорили о своих командирах, походе, дальнейшем маршруте.

Заговорили о русской армии, партизанах, казаках. Охмелевший майор, услышав имя Платова, пришел в ярость.

— Попался бы он, этот Платов, в руки, я из него вот бы что сделал. — Он схватил лежавшую у камина кочергу и, сжав зубы, перегнул ее. — Вот таким бы стал казачий атаман!

И швырнул кочергу к камину.

Как бы не понимал языка Матвей Иванович, однако ж угрозу майора понял.

— Как же это Платов к нам попадется? — заметил Удальцов. — Скорей мы к нему угодим.

— Это-то так, но я к слову... Знал бы, что такое он нам уготовит, я б над ним еще в Тильзите какую-либо акцию устроил.

— А вы были в Тильзите?

— А как же? В седьмом году.

— И видели Платова?

— Видел и его: длиннющий такой, вроде этого гренадера.

И майор стал рассказывать, как он оказался среди немногих офицеров в небольшом городишке Тильзите, когда два императора подписывали договор.

Бутыль опустошили только наполовину, а самогон свалил всех с ног. Захрипел и майор, уронив голову на стол.

Матвей Иванович незаметно кивнул, и они вышли из комнаты...

Казачи атаковали усадьбу на рассвете, и французы не оказали сопротивления.

Когда пленных выстроили и Удальцов подошел к Платову с докладом, стоявший в строю майор едва не лишился речи.

— Это... же... гренадер.

— Гренадером он был вчера, а сегодня — Платов, — ответил штабс-капитан.

Казачи вышли в поход.

— Запевай! — подал команду есаул, возглавлявший первую сотню, шедшего в голове колонны атаманского полка.

Запевала Митька Гусельников набрал поболее воздуха:

Ай да Платов, наш отец!
Совьем Платову венец!

Ехавший рядом с Платовым Удальцов посмотрел на него.

— Про вас поют, ваше превосходительство.

Э-эх! Совьем Платову венец! —

дружно подхватила сотня.

Матвей Иванович улыбнулся, промолчал: этот куплет он уже слышал раньше.

Платов бороду обрил,
У французов в гостях был! —

продолжал запевайла высоким голосом. Это уже было новое.

Э-эх! Бороду обрил,
У французов в гостях был!

— Ах, шельмец! — не удержался Матвей Иванович. — Уже сочинил. Вот я тебя!.. И, пряча улыбку, погрозил Митьке плетью.

Голубая папка

В сумерках ноябрьского вечера громоздкая карета Наполеона в сопровождении колясок и верховой охраны добралась, наконец, до небольшого селения. Половина крестьянских изб сожжена, оставшиеся стояли без крыш. Даже стропила снесены на топливо. Солома пошла на корм и подстилку лошадям.

Разграбленным оказался и единственный в деревне дом помещика, предназначенный для императора и его свиты. В доме не нашлось ни одной достойной комнаты, в которой мог бы разместиться Наполеон.

А между тем мороз усилился, дым из трубы уходил столбом в небо, что предвещало дальнейшее похолодание.

Нашли комнату с сохранившейся печью, однако ни одной рамы в окнах не было. Тогда их забили досками, в щели затолкали пучки соломы, затянули попонами.

Выстуженное помещение долго не нагревалось, и Наполеон молча вышагивал по комнате. Под его грузным телом тоскливо поскрипывали половицы.

— Что с обозом, Бертье? — спросил он вошедшего начальника штаба.

— Наглецы разграбили обоз. К счастью, забрали немного.

— А наши документы? Я имею в виду государственные бумаги, особенно по ведомству Дарю.

Уверенный в том, что в России придется вновь вести переговоры с Александром и заключать новый, более выгодный, чем подписанный пять лет назад в Тильзите, мир, Наполеон приказал государственному секретарю Дарю иметь при себе необходимые документы. И теперь в обозе, в опечатанном сундуке, находилось несколько бумаг исключительной важности, которые могли понадобиться в Москве.

— Об этом лучше спросить самого Дарю, — уклончиво ответил начальник штаба.

— Дело в том, что Дарю проявляет чрезмерное за них беспокойство, — продолжал Наполеон. — Он опасается, как бы они не попали в руки неприятеля. И вот уже какой день настаивает на их уничтожении. Позволительно ли это сделать?

— О, мой император! Этот вопрос лучше решить с самим Дарю. Не ровен час... — Бертье не стал высказывать своего опасения о возможности набега казаков на императорский обоз, следовавший в полумиле от их охраны. Наполеон помолчал, раздумывал. Потом сказал:

— Надо заранее подготовиться на случай, если казаки снова вздумают напасть на нас.

— Их нападение возможно каждую минуту...

— Пусть Дарю поступает так, как находит нужным. — Уткнув лицо в мех воротника, Наполеон замолк. Потом, после паузы, продолжал: — Я буду лучше до конца кампании есть руками, чем оставлю русским хоть одну вилку с моей монограммой. И еще, Бертье, нужно удостовериться, в хорошем ли состоянии наше оружие. Возможно, придется пустить его в дело.

Когда Дарю явился, Наполеон спросил о документах канцелярии. Тот ответил:

— Казаки их разбросали. Однако же, к счастью, почти все цело. Чемодан с картами исчез да еще кое-что.

— И это все?

— Кажется... Я опять осмелюсь просить вашего разрешения сжечь документы.

— Хорошо, Дарю, можете предать огню бумаги канцелярии. И делайте это скорей.

Наполеон лежал с открытыми глазами. Он с чувством страха и смятения вспомнил, как сегодня чуть не попал в руки казаков. И еще вспомнил, как у Городни — небольшом местечке по пути из Боровска к Малоярославцу — их атаковали из лесу казаки. Поднялся невообразимый переполох. А он, Наполеон, улыбался иронической улыбкой, приняв происходящее за неуместную суету, вызванную трусами и паникерами. Когда же один из нападавших всадников на полном ходу проскочил мимо и, словно бы невзначай, ткнул пикой лошадь генерала свиты и тот рухнул вместе с конем, только тогда Наполеон понял, какой подвергается опасности.

«Что за страна! — думал он. — Скорей бежать! Бежать!» Эта мысль все более и более овладевала им. Да, конечно, нужно сделать так. Покинуть тайком армию и уехать подальше от опасности.

Утром он встал с твердой решимостью поступить так, как надумал ночью. И чем скорее он это сделает, тем будет лучше.

Казака Степкова, когда он достиг французского обоза на дороге, привлек обитый железом ящик. Среди прочей поклажи, что находилась в фуре, ящик выделялся и размерами и видом. Крыша закрыта на два замка, на шелковом шнуре — сургучная печать.

«Не иначе как в нем что-то секретное» — подумал казак и сбросил с фуры ящик. Ударом пики он в два приема сбил замок, рванул шнур с печатью.

Ровными рядами лежали переплетенные в кожу книги. Вывалил их. Внимание привлекла голубая папка. На ней золотое тиснение, в замысловатом сплетении линий

выделяются две буквы: «N» и «A». В папке пергаментные листы, чернильной вязью выведены строчки. Перелистал казак пергамент, ничего не понял. В конце висели на ленточках две сургучные печати.

Степков не знал, как поступить с находкой. Но тут подскочил есаул, его сотенный.

— Нашел время любоваться! Вместо того чтобы на возу шарить, помог бы с пушками разделаться!

Казак сунул находку в переметную суму и бросился к артиллеристам. На следующий день он ту папку заложил в мешок, где хранил трофеи.

Так и лежала голубая папка в мешке, пока казака не подстрелили в одной из перепалок. Разбирая вещи убитого, на нее наткнулись товарищи.

Прослышав о папке, командир полка приказал немедленно показать ее, а посмотрев, тут же поскакал к Платову.

Матвей Иванович прочитал текст, увидел в конце подписи Наполеона и императора России Александра, обомлел. Эту папку он видел летом 1807 года в Тильзите, когда Наполеон и Александр заключили Тильзитский мир.

Держа в руках голубую папку, генерал Платов понял, что коль договор у него в руках, то можно считать его недействительным! Документ, который не имеет цены! Немедленно к императору Александру! Благо он при армии.

Никогда Матвей Иванович не торопил так возницу кареты. Он готов был даже мчаться верхом.

— Незамедлительно доложите обо мне императору, — потребовал он у генерал-адъютанта. — Дело весьма срочное, государственной важности.

Его допустили к императору тут же.

— Ваше величество, вот Тильзитский договор. Тот самый, что хранился у Наполеона. Прошу его принять. — Он с торжественным видом держал на вытянутых руках папку. — Отныне никаких обязательств по оному договору Россия не несет.

Александр с недоумением смотрел на атамана. Потом взял папку, перелистал, усмехнулся:

— Гм! В самом деле договор. И его доставили казаки?

— Так точно, они самые.

— Опоздал, генерал, — Александр захлопнул папку. — Договор потерял силу с того дня, когда разбойные войска Наполеона перешли русскую границу. Однако ж, — он сделал многозначительную паузу, — в знак воинской доблести Войска Донского передаю этот договор вам. Пусть отныне ваш род станет его хранителем.

Почти сто тридцать лет важнейший для России документ хранили потомки атамана. И лишь весной 1941 года он попал в один из московских музеев, где находится и поныне.

Под Красным

Платова разбудили на исходе ночи.

— Ваше превосходительство, проснитесь, важная новость.

Услышав знакомый голос Шперберга, Матвей Иванович оторвал голову от подушки.

— Что случилось?

Не отойдя еще ото сна, сел на лавку, сладко зевнул и передернул плечами. Догадливый денщик проворно подставил валенки, и он сунул в них длинные ноги.

— Прискакал сотник от полковника Чернозубова. Доставил чрезвычайной важности вести.

За полковником стоял офицер — казак в лохматой шапке, стянутом ремнями полушубке, на боку сабля, в руке плеть.

— Какого Чернозубова? Степана или Ильи?

— Чернозубова-четвертого, Степана.

— Что доносит? — Матвей Иванович потянулся к лежащей на скамье бурке, накинул

ее на плечи, перевел взгляд на прибывшего.

— Сотник Наркин, — назваля тот простуженным голосом. Попытался щелкнуть каблуками, но перемерз так, что ноги не слушались, и щелчок не удался. — Господин полковник приказал доложить, что полк вступился в бой и теперь сидит на хвосте неприятельской колонны.

— Сидит на хвосте, — недовольно проговорил Платов. — Ты сказывай, где с французом схлестнулись?

— У села Сырокорень, ваше превосходительство. Французы как раз там свернули с дороги и перебрались через Днепр.

— Что-о? Перебрались через Днепр? — сон как рукой смахнуло. — Французы перешли на наш берег? Да как же они смогли? Там ведь мостов нет!

— Совершенно верно, ни одного моста, — подтвердил Шперберг.

— А они по льду, — прохрипел сотник.

— И лед выдержал? — усомнился Матвей Иванович.

— Они на лед настил из досок наложили. Сами прошли и коней перевели, а вот орудия не успели. Десять их пушек захватили и прислугу.

— Карту! — потребовал Платов.

Шперберг достал из сумки сложенную и изрядно потрепанную карту, исчерченную к тому же карандашными значками и пометками, расстелил ее, и Матвей Иванович низко склонил лысоватую и сильно тронутую сединой голову.

Обозначенная на карте дорога, по которой отступала французская армия, у Смоленска расходилась на две ветви: одна шла по правому берегу Днепра, вторая по южному, левому. Обе выходили к Орше.

Когда корпус первым подошел к Смоленску, Платов не стал втягиваться в город, обошел его. Тринадцать казачьих полков и донскую батарею он повел в обход с севера, а семь других полков во главе с генералами Денисовым да Грековым пустил с юга, по левому берегу. Там же с разведывательной задачей действовал и полк Чернозубова Степана.

Прикрывая отход французской армии, маршал Ней повел большую часть своих сил по левой дороге, надеясь быстрее достичь Орши и там создать сильный узел сопротивления. Но генерал Милорадович упредил: заняв Красное, преградил ему путь. Ней попытался сбить русских: атаковал раз и второй, но атаки были отбиты. Русские стояли намертво.

Казалось, выхода из этой ловушки французам не было: слева простиралось лесное бездорожье, справа — ненадежно застывший Днепр, за которым находился корпус Платова. А позади, в Смоленске, сосредоточивался отряд грозного Ермолова, который вот-вот ударит с тыла.

От Милорадовича прибыл к Нею офицер с Предложением сложить оружие, сдаться. «Мне сдаться? Подумал ли об этом ваш генерал? Скорей земля под ним провалится!» — воспротивился маршал, но офицера не без умысла приказал задержать. Мороз усиливался, Ней приказал разобрать избы, заборы, настелить их поверх непрочного льда, надеясь увести полки за Днепр. Посланца же освободили, когда опустилась ночь, дали ему понять, что де-мол с утра снова начнутся атаки.

Первыми французов на реке обнаружили казаки Чернозубова. В темноте они открыли огонь, атаковали и захватили шедшие в хвосте орудия. После чего Чернозубов и направил к Платову сотника Наркина.

— Ах, как неловко вышло, оплошали мы, Константин Павлович. Дали Нею выскользнуть из ловушки, — сокрушенно качал головой Платов, глядя на Шперберга. — И нас провел этот басурман, и Милорадовича тоже.

Досада усиливалась от сознания того, что накануне отряд из пехотного полка да казаков лихо захватил Смоленск с его огромными складами. Одних орудий было взято сто пятьдесят. И после триумфа вдруг такой конфуз: упустить Нея!

— А ведь до Сырокореньи, скажу я вам, совсем близко, рукой подать! Неподалеку Кутейников с полками находится! Уж он-то должен был услышать стрельбу да ввязаться в

дело! — не мог успокоиться Платов. Село находилось в каких-то двух-трех верстах от передовых казачьих постов, расположенных у Гусиного.

— Можно и не услышать в этой круговерти, — Шперберг словно бы оправдывал Кутейникова. Было слышно, как снаружи злилась вьюга, сыпало в окно снегом, в трубе по-волчьи выл ветер.

— Перебравшись через Днепр, Ней непременно пойдет к Гусиному, а оттуда двинет на Оршу, — размышлял над картой Матвей Иванович.

— Определенно так, — дернул круглой и лысой, как бильярдный шар, головой Шперберг. — Теперь нам одним, без Милорадовича придется драться с Неем.

Сотник Наркин стоял у стола, заглядывал через генеральское плечо на карту, дыша перегаром табака и лука. О нем словно забыли. Признаться, он и сам не торопился покидать теплую избу. Почти сутки провел в седле, страшно промерз и был доволен, что здесь удалось немного отогреться.

— Так вот, сотник, — вспомнил о нем Платов. — Сейчас скачи назад к Чернозубову, передай, чтоб от неприятеля не отрывался, шел следом и без промедления обо всем важном докладывал. Каждые два часа!

Громыхнув сапогами, Наркин вышел.

— А тебе, Константин Павлович, надлежит послать за Кутейниковым. И Грековым Тимофеем тож. Мартынову пошли мое распоряжение, чтоб надежно прикрывал правый фланг и выслал дозоры на Полоцк и Витебск. Там, думается, должны быть авангарды Витгенштейна. Вот с ними он и должен установить связь. Напиши помягче да уважительней, обратись к Мартынову по имени-отчеству, Андрей Петрович, стало быть.

Разворотливый Шперберг тут же распорядился послать за генералом Кутейниковым и командиром атаманского полка, теперь им командовал Греков Тимофей. Сам же сел писать распоряжение командиру правофланговой казачьей бригады генерал-лейтенанту Мартынову.

Матвей Иванович, запахнувшись в бурку, сидел над картой, размышлял. Ему было известно, что находившийся в Петербурге Александр одобрил план окончательного разгрома неприятельских сил на реке Березине. Для этого он распорядился привлечь Молдавскую армию адмирала Чичагова. Она должна захватить у Борисова единственный мост, занять оборонительные позиции, не позволяя французам переправляться через Березину. Корпус Витгенштейна, надежно прикрывая петербургское направление, должен нависнуть над неприятельскими силами с севера, образуется мощный заслон на пути их отхода. Главная же армия Кутузова нанесет сокрушительный удар с тыла!

Матвей Иванович ясно понимал, что французский арьергард попытается сдержать своих преследователей-казаков, чтобы дать возможность главным силам армии быстрее переправиться через Березину, упредив подход к реке Молдавской армии. И потому преследование ему никак нельзя ослаблять, — приходил он к выводу. Нужно беспрестанно арьергард бить.

Войдя в избу, Кутейников стряхнул у порожка снег с шапки, сбросил бурку.

— Как же это ты, Дмитрий Ефимович, проворонил Нея? Твои полки ближайши́е к реке, не так ли? Может, дозоров ты не выслал, иль от морозов все попрятались? — шурясь, спросил его Платов.

Солидный, благообразного вида Кутейников нервно кашлянул, выжидательно промолчал.

— Иль тебе не ведомо, что произошло? — Матвей Иванович через плечо уставился на генерала. — Молчишь, стало быть, так и есть. У тебя какой полк ближайший к реке?

— Попова-третьего... А правее — полк Ребрикова.

— Они-то, скажу я вам, и проворонили французский арьергард. Ней перешел Днепр у Сырокореньи да вышел прямо на Гусиное.

— Не может того быть! Ни Попов, ни Ребриков не доносили ничего о том!

— Перешел, Дмитрий Ефимович. Один Чернозубов Степан узрел. Он-то и донес.

— В такую непогодь не мудрено и не заметить. — Кутейников недовольно кашлянул,

потоптался. — Так еще не поздно Нея догнать, учинить над ним диверсию.

— Для того и вызвал. Садись к столу, да вникай, что от тебя потребуется. Вот Смоленск, — указал Матвей Иванович пальцем на карте. — А вот Орша.

— Вижу.

— Вот Гусиное, а за ним поодаль на дороге Дубровна. Это местечко Ней непременно укрепит, потому что оно прикрывает Оршу.

— Полагаю, что так.

— Задача твоей бригады, Дмитрий Ефимович, совершить на сию позицию диверсию. Скрытно справа и слева балочками да лесами выйти к Дубровне и с двух сторон разом ударить по ней. Приобщи к делу артиллерию. Раздели пушки меж отрядами поровну.

— А не заметят ли нас с Гусиного? — высказал сомнение Кутейников. — Мои-то казаки у французов на виду.

— Им будет не до того, — уверенно произнес Платов. — Через два часа их атакует атаманский полк. Неприятель побежит, а мы пустим в преследование полки Харитонова да Дячкина. По уничтожении гарнизона Гусинога атаманцы уйдут в мой резерв, а мы остальными полками захлестнем Нея у Дубровны. Главное, не дать неприятелю пробиться к Орше. А потому, Дмитрий Ефимович, дорожи минутой, сделай так, чтоб до темноты разделаться с французским арьергардом окончательно. Понятно ли?

— Понятно, — отвечал Кутейников.

Дверь растворилась, и вошли Греков и Кирсанов, оба — полковники. Греков — командир атаманского полка, Кирсанов его помощник.

— Погоди-ка, Дмитрий Ефимович. Послушай, что должны делать атаманцы, — Платов жестом указал Кутейникову на скамью подле себя. Тут же обратился к Грекову и Кирсанову. — Вам на сборы два часа. Затемно обойти справа Гусиное, а с рассветом лавой на неприятеля, с заходом в его тыл. Сделать так, чтоб француза потеснить к Днепру и там уж окончательно с ним разделаться. Глядишь, на той стороне подспеют драгуны да егеря Ермолова. С ними и действуй.

Матвей Иванович взял карандаш, вывел на карте скобочку и от нее протянул затайливую линию, которая, обходя неприятельскую позицию в Гусином, утыкалась острием в Днепр.

— А твои отряды, Дмитрий Ефимович, как только неприятель побежит, должны устремиться к Дубровне. Ну да ты уж знаешь...

Все происходило так, как наметил Матвей Иванович. Перед рассветом Греков и Кирсанов вывели атаманский полк на опушку недалекого леса, вызвали для постановки задач сотенных начальников.

Третьей сотней командовал Иван Платов. Зная его лихость да еще из уважения к родственнику, Греков назначил сотню ближайшей к месту схватки.

— Гляди, Иван Матвеевич, не ударь лицом в грязь. По тебе будут равняться.

— Не сумлевайся, все сделаю как надобно, — отвечал тот.

В Гусином находилось до трех тысяч французов. Небольшое село с разоренными избами не могло вместить всех прибывших. Спасаясь от мороза, солдаты до предела набились в избы, сараи, скотные помещения, но не хватало и этого. Разобрав заборы, изгороди, крыши домов, беглецы жгли их в кострах, расположившись у огня.

Половина этих людей была безоружна: побросали по дороге пистолеты и ружья. Многие обморозились, болели. Когда на рассвете они увидели мчавшихся на них всадников, бросились врассыпную.

Но стрелки пехотных полков из арьергарда не уstraшили, открыли по наступающим дружный огонь. А когда казаки приблизились, схватились за сабли. Загрохотали орудия.

Сотня Ивана Платова должна была проскочить село и вырваться к дороге, но сделать это ей не удалось. Заметив брошенные повозки, фуры, кареты, скакавшие на фланге казаки бросились к ним.

— Ах, курвины дети! Митька, плетью их, стервецов! — скомандовал Иван хорунжему

Тютюнникову.

Тут по казакам пальнули из ружей, и сразу выбило из седел пятерых. Иван повернул коня и повел остаток сотни на залегших подле изб французов. Не помня как, Иван перемахнул через канаву, перед ним вырос француз: заросшее щетиной лицо, на шею шерстяной платок.

— Пардо-он! Мсье казак! Пардо-он! — вскричал он, подняв над головой руки.

Иван едва сдержался, чтоб сгоряча не полоснуть.

— Вот тебе пардон! — ударил француза саблей плашмя.

Видя обреченность, солдаты стали бросать оружие, поднимать руки. Разгром был полнейший. В плен взяли около восьмисот человек во главе с генералом, клятвенно обещавшим до того Наполеону не сдавать русским села.

Отряд Попова, меж тем, уже шел по-над Днепром на Дубровино. Ребриков вел второй отряд, правой дороги. Впереди и по сторонам двигались дозоры, которые выполняли задачи охранения и разведки. Позади, под прикрытием верховых, запряженные цугом, лошади везли орудия. В каждом отряде по три пушки.

Кутейников ехал за Ребриковым, и хотя в его распоряжения не вмешивался, знал, что командовать отрядом должен один начальник — такой уж закон, однако своим присутствием заставлял Ребрикова торопить полк. Не дай бог опоздать!

Дважды генерал выезжал с ординарцем на обочину, пропуская перед собой растянувшуюся колонну. Подгонял верховых и особенно артиллеристов:

— Поживей, братцы-пушкари! Никак не можно отставать!

И те, выбившиеся из сил, все же старались вовсю.

Взмокшие, совсем уставшие, прибыли, наконец, к месту назначения. Дозорные сообщили, что село — вот оно, на пригорке в полуверсте, полно французов.

— Стало быть, всем изготавиться! — скомандовал Кутейников. — А пушки без промедления на позицию!

И тут донеслись три орудийных выстрела из-за Дубровны, откуда должен был начать атаку отряд Попова. «Молодец, полковник!» — мысленно похвалил генерал.

— Поспешай и ты, Ребриков! Час настал!

Битва была в самом разгаре, когда прискакал Платов. Выехав на возвышенность, оглядел поле сражения и в сердцах крикнул. Из Дубровны тянулась дорога на видневшееся вдаль село, по ней уходили конные и пешие французы. Село то называлось Якубово.

— Дячкину и Ауковкину марш-марш к дороге и ту сволочь изничтожить! — распорядился атаман. — Да не мешкать!

И Дячкин и Луковкин командовали казачьими полками, которые Платов держал подле себя, пока в деле был атаманский полк. Без резерва он не воевал.

Время неумолимо отсчитывало минуты, которые теперь, на исходе дня, были короткими. Матвей Иванович нервно покусывал ус. «И на этот раз Ней ускользнет! Прибудет в село ранее Дячкина да Луковкина». Не выдержав, поскакал к Кутейникову.

— Что же ты промашку дал! — не выслушав рапорта, упрекнул генерала. — С боков неприятеля бьешь, а о его тыле позабыл! Ведь уходят французы, уходят!

— Не уйдут, — с излишней самоуверенностью отвечал Кутейников. — Я сейчас резервную сотню направлю.

— Сотню? Сотней его не сдержать!

Подскакал командир атаманского полка Тимофей Греков.

— Может, нам вмешаться в дело?

— Запускай половину во главе с Кирсановым! Отсекай неприятеля от Орши! — приказал Платов.

Разделавшись с неприятелем в Дубровне, казаки окружили отошедшие части французов в Якубово. Там находился и Ней.

Еще ранее маршал послал гонца в Оршу с просьбой выслать подкрепление. И оно не

замедлило прибыть: два пехотных полка. Сражение продолжалось дотемна. Все попытки казаков прорваться через плотный огонь французских егерей были безуспешны. Но и французы не могли пробиться из села. Лишь глубокой ночью они двинулись несколькими колоннами на прорыв. Одной, которую возглавлял Ней, удалось прорваться к лесу.

Успех в трехдневных боях под Красным был немалым. Одних пленных было взято более двадцати пяти тысяч при шести генералах, сто шестнадцать исправных пушек, огромный обоз. За блестящую победу военачальники были отмечены высокими наградами: генерал Милорадович удостоился ордена Георгия II степени, Ермолов — очередного звания генерал-лейтенанта, Кутузов — титула князя Смоленского, а Платов возведен в графское достоинство.

Поздравляя его по этому случаю, Михаил Илларионович писал: «Милостивый государь мой, граф Матвей Иванович! Чего мне желалось, то бог и государь исполнили. Я вас вижу графом Российской империи; ежели бы подвиги Ваши, начав от 6 октября по сей час, и не были так блистательны, тогда скорое прибытие с Дона 26 полков, которые в разбитии неприятеля столько участия имели, сделать достаточно признательным всемилостивейшего государя. Дружба моя с Вами от 73-го году никогда не изменялась, и все то, что ныне и впрямь Вам случится приятного, я в том участвую. Теперь прошу Вас только уведомлять меня в направлении неприятеля. Остаюсь в совершенной преданности Вашего сиятельства верный и всепокорный слуга князь Михаил Голенищев-Кутузов».

Платов прочел поздравление, прослезился.

— А что касается уведомления неприятельского направления, то отпиши князю Смоленскому, что французы следуют к Березине, а мы их преследуем и будем бить.

— Незамедлительно исполню, — схватился за перо Шперберг.

У Березины

О разгроме арьергарда Наполеону стало известно уже на следующий день. Прискакавший гонец от маршала Нея сообщил:

— В сражении под Красным наш доблестный корпус почти весь уничтожен. Русские напали на него в разных местах и всюду имели перевес сил, а потому и успех.

— Где сам маршал?

— С остатками арьергарда вел бой у Якубово. Русские его окружили, спасибо подоспевшей из Орши помощи. Где сейчас находится маршал — сказать не могу.

Позже Наполеону донесли не менее тревожное: выдвигающаяся от Дуная армия Чичагова захватила Минск и спешит к Борисову.

Наполеону еще ранее было известно об армии Чичагова. Знал он и о русском корпусе Витгенштейна, который угрожающе выдвигается от Петербурга. Наполеон ясно сознавал, какая опасность нависла над ним. В таком положении он никогда еще не был.

Резиденция императора размещалась в монастыре. Свечи тускло освещали тяжелые массивные колонны, поддерживающие низкий сводчатый потолок. Свет отражался в стеклах узких оконцев и на расписных изразцах пышащей жаром печи.

Наполеон сидел в кресле за столом. Пред ним маршал Даву, высокий, надменный. Именно из-за этого Наполеон его и недолюбливал. Даву теперь возглавлял авангард армии. Он говорил, что люди крайне утомлены, голодны, ночью не имеют теплых укрытий, многие больны и почти все обморожены. Они на пределе человеческих сил, а потому передвижение совершается не столь быстро, как хотелось бы.

— Все, что вы сказали, мне известно, — отвечал Наполеон. — Как бы ни было трудно, необходимо возможно скорей добраться до границы, вырваться из этого ада с его морозами, метелями, бесконечными нападениями русских. Авангард должен безжалостно уничтожать всех, кто станет на вашем пути. Но вначале вы должны занять Борисов. Находящиеся там наши силы слишком слабы, чтобы оказать сопротивление тридцатитысячной армии Чичагова. Нам важен мост через Березину, который находится в городе. В нем наше

спасение, а потому я требую от вас невозможного: держать мост до подхода наших главных сил.

— Я сделаю все, как вы велите, или умру, — Даву картинно склонил голову.

— В вашей смерти нужды нет. От вас требуется выполнить приказ.

Пригнувшись, чтобы не задеть головой о притолоку, вошел Бертье, начальник штаба. Неслышно ступая, приблизился к столу и молча положил лист бумаги. Наполеон с неудовольствием взял его, прочитал и изменился в лице.

— Русские вошли в Борисов? Захватили мост? А что же Домбровский? Что он доносит?

— Он отступил под превосходством сил.

Наполеон стукнул кулаком по столу, подошел к высокому Даву и, глядя ему в лицо, прошипел:

— Завтра же город и мост должны быть наши.

— Слушаюсь, ваше величество!

Он знал, что в гневе император жесток. И помнил слова, сказанные 27-летним Наполеоном заслуженному и многоопытному Ожеро, когда вступил в командование Итальянским фронтом. Тогда он, совсем так же как сейчас, подошел к Ожеро и тихим голосом предупредил храбреца: «Генерал, вы ростом выше меня на целую голову, но если не выполните мой приказ, я немедленно устраню это различие». Даву тоже был ростом выше на целую голову.

В ожидании сурового разговора тут же находился Ней. Он знал, что Наполеон не простит ему разгрома арьберггарда у Красного и сдачи Орши.

— Ней! А ведь вас Платов бьет. Бьет как мальчишку! И как это вы, маршал Франции, терпите такое? Извольте сделать так, чтобы армия спокойно перешла через последнюю преграду, реку Березину. Это для вас наиглавнейшая задача.

— Я сделаю, как вы повелеваете, мой император.

Ней не стал говорить, что корпус его разбит. Он упробит Бертье дать ему в арьберггард другие части и побольше кавалерии и орудий, с помощью которых он сможет сдерживать рвущиеся вперед русские войска.

Авангардная дивизия армии Чичагова 10 ноября подошла к Березине, с ходу атаковала польский батальон из дивизии генерала Домбровского и, отбросив его, захватила мост и город. Неприятель подтянул силы, и сражение разгорелось. Обе стороны понесли немалые потери, но положение не изменилось.

На следующий день подошел французский авангард Даву. Воспользовавшись превосходством сил, он оттеснил русских и сумел взять город. Французы бросились к мосту, но он на глазах запылал. Даву попытался прорваться сквозь огонь, однако русские солдаты метким огнем поражали всех, кто к мосту приближался.

12 ноября в сопровождении свиты Наполеон появился у Березины. По реке шло «сало» — предвестник ледостава, курился туман. Из воды торчали обгоревшие опоры моста. На противоположном берегу маячили разъезды. Едва свита приблизилась, как по ней ударили из ружей, над головами прошелестели ядра.

— Ради бога, скорей от реки! Здесь небезопасно! — взмолилось окружение Наполеона.

— Есть ли где броды? — спросил Наполеон Даву.

— Севернее Борисова, у деревни Студянки имеется брод, — опередил с ответом армейский инженер. — Но разве пройдешь по нему в такую стужу! — С утра термометр показывал почти двадцать градусов, мороз обжигал.

— Здесь делать нечего. Ведите к броду.

Небольшая деревенька Студянка располагалась на левом, возвышенном берегу, от нее к реке тянулась пробитая в снегу тропа.

— Вот тут и брод, — указал инженер.

За рекой простиралась заболоченная низменность, укрытая снегом. Вдали стоял лес. Невооруженным глазом были видны у опушки позиции и скрытые за валом орудия.

— И здесь русские, — с досадой произнес кто-то из свиты.

Наполеон знал, что сил у Чичагова достаточно, чтобы сорвать переправу. А начинать надо, иначе — конец!

— Так вот, генерал, — обратился Наполеон к инженеру. — Два дня срока, чтобы здесь было два моста: один для пехоты, второй — для артиллерии и обозов. И еще, Бертье, нужно сделать так, чтобы русский адмирал поверил бы, что мы намерены переправляться через реку южнее Борисова. — Наполеон перевел взгляд на карту, внимание его привлекла деревня Шебашевич. — Внушите русским, будто бы там мы будем строить мосты. Подтяните туда батальоны, начните заготовку леса, ночью запалите костры.

— Я понял, — преданный императору Бертье склонил голову.

На следующий день Чичагову донесли, что французы стягивают к Шебашевичам войска и там же заготовливают лес и что по ту сторону реки всю ночь светились огни. Сколько было костров и людей, сосчитать не смогли: левый берег высокий, не просматривается.

После такого сообщения у Чичагова отпали все сомнения относительно места переправы французских войск. Он принял решение направить к Шебашевичам главные силы своей армии. У Борисова оставался небольшой отряд, и еще один отряд генерала Чаплица занял оборону севернее города, против деревни Студянки. Командиров Чичагов предупредил, чтобы по первому его приказу снимались и шли на юг, к главным силам.

До назначения командующим Молдавской армии Чичагов возглавлял морское министерство, но там он не проявил себя, однако сумел войти в доверие императора. Александр, поддавшись остроумию и обхождению адмирала, умевшему к тому же довольно свободно изъясняться по-английски и французски, не нашел лучшей кандидатуры на этот пост. Позже Наполеон назвал морского полководца слабоумным адмиралом, а русский баснописец И. А. Крылов сочинил о нем басню «Щука и кот». 1813 г...

13 ноября вечером генералу Чаплицу донесли о сосредоточении французских войск, о том, что они продолжают прибывать. А в это время от Чичагова пришел приказ сниматься с занимаемых позиций и идти на юг. Генерал Чаплиц не стал его выполнять. Для выяснения обстоятельств он направил на противоположный берег три казачьи сотни, приказав им захватить француза из офицеров и управителя помещичьего имения в Студянке. Они-то уж наверняка знают, что там творится! Отряд возвратился в час ночи, прихватив языков и управителя. Они заявили, что на реке уже почти готовы два моста и утром начнется переправа.

В 7 часов утра, перед рассветом, на правый берег Березины переправились французские егеря, застрельщики. По ним ударили картечью, заставили отойти. Но тут французы выкатили пятьдесят своих орудий и подавили малочисленную русскую артиллерию. Вскоре французы переправились на противоположный берег и стали расширять захваченный плацдарм. Морозы сковали льдом болота, сделали их проходимыми и облегчили неприятелю осуществить свой замысел.

А на левом берегу творилось невообразимое. С каждым часом прибывали все новые и новые колонны и толпы тех, кто в походе сопровождал армию. Огромное, насколько охватывал глаз, пространство было запружено войсками, толпами беженцев, обозами, артиллерией. Все жаждали как можно скорей перебраться через реку. Наполеон приказал сжечь принадлежащие генералам и маршалам экипажи, фургоны, пролетки, до отказа набитые награбленным добром, и они запылали.

За два дня смогли переправиться около десяти тысяч человек, вдвое больше оставалось на левом берегу, когда слышались выстрелы русских. Обезумевшие от страха люди бросились к спасительным мостам, началась давка слышались стоны, мольбы, проклятия. Не стало ни друзей, ни братьев, каждый думал только о себе.

— Мосты сжечь! — приказал Наполеон. И они вспыхнули огнем. Огонь жадно лизал настил, перила, добирался до покосившихся опор. Дерево трещало, языки пламени то клонились под ветром к самой реке, то взметывались к небу, сыпля гигантскими горстями

искры.

А на берегу слышались крики отчаяния и проклятия ушедшему с гвардией императору. Но Наполеон оставался верен себе. Перебравшись через Березину, он воскликнул: «Моя звезда опять взошла!» Оставив гвардию, под чужим именем он поспешил в Париж.

Переpravляясь у Ковно через Неман, он спросил паромщика: «Много ли прошло через реку дезертиров?» «Вы первый!» — ответил паромщик. Император криво усмехнулся: «От великого до смешного один шаг».

Впереди — граница!

14 ноября летучий корпус Платова овладел деревней Лошницы. Неподалеку находились отряды Милорадовича и Ермолова. Их, так же как и казаков, сдерживал неприятельский арьегард.

Накануне действовавший в отрыве генерал Мартынов известил Платова, что он соединился с корпусом Витгенштейна и взаимодействует с ним.

— Надо самому поехать, разобраться на месте, — решил Матвей Иванович, надеясь за полдня управиться.

Ездовой Митька подкатил на тройке со звоном бубенцов.

— Ты это к чему? — строго спросил Матвей Иванович.

— А чтоб знали, что графские кони скачут, — польстил Митька.

— Ишь ты! Бубенцы пусть остаются, а колокольца долой!

Графский титул Матвей Иванович воспринял как немалую честь. До него такой чести удостоился лишь Федор Денисов, который передал титул своему внуку Орлову-Денисову, тому самому, который ныне командовал лейб-казаками. Да, графский титул — это не бриллиантовое перо, которое ему когда-то вручили за победы. Хотя и оно значительно.

Вздел он как-то это перо на шапку и ослепил всех. Ныне оно сохраняется в шкатулке, лежит на черном бархате, сверкая камнями. Они, будто звезды в черной ночи, играют блеском, переливаются.

Сани выехали из Лошницы, повернули на правую дорогу. За санями скачет сотня атаманцев — охрана во главе с Иваном.

Матвей Иванович закутался в бурку, на ноги бросил меховую полость. В свои шестьдесят лет он все реже в седле. Предпочитает легкие санки или коляску. Лишь когда сам ведет полки в сражение, то пересаживается на огненного жеребца.

Впереди затемнел лес, на опушке показались всадники.

— Ну-ка, придержи, — ткнул возницу Платов.

И тотчас, опережая сани, навстречу верховым вынеслась казачья сотня, впереди Иван.

— Кажись, свои, — определил возница.

И не ошибся. К саням подъехал полковник.

— Честь имею, барон Ольденбургский. Приказано графом Витгенштейном передать в ваши руки пакет для немедленного ознакомления и действия.

— Так срочно?

— Весьма, ваше сиятельство. Есть смысл возвратиться.

— Ну что ж, поедем, — скомандовал Митьке: — Поворачивай назад!

Войдя в избу, Платов передал начальнику штаба пакет:

— Вспарывай да читай, Константин Павлович, что в письменюге сей ведано.

Витгенштейн писал, что Наполеон севернее Борисова начал переправу через Березину, что армия Чичагова должного сопротивления не оказывает, а корпус его, Витгенштейна, не может сорвать переправу из-за ограниченности сил. Поэтому Витгенштейн предлагает совместными силами ударить по боевым порядкам корпуса маршала Виктора с одновременным захватом казачьей конницей, а также отрядами Ермолова и Милорадовича города Борисова.

Слушая, Матвей Иванович вдруг вспомнил стародавний Персидский поход, Муганскую

степь и прибывшего к нему подполковника Витгенштейна, того самого, который ныне ему пишет. «Вам пакет», — вручил он тогда Матвею Ивановичу опечатанный конверт. «С получением сего выступить на непременные квартиры. Павел». Матвею Ивановичу даже слышится сухой, деревянный голос, холодный и отсутствующий взгляд водянисто-серых глаз.

«Сумел служить Павлу, не без успеха служит и Александру. Благодать чужеземцам в русской армии». И тут же, вызывая усмешку, вспомнился ответ Ермолова императору, когда тот спросил, чем наградить его за мужество в сражении. «Сделайте меня немцем», — ответил острый на слово Ермолов.

— Командующий Витгенштейн просит ударить вашим корпусом по переправившемуся неприятелю, пока тот еще не отдалился от реки. А бригаду генерала Мартынова желательно использовать против дивизии Партуно. Она сейчас идет к Студянке, да наткнулась на наши войска. И казаки Мартынова поневоле влезли в дело, — дополнил барон послание.

Бригада Мартынова нужна была и в корпусе, но Матвей Иванович не стал перечить Витгенштейну, все же приближенный ко двору, в любое время может сделать такое, от чего «казаки придут в сокрушение, а он, Платов, в размышление».

— Передайте Павлу Хрисанфовичу, что возражения моего не будет, ежели нужно, пусть бригада Мартынова остается у него. А как разделается, немедленно отпускайте. Я пойду через Борисов, а далее на Молодечно, вместе с Милорадовичем и Ермоловым.

Барон Ольденбургский с щеголеватой, хорошо отработанной небрежностью вскинул два пальца: «честь имею» и удалился.

Вошел Тимофей Греков и с ним Иван.

— А-а, родственнички объявились! С чем пожаловали? Греков замялся, кашлянул в кулак.

— А мы думали, что нас вызывают, — нашелся Иван.

— Снедать будто бы рано. Ну садитесь, ежели пришли. — И обратился к начальнику штаба: — Вызывайте сюда Кайсарова, Харитонову да Ребрикова с Поповым. Пошлем их на Борисов и далее за Березину.

— Кто же возглавит?

— Кайсаров.

— Не молод ли для такого дела? Генерала бы сюда, Кутейникова, а может, Иловайского.

— Я знаю кого направить. Кайсаров спит и видит генеральские эполеты. Да и Михаил Илларионович за него просил.

Кайсаров до этого состоял в главной квартире при главнокомандующем. Тот отозвался о нем очень положительно: офицер, достойный звания генерала.

Греков толкнул в бок Ивана, подмигнул.

— А может, ваше сиятельство, для атаманского полка найдется дело? — осмелился спросить Иван.

Матвей Иванович посмотрел на него долгим взглядом:

— Ты, есаул, полком покуда не командуешь и лишку берешь на себя. Командир с тобой рядом, мог бы сам сказать, да воздерживается. И правильно делает, и тебе гутарю: блюди сдержанность.

— Да я что? Я просто так.

— И я тоже просто так.

Кайсарову Платов объявил:

— Твоя задача, Паисий, идти впереди всех и расчищать для нашего корпуса дорогу. Действуй с таким расчетом, чтобы к Молодечно мы вышли вровень с головой французской колонны, что пойдет правей нас по главной дороге. Ежели сумеешь обогнать, то это будет лучше. — Матвей Иванович говорил с полковником не приказным тоном, а с той доверительностью, какая воспринимается сильней приказа. Платов был уверен, что двадцатидевятилетний полковник сделал все, чтобы оправдать выпавшее на него доверие. —

А Березину пройдешь у Борисова...

— Там моста нет, — неосторожно вставил полковник и понял, что поспешил.

— Березину пройдешь у Борисова, — повторил Матвей Иванович, давая понять, что командир на месте сам все должен решать. — Далее действуй с казачьей дерзостью и лихостью. И держи со мной связь, обо всем немедленно доноси.

— Будет исполнено, — лихо козырнул Кайсаров.

Кайсаров действовал безупречно. Уже на следующий день его отряд был в Борисове.

В тот же день в Борисов примчался и Платов. Здесь он встретил Ермолова. Большой, плечистый, с потемневшим от мороза и ветра лицом, в лохматой шапке и тулупе, Алексей Петрович походил на огромного медведя.

— Здравствуй, Матвей Иванович, — пророкотал он густым басом и заключил Платова в объятия. Они давнишние друзья, еще по горькой костромской ссылке. — Поздравляю с графством, от души рад!

— И ты, Алексей Петрович, прими от меня сердечность, — он откинул тулуп с плеча Ермолова, глянул на погон. — В самый раз легла звезда. Пообедаем или чаю откушаем.

— Чаю бы с удовольствием! Промерз до костей! Прибыл ненадолго, согласовать, как дальше нам действовать. Карту! — не оборачиваясь, потребовал у адъютанта.

Карту разложили на столе, и над ней склонились два генерала.

— Никак не могу успокоиться, что на Березине у нас промашка вышла, — вздохнул Матвей Иванович. — Сплошал, знать, главнокомандующий, сплошал.

— Кутузов ни при чем, — отверг упрек Ермолов. — Вся эта затея исходила из Петербурга. Угодники готовили Александру лавры полководца, а заодно намеревались отодвинуть в тень Михаила Илларионовича. Да вот не получилось. Воевать — дело не простое, особенно против Наполеона. Нет-нет, Михаил Илларионович тут ни при чем.

— А ведь я-то грешным делом, вину взвалил на него.

Беседу прервал прискакавший от Кутейникова казак с донесением. Матвей Иванович развернул вчетверо сложенный лист. Генерал сообщал, что у деревни Начи два казачьих полка атаковали французскую колонну, четыре сотни захватили в плен и столько же положили на поле боя: не хотели сдаваться.

— Ты, — обратился Матвей Иванович к казаку, — скажи сейчас же назад и передай генералу, чтоб без задержки шел с полками сюда. Там есть кому сражаться, а у нас свое предстоит дело. Так и передай!

Казак ускакал, поднялся и Ермолов.

— Так вы в Борисове недолго будете?

— Как можно, Алексей Петрович! Все согласовано и обговорено. Теперь за дело!

А вскоре в комнату ворвался незнакомый офицер.

— Я — командир партизанского отряда Сеславин. Александр Никитович Сеславин. Прибыл заявить решительный протест.

— Сеславин? — переспросил Платов. — Слышал о вас. Так в чем дело, голубчик? Нужна моя помощь?

У Сеславина, как и в других партизанских отрядах — Давыдова, Фигнера, Кульнева, — сражалось немало донских сотен.

— Никак нет, ваше превосходительство! — Красивое лицо капитана пылало. — Я прибыл заявить решительный протест.

— Протест? Да вы садитесь, господин капитан, — указал Матвей Иванович на табурет и сам присел. Капитан оставался стоять. — Ну, сказывайте свой протест.

— Ваше превосходительство...

— Ваше сиятельство, — поправил капитана Шперберг. — Матвей Иванович — уже граф. Или не слышали?

— Откуда же мне слышать? — озадаченно произнес Сеславин. — Виноват, ваше сиятельство.

— А вы не винитесь, беды нет... Так выкладывайте этот самый протест.
— Дело в том, ваше сиятельство...
— Да бросьте вы это сиятельство!
— Дело в том, что в Борисов первым ворвался мой отряд, партизаны, а не Кайсаров, как все считают...
— Ну и молодец, мой сударь! Хвалю за отвагу! Отряд-то ваш ведь не велик...
— Совершенно верно! И в связи с этим честь захвата в городе пленных и имущества принадлежит не казачьим частям, как о том мне стало известно, а моему отряду.
— А как же вы, государь мой, через Березину переправлялись? — сощурил глаз Платов. — Ведь моста не было, а лед тонок...
— Именно так. От свай торчали обгорелые пеньки. Мы на них уложили доски, закрепили костылями да веревками, даже шарфами, и перешли.
— А Кайсаров?
— Кайсаров прошел позже.
— Ай, мошенники, ай, ловкачи! — воскликнул Матвей Иванович. — А мы-то, сударь, донесли Михаилу Ларионовичу со слов начальника авангарда.
— Я написал в главную квартиру протест. Объяснил, как все было в действительности, указал, что первым вошел в город отряд партизан...
— И стало быть, трофеи и пленные принадлежат вам. Не так ли?
— Точно так.
— Правильно сделал, капитан, что написал. Согласен признать вашу победу. А что касается пленных, то забирайте их всех. Сколько там взято?
— Пять тысяч, — ответил Шперберг.
— Вот всех и забирай! — махнул рукой Платов. — Пусть на счет вашего отряда их зачислят. А у нас и так полно французишек. Мне их не жалко.

Обойдя Вильно, платовский корпус вышел на ведущую к Ковно дорогу. В авангарде шел отряд Орлова-Денисова, он неотступно преследовал французов, не позволяя им закрепиться на удобных рубежах. Отряд же Кайсарова Платов направил в обход, чтобы он, упредив неприятельскую колонну, ударил по ней с фланга, отсекая от главных сил артиллерию, обоз и арьергард Нея.

Местом нападения атаман назначил равнину у Понарской горы. Дорога здесь поднималась по крутому склону, и Матвей Иванович безошибочно определил вероятную задержку движения неприятельских колонн, а поэтому и ее уязвимость.

Предвидел возможность нападения и Мюрат, оставшийся за Наполеона командующим французскими войсками. Накануне он предупредил об этом Нея:

— Арьергард должен сдерживать русских до той поры, пока все наши части и обоз не пройдут эту гору. Без моего приказа не отходить.

В арьергарде у Нея оставалось около двух тысяч человек да две восьмипушечные батареи. Сил явно мало.

— Получите еще столько же, — пообещал Мюрат. И свое слово сдержал.

К Понарской горе прискакал и Платов, ведя за собой атаманский полк. На этот раз он был верхом.

— А вы-то что, батяня, в кашу лезете? — упрекнул его сын Иван. — Граф, а на коне вместе с казаками.

— Дурак ты, хотя и есаул. Я титул сей не по наследству заслужил и не богатством. Делами ратными он мне достался. Казаку даже в графском титуле негоже отсиживаться в затишке. Понял? А ежели еще раз об этом скажешь, в обоз тебя направлю, чтоб думал. Марш к сотне!

Матвей Иванович столкнулся со лба папаху и напряженно вглядывался в сторону склона, по которому, скользя и оступаясь, с трудом вбирались люди и экипажи. У подножья горы в ожидании очереди скучились повозки, артиллерия.

— Вы поглядите, — Кайсаров подал трубу.

Матвей Иванович подкрутил окуляр под свой глаз: все разом приблизилось.

Помахивая руками, прыгали, чтобы согреться, французские артиллеристы, какой-то начальник в башлыке спорил с высоким офицером, что-то доказывал, размахивая руками.

Платов перевел взгляд на дорогу. Там чернели фигуры отставших от колонны солдат.

— Может, начнем, ваше сиятельство? — спросил, подъезжая, Попов. Рядом с ним Ребриков и Харитонов. — А то застоялись.

— Ну-ка, — Платов подозвал Кайсарова. — Уточняю, что нужно делать. Ребрикову наступать к подножью горы, отсечь обоз и артиллерию. Попову — бить прямо в левый бок, а харитоновскому полку зайти справа и не дать уйти в лес, что за дорогой. И еще — поглядите, чтоб казаки не бросились прежде на обоз. Главное — это неприятельские пушки.

Французы встретили их огнем. Наступавший в центре полк Попова не выдержал, отворотил. Зато решающий удар нанес полк Харитонова. Казакам удалось вырваться на дорогу, а потом развернуться и ударить по бросившимся к лесу пехотинцам и обозникам. Этим воспользовались полки Ребрикова и Попова. Они ворвались в самую гущу столпившихся у подножья Понарской горы войск.

Через полчаса схватка завершилась полной победой. Одних пленных оказалось около тысячи человек. Было захвачено два воинских знамени, двадцать восемь орудий, большой обоз с деньгами и воинским имуществом, принадлежащий главной квартире французской армии.

Не теряя времени, Платов направил по дороге в противоположную сторону от Понарской горы атаманский полк. Тимофею Грекову приказал:

— В трех верстах отселе держит оборону арьергард Нея. Ударь-ка по нему с тыла.

Платов не ошибся. Именно там занимал оборону французский арьергард. Укрывшись, французы дружно стреляли по наступавшим. Подоспел Орлов-Денисов со своим лейб-гвардии казачьим полком, врубился было в неприятельское расположение, но по нему ударили картечью из пушек.

— Не смей отходить! Палить, не жалея зарядов! — кричал с возвышенного места Ней, словно бы его команду могли слышать среди хаоса сражения.

Над головой маршала то и дело свистели пули, но он их не замечал.

— Мой маршал, сзади казаки! — вдруг воскликнул адъютант, меняясь в лице.

С тыла надвигался атаманский полк. По длинным пикам Ней безошибочно определил, что это действительно казаки...

ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИИ

В последнем походе

Преследуя по пятам неприятеля, первыми к Ковно подоспели казаки. Встреченные орудийной стрельбой, остановились, выслали разведку, подтянули орудия донской батареи и ударили из них по городу.

Разведка вскоре вернулась, донесла: неприятель из Ковно уходит по двум дорогам, спешит.

— Не мешкать! — приказал Платов. — Француза никак из вида не упускать! Бить колонны с флангов!

Через час полки по льду перешли Неман, пустились в погоню. Разгадав казачий маневр и опасаясь оказаться в кольце, из города бросились последние остатки неприятельского войска.

Пять месяцев назад отсюда, из Ковно, французы начали свой поход на Москву. Наполеон заявлял: «Через пять лет я буду господином мира. Остается одна Россия, но я

раздавлю ее». Теперь его армия, доселе считавшаяся непобедимой, разгромлена в пух: из 600 тысяч человек уцелело всего 9 тысяч.

Генерал Дюма, интендант французской армии, закончив в Волковыске свои дела, собирался уж выезжать, когда услышал голоса, Дверь распахнулась, и на пороге вырос незнакомец: высокий, обросший, в странном одеянии.

— Вам что угодно? — поднялся генерал. — С кем имею честь...

Незнакомец решительно шагнул к столу.

— Это я вас должен спросить: кто вы такой?

— Я — интендантский генерал Дюма.

— А я — Ней! Маршал Ней!

— Маршал? — Дюма всмотрелся и только тогда узнал Ней. — Ваше сиятельство! Князь Московский!

— Да, черт побери, князь Московский! — Он тяжело опустился в кресло. — Я — Ней, бывший начальник арьегарда Великой армии. На ковенском мосту я сделал последний выстрел и бросил в Неман последнее французское ружье. И вот я один... Пробравшись лесом, я избежал участи тех, кого порубили казаки, сгубили морозы, сожрали волки... Теперь дайте поесть и найдите во что переодеться. Я смертельно голоден и устал.

— Сейчас... сейчас, — генерал поспешно вышел из комнаты, а когда вернулся, Ней спал, уронив голову на грудь.

— О, боже! — прошептал генерал. — Да помогите нам, страждущим, выбраться из этого ада...

Перед шагнувшей за Неман русской армией стояла задача освобождения народов от наполеоновского гнета, установления в Европе длительного мира. Теперь действия развернулись на трех направлениях: на правом крыле, где находились казачьи части Платова, войска наступали на Кенигсберг и далее — на Данциг; центр устремился к Полоцку; левое крыло под командованием Милорадовича нацелилось на Варшаву.

В конце января после взятия Данцига Платов получил письмо от Кутузова.

«Милостивый государь, граф Матвей Иванович! Я не в силах изъяснить вам той благодарности, которую преисполнено мое сердце, — писал фельдмаршал. — Сражение, бывшее 22 января под Данцигом, есть новый опыт усердия, ревности и отличной храбрости донцов, Вами предводительствуемых. Услуги, оказанные Вами отечеству в продолжении нынешней кампании, не имеют примеров! Вы доказали целой Европе могущество и силу обитателей благословенного Дона!»

Далее Кутузов просил Платова непременно поспешить в главную квартиру, потому что полон желания дружески прижать его к сердцу. В искренности чувств старого боевого товарища Матвей Иванович не сомневался, однако сознание подсказывало и другое.

В тот же день он выехал в Полоцк, где находился главнокомандующий. Всю дорогу его не покидала подспудно таившаяся мысль: непременно что-то случилось. В словах письма он чувствовал участие и утешение.

В пути адъютант есаул Кирилл Греков все шутками да прибаутками пытался отогнать черные мысли, но Матвей Иванович их не принимал.

Завидя его, Кутузов шагнул, обнял, дрогнувшим голосом сказал:

— Крепись, атаман. Крепись, любезный Матвей Иванович.

— Что случилось?

— На вот, читай, — протянул он лист. — С Дона твоего пришла депеша. Денисов пишет.

Матвей Иванович прочитал раз и второй. Не веря случившемуся, опустился в кресло. Все кругом поплыло... Умерла его Марфа Дмитриевна... Приказала долго жить...

— Посиди, посиди, Матвей Иванович, а у меня дело есть, — и Михаил Илларионович вышел.

Матвею Ивановичу вспомнилось, как в такую же зиму возвратившись из Черкаска на

Кубань станичник сообщил о болезни первой жены, Надежды Павловны.

«Ты что буровишь! — повысил он тогда на казака голос. — С чего бы?..»

Надежда была молода и телом крепка.

«Так точно. Туточки в письме все сказано». — Казак полез за пазуху...

И вот ушла из жизни и вторая его жена, Марфуша. Недолго они бывали вместе, мешали частые разлуки. Однако ж прикипели друг к другу... Нет ее. Он почувствовал на душе горькую пустоту.

Сколько сидел в раздумье — не помнил. Вошел Кутузов, положил руку на плечо.

— Поезжай на Дон, Матвей Иванович. Отдохнешь и дела на месте проверишь, — слышал далекий голос.

— Нет, не время покидать армию. Не могу этого сделать. — Платов знал, поездка горя не убавит. — Если позволите, пусть едет сын мой, Иван.

— Иван так Иван, — не стал возражать Кутузов. Иван за последние бои у Данцига был произведен в войсковые старшины, и слух о его храбрости докатился до главной квартиры. — Сам тоже отдохни, полечись. Доктор Виллие сказывал, что нужда в том есть.

Вскоре, распрощавшись с главнокомандующим, Платов уехал по настоянию заботливого доктора в Богемию, на воды. И думал ли он, что та встреча с Михаилом Илларионовичем будет последней? 28 апреля по дороге в столицу Саксонии Дрезден фельдмаршал скончался в небольшом городке Бунцлау.

Это было второе в тот год после смерти жены потрясение...

Вернулся он в армию в сентябре, когда войска вели наступление на Лейпциг. Под свое командование принял особый легкий корпус, прикрывший с юга наступление Богемской армии. В конце сентября армия и платовский корпус подошли к Лейпцигу.

Здесь 4–7 сентября произошло знаменитое сражение, получившее в дальнейшем название «Битва народов». Против армии Наполеона, состоящей из французских, польских, голландских, саксонских, бельгийских, итальянских и других войск, выступила союзная коалиция, в которую входили Россия, Австрия, Великобритания, Пруссия, Швеция.

В этом самом крупном для наполеоновских войск сражении обе стороны понесли значительные потери: Наполеон потерял около 80 тысяч человек и почти половину орудий, союзники — свыше 54 тысяч. Победу в битве одержали союзники, и решающую роль в ней сыграли русские войска.

Корпус Платова обеспечивал фланг русских войск, он сумел блестяще справиться с поставленной задачей. Особенно отличился лейб-гвардии казачий полк под командованием Орлова-Денисова.

Произошло это 4 октября. Используя неудачное наступление Богемской армии, Наполеон нанес контрудар кавалерийскими силами Мюрата. После сильного артиллерийского огня десять тысяч всадников обрушились на центр расстроенной Богемской армии. За несколько минут, смяв и уничтожив передовые части, французская кавалерия углубилась в расположение союзных войск.

На помощь бросилась кавалерийская дивизия генерала Палена, но она не смогла удержать неприятельскую конную лавину. И тогда на фланг устремился лейб-гвардии казачий полк Орлова-Денисова. Удар казаков был столь неожиданным и таким уязвимым, что атака французских кавалеристов застопорилась. Этим немедленно воспользовались артиллеристы. Они выкатили к месту прорыва 112-орудийную батарею русского генерала Сухозанета и в упор стали расстреливать неприятельскую конницу. Неся потери, французы отступили.

За отличие в лейпцигском сражении Платов удостоился ордена Андрея Первозванного. Был награжден и его любимец Орлов-Денисов.

Преследуя наполеоновскую армию, казачий корпус 21 октября занял Франкфурт-на-Майне, а вскоре казаки поили коней из Рейна.

Наступил 1814 год. Союзные войска вели боевые действия против наполеоновской армии уже в пределах Франции. Силезская армия, руководимая прусским фельдмаршалом Блюхером, в январе сосредоточилась в районе Нанси. Главная армия, которой командовал прусский фельдмаршал Шварценберг, располагалась южнее, вблизи городов Шомона и Лангра. В этих армиях находились значительные силы русских войск. Кроме того, корпус генерала Винценгероде вел боевые действия северо-восточнее французской столицы у Дюссельдорфа, имея в авангарде кавалерийские и казачьи части.

Отряд Платова, составляя авангард Главной армии, в декабре переправился через Рейн, вслед за ним преодолели реку и остальные силы.

Сознавая надвинувшуюся угрозу, Наполеон 13 января срочно выехал из Парижа в армию. Верный принципу бить неприятеля порознь, он прежде решил разгромить сосредоточенные у Бриенна войска Блюхера.

Вблизи города, в одном из замков расположился и сам семидесятидвуухлетний командующий Блюхер.

Фельдмаршал начал службу давно, еще при знаменитом Фридрихе Великом. Тот ему не благоволил, не питали уважения к прыткому генералу и другие начальники. А после сражения под Ауэрштедтом, когда Блюхер с остатками войск угодил в окружение и вынужден был сдаться на милость победителя, его из армии уволили.

Теперь же, получив под свое начало армию, фельдмаршал словно наверстывал упущенный шанс. Порой он проявлял такую безудержность, какая не всегда присуща даже молодому генералу. «Фельдмаршал форвертс» — называли его за постоянство в решении: «только вперед». И если бы не начальник штаба трезвомыслящий генерал Гнейзенау, фельдмаршалу опять пришлось бы худо...

И вот, отдав приказ на решительное преследование с расчетом, старик-фельдмаршал спокойно заснул. Разбудила его близкая пальба. Вбежавший адъютант объяснил:

— Французы!

Натянув кое-как ботфорты, Блюхер выбежал из замка. С помощью чьих-то услужливых рук влез на чужого коня. Позади слышались крики, выстрелы, над головой просвистели пули...

К командующему Главной армией прискакал гонец:

— Фельдмаршал Блюхер просит поддержки! Он рассчитывает на вашу помощь.

Но Шварценберг был полной противоположностью Блюхеру.

— Мы сейчас не можем выступить, — выслушав, ответил он отказом. — Какое сражение, когда стоит зима, морозы! Войска должны отдыхать на зимних квартирах. Я уже отдал приказ. Пусть ваш фельдмаршал потерпит до весны, когда будет тепло.

Находившееся при Шварценберге русское командование вмешалось, потребовало идти на соединение с Силезской армией.

20 января произошло сражение при Аа-Ротье. Оно началось во второй половине дня: шел снег, разыгралась метель. Поддержанный огнем артиллерии, находившийся в центре Главной армии корпус недавно прибывшего после ранения генерала Раевского смело ринулся на врага.

Генерал Раевский проявил отвагу у Смоленска, под Бородино, Малоярославцем. В ноябре под Красным он получил тяжелое ранение и вынужден был покинуть армию. Возвратившись по излечении, он принял Гренадерский корпус. Но под Аейпшигом вновь был тяжело ранен. Покинул поле боя лишь по окончании сражения. Теперь он опять в строю, в звании генерала от кавалерии...

Упорство французов удалось сломить, в дело ввели кавалеристов Палена, его полки ворвались в Аа-Ротье. Одновременно союзники атаковали левый неприятельский фланг. Французы отступили.

В тех схватках особое упорство проявили солдаты дивизии генерала Воронцова. Заняв позиции у Краона, они в течение дня отражали вражеские атаки. Расстроив боевые порядки противника, дивизия при поддержке казачьей бригады генерала Карпова, перешла в

наступление и отбросила врага. Мужество и стойкость русских солдат спасла армию Блюхера от полного разгрома.

А Шварценберг оставался верен себе.

— В данной ситуации наиболее благоразумно отступить, — заявил он на совете. — Мы находимся на французской земле, нам придется вести войну с народом.

— Народу война надоела, она разорила его, народ жаждет мира. А мир наступит, когда войдем в столицу, — возражал ему Барклай-де-Толли.

— Нет, нет, мы должны учитывать мнение командующего, коему вручены наши армии, — поддержал Шварценберга его соотечественник австрийский император Франц. — Он один волен решать.

Русские генералы возмущались странным поведением австрийского фельдмаршала, требовали наступать на Париж. Этому благоприятствовало стратегическое положение союзных армий, охвативших столицу полукольцом. К тому же в народе бурлило недовольство Наполеоном, отмечалось брожение и в высших кругах.

— Русские против переговоров, — заявил Александр. — Это будет не мир, а перемирие на руку врагу. Мы лишь на время сложим оружие. А потом, когда русские войска уйдут из пределов страны, вы вновь призовете на помощь, и нам придется возвращаться за четыреста лье... Нет, это предложение никак не приемлемо.

— Так что же вы предлагаете? — упорствовал Шварценберг.

— В случае отступления, какое вы предлагаете, находящиеся в Главной армии русские войска, включая гвардию, гренадеров, корпус Витгенштейна, соединяются и сами пойдут на Париж...

Союзникам пришлось уступить.

А в это время Платов со своим отрядом решал необычную задачу. Накануне из Лангра прискакал полковник императорской свиты:

— Его величество незамедлительно требует вас. Дело чрезвычайной важности.

— Ежели так надобен, то я готов.

По прибытии на главную квартиру Матвея Ивановича тотчас провели в кабинет Александра. Там уже был Барклай.

— Слушайте внимательно, атаман, и запоминайте. Дело чрезвычайной важности, письменных указаний на сей счет не последует. — Они подошли к карте. — Вот Лангр, вот Труа... Сане, — указывал пальцем по карте Александр. — Намюр... Фонтенбло. Ваша задача пробиться в Фонтенбло. Это в полустах верстах от Парижа. Надеюсь, вы слышали о сей летней резиденции французских королей.

— Совершенно точно...

— Как нам стало известно, там находится римский папа Пий VII. Содержится под стражей, возможно в заточении. Вы должны его вызволить.

— Казаки готовы, ваше величество. Когда повелеваете выступить?

— Это вот с графом решайте, — указал Александр на Барклая. — Однако же дело не терпит промедления.

На прощание Барклай подсказал:

— Прежде чем лезть в Фонтенбло, непременно сломите гарнизон крепости Намюра. Иначе угодите в западню. И непременно возвращайтесь с папой!

Папа римский Пий VII действительно находился в Фонтенбло, пребывая там на положении узника. С самого начала его восхождения на римской престол, а это произошло в 1801 году, между ним и Наполеоном возникли трения. Наполеон не желал признать над собой ничьей власти, мечтал о полном господстве.

2 декабря 1804 года в соборе Парижской Богородицы состоялась церемония коронации Наполеона в качестве «народного избранника». Когда подошел торжественный момент возложения на голову императора короны и папа подошел к Наполеону с короной в руках, тот вырвал ее и сам надел на голову.

Папа Пий не остался в долгу. Когда Наполеон задумал бракоразводное дело со своей первой женой Жозефиной, он не дал согласия на расторжение.

Взбешенный властелин занял Рим, присоединил Папскую область к Франции, пересел всех кардиналов в Париж. Пий VII повелел отлучить Наполеона от церкви, признал его вероотступником. Тогда папу силой привезли в Гренобль. В его защиту выступило высшее духовенство, но это не удержало диктатора: он приказал зачинщиков арестовать, а папу перевести в Фонтенбло...

По проселочным дорогам отряд Платова углубился на территорию неприятеля. Перейдя Сену южнее Труа, подошел к городу Сане. Разведка установила, что в нем значительный гарнизон, и Платов решил, не ввязываясь в бой, обойти его.

Впереди главных сил находился авангард, возглавляемый лихим Кайсаровым, теперь уже ставшим генералом. В полдень 4 февраля авангард подошел к реке Луэнь, переправился и вышел к крепости Намюр.

Под начальством Платова — десять казачьих и Черноморский кавалерийский полки. Все они потрепаны в предыдущих сражениях и в каждом по две-три сотни всадников, не больше. И еще шесть орудий донской конной артиллерии, командует которой генерал-майор Карпов. Всего около трех тысяч.

Атаковать крепость кавалерией считалось делом не только малоперспективным, но и безнадежным. Что могли сделать вооруженные саблями и пиками всадники — без орудий и специальных осадных устройств, какие придавались обычно пехоте? Да и пехота с артиллерией и частями инженерии не всегда добивалась успеха перед каменными стенами. Но Платов помнил совет Барклая насчет западни.

— Что будем делать? — обеспокоенно спросил Кайсаров.

— Как что? Брать! Давай-ка сюда офицера, что разумеет по-французски! — потребовал Платов.

Прибыл поручик из артиллерийской батареи.

— Поезжай к воротам, потребуй, чтоб тебя приняли, — напутствовал атаман офицера. — Скажи коменданту, что ждать нам некогда и если через два часа крепость не сдаст, милости пусть не ждет.

Наблюдательный пункт Матвей Иванович выбрал на опушке леса, у большого камня на пологом спуске. Казаки приволокли вывороченный пень, установили у камня с подветренной стороны, и Матвей Иванович, завернувшись в бурку, устроился в ожидании возвращения парламентаря. Чувствовал он себя неважно: знобило, ныло в поясице.

Парламентарь возвратился возбужденный.

— Отказался комендант от сдачи. Сказал, что рвы наполнятся трупами, река обогрится кровью, но крепость не сдаст. И еще сказал, что храбрость французов известна всем.

— А бумагу никакую не дал?

— Никак нет. Сказал, что письмом ответа не удостоит.

— Он кто же такой? В каком звании?

— Комендант у них — Баньи, а гарнизон возглавляет полковник Грушо.

— Груша, стало быть. Ну ладно! Придется эту грушу потрясти. Сзывайте командиров!

И пока командиры подходили, атаман подробно расспросил офицера о том, что тот видел в крепости и каковы там укрепления. Выслушав, сказал решительно:

— Ночью крепость взять! Будем предпринимать штурм!

— Хватит ли сил? — усомнился Шперберг.

— Нужно сделать так, чтоб неприятель поверил, будто бы сил у нас в избытке.

Вскоре артиллерия открыла по крепости огонь. Казаки тем временем подтянули в тыл полков вьючных и заводных ¹¹ коней, расположили коши. С наступлением ночи жгли

¹¹ Запасная верховая лошадь.

костры.

Огней было столько, что казалось, крепость окружена многочисленным войском, в десятки раз превышающим гарнизон. Одновременно формировалась ударная колонна из спешенных казаков всех полков. Начальником главной колонны назначили полковника Шперберга, под его начало дали Черноморский полк.

— Помни, Константин Павлович: черноморцы должны первыми ворваться в крепость.

Пешая колонна с двумя орудиями скрытно продвинулась к воротам, остальные полки пошли на сближение с противоположной стороны, отвлекая внимание неприятеля.

Приблизившись к воротам, казаки Черноморского полка открыли по ним огонь из орудий. Несколько ядер угодили в цель, но проломы оказались невелики. А тут и кончился запас ядер.

— Жги ворота! — распорядился Платов.

Поднесли мазут, подпалили, и пламя жадно охватило дерево. В полыхавшую арку бросились казаки. Бой завязался внутри крепости...

К рассвету все было кончено. Выстроенные на площади французские солдаты подходили и бросали оружие: росла гора мушкетов, пистолетов, сабель, палашей. А вокруг площади — на конях казаки.

Прибыл Платов. К нему приблизился полковник Грушо: лицо решительное, мужественное.

— Гарнизон крепости сдался на милость победителей, — отрапортовал он, протянул шпагу и осмотрелся. — А где же пехота, генерал?

— А вот она, на конях!..

Фонтенбло они достигли на рассвете. Жители небольшого уютного городка еще спали, когда застучали копыта передового отряда. Миновав на рысях площадь с собором, казаки устремились ко дворцу.

Огромный дворец с обширным парком составлял не только достопримечательность городка, но и Франции. Построенный несколько веков назад, он в дальнейшем разрастался, в многочисленных его помещениях сосредоточились бесценные произведения искусства.

Накануне Платов предупредил Кайсарова:

— Потребуй, чтобы начальники не очень дозволяли казакам хозяйничать во дворце. А то ведь они любят пошарить в чужом. — Кайсаров хотел возразить, но атаман упредил его мысль: — Глазами пусть смотрят, а волю рукам не давать! — Хотя сам не очень был уверен, что казаки выполнят его приказ. — Главное, взять под защиту папу, доставить его к императору.

Занятие Фонтенбло свелось к перестрелке с охраной, которая вскоре скрылась в примыкавшем к парку лесу. Нашли мажордома — управляющего дворцом, представили Платову.

— Где папа?

— Нет его, — отвечал импозантный француз. — Неделю назад как увезли, в карете, под охраной.

— Куда?

— По всей вероятности, в Париж.

Направленные к Парижу казачьи разъезды вызвали немалую панику среди местного населения и в самой столице, оттеснили на дорогах французские заставы, однако дальше продвигаться не посмели: силы отряда были слишком неравны, чтобы рассчитывать на успех.

В Париже

В старинный особняк богатого имения, где располагался штаб казачьего отряда, Матвей Иванович приехал затемно. В помещении было тепло, сухо, сияла люстра.

Весь день генерал пробыл под дождем, промок и озяб. Сбросив отяжелевшую бурку, стряхнув с папахи капли дождя, он приказал денщику:

— Неси валенки!

— А они тута, — Степан Пупков, цыганского вида казак с серьгой, проворно стащил с Платова сапоги, натянул на жилистые ноги шерстяные носки. — Теперя к столу. Жакуша, тащи борщ, да не забудь лафитник!

Выглядывавший из-за портьеры слуга-француз понятливо кивнул, вышел с подносом.

После еды генерал сел к камину. Огонь жарко пылал, языки пламени жадно лизали сухие поленья, и они звонко трещали, постреливая искрами.

Матвей Иванович любил смотреть на огонь. В такие минуты мысль уносила его чаще в прошлое, на родной Дон, но теперь стародавняя боль в пояснице заставила думать о себе. Да, годы сказываются, берут свое.

На днях его опять наведal доктор Виллие. Все расспрашивал о здоровье, озабоченно вздыхал.

— Что это вы обо мне печетесь? — не выдержал Матвей Иванович. — О здоровье ли сейчас думать!

— Как же не печься! Оно вам богом дадено, от него зависят все ваши деяния.

Виллие — авторитет, лейб-хирург, президент российской медицинской академии, он неперменное лицо во всех поездках императора. Платов, конечно, догадался, что доктор прибыл неспроста, не иначе как по велению императора. После рейда в Фонтенбло Александр к нему охладел. Когда докладывал о неудаче с освобождением папы, заметил, как на широкий лоб Александра легли недовольные складки.

— Опоздали, упустили удачу, — вымолвил с упреком. — Не тяжело ли в походе, атаман?

— Никак нет, — ответил Матвей Иванович и для вящей убедительности добавил: — Еще есть запас в пороховнице.

— Цвет лица мне ваш не нравится, — и подсладил горечь слов скуповатой улыбкой...

Матвей Иванович пошуровал в камине кочергой.

— Дайте-ка я, — подскочил денщик и бросил в огонь поленья.

— Полковник Шперберг на месте? — спросил генерал.

— Здесь, он уж заглядывал, справлялся о вас.

Шперберг прибыл с привычной синей папкой, доложил:

— В ваше отсутствие был офицер из корпуса Раевского, передал просьбу генерала ожидать его завтра поутру. Еще просил, чтобы при этом непременно были генералы Кайсаров и Греков. Паисию Сергеевичу я уже сообщил, а к Грекову послал нарочного.

— Не сказывал ли офицер, зачем приедет Раевский?

— Справлялся, но он не ведал. Донесение надобно подписать, ваше сиятельство.

— Читай. — Платов откинулся в кресле, прикрыл глаза.

В донесении сообщалось, что полки отряда сосредоточены в районе Арси, взятого казаками накануне, и в полной готовности к наступлению на Париж. Город Арси находился в долине Сены, выводящей к французской столице: никак ее не минуешь. Скрипя пером, генерал вывел свою подпись.

«Видно, наступать придется вместе с корпусом Раевского, — вспомнил он сообщение. — Только зачем же ему приезжать?»

Раевского Матвей Иванович знал с давней поры, когда еще формировал под Чугуевым Новодонское казачье войско. Это было в 1787 году. Тогда к нему прибыл совсем еще по виду мальчик, гвардейский поручик: неширокие плечи, тонкая шея, румянец на щеках. Представился, подал письмо от самого Потемкина. Грозный начальник повелевал прикомандировать своего дальнего родственника на выучку в казачий полк и требовал, чтобы его употребляли в службе прежде всего как простого казака, а уж потом по чину. Указывал, чтоб казачью службу офицер испытал сполна, без всяких послаблений, познал бы тяготы и лишения, столь необходимые для дальнейшего опыта.

— Вам сколько же лет? — спросил Матвей Иванович, глядя на старательно тянущегося в стойке офицера.

— Пятнадцать в сентябре исполнилось, — ответил тот петушком.

— Вы знаете, о чем пишет светлейший?

— Так точно. Князь прочитал мне письмо.

— Ну и ладно, ежели знаете. Направляю вас в полк Андриана Денисова. Ему офицеры нужны... Только предупреждаю, полковой начальник с характером, да и нести службу простого казака нелегко.

— Я готов подчиниться повелению.

Год Раевский числился волонтером, осваивал казачьи премудрости, ходил в караулы да наряды, чаще других назначался в линию аванпостов, не уклонялся и от работ, каких в полку бывало в избытке.

Через год Потемкин спросил Платова.

— Ну как там мой внук? Справляется ль с делами?

— Весьма усердный и понятливый офицер, познал дела не хуже любого донца, — ответил Платов.

Офицер и в самом деле был сметлив, скромн, не шумлив, и своей исполнительностью не раз отмечался начальством.

— Стало быть, пора и полк ему вручить.

Вскоре Николай Раевский, сменив гвардейский чин на армейское подполковничье звание, вступил в командование полком.

Раевский прибыл в обещанный час. В штабе уже находились Кайсаров и генерал Греков-восьмой, командовавший, как и Кайсаров, бригадой из трех полков. Пожалуй, из всех казачьих генералов он наиболее опытный, побывал во многих переделках и сражениях, вместе с Суворовым участвовал в Итальянском и Швейцарском походах. Нервное лицо, израненная пулей кисть руки, но в волосах ни единой седой нити, хотя ему за пятьдесят. Сам он из простых казаков, грамоте не обучался, чин генеральский завоевал безграничной отвагой и удалью.

Генерал Раевский вошел и, слегка прихрамывая, направился к Платову.

— Рад встрече, Матвей Иванович! Счастлив, что вижу здоровым и крепким! — Они обнялись.

Раевский ростом ниже Платова, но в плечах широк, крепкая затянутая в мундир грудь, спокойный взгляд, складки у губ, выдававшие сильный характер.

— Привез, Матвей Иванович, пакет вам от императора.

— Господа, — обратился Платов к находившимся в комнате, — оставьте нас на время.

Они сели за стол, один против другого. Со стариковским нетерпением Матвей Иванович бросал взгляд то на Раевского, то на лежащий засургученный пакет.

— Вчера мне довелось быть в главной квартире, — начал Раевский. — Вызывали по причине предстоящего наступления на Париж. Потом был у императора. Докладывал о своих делах. Когда уходил, он повелел доставить для вас сей пакет.

Недоброе предчувствие не обмануло Платова: император повелевал сдать командование отрядом Кайсарову, самому же прибыть в Главную квартиру.

Матвей Иванович дважды прочитал документ, неторопливо сложил его.

— Ну что ж, этого ждал, — сказал он, стараясь придать голосу твердость. — По правилу надобно попрощаться с полками.

— Приказано ехать без промедления.

— Без промедления и поеду. — И кликнул адъютанта, Кирилла Грекова. — Пригласи-ка, есаул, генералов да Шперберга.

— Ну вот, господа и боевые товарищи, кончилась моя с вами служба. Отзывают в Главную квартиру. Приехал за мной Николай Николаевич. — Платов медленно прошелся перед генералами, остановился. — С сей минуты в командование отрядом вступает генерал

Кайсаров. Слышишь, Паисий! А первым помощником его и правой рукой быть отныне вам, Петр Матвеевич. — Генерал Греков щелкнул каблуками. — Вас, Константин Павлович, благодарю за помощь и все доброе, что вы вершили при мне. Пока остаетесь при штабе. Обещаю вам генеральский чин, постараюсь непременно выхлопотать. Вот, скажу я вам, и все. — И устало опустил руки.

По прибытии в Главную квартиру он явился к Барклаю, доложил о сдаче отряда.

— Отныне, граф, вы приписаны к Главной квартире. Так повелел император.

8-го марта произошла битва при Арси-сюр-Об. Она продолжалась весь день, а ночью Наполеон направил всю свою кавалерию против левого фланга армии Шварценберга, где находился отряд Кайсарова. Казаки расположились лагерем, спали, когда среди ночи послышалась стрельба. Неприятелю удалось опрокинуть охранение, ворваться в лагерь, захватить артиллерийскую батарею. Казаки отступили.

Узнав об этом, Платов пришел в неистовство.

— Никогда еще не было подобного! За всю службу не бегал я от неприятеля! Рано, рано списали меня! Был бы в отряде, не допустил такого позора!

Он написал Кайсарову полное гнева письмо, упрекал его, требовал, чтобы в дальнейшем искупил делами свой досадный промах и никогда бы ни знал ретирад.

А утром следующего дня двигавшиеся на соединение с Наполеоном корпуса маршалов Мармона и Мортье столкнулись у деревни Сомса с казачьими частями Кайсарова. Находившийся поблизости генерал Раевский развернул свой гренадерский корпус в боевой порядок и решительно атаковал неприятеля.

Побоище было страшным. Двух французских дивизий не стало. Были разбиты и корпуса Мармона и Мортье. Бросив семьдесят пять орудий, они спешно отступили к Парижу.

Платов наблюдал схватку. Он видел, как полк Иловайского бесстрашно врубился во вражеское каре и сумел обратить драгун в бегство. Видел и другие полки из бывшего своего отряда. Они бились со свойственной казакам лихостью.

После сражения он поспешил к Кайсарову:

— Письмо мое получил?

— Так точно...

— Порви и забудь. За сегодняшнее дело большое казакам спасибо! — Сдернув папаху, атаман низко поклонился...

18 марта началось сражение за Париж. Планом предусматривалось овладение столицей с двух направлений: с севера — Силезской армией фельдмаршала Блюхера и с востока — Главной армией, которой командовал австриец Шварценберг.

На рассвете русская артиллерия нанесла удар по вражеским позициям на Бельвильских высотах, находящихся у восточной окраины Парижа. Вслед за тем перешел в наступление находящийся в авангарде армии корпус Раевского.

На командный пункт на горе Шомон Матвей Иванович прибыл, когда корпус атаковал врага. Из затянутой дымкой дали доносился грохот сражения.

— Это же возмутительно! — неистовал генерал Толь. — Назначить наступление и не подвести ко времени войска!

— О чем вы, Карл Федорович? — спросил его Платов. — Нет ни армии Блюхера, ни австрийков Шварценберга! Блюхер донес, что опаздывает на семь часов, а Шварценберг заявил, что подойдет с войском не ранее полудня.

— Да как же можно такое!

— Это у нас нельзя, а у союзников можно. Мы не стали ждать. Ежели пушки заряжены, а шнуры натянуты, остается одно — стрелять! Вот мы, не ожидая их, и начали.

Знавший о плане сражения Шварценберг два дня назад послал к Блюхеру офицера. Путь предстоял неблизкий, и нужно было торопиться. Однако на переправе у реки майора

задержали. Комендант накричал и сказал, что пропустит лишь после того, как пройдет дивизия.

— Ну черт с тобой! — выругался австрийский майор и направился в придорожную гостиницу.

Он не спал вторую ночь, и усталость свалила его. Проснулся, когда в окно заглянуло солнце, в штаб Силезской армии прибыл только к вечеру.

Прочитав распоряжение Шварценберга, начальник штаба Гнейзенау бросился к карте, измерил расстояние до столицы:

— Скачите назад, майор, и передайте, что у армии нет крыльев. Она прибует с опозданием на семь часов!

По непонятным причинам запаздывали войска и Шварценберга.

Против корпуса Раевского и гвардейцев Ермолова оборонялись войска французского маршала Мармона. Они заняли подготовленный рубеж, сосредоточили артиллерию и, отбив первую атаку русских, нанесли им немалые потери. Туда на усиление наступающих бросился с гвардией генерал Ермолов.

Ударил дивизия Паскевича, подоспела дивизия Чеглакова. Но засевшие на высоте французы дрались с упорством. Накануне им прочитали письмо Наполеона, который обещал поспешить на помощь столичному гарнизону, требовал держаться любой ценой.

Генерал Раевский, сосредоточив огонь артиллерии по высоте, предпринял обходный маневр. После второй атаки высота пала. Противник начал отход. В преследование бросилась бригада генерала Княжина. На плечах отступающих гренадеры ворвались в деревню Маниль-Монтан.

Бой шел уже в предместье столицы, когда, наконец, прибыл австрийский корпус генерала Гиулая.

— Они знали, когда прийти, чтобы войти в Париж первыми, — съязвил Толь.

— Раевский с Ермоловым и без союзников завершат начатое, — сказал Барклай и распорядился держать австрийцев в резерве.

А в полдень к северной окраине города подошли и передовые соединения Силезской армии. Это были русские корпуса генералов Радзевича и Капцевича. Они с ходу атаковали позиции на Монмартрской высоте, где оборонялся корпус маршала Мортье и дивизия Мишеля. Обойдя неприятельский фланг, 13-й и 14-й егерские полки графа Воронцова бросились в штыковую атаку. Не выдержав удара, неприятель отступил, оставив в деревне Вилет всю находившуюся артиллерию.

В образовавшиеся бреши устремились конные лавы. В числе передовых были казаки генерала Иловайского. Обойдя с фланга отступающих, они крушили в панике бегущих солдат и офицеров маршала Мортье.

— Мортье... Мортье... — силился вспомнить Матвей Иванович, когда услышал это имя. — Уж не тот ли это, что был в Москве?..

— Да-да, тот самый, — подсказал генерал Толь.

В октябре 1812 года Молодая гвардия, которой командовал Мортье, уходила из Москвы последней. По приказу Наполеона она должна была взорвать Кремль. Приказ гвардия не смогла выполнить, ей удалось лишь разрушить часть стены. Ворвавшиеся казаки Иловайского, а вслед за ними другие кавалерийские части помешали сотворить черное дело. Французы Мортье вынуждены были бежать вдогонку отступившей к Малоярославцу «великой армии».

И вот теперь, спустя полтора года, тот же самый полк Иловайского бил войска Мортье в Париже.

В пять часов вечера к командному пункту, где находился со своей свитой Александр, прискакал французский офицер. В руках сопровождавшего его трубача — белое полотнище.

— Вот и парламентер. Сражение выиграно, — сказал Толь Платову.

Твердо ступая, офицер-парламентер приблизился к Барклаю, отдал честь:

— Генерал, я выполняю поручение маршала Мармона. Он просит прекратить сражение,

готов принять условия перемирия.

Поутру 19 марта союзные войска вступили в Париж. Шествие открыл лейб-гвардии казачий полк генерала Орлова-Денисова. За ночь донцы вычистили коней, амуницию, и гвардейцы имели грозный и вместе с тем привлекательный вид.

После донцов проследовала колонна генералитета, в которой находился и Платов. Он ехал рядом с Раевским. За генеральской колонной повзводно шла пехота и кавалерия, замыкали шествие артиллерийские батареи. Миновав предместье Сен-Мартень, войска вступили на внутренний бульвар столицы и по нему вышли к Королевской улице, на площадь Людовика, а затем на Елисейские поля.

Казачий полк Гордеева расположился на окраине столицы, в домах горожан.

На второй день казак Прохор Кутнев отпросился у хорунжего в город, купить дратву: в сотне он числился чеботарем.

— Иди, да не задерживайся, — предупредил хорунжий.

В городе творилось невообразимое. Народ заполнил улицы, скверы, площади. На стенах домов расклеены прокламации: «Жители Парижа! Правители наши были бы изменниками противу вас и Отечества, если бы по низшим уважениям личности заставили долее молчать глас совести, — читал вслух грамотный. — Она же громко вопиет, что всех злосчастий, вас удручающих, виной один человек...»

— Кто же? — спросили из толпы.

— Известное дело кто: Наполеон!

— Не смей упрекать императора! Он — великий из великих!

— Тот-то великий, что принес нам столько горя!

— Будь проклят твой великий! Мой муж не вернулся из России!

— У меня погиб в Италии брат!

Особенно многолюдно было вблизи тех мест, где расположились на постой войска. Предприимчивые торгаши развернули бойкую торговлю, сбывая втридорога несведущим в коммерческих делах солдатам сомнительного качества товары и различные безделушки.

Прохор ловил на себе любопытные взгляды, кивки и с чистосердечной простотой отвечал.

На дверях многих закусовых висели картонки с выведенным непонятным для французов словом бистро. Прохор зашел в одно.

— О-о, бистро, бистро! — засуетился хозяин и поставил перед ним стакан вина и какую-то закуску.

— И себе! — гость ткнул пальцем в грудь хозяина.

— О-о! Да-да! — ответил тот.

Они выпили густое, кофейного цвета вино.

— Хорошо! — подмигнул казак.

— О-о, хо-ро-шо, — с трудом выговорил француз. Прохор пошел дальше, вышел на городскую площадь, где за сквером возвышался кафедральный собор. Неожиданно пред ним вырос монах, осенил Прохора крестом и заговорил. Прохор слушал непонятную речь, улыбался. Вокруг образовалась толпа. Какой-то бородач тыкал пальцем в грудь Прохора, что-то спрашивал.

— Казак я, казак, — объяснял Прохор. — Донской я... В Париже — Сена, в Расее — Дон... Понимаешь?

— До-он, до-он, — улыбался бородач и показывал на колокольню собора.

Чернявая красотка вызывающе посматривала на Прохора. «Ах, шельма! Такую бы приласкать!» — промелькнула у него грешная мысль. Прохор озорно подмигнул, и она в ответ залилась смехом. Потом бесцеремонно ухватила его под руку и увлекла с собой...

Вернулся Прохор в полк на рассвете. В висках ломило, на душе было муторно.

— Дратву-то хоть купил? — спросил хорунжий.

— Купил, только шут знает, где ее задевал, — соврал Прохор.

Однажды Матвей Иванович попал на Елисейские поля, где располагались бивуаком казачьи полки. В сопровождении начальников обошел лагерь.

— Дозвольте, ваше сиятельство, стихи в вашу честь прочитать? — выступил вперед есаул.

— А, Котельников! — узнал письмоводителя Матвей Иванович. — Стихи? В мою честь? Оные нужно слагать в их честь, — указал он на окруживших казаков.

— И они не обойдены высоким словом.

С Оки, за Днепр, за Неман, Вислу,
Чрез Одр, чрез Ельбу и чрез Рейн
Преплыть вперед, противу смыслу
Свирепого врага за Сейн,
Верхом в доспехах с казаками,
Без суден целыми Полками;
В ночи без звезд и без дорог
Скакать чрез твани, горы, скалы,
Сквозь лес, стремнины, чрез каналы,
Признайтесь! — никто б не мог...

Казаки затихли, слушали казацкого поэта, излагавшего стихами то, что ими было пережито.

Когда Котельников кончил, Матвей Иванович подошел к нему, обнял:

— Спасибо, есаул, уважил. Спасибо, что прославил казачью удаль и отвагу, преданность людей Дона. Хорошо, скажу я вам. И много ль у вас сложено?

— Целая тетрадь, ваше сиятельство.

— Непременно их нужно пропечатать. Вы, есаул, потом о себе напомните.

В том же году Матвей Иванович помог Котельникову отпечатать книжечку в военно-походной типографии. Дальнейшая судьба автора была трагична. Разуверившись в религии, он выступил против церкви, был судим. Отбывал наказание в Шлиссельбургской крепости, а потом был сослан в Соловецкий монастырь, где и умер.

Однажды внимание проезжавшего по улице Матвея Ивановича привлек спешащий людской поток.

— Что там такое? Разузнай! — приказал он адъютанту Кириллу Грекову.

— Там статую Наполеонову стаскивают, — доложил есаул.

Посреди широкой Вандомской площади возвышалась высокая мраморная колонна со статуей Наполеона. От статуи во все стороны тянулись канаты, закрепленные на воротах.

— Приготовиться! — пронеслась команда. — Опускай!

Люди стали вращать ворота, статуя дрогнула. Повиснув на канатах, слегка раскачиваясь, стала медленно опускаться.

— Бра-а-во! Бра-а-во! — прокатилось над площадью. Матвей Иванович вдруг вспомнил, как несколько дней назад он сопровождал в свите Александра. На площади у колонны император тогда остановился, взглянул на статую своего врага и сказал французским чином:

— У меня, пожалуй, закружилась бы голова на такой высоте.

— Да, да, — согласились французы, поняв намек...

Свергли не только статую. Через несколько дней Наполеон подписал в Фонтенбло отречение от власти, простился с гвардией и был препровожден на остров Эльба.

В Англии

В час пополудни 25 мая 1814 года находившаяся во французских водах английская

эскадра снялась с булонского рейда и легла курсом на Дувр. Свежий попутный ветер раздул паруса, и корабли в кильватере стремительно резали острым форштевнем упругую волну. Впереди — гордость британского флота новейший линейный корабль «Непреодолимый», его вел первый адмирал герцог Кларенский. На судне находились высокие гости: русский император Александр, его сестра — великая княгиня Екатерина Павловна и король Пруссии. На следующих за линейным кораблем фрегате, бриге и корвете размещалась свита, где был и Матвей Иванович Платов.

Он стоял на капитанском мостике и видел, как за кормой удалялась бухта, по склонам в беспорядке лепились дома города, в стороне, ближе к мысу, серым пятном выделялась береговая крепость с черными зевами орудийных амбразур. На высокой мачте полощился флаг.

И в бухте, и по выходу из нее покачивались на волнах суда, вдоль их бортов застыли шеренги матросов.

Два месяца назад, сломав последнее сопротивление наполеоновской армии, союзные войска подошли к Парижу... «Столица Франции припадает к вашим стопам», — вручил ключи Александру мэру.

На французский престол вступил король Людовик XVIII из ненавистой народам династии Бурбонов. Наполеона ждала ссылка на остров Эльбу в Средиземном море.

Тогда-то и последовало приглашение от принца-регента Англии российскому императору посетить островную державу. В 1811 году король Георг III впал в безнадежное помешательство и ослеп, управление перешло в руки его старшего сына.

Приглашение было со стороны английского правительства жестом признательности тем, кто кровью и жизнью своей спас их страну от господства грозного владыки. Вручая приглашение, английский посол передал, что в числе гостей весьма желательно видеть предводителя казачьего войска атамана Платова.

О казаках в Англии ходили легенды, считали их решающей силой в разгроме наполеоновской армии. Это делалось не без скрытого умысла: русская армия как бы шла не в счет. Предлагали наподобие казачьих отрядов создать британские береговые подразделения.

Особую известность казаки и их атаман приобрели после блестящих побед в заграничном походе, в последних битвах при Альтенбурге, Веймаре, Лейпциге, Франкфурте. И тогда же в Англию был направлен казак станицы Нагавской Александр Землянухин. Из Гамбурга в Лондон отплывали купцы, чтобы договориться со своими коллегами о торговле. С ними Матвей Иванович и послал с депешей к русскому посланнику князю Ливену казака-нарочного.

Когда в Лондоне появился самый что ни на есть настоящий казак с берегов Дона, да еще тот, что служил под началом самого Платова, восторженности жителей не было границ. Едва появлялась закрытая карета с торчащей над крышей пикой, как экипаж окружала толпа, и дальше путь продолжался с большим трудом. Каждый хотел взглянуть на живого казака.

Вот как описала его внешность в одном из номеров газета «Морнинг Кроникл».

«Рост казака около шести футов; он сильного и коренастого телосложения, и хотя у него суровая воинственная наружность, но лицо довольно выразительнее и доброе... Борода у казака длинная, кудрявая и седая; волосы на голове менее седые, зачесаны назад, на шее около шести дюймов длины; а на лбу острижены коротко и ровно. Одежда его состоит из синего кафтана и шаровар, сшитых из толстого сукна и широких сапогов с круглыми носами. Руки казака необыкновенной ширины и с короткими пальцами, но он с большим искусством владеет оружием, состоящим из пистолета, ружья, сабли и длинной пикой, и, по-видимому, вовсе не чувствует их тяжести».

Через несколько дней Землянухин посетил английский парламент.

— Перед вами, высокочтимые господа, донской казак, — обратился к членам парламента спикер палаты. — Это один из тех российских воинов, кои вселяли в Наполеона страх и ужас. Такие, как он, повергли и уничтожили доселе считавшуюся непобедимой французскую армию. Посмотрите на этого убеленного сединами воина. — Председатель

картинно вскинул руку в сторону стоявшего на возвышении у трибуны Землянухина. — Этот человек пренебрег своими немалыми годами, оставил домашний очаг и полетел на поле брани, слышав зов ратной трубы. Все его помыслы сводились к единственной цели: защитить родную землю от врага.

— Как называется это оружие? — слышались вопросы.

Любопытствующие показывали на пикю.

— Сколько французов он поразил этим оружием?

Ему перевели. Казак ответил:

— Изничтожил сей пикой трех офицеров и мелочи несколько четвериков.

— Что такое мелочь? И что такое четверик?

На помощь пришел сопровождающий Землянухина офицер. Он пояснил, что казак в сражениях поверг тридцать девять неприятельских душ.

Рассказал казак парламентариям, как воевал еще под началом самого Суворова, ходил с ним через Альпы. А когда позвали защищать Россию от наполеоновского нашествия, он с двумя сыновьями записался в донское ополчение. Воевал под началом Платова.

В тот же день в окрестности города выстроили всадников, коим Землянухин должен был преподавать уроки казачьей тактики и владения пикой. Никогда еще он не выступал в роли учителя, да еще пред иностранным строем. Триста всадников — это почти казачий полк! Но он не сник, в страх не впал. Подъехал к строю, откашлялся в кулак, подражая батьке-атаману, вобрал поболее воздуха.

— Переводи-ка на свой аглицкий, — сказал переводчику. — Мудреным наукам, по которым воюют генералы, я не учен. В сражении держусь обычаев дедов наших да отцов. А их главным правилом было: врагов-супостатов бить нещадно, изнурять их не токмо днем, но и ночью, нападать спереди, и с тылу, и с боков. Но прежде надобно о враге все узнать: сколько его, да где расположен, где силен, а где послабже. Выведав — смело нападай, не оглядывайся!

Землянухина предупредили, что поблизости в укрытии затаился «неприятель», которого нужно найти и «изничтожить», действуя при этом так, как делают в бою казаки.

— Ну что ж, это мы зараз. Попервах, стало быть, нужно выслать дозоры, чтоб знать о супостате необходимое.

В сторону затаившегося «неприятеля» поскакали дозорные. Вскоре они вернулись.

— Обнаружен!

— А ежели обнаружен, терять время не будем, — отвечал Землянухин и спокойно скомандовал: — На конь!

За отрядом поскакала свита. Все видели, как отряд врезался в гущу «неприятеля», как пятидесятитрехлетний казак, волчком кружась на лошади, ловко орудовал пикой, сбрасывал с седла одного за другим противников.

— Ведь вы действовали совсем не так, как объясняли, — упрекнул его после «сражения» один дотошный из свиты. — У дозорного вы спросили только о месте нахождения отряда, не поинтересовались его численностью.

— Объясню, — не растерялся Землянухин. — Чтоб не терять на разговоры время, мы сразу нападаем и истребляем супостата, а уж опосля по убиенным да поверженным узнаем, сколько их было.

По возвращении Землянухина принял Платов. Усадил, стал обо всем расспрашивать. Интересовался каждым пустяком, что да как. В конце беседы спросил:

— Дошли слухи, будто под конец стал ты там бражничать. — В голосе атамана слышалась строгость. — Так ли, Александр Иванович?

— Было дело, ваше сиятельство. От тоски это. А еще из самолюбия...

— Что-о?

— Они там все пытались узнать, крепок ли я нутром. Кубки да черепушки с вином подносили: пей да пей! А я не смел отказывать, чтоб, значится, доказать стойкость казачью. Англицкие питухи скопытились и под столом оказались, а я — на ногах. Все удивлялись

очень...

Гудел в тугих парусах ветер, посвистывал в натянутых струнами вантах. У борта шлепала крутая волна, и далеко, к едва заметному берегу уходил белоснежный след.

По вечеру эскадра вошла в бухту Дувра. На подходе прогремел салют.

— Платофф!

— Граф!

— Гетман!

Толпа бросилась к сходням брига, ворвалась на палубу. Увидев блестящего генерала из свиты, приняли его за Платова, подхватили на руки, понесли к сходням.

— Ура Платову! Виват!

— Я не Платов! — отбивался тот. — Пустите меня!

— А где же Платов?

— Он там... На бриге...

— Так ты не Платов, — люди бросились назад.

— Спасите меня, — барахтался в воде генерал.

Внешность Платова, его воинственный вид, тонко позванивающие ордена и медали во всю грудь произвели сильное впечатление. Изумление вызвало бриллиантовое перо на папаче, еще больше — усыпанная камнями сабля — награда Екатерины за Персидский поход.

Задолго до приезда портреты, выполненные английскими художниками, выставляли на всеобщее обозрение. О нем и лихих донцах слагали рассказы, пели песни. И вот они тут, в Англии, перед глазами многотысячной толпы.

Гостей ожидали два дня, и все это время на дороге из Дувра в Лондон люди дежурили, чтобы не прозевать эскорта. Предприимчивые дельцы ставили у дороги кабриолеты и в них за немалую цену продавали места. — Виват! Виват! — несло нескончаемо.

Прибывших разместили в лучших лондонских дворцах и гостиницах. Несмотря на охрану, к ним ухитрялись проникать высокочтимые и привилегированные лица, приглашали к себе в дом, на балы, банкеты.

В честь гостей в театрах шли представления, и владельцы наперебой упрашивали непременно присутствовать на постановках. Когда Платов появлялся, весь зал стоя приветствовал его криками восторга и аплодисментами. Были дни, когда он за вечер бывал на двух, а то и на трех представлениях. «Легче на поле боя, чем быть в плену восторженных поклонников и особенно поклонниц», — шутя говорил Матвей Иванович.

В Троицын день, а было это 29 мая, гостей пригласили на традиционные скачки в небольшой городок Аскот, известный своим ипподромом. В этот день съезжались любители скачек из всей Англии.

Ровно в 12 часов появился принц-регент с высокими гостями: Александром, его сестрой, королем Пруссии. Загремела музыка оркестров, застыли гвардейцы в необыкновенной своей форме: шорты до колен, гетры, надвинутые на брови меховые шапки.

Все внимание многотысячной толпы устремлено на ложу с высокими особами.

Но, странное дело! Там нет тех, кого люди надеялись здесь видеть. Нет Платова и нет прусского генерала Блюхера, прославившегося в последних боях.

— Платова! Блюхера! — скандировала толпа. — Платова!

Первым прикатил в коляске Блюхер. Его доставили в ложу на руках. Потом прибыл и Платов.

Очевидец тех событий русский художник Павел Свинын так описал появление казачьего атамана: «Платова, который ехал верхом, так стеснили, что не мог он ни шагу подвинуться ни в одну сторону. Всякий хватал его за руку и почитал себя счастливым человеком, когда удавалось пожать ее. Часто пять человек держались за него, каждый за палец и передавали оный по очереди знакомым и приятелям своим. Весьма хорошо одетые женщины отрезали по волоску из хвоста графской лошади и завертывали тщательно сию

драгоценность в бумажку. Одним словом, несмотря на пышность и достоинство скачки, для коей нарочно приготовлены были в сей раз лучшие скакуны, несмотря на страсть англичан к сей национальной забаве — никто не обращал внимания на нее... уста всех повторяли: „Платов!“»

Матвей Иванович не успел дойти к своему месту, как послышалась песня. Ее начали стоящие поблизости люди, но с каждой минутой к ней прибавлялись все новые и новые голоса, и она уже звучала гимном.

Ура! Горят, пылают села,
Седлай коня, казак! Ура!
Мечи отмщенья стрелы,
Где скрылся лютый враг.

Матвей Иванович стоял, не понимая слов английской песни, но догадывался, что поют о нем и его донцах, о подвигах, о которых так много здесь писали.

Багрово зарево являет,
Грабитель алчный где бежит,
Пожар кровавый освещает,
Где вслед за ним казак летит.

Устроители скачек оценивающе поглядывали на рослого жеребца с мощными ногами, широкой грудью. Один из них обратился с предложением выставить жеребца в забег.

— Так ведь он же не подготовлен! — запротестовал было хозяин, но сговорчиво махнул рукой. — Ладно уж! Только посажу казака. Вашего жокея мой Леонид не примет.

В заезде участвовали десять скакунов, одиннадцатым был дончак, возвращенный на атаманском заводе.

Узнав об этом, публика заволновалась, в тотализаторе возникла неразбериха: новый конь спутал карты завзятых болельщиков и дельцов. Изумился и принц-регент, когда узнал, что конь — спутник атамана в его походах и сражениях. Боевой конь — и в скачках? Такого еще не бывало.

Дончак не подвел: разделил второе и третье место.

— Он не уступает лучшим нашим скакунам! Я прикажу нарисовать его, — сказал принц-регент. — И картину повешу в своем дворце.

— Зачем же рисовать? В знак уважения я дарю вам этого коня, — расщедрился Матвей Иванович.

— А мы вам вручим чистокровного жеребца, победителя скачки! — пообещал хозяин ипподрома, заработав таким образом одобрение принца-регента.

К Матвею Ивановичу протиснулся высокий белокурый, слегка прихрамывающий мужчина. Глаза светлые, чистые, обворожительная улыбка.

— Сэр! Позвольте выразить вам свое восхищение. Я преклоняюсь пред вами и предводительствуемыми вами войсками. Я писал о многих героях, вы из тех, пред кем я в долгу.

— Кто вы?

— Я — поэт. Вальтер Скотт мое имя.

— О-о! — Матвей Иванович почтительно отступил, не отпуская его руки. — Ваше имя, сэр, в России известно. Позвольте и мне высказать вам почтение. — Он снял с головы папаху и отвесил поклон.

А на следующий день свита на яхтах поплыла по Темзе в Оксфорд, знаменитый своим университетом. Старейшее в мире учебное заведение незадолго перед тем отметило свое семисотлетие. Особую известность имела его библиотека, которую двести лет назад собрал ученый Бодлей. Она была гордостью Англии.

Гостей ознакомили не только с библиотекой, но и с типографией, где на станках печатались университетские книги, с картинным залом, где находилось собрание редких полотен известнейших художников.

Потом были выступления, и хор опять исполнил английскую песню о казаках. Но совсем не ту, что пели на ипподроме. Хотя эта тоже была о казачьей доблести и один из куплетов был таким:

Бежит, позором покровенный,
А вслед за ним летит казак,
Пылая яростью, отмщает
Горящую Москву!
Грозу и ужас низвергает
На вражью главу!

А поутру в театральном зале университета состоялось торжественное собрание. Гости в черных мантиях восседали на виду у всех ученых, облаченных в такое же одеяние. На возвышение вышел канцлер университета лорд Гренвиль. На груди поверх мантии массивная золотая цепь, на ней драгоценный солитер.

Матвей Иванович ясно услышал свою фамилию в долгой речи ученого, который перечислял сражения, где отличился его, Платова, войска. Когда канцлер кончил, все встали, на генерала надели черную мантию: отныне он стал почетным доктором наук Оксфорда.

И еще произошло немаловажное для Платова событие. Случилось это в доме русского посланника и давнего знакомого Матвея Ивановича князя Ливена. Словоохотливая хозяйка Дарья Христофоровна, выражая сочувствие, сказала, что после смерти жены Матвею Ивановичу одному будет нелегко.

— Как одному? А дочери? Сыновья? — возразил он.

— У них свои семьи, а стало быть, и свои заботы. А ведь каждая душа просит друга, которому бы можно поведать заветное. Да и не обо всем можно высказать дочери или сыну.

— Уж не собираетесь ли вы меня, старика, женить? — насторожился Матвей Иванович.

— Какой же вы старик! — всплеснула руками хозяйка. — Не всякий молодой сравнится с вами. Вам ваших лет никак не дашь! А у меня на примете объявилась знакомая девушка. Увидела вас и вспылала душой.

— Девушка? Да вспылала? Ну уж нет! Не я ей нужен, Дарья Христофоровна, а мое положение да богатство. А моя-то песня спета.

— Нет-нет! Вы не так меня поняли. Она действительно девица, но лет ей немало, под пятьдесят. И ни в чем она не нуждается. За ней богатое наследство. Скажу, что она будет достойной вам подругой.

— Да готова ли она ехать на Дон?

— С вами хоть на край света. Я уж об этом с ней говорила.

— И веры она не нашей. Можно ли? — сопротивлялся Матвей Иванович.

— Был бы достойный человек, а вера с верой уживутся, — поддержал жену князь Христофор Андреевич. — А избранница для вас, видит бог, достойна.

В следующий приход к Ливенам Матвей Иванович встретил немолодую женщину, которая при его появлении засмушалась, сказала что-то непонятное.

— Это наш друг дома, мисс Элизабет, мы называем ее по-русски Елизавета Петровна. Отец ее был сэр Питер.

Начался пустячный салонный разговор, в котором Дарья Христофоровна была переводчицей.

— Понравилась ли ему Англия? — спросила гостя.

И он ответил, что очень: кругом чистота, порядок, и народ живет попривольней.

— А разве у вас хуже? — женщина явно проявляла к нему интерес.

Он уклончиво ответил, что живут по-всякому, а вот погода здесь несносная: дожди да туман ему не по душе, с трудом их переносит.

— А у вас в России лучше? Нет дождей и туманов?

— На Дону у нас раздолье. Кругом степь, воздух настоян на чебреце да полыни.

— Вот вы и пригласите к себе Елизавету Петровну. Пусть погостит, — прежде чем перевести слова, подала мысль Дарья Христофоровна.

— Почему бы не пригласить? Гостям мы всегда рады.

— О-о, благодарю, благодарю! — восторженно ответила гостя.

Следуя строгим правилам, она в доме не задержалась, раскланявшись, удалилась.

— Ну и как вы ее находите? — проявила любопытство хозяйка. — Правда, добрая женщина?..

— Приятная, — ответил он.

Вечером Матвей Иванович долго думал о новой знакомой. Пытался представить, как он появится с ней на Дону и как ее встретят дочери да невестки. Зятьев и сыновей он в счет не брал: они мужчины, поймут его.

Через неделю, когда визит завершался и все готовились к отъезду, он заболел.

Ливен успокоил: Матвей Иванович уедет позже, а до выздоровления с ним остается Виллие.

В тот же день побывала и Дарья Христофоровна с Элизабет. Посидев немного, умчалась, оставив у постели больного приятельницу.

Достав из сумочки клубок шерсти и спицы, Елизавета Петровна принялась вязать. Руки ее легко и быстро ходили, и почему-то Матвею Ивановичу казалось, что они схожи с руками покойной Марфы Дмитриевны.

— Вам, наверное, тяжело у больного сидеть?

Он сказал по-русски, однако она поняла, улыбнулась, положила руку на лоб.

— Ничего, все будет хорошо, — ответила по-английски, и Матвей Иванович тоже ее понял.

И вот он выздоровел.

По нешироким сходням он поднялся вместе с Елизаветой Петровной на судно. Моложавый русский капитан лихо вскинул руку, во весь голос отрапортовал. В строю стоят загорелые, широкогрудые, подобранные один к одному матросы, свои, русские. И на мачте бьется русский флаг.

— Разрешите сняться с якоря? — спрашивал капитан.

— Конечно, братец. И чем скорей, тем лучше.

Загромыхала цепь, засуетились матросы, вознеслись по веревочным лестницам на мачты и проворно забегали по реям. Тяжелые паруса ожили, фрегат дрогнул, и за бортом зажурчало.

С берега донеслись залпы салюта, в ответ на корабле рывкнули орудия.

— Посмотрите-ка, Матвей Иванович!.. Да не туда. — Рядом стоял доктор Виллие, указывал на большой корабль, вдоль борта которого и на реях замерли английские моряки в черно-белой форме.

— Что это? Опять почести... Надоело, право.

— Да ведь это же тот самый корабль. Команда честь вам отдает. Видите, на борту написано: «Граф Платов»?

Две недели назад его повезли на верфь, сказали, что будут спускать со стапелей на воду новый корабль, а он будет при сем в качестве почетного гостя.

На верфи толпился народ, опять были рукоплескания, приветствия. Его попросили, чтобы выбил молотком клин из-под доски, а когда Матвей Иванович это сделал, судно под ликующие крики заскользило по направляющим брускам и тяжело осело в воду. И тогда он прочитал выведенное на борту: «Граф Платов».

Теперь они плыли мимо корабля с его именем.

Из-за корабельной надстройки вышел казак. Непривычный к качке, он хватался за все руками.

— Может, шинельку сызволите накинуть?

— Не надо. Проводи-ка госпожу в каюту.

На носу было ветрено и зябко. Невысокий, толстенный доктор передернул плечами:

— Бр-р, холодно...

— А что, Яков Васильевич, не принять ли согревательного?

— Не откажусь.

Матрос с щегольскими усиками услужливо подал им на подносе две стопки.

— За счастливое возвращение, — сказал Матвей Иванович.

— За ваши успехи, дорогой мой граф, — пожелал доктор.

После убытия Матвея Ивановича из Англии, 8 июля в Лондоне состоялось общее заседание муниципалитета. На нем решили: «В ознаменование живейших чувствований, коими сей муниципалитет одушевлен, и глубокими признаниями его блистательного дарования, высоты духа и непоколебимого мужества, оказанными в продолжении долговременной войны, предпринятой для утверждения мира, тишины и благоденствия Европы, поднести атаману графу Платову саблю».

Над почетным даром работали лучшие английские мастера. На одной стороне эфеса они изобразили на эмали герб Великобританского и Ирландского королевств, на другой — Платовский вензель. Верх эфеса украсили алмазами, на ножнах отобразили отдельные сражения, в которых он принимал участие. На самом же лезвии вывели текст постановления муниципалитета.

Саблю вручил Платову находящийся во Франции английский фельдмаршал Веллингтон. На следующий день Матвей Иванович послал ему ответ:

«Приемля сей отличный и весьма лестный для меня знак с чувством истинной признательности, я не могу, однако же, отнести прямо к себе всю приписываемую мне оным славу. Но видя из сего искренность и доброжелательство, коими великая и знаменитая достоинства своими нация почтила меня свыше заслуг моих во время бытности моей в Лондоне, что себя счастливейшим, что судьба дозволила мне участвовать в столь блистательнейшей для всей Европы эпохе, протекшей в последние три года...»

Ныне сабля эта находится в Новочеркасске, в Музее истории донского казачества.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Не счесть, сколько в жизни было возвращений и встреч с Доном. Казалось бы, он к этому привык. Но нет!

С необъяснимым чувством волнения Матвей Иванович подъезжал к родному краю. В последний раз он здесь был весной 1810 года, после того как заболел в Молдавии и его откомандировали из армии. Пробыл всего три месяца, а потом поехал в Петербург — оттуда поступил вызов. Там его окончательно вылечил всемогущий доктор Виллие.

Четыре года прошло с той поры. Да какие это годы!..

Он сидел в экипаже и жадно, словно бы впервые, смотрел на раскинувшуюся пред ним степную даль, на плывущие редкие облака и далекий горизонт.

Рядом, на привычном месте адъютанта, расположилась Елизавета Петровна. Она оказалась мягкой и душевно доброй женщиной с развитым чувством такта. Не досаждала навязчивостью, вовремя угадывала его желания и незаметно делала то, что вызывало у него благодарность.

За короткое время, не зная ни слова по-русски (как, впрочем, он по-английски), они научились понимать друг друга.

Свой брак они оформили в Англии, ограничившись выправлением в посольстве нужных бумаг.

— Счастья вам долгого, — пожелали Ливены, провожая их в Россию.

С того дня прошло уже более года. И вот он уже на Дону...

За лето степь выгорела, пожелтела, и хотя было жарко, однако замечалось едва приметное дыхание осени. В горячем, с легкой пылью, воздухе чувствовался запах полыни, конского пота и еще чего-то знакомого с детства, родного, теплого и непонятного.

По сухой, отвердевшей земле мерно отстукивали конские копыта. Изредка возница причмокивал, подгоняя лошадей, и свистел кнут.

Дорога разветвилась, и возница направил было коней налево, по наезженной дороге, но Матвей Иванович остановил его:

— Возьми-ка, станичник, правей.

— Так то ж на хутор...

— А мы до него не доедем. Поезжай, поезжай!

Экипаж вкатил на гребень переката, и взору вдруг открылся Дон. Он голубел широкой лентой, с желтой каймой песка, а на другом берегу тянулся волнистый крутояр с широкой, поросшей кустарником ложиной, сбегавшей к самой воде.

— Дон! — указал он в окно.

— Дон? — спросила Елизавета Петровна.

Матвей Иванович вышел из экипажа, приблизился к реке. Накатилась волна, дохнула влажной свежестью.

— Здравствуй, Дон-батюшка! — произнес он и низко поклонился. — Здравствуй, кормилец страждущих и сирых.

Он смотрел на речной простор, а на глаза сама собой набежала туманная дымка, застилая и пляж, и реку, и крутояр противоположного берега.

Ему было хорошо и грустно. Обручем давили грудь воспоминания прошлого и сознание, что вот он, старик уже, вернулся и, это, наверное, его последнее возвращение...

Вдали показался верховой, он спешил наметом к экипажу.

— Ваше превосходительство! Там собралась вся станица. Встречать вас!

Где-то левей, за излучиной, находилась станица Казанская. С нее начиналась земля Войска Донского.

— Поезжай, станичник, передай, что сейчас буду. А это тебе за добрую встречу да приветливые слова. — Матвей Иванович одарил счастливого казака золотой монетой.

— Рад стараться! Превеликая вам благодарность! — крикнул тот и, хлестнув коня, поскакал назад.

У окраины Казанской гудела многоликая толпа. Экипаж окружили, лезли на подножки, чтобы посмотреть на знаменитого атамана, коснуться его.

Дюжие казаки с трудом оттеснили любопытных, дали место, чтобы атаман ступил на землю.

От собора выступила толпа стариков с крестами и медалями на чекменях. Передний нес на расшитом холщевом полотенце пышный каравай.

— Прими, атаман наш и граф, низкий поклон за проявленные ратные доблести. Спасибо за удачу твою и храбрость, за то, что в лихих сражениях вел сыновей наших и внуков к победе и славе и оберегал от рока злого. Прими хлеб-соль от казаков станицы.

Ударили в колокола, и в небе поплыл торжественный звон...

На станичной площади построена полусотня верховых казаков, и молодцеватый есаул, лихо вскинув саблю, отрапортовал:

— Почетный караул от Войска Донского встречает Вас, доблестного атамана, на родной земле и имеет целью сопровождать ваше сиятельство до славного Нового Черкаска.

Улучив момент, Матвей Иванович спросил есаула, кто выслал полусотню.

— Повелел наказной атаман, генерал Денисов.

«Спасибо тебе, Андриан Карпович, — мысленно отблагодарил польщенный Платов. До

него дошли слухи, будто бы он, Платов, умышленно оставил в Новом Черкаске храброго генерала Денисова вместо себя, чтобы тот не заслонил в сражениях его славы, и потому Денисов будто бы на него в обиде. — Спасибо, Андриан...»

Вечером он услышал знакомую с детства песню. Пели казачки, изливая горе:

Как и все-то полки с моря домой идут,
А мово-то друга милого коня ведут,
А на коне-то лежит седельце черкасское,
На седелечке лежит подушка козловая,
Во подушечке лежит рубашечка белая.

Матвей Иванович слушал песню затаясь. Он мысленно представлял не только поющих в скорби казачек, но и картину встречи возвращавшегося с дальнего похода казачьего полка, и коня в подворье, хозяин которого остался лежать на чужбине.

Не чистым-то чисто рубашечка вымыта,
Да в крови-то вся она измазана...
Умирал молодец, друзьям приказывал:
«Как впустит господь вас на тихий Дон,
Отнесите вы моей жене поклон!
Скажите, чтобы не мыла рубашечку в речной воде,
А чтобы выбанила ее горячей слезой,
Да чтоб высушила ее на своей груди!»

Матвею Ивановичу тоже было грустно. Сколько казаков навсегда осталось там, у Москвы и Смоленска, на Немане и Висле, и сколько еще прольется горьких вдовьих слез по убиенным в последних сражениях.

На второй день по прибытии в Новый Черкасск Матвей Иванович поехал с дочерью Анной и ее мужем Харитоновым Константином Ивановичем на могилу жены.

Елизавету Петровну не взял.

— Побудь дома, я ненадолго.

— Да-да, конечно, поезжай, — поняла она. — Я останусь...

В коляске доехали до кладбищенских ворот, а дальше пошли неширокой дорогой. Справа и слева виднелись в пожелтевшей чаще гробницы, кресты,obelisks.

— Вот здесь, папаня, — указала Анна на отходившую вправо едва приметную тропку.

Тропинка, попетляв среди гробниц и корявых стволов акаций, уперлась в железную ограду. Тягостно заскрипела дверца.

День выдался спокойный, и в кладбищенской тиши отчетливо слышалось тоскливое попискивание пичужки, басовито гудя, пролетал шмель.

— Оставьте меня, — сказал Матвей Иванович.

Отрешившись от всего, он опустился на колени.

— Здравствуй, Марфуша. Вот я и вернулся, а ты не стала ждать... Без меня тебя похоронили. Как и Надю. Такова уж судьба. Дома — гость, хозяин — в походе. Всю жизнь в седле: оберегал покой России, отбивал ее от врагов...

С прибытием в Новый Черкасск у Матвея Ивановича начались немалые хлопоты. С утра он выезжал из Мишкино, где находился его дом, в Войсковую канцелярию и с горячностью принимался за дела, которых, к великой досаде, никак не убавлялось. Приходили бумаги из Петербурга, из станиц, казаки жаловались, просили, требовали вмешательства в их судьбу, разбирательства самых неожиданных тяжб.

— Ох уж эти мне письменюги! — говорил он всякий раз, когда в кабинет входили чиновники из отделов с пухлыми делами или кипами бумаг, которые он должен был прочитать и рассудить.

— Надо, ваше сиятельство, — с подобострастием говорили чиновники.

— Да по мне лучше пребывать в сражении, чем копать в них.

Матвей Иванович давно собирался объехать все земли Войска Донского: побывать и на севере, посетить верховые казачьи станицы, да и калмыков не обделить вниманием. На донских землях их жило немало. Над калмыцкими поселениями верховодил подполковник Греков, его зять, муж младшей дочери.

Но выехать Платов так и не смог: мешало то одно, то другое.

Был он ревностным хранителем казачьих обычаев и уклада и не терпел нарушений. Однажды двое молодых казаков-горожан вздумали щеголять в одежде французского покроя. Узнав об этом, атаман рассвирепел:

— Такого не потерплю! Негоже казаку уподобляться жалким французам и пялить на себя то, что казачьему обличию чуждо. — И приказал щеголей посадить на гарнизонную гауптвахту. Срамную же одежду уничтожить.

В другой раз за повинного казака пришла ходатайствовать дама его сердца. Матвей Иванович любезно принял просительницу, внимательно выслушал.

— Как я понял, поручик, что на гауптвахте, ваш возлюбленный.

— О да, ваше сиятельство! Уж скоро месяц, как познакомились! — привстала возбужденная дама.

— Хм-хм, — недовольно дернул плечом. — Приведите-ка сюда поручика.

Поручик вскоре предстал.

— Вот, господин казак, — обратился к нему Матвей Иванович, — ваша дама пришла просить о снисхождении. Я вам скажу, что прослужил верой и правдой более пяти десятков лет, и такое встречаю впервые. Никогда еще не видел, чтоб за казака, да еще офицера, просила женщина. Сколько вам определили для отсидки?

— Сем дён, ваше сиятельство.

— Ну, братец, тогда отсиди еще столько же, чтоб впредь никакая просительница не осмеливалась делать подобное.

Хотя повседневные заботы отнимали немало времени, однако Матвей Иванович сумел решить и важные дела: переорганизовал организацию Войсковой канцелярии и упорядочил управление в станицах, переселил многие казачьи семьи на новые места. Немало было им сделано и в самом городе: строился-то он на пустом месте, и приходилось решать самые разные проблемы.

А на второе лето своего пребывания в Новом Черкасске он совсем занемог. Силы стали изменять. Редко когда высиживал в канцелярии до обеда. Уже к двенадцати часам торопился до наступления зноя возвратиться в родное Мишкино.

Теперь он ясно понимал, не признаваясь в том другим, что место для города выбрано неудачно. Бирючный кут, на вершине и склоне которого стояли дома, обдувался со всех сторон. Зимой в городе гулял холодный северный ветер, а в остальное время дул острый, как лезвие сабли, восточный. Летом он приносил обжигающее дыхание калмыцкой степи, от которого горела даже трава. И от Дона город находился в отдалении.

Тяжелым было для него лето. В одном из писем, которое послал в конце августа из Новочеркаска в Петербург, Матвей Иванович писал: «Я все лето провалялся от непрерывных болезненных припадков, от них и по сие время не могу еще совершенно оправиться; причину сему, конечно, жестокие, продлившиеся во все лето жары, каковых давно здесь не помнят, а не менее и то, что найдя здесь во множестве скопившихся от долговременного отсутствия моего дел, желал со всевозможной поспешностью дать одним из них должное решение, а другие привести в надлежащий порядок и исправность. Теперь всю надежду полагаю на восстановление здоровья моего на будущую осень, которая, если не исправит оно, то признаться должен, что не знаю уже, что со мной затем будет».

Как-то в кругу близких он соткровенничал:

— На Дону, я вам скажу, многое запущено. И, конечно, в том немалая и моя вина. Ведь за семнадцать лет пришлось мне хозяйствовать не более трех лет. Да-да! Я подсчитал. И то

все наездами, недолгими урывками. Вижу, что война погубила многих казаков, разорила хозяйства. И немало развелось любителей погреть руки у чужого огня. Все вижу, все знаю. Мне прожить бы хоть пять годков...

Осенью ему стало лучше. Из столицы пришло письмо с разрешением на поездку в декабре в Москву и столицу. И это его ободрило.

В ноябре он отправил туда своего адъютанта есаула Шершнева, наказав все разузнать и обговорить с нужными людьми до его приезда. Сам же заспешил в свою деревню, слободу Еланчинскую, находившуюся вблизи Таганрога, на реке Мокрый Еланчик. Перед долгой поездкой в столицу хотел посмотреть на хозяйство и решить на месте дела.

Выехал он в слободу в конце ноября, надеясь там долго не задерживаться. Шел нудный дождь, дороги раскисли, и колеса почти по ступицу утопали в грязь. В одном месте коляска повалилась, и Матвей Иванович, падая, ушиб руку и бок.

Чувствуя подступавшую болезнь, он накинуд на себя тулуп, предложенный возницей, натянул на колени толстую кошму и неподвижно, по-стариковски сутулясь, уставился в одну точку.

Он слышал, как зять Тимофей Греков говорил возничему, объясняя происхождение Таганрога, который оставался где-то слева.

— Плыл, стало быть, император Петр мимо впадающей в море косы и увидел на ней дымки. Один, подальше — второй, и в третьем месте тоже дымится. «Что там?» — спросил он. «Степняки на таганках¹² варево готовят», — объяснили ему. Петр взглянул в подозрную трубу: все точно. Так с того и прозвали косу Таганьим рогом. А порт — Таганрогом.

«Ну и брехать ловок», — совсем не сердито отметил про себя Матвей Иванович.

С моря дул ветер, слепил. Он потер пальцами глаза и взглянул вперед и влево. Вдали от дороги тянулся гребень, на нем виднелись хаты и голые кроны тополей: Еланчицкая слобода. Маковкой возвышалась церковь, которую он отстроил, а неподалеку от церкви белое строение, его имение. За гребнем, в лощине, лениво текла небольшая речка.

«Приехали», — он тяжело вздохнул и устало закрыл глаза.

Дом в два этажа находился на возвышенном месте, из окон виднелось море. Оно подступало к самой береговой круче, и в ненастье волны бились о глинистый берег, кипели, взбаламучивая ил, и вода становилась бурой, как густо заваренный кофейный напиток.

На следующий день Матвей Иванович занемог. Думал, что отлежится, через день-другой поправится.

— Дайте-ка стакан горилки с перцем да горчичники на ночь приложите. — Раньше он так лечился.

Но болезнь не отступала. Даже стало хуже.

Послали за фельдшером Нестеровым, и тот примчался вместе с зятем, мужем Анны Константином Ивановичем Харитоновым.

— Ты передай нашим в Новый Черкасск, чтоб дюже обо мне не сполошились, — предупредил его Матвей Иванович. — Отлежусь и приеду. Лежать-то мне времени нет.

Но время шло, а болезнь не отпускала. А тут и подошел Новый год. Любитель застолья, на этот раз он просидел в кругу близких недолго.

Матвей Иванович проснулся на исходе ночи. Сердце билось так, что, казалось, еще немного — и оно не выдержит, оборвется. На лбу выступил холодный пот, тело горело.

Он стал вспоминать обрывки тревожного сна и никак не мог связать эти обрывки в целое: атака казачьей лавой, какой-то француз-гренадер с банником, вдали сияла глубокая река, а кругом — снег. И он верхом на коне что-то кому-то кричал.

Рассвет еще не наступил, на небе мерцали звезды, и было темно. Но тьма уже дрогнула. Против окна висела серебряная луна с близкой к ней звездой. Он стал вспоминать, когда и где видел вот так же луну и звезду — и не мог вспомнить.

¹² Железный обруч на ножках, под которым разводят огонь для приготовления еды.

— О, господи! — тяжело вздохнул он.

Сон не шел, и Матвей Иванович лежал, прислушиваясь к шорохам и мерному стуку часов, доносившемуся из гостиной. Потом он стал высчитывать, сколько ему лет. Шестдесят ли четыре? А может, на три года больше? Он вспомнил, как в давнишнее время отец строго предупредил: «Коли будут спрашивать о годах, говори: пошел шестнадцатый». А ведь тогда ему было только тринадцать... Впрочем, какое это имеет значение, сколько лет? Сейчас все уже позади. Все.

В невеселом размышлении он незаметно уснул. Проспал долго и проснулся, как показалось ему, совсем здоровым и окрепшим.

— Ну вот, я же говорил, что все обойдется наилучшим образом. Кажется, плохое позади.

Он даже поднялся к столу и, сидя в кругу близких, рассказывал, как поедет в Петербург и непременно решит все дела. Поинтересовался, не пишет ли Шершневу. Ему сказали, что нового письма не получали, а если оно и пришло, то лежит в Новом Черкасске. И он засобирался туда.

— Вам бы полежать, отойти от болезни, — заикнулся Нестеров.

— Я уже вылежал за весь год. Теперь пора думать о дороге.

К ночи ему стало хуже, а наутро он впал в забытие.

День подходил к концу, медленно наплывали сизые сумерки. А он все лежал, не приходя в сознание. Нестеров, испробовав все средства, надеялся теперь на божью силу и не переставал сам шептать молитвы.

Безотлучно сидел у кровати зять Константин Иванович. Матвея Ивановича он любил больше чем отца.

На столе, в головах больного, неярко горела свеча. В комнате царил тревожный полумрак. В печи зло выл холодный ветер. В разрисованное морозом стекло окна настойчиво стучала и скреблась ветка.

Больной тяжело открыл глаза, устремил взгляд в потолок.

— Что, папаня? — наклонился над ним зять.

— Может, воды? — поспешил Нестеров.

Больной словно не слышал, однако губы его дрогнули:

— Слава... где ты?.. Зачем... ты... нужна?..

Потом тяжело вздохнул, вытянулся во всю длину кровати и замер. Навсегда. Было 3 января 1818 года.

Похороны Матвея Ивановича Платова состоялись через неделю, 10 января. Тело было предано земле в левом приделе Первого Новочеркасского собора.

В 1846 году, в связи с аварийным состоянием этого собора, прах был перенесен в фамильный склеп при церкви на архиерейской даче у хутора Малый Мишкин (8 км от Новочеркаска). Здесь он покоился до 1911 года.

Надгробие в виде кивера (военного головного убора) из белого мрамора было выполнено в мастерской известного скульптора Мартоса, автора памятника Минину и Пожарскому на Красной площади в Москве.

4 октября 1911 года прах Платова перенесли в усыпальницу Новочеркасского кафедрального собора. Рядом с ним покоятся ныне останки трех донских героев: В. В. Орлова-Денисова, И. Е. Ефремова, Я. П. Бакланова.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. И. ПЛАТОВА

1751 г. 8 августа. Родился в Черкасске в семье войскового старшины Ивана Федоровича Платова.

1766 г. Зачислен на военную службу в войсковую канцелярию атамана Войска Донского. В период службы в канцелярии присвоен чин урядника.

1770 г. Начало боевой службы в Крымской армии. Распоряжением

главнокомандующего армией М. В. Долгорукого произведен в есаулы и назначен начальником сборной казачьей сотни при главной квартире.

1771 г. 14–15 июня. Участие в сражении за Перекопскую крепость.

1771 г. Участие в сражении у Кинбурна. В результате сражения принадлежавшая туркам крепость отошла к России.

1772 г. Принятие командования казачьим полком. Служба в Кубанском корпусе, в Ейском укреплении.

1774 г. 3 апреля. Сражение с турецким отрядом у реки Калалах.

1775–1776 гг. Участие в подавлении Крестьянской войны под предводительством Пугачева.

1782–1783 гг. Служба на Кубани и в Крыму под командой А. В. Суворова.

1784 г. Участие в походе на Кавказ (Дагестан). Присвоение армейского звания майор.

1786 г. Присвоение чина армейского подполковника.

1787 г. Участие в русско-турецкой войне. Присвоение чина армейского полковника. Служба в Екатеринославской армии. Формирование полков Новодонских казаков из однодворцев Екатеринославской губернии.

1788 г. 6 декабря. Штурм Очакова. Награждение орденом Георгия 4-й степени.

1789 г. 13 сентября. Битва при Каушанах. Возведен в чин бригадира и назначен походным атаманом Донского войска. 26 сентября участие в сражении за Аккерман.

1790 г. 11 декабря. Участие в штурме Измаила под командованием Суворова. Награждение орденом Георгия 3-й степени.

1791 г. март. Присвоение звания генерал-майора.

1796 г. апрель — ноябрь. Участие в походе в Персию. Штурм Дербента. Награждение орденом Владимира 3-й степени.

1797–1800 гг. май. По приказу Павла I исключен из воинской службы и сослан в Кострому.

1800 — октябрь. Заточение в Алексеевском рavelине Петропавловской

1801 г. В крепости.

1801 г. март. Освобождение, награждение Командорским крестом ордена Иерусалимского. Поход в Индию.

1801 г. Возведение в чин атамана войска Донского. Присвоение звания генерал-лейтенанта.

1805 г. Основание Нового Черкаска.

1807 г. Участие в русско-прусско-французской войне. Сражение у Прейсиш-Эйлау, Веллау, Гутштадта, Гейльсберга. Награждение орденом Александра Невского с алмазами.

1809–1810 г. Участие в русско-турецкой войне, Присвоение звания генерала кавалерии. Награждение орденами Георгия 2-й степени и Владимиром 1-й степени.

1812 г. Участие в Отечественной войне 1812 г. Сражение при местечках Мир и Романове, у Смоленска, Бородино, Малоярославец, Колоцкого монастыря, при Вязьме, на р. Воль, в Смоленске, на р. Березине и др. Возведение в графское достоинство.

1813 г. сентябрь. Битва у Лейпцига. Награждение орденом Андрея Первозванного.

1814 г. 4 февраля. Взятие французской крепости Намюр.

1814 г. с 25 мая по 10 июня. Пребывание в свите императора Александра I в Англии. Присуждение степени почетного доктора наук Оксфордского университета. Награждение почетной саблей от магистрата Лондона.

1815 г. Возвращение на Дон.

1818 г. 3 января. Смерть М. И. Платова.